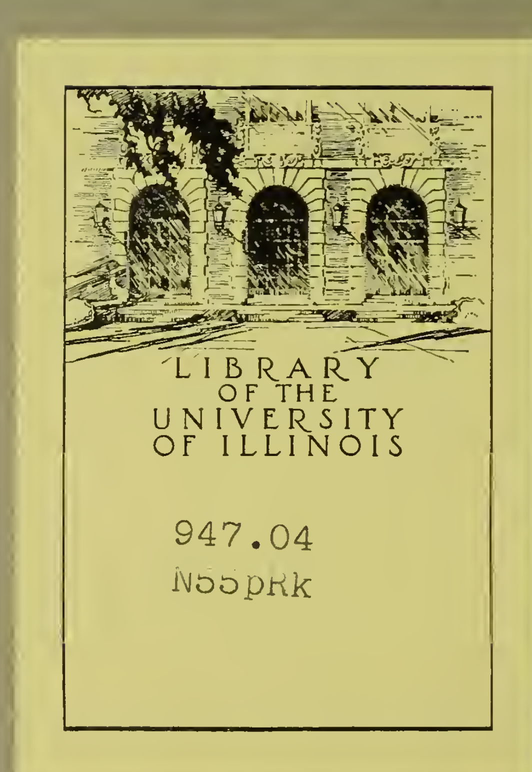

А. А. Титовъ.

PAMIĘTNIK

STANISŁAWA NIEMOJEWSKIEGO

(1606—1608)

ЗАПИСКИ

СТАНИСЛАВА НЕМОЕВСКАГО

(1606—1608).

МОСКВА.

1907.

PAMIĘTNIK

STANISŁAWA NIEMOJEWSKIEGO

(1606—1608)

ЗАПИСКИ

СТАНИСЛАВА НЕМОЕВСКАГО

(1606—1608).

МОСКВА.

1907.

4043

ИЗДАНІЕ

И. А. ВАХРОМѢЕВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ обстоятельнаго вступленія къ Запискамъ Станислава Немоевскаго, сдѣланнаго ихъ издателемъ А. Гиршбергъ, намъ остается сказать очень не много.

Какъ у Немоевскаго, такъ и въ напечатанной нами рукописи,— въ подлинникѣ хранящейся въ Краковскомъ музеѣ Чарторыйскаго, подъ № 1369, вмѣстѣ съ дневникомъ Мартына Стадницкаго [1]), гофмейстера царицы Марины и сотоварища Немоевскаго,—вопросъ о томъ, кто былъ царь Димитрій—очень мало выясняется. Въ предисловіи къ Краковской рукописи [2]) говорится: „При царевичѣ Димитріи находился врачъ-итальянецъ, который, узнавъ объ измѣнѣ, постарался воспрепятствовать коварнымъ замысламъ Бориса: онъ взялъ въ комнаты къ царевичу другаго, похожаго на него мальчика, которому приказалъ постоянно находиться съ царевичемъ, даже спать на одной съ нимъ кровати; и какъ только мальчикъ этотъ засыпалъ, врачъ переносилъ царевича Димитрія на другую кровать и въ другую комнату, никому не говоря объ этомъ. Такъ поступалъ онъ долгое время. Когда же измѣнники, подосланные Борисомъ, должны были исполнить свое предпріятіе, они ворвались въ комнату, гдѣ по ихъ мнѣнію спалъ царевичъ, и убили того мальчика вмѣсто царевича Димитрія, а трупъ унесли. Въ Угличѣ поднялось смятеніе по поводу убіенія царевича и сейчасъ же послали въ погоню за измѣнниками, при чемъ нѣкоторыхъ убили, а трупъ у нихъ отняли. Врачъ-итальянецъ послѣ этого случая убѣдился въ могуществѣ Бориса. Видя, что царевичу Димитрію не избѣжать измѣнической смерти и не надѣ-

---

[1]) Исторія Димитрія, царя московскаго и Марины Мнишекъ, дочери сендомірскаго воеводы. Русскій Архивъ 1906 г.

[2]) Ibid.

ясь на защиту отъ царя, онъ взялъ Димитрія, ушелъ съ нимъ къ Ледовитому морю и воспитывалъ его тамъ, какъ своего слугу, до самой своей смерти. Видя же приближеніе смерти, врачъ этотъ посовѣтовалъ Димитрію, никому не говоря о своемъ происхожденіи, сдѣлаться чернецомъ до времени достиженія болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. Димитрій поступилъ согласно совѣту врача-итальянца и сталъ жить по монастырямъ. Борисъ же, желая скрыть убійство Димитрія, умертвилъ подосланныхъ убійцъ, а царя обманулъ, сказавъ, что царевичъ Димитрій умеръ въ сильномъ припадкѣ падучей болѣзни, самъ наткнувшись на ножъ. Когда же царь Ѳеодоръ пожелалъ привезти останки Димитрія, чтобы по-царски погребсти ихъ, Борисъ воспрепятствовалъ этому намѣренію царя, увѣряя, что въ Угличскомъ княжествѣ появилась заразная болѣзнь. Такъ его тамъ же и схоронили. Вскорѣ Борисъ отравилъ и самого царя и овладѣлъ всѣмъ государствомъ.

„Когда царевичъ Димитрій, живя чернецомъ въ одномъ изъ сѣверныхъ монастырей, достигъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, онъ отправился въ другой монастырь, ближе къ столицѣ, потомъ въ третій, еще поближе; наконецъ, пришелъ въ самую столицу и сталъ даже бывать въ комнатахъ у Бориса. Но, опасаясь за свою жизнь въ томъ случаѣ, если его узнаютъ, онъ отправился въ сторону, къ Польшѣ. Скитаясь возлѣ Кіева, онъ присталъ гдѣ-то къ какому-то шляхтичу Гойскому; долгое время училъ у него дѣтей, затѣмъ пошелъ въ Брагинъ, мѣстечко, принадлежавшее князю Адаму Вишневецкому, гдѣ потомъ и открылъ себя впервые гуменному (такъ зовутъ старшаго надъ чернецами), а гуменный разсказалъ о немъ князю Адаму.

„Итакъ, въ то время, когда Борисъ Годуновъ — полагая, что можетъ спокойно владѣть захваченнымъ Московскимъ государствомъ—вполнѣ наслаждается счастьемъ, не опасаясь никакой власти, которая могла бы свергнуть его съ престола, вдругъ встаетъ изъ могилы погребенный Димитрій, кровью котораго Борисъ обагрилъ свою порфиру, чтобы властвовать.

„Но этотъ Димитрій оказался поддѣльный, обманщикъ и плутъ, не тотъ, отцомъ котораго былъ царь Иванъ Васильевичъ. Онъ смѣло выдавалъ себя за царевича, такъ какъ въ обманѣ ему помогала красота, величавость, сходство лица съ убіеннымъ царевичемъ и, кромѣ того, нѣкоторые знаки на тѣлѣ, подобно, какъ у царевича; рѣшительность въ рѣчахъ, важность въ походкѣ и княжеское

достоинство въ движеніяхъ. Вотъ этотъ-то Димитрій, благодаря такой княжеской внѣшности, выдавалъ себя передъ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ за царевича и преемника наслѣдственнаго отцова и братнина престола, своевольно захваченнаго Борисомъ; самъ же онъ спасся отъ смерти, благодаря заботамъ и попеченію своего врача. Онъ подтверждалъ также подлинность своего рожденія, обнажая руку, на которой было изображеніе московскаго орла, и показывалъ алмазный крестъ, надѣтый на него при крещеніи (Москва же утверждала, что изображеніе орла на тѣлѣ Димитрія служило доказательствомъ перенесеннаго имъ наказанія батогами и кнутомъ).

„Вслѣдствіе столь очевидныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ, князь Адамъ призналъ въ его лицѣ истиннаго царевича Димитрія и наслѣдника Московскаго государства. Облачивъ Димитрія въ княжескія одежды, онъ отправилъ его къ князю Константину Вишневецкому, а князь Конст. Вишневецкій привезъ его къ Юрію Мнишку, сендомірскому воеводѣ; воевода же въ 1604 г. представилъ Димитрія королю Сигизмунду III, который ему оказалъ царскій пріемъ. Онъ, въ свою очередь, присвоилъ себѣ царскіе обычаи и важность для достиженія Московскаго престола.

„Чтобы привести въ исполненіе свои замыслы, Димитрій заключаетъ договоръ съ сендомірскимъ воеводой, обладавшимъ значительными средствами, обязуясь взять его дочь себѣ въ супруги и соправительницы Московской державы, если воевода совѣтами, деньгами, оружіемъ и людьми поможетъ ему вступить на наслѣдственный престолъ. Воевода принялъ эти предложенія Димитрія и далъ ему шесть тысячъ воиновъ. Воеводѣ пришли на помощь и его родственники, выставивъ отряды новобранцевъ на подмогу и къ услугамъ Димитрія, какъ наслѣдника Московскаго престола.

„Димитрій внезапно врывается съ польскими воинами въ предѣлы Московскаго государства, объявляетъ московскимъ думнымъ боярамъ, что онъ избавился отъ смерти, благодаря особой милости Всемогущаго Провидѣнія и до сихъ поръ для безопасности скрывался; освѣдомляетъ все государство о томъ, что Димитрій, истинный наслѣдникъ престола и Московской монархіи, живъ, что онъ идетъ съ войскомъ избавить и освободить свой народъ отъ тираніи притѣснителя и наглаго самозванца, убійцы царской семьи— Бориса Годунова; итакъ, пусть вѣрный народъ приметъ своего наслѣдника, пусть сплотится и прильнетъ къ мило-

ствному царю и дружно поможетъ погубить тирана государства, убійцу царской семьи, самозванца Бориса.

„Когда распространилась такая молва о Димитріи, Москва повѣрила. Пограничные города и крѣпости сдавались Димитрію, отчасти изъ боязни, отчасти по доброй волѣ. Россія собиралась по частямъ бить челомъ своему новому царю. Уже и въ столицѣ тайныя сборища людей признавали Димитрія истиннымъ царемъ.

„Царь Борисъ, встревоженный столь внезапнымъ мятежемъ, тотчасъ же высылаетъ своего родного брата, Ивана Годунова, съ войскомъ въ 60.000 противъ возставшаго изъ мертвыхъ Димитрія, даетъ ему въ совѣтники Василія Мстиславскаго и Ивана Шуйскаго, думныхъ бояръ. Идетъ князь Иванъ на врага, встрѣчается съ Димитріемъ. Противники сталкиваются; нѣсколько тысячъ поляковъ даютъ храбрый отпоръ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ москвичей. Тысяча копьеносцевъ или гусаръ атакуетъ непріятеля, оставляя большіе пробѣлы во вражьихъ войскахъ и гнетъ ихъ, при чемъ польская пѣхота неустанно помогаетъ огнемъ выстрѣловъ. Легкая конница приходитъ въ помощь саблями, устилая трупами русскія поля. Согнавъ непріятеля съ позиціи и вознесши побѣдоносные знамена и знаки, они идутъ дальше, къ столицѣ.

„Когда военное счастье улыбнулось Димитрію, русскій народъ воздалъ хвалу неисповѣдимымъ путямъ Господа и 16 іюня 1605 г. Димитрій признанъ московскимъ царемъ.

„Къ тому же смерть царя Бориса облегчила Димитрію вступленіе на престолъ: ибо, узнавъ о пораженіи своего войска, о побѣдѣ Димитрія надъ нимъ и о признаніи Москвою Димитрія наслѣдникомъ престола, Борисъ впалъ въ сильную задумчивость и на третій день скончался въ припадкѣ падучей. Но иные утверждаютъ, что онъ умеръ отъ яда, поднесеннаго ему приверженцами Димитрія. Послѣ смерти Бориса войско и весь обозъ перешли на сторону Димитрія.

„Петрило Басманъ, думный дьякъ и великій воинъ, съ пятью полками направился къ Димитрію. А когда Димитрій подошелъ къ столицѣ, изъ города навстрѣчу ему вышли именитѣйшіе князья: Мстиславскіе, Шуйскіе, Голицыны и присягнули ему, какъ вѣрные подданные; тоже сдѣлало и московское войско. Выразивъ свои вѣрноподданническія чувства, они привѣтствовали Димитрія какъ великаго князя и царя московскаго и торжественно ввели его въ городъ. Когда же князья Шуйскіе тайно составили за-

говоръ противъ Димитрія, то чернь московская, стоя за Димитрія, отдала во власть царя Димитрія скованныхъ князей Шуйскихъ, которыхъ царь помиловалъ, благодаря ходатайству польскихъ вельможъ. Друзей же и родственниковъ покойнаго царя Бориса чернь вырѣзала и убила; женѣ Бориса разбили затылокъ, сына его и брата убили. Печальный конецъ семьи Бориса долженъ служить примѣромъ того, что государство, измѣннически захваченное у наслѣдниковъ, недолго можетъ утѣшать измѣнниковъ".

Въ перепискѣ Льва Сапѣги съ Христофоромъ Радзивиломъ [1]) находится письмо А. Сапѣги отъ 15 февраля 1598 г. [2]), въ которомъ онъ пишетъ: „Я уже снарядилъ было со своимъ письмомъ гонца къ его величеству и къ вашему сіятельству съ тѣми новостями, которыя узналъ, т. е. что будто бы они между собой умертвили Годунова, а великимъ княземъ избрали Ѳедора Романовича Никитича, какъ тутъ вернулся шпіонъ, котораго я послалъ за границу. Тотъ доложилъ мнѣ слѣдующее: когда Годуновъ увидѣлъ, что великій князь московскій не можетъ быть живъ, онъ пришелъ къ нему, при этомъ была и сама княгиня и Ѳедоръ Романовичъ, и сталъ его съ плачемъ спрашивать и просить, чтобы онъ объявилъ, кого считаетъ достойнымъ избранія послѣ своей смерти на великокняжескій столъ, надѣясь, что онъ укажетъ на него. На что тотъ отвѣтилъ ему, что ты не можешь быть великимъ княземъ, развѣ только если тебя выберутъ по общему соглашенію, но сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, по той причинѣ, что ты происходишь отъ подлаго народа, при чемъ указалъ на Ѳедора Романовича, предполагая, что скорѣе изберутъ его. А такъ какъ великая московская княгиня говорятъ беременна, если у нея родится сынъ, велѣлъ, чтобы знатнѣйшіе воеводы воспитывали подъ присягой, а пока сынъ возмужаетъ, чтобы тотъ же Ѳедоръ Романовичъ былъ губернаторомъ, а Ѳедора Романовича будто бы увѣщевалъ, если его выберутъ великимъ княземъ, чтобы онъ не оставлялъ Годунова и постоянно держалъ бы его при себѣ, какъ и онъ, и безъ его совѣта ничего не дѣлалъ, убѣждая его, что Годуновъ умнѣе. Послѣ смерти великаго князя Годуновъ будто бы держалъ при себѣ своего друга, во всемъ очень похожаго на покойнаго князя Дмитрія, брата великаго князя московскаго, который родился отъ

---

[1]) Pzochaska A. Archivum domus Sapiehanae, m. 1.
[2]) Ibid. № 224.

пятигорки, котораго давно нѣтъ въ живыхъ. Написавъ письмо отъ имени этого князя Димитрія въ Смоленскъ, что онъ уже сталъ великимъ княземъ, Москва стала удивляться, откуда онъ взялся, однако они догадались, что его до сихъ поръ скрывали. Пока это донесли думнымъ воеводамъ и боярамъ, они тотчасъ же стали промежъ себя разспрашивать. И сказалъ одинъ бояринъ и воевода, нѣкто Нагой, что князя Димитрія нѣтъ въ живыхъ, сосѣдъ мой, цивунъ астраханскій, Михайло Битяговскій знаетъ объ этомъ; за нимъ тотчасъ же вскачь послали; какъ только онъ пріѣхалъ, его посадили на испытаніе, чтобы онъ сказалъ, живъ ли князь Димитрій или нѣтъ. Онъ, будучи на испытаніи, признался, что самъ умертвилъ, по порученію Годунова, а Годуновъ хотѣлъ выдать за князя Димитрія своего друга, похожаго на него. А такъ какъ его самого не хотятъ избрать въ великіе князья, то того избрали великимъ княземъ, а того цивуня астраханскаго велѣли четвертовать, а Годунова стали упрекать, что онъ измѣнникъ своимъ государямъ, князя Димитрія измѣннически убилъ, а онъ теперь необходимъ, и великаго князя отравилъ, желая самому стать великимъ княземъ, а въ этомъ замѣшательствѣ и придиркахъ князь Ѳедоръ Романовичъ подбѣжалъ къ Годунову съ ножемъ, желая его убить, но остальные удержали его. О Годуновѣ говорятъ, что послѣ этого замѣшательства въ совѣтѣ не бываетъ вмѣстѣ съ другими, а у него есть свой дворъ въ томъ же дворцѣ, кремлѣ, куда съѣзжаются на совѣтъ; въ этомъ же своемъ дворѣ онъ соблюдаетъ большія предосторожности вмѣстѣ со своими приверженцами. Шуйскій, будучи шуриномъ Годунова, миритъ его съ остальными, убѣждая ихъ чтобы они безъ него ничего не дѣлали и великаго князя не избирали. Они дѣйствительно соглашаются и думаютъ скоро избрать великаго князя, но ни на кого не указываютъ, только на князя Ѳедора Романовича; всѣ воеводы и думные бояре согласны избрать его, ибо онъ родственникъ великаго князя. За Годунова же стоятъ меньшіе бояре и стрѣльцы, ибо онъ хорошо платилъ имъ, и чернь, но имъ лишь то мѣшаетъ, что онъ происходитъ отъ подлаго народа. Поэтому говорятъ, будто бы великій князь передъ смертью сказалъ: если они не могутъ единогласно избрать великаго князя, то, избравъ двоихъ или троихъ выборныхъ, пусть пошлютъ къ его величеству христіанскому императору, а кого онъ укажетъ, пусть они того и изберутъ государемъ. Иные что-то шеп-

чуть объ эрцгерцогѣ Максимиліанѣ, одинъ бояринъ при этомъ шпіонѣ говорилъ, что гонца хотятъ посылать къ его величеству императору, только опасаются, что его величество король не пропуститъ его черезъ свои владѣнія. Моремъ бы кругомъ давно послали, да зимой трудно проѣхать. Доношу также вашему сіятельству, что въ Смоленскъ пріѣхали на этой недѣлѣ 4 воеводы и съ ними немного народу: старшій воевода и намѣстникъ смоленскій, князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой, а остальные при немъ: князь Михайло Сампсоновичъ Туренинъ и два брата: князь Василій и князь Андрей Звенигородскіе; теперь всѣхъ воеводъ шесть. Прежде старшимъ былъ Василій Васильевичъ Голицынъ, а теперь на его мѣсто старшимъ Трубецкой. А Голицына назначили, какъ они по своему называютъ, выѣзднымъ воеводой, который выѣзжаетъ изъ замка на встрѣчу непріятелю Говорятъ, что этотъ Голицынъ каждую ночь, какъ только начнетъ смеркаться, съ тремя сотнями всадниковъ ѣздитъ сторожить отъ Смоленска на разстояніи четырехъ миль на урочище надъ рѣкой Ухиней, а на зарѣ въѣзжаетъ въ замокъ, оставивъ на стражѣ нѣсколько десятковъ всадниковъ. Трубецкой завѣдуетъ всѣмъ въ замкѣ; остальные трое, лишь только начнетъ смеркаться, верхомъ объѣзжаютъ замокъ, спрашивая: „есть ли пріѣзжій народъ и стрѣльцы?“ Тогда ему другой отвѣчаетъ: „есть“. Казаковъ ѣздитъ семьсотъ съ этими воеводами по замку, стрѣльцовъ съ зажженными фитилями три тысячи; всѣ они каждую ночь не засыпаютъ ни на мгновеніе, одни въ замкѣ, другіе возлѣ замка ходятъ, опасаясь вторженія со стороны владѣній его королевскаго величества, и также усердно соблюдая, чтобы ни одно значительное лицо не проѣхало отъ нихъ къ его величеству королю; бояръ тоже не мало есть, имъ приказано разъѣзжать по мѣстечкамъ, монастырямъ и селамъ, и переписывать чернецовъ, поповъ и простолюдиновъ, чтобы, когда великій князь будетъ избранъ, каждаго привлечь къ присягѣ въ своемъ приходѣ, за приставомъ, новому великому князю. Я посылалъ также своего слугу съ письмомъ къ смоленскому воеводѣ, желая узнать что-либо достовѣрное и по письму догадаться, отъ чьего имени онъ будетъ писать—отъ имени ли покойнаго великаго князя или же отъ имени новоизбраннаго; но онъ на мое письмо ничего не отвѣтилъ, а моего гонца и лошадей не накормили; поэтому я догадываюсь, что великаго князя еще не избрали: тотъ умеръ, а новаго еще

не избрали, и онъ ни отъ чьего имени не могъ написать. Потому еще догадываюсь, что великаго князя не избрали, что во время обѣдни въ церквахъ не молятся за великаго князя, а только за великую княгиню и царицу и сына. Но я опять пошлю письмо. Какъ я уже раньше сообщалъ его величеству королю и вашему сіятельству, такъ и теперь сообщаю, что матеріалъ съ большой поспѣшностью привозятъ въ замокъ, такъ что на улицахъ нельзя пройти; на поляхъ вырываютъ большіе и малые камни. Еще говорятъ, что татары нѣсколько тысячъ возовъ бѣлаго тесанаго камня привезли въ смоленскій замокъ, и еще ожидаютъ больше его. Воеводы ждутъ еще больше народа. Нашихъ купцовъ дальше изъ Смоленска не пускаютъ; а тѣхъ изъ нашихъ купцовъ, что въ самой Москвѣ, которыхъ застала тамъ смерть великаго князя, тѣхъ держатъ въ гостинномъ домѣ подъ сильной стражей и охраной и, говорятъ, выпустятъ ихъ только тогда, когда изберутъ великаго князя. Затѣмъ вторично свидѣтельствую и пр. Въ Оршѣ 15 февраля (15)98 г.

„Нижайшій слуга вашего сіятельства Андрей Сапѣга, оршанскій староста, собственноручно“. Къ этому приписка: „Когда я уже написалъ это письмо къ вашему сіятельству, пріѣхалъ москвичъ, купецъ изъ Смоленска. Я напоилъ его, одарилъ и велѣлъ спросить, что у нихъ тамъ происходило. Онъ почти во всемъ говорилъ согласно съ моимъ шпіономъ: что замѣшательство было между ними, но Годуновъ живъ; великаго князя, тоже говоритъ, еще не избрали, надѣются, что выберутъ его на сороковины, т. е. на сороковой день послѣ смерти великаго князя, и утверждаетъ, что Годуновъ великаго князя отравилъ, желая самъ стать великимъ княземъ. Говоритъ также, что на его сторонѣ нѣкоторые думные бояре и воеводы, а стрѣльцы всѣ за него стоятъ и чернь почти вся. За Ѳедора Романовича Никитича стоитъ уже большая часть воеводъ и думныхъ бояръ. О великой княгинѣ московской этотъ москвичъ говоритъ, что она не беременна, ибо на четвертый день послѣ смерти великаго князя постриглась въ дѣвичій монастырь; если бъ она была беременна, то въ монастырь ей можно было бы уйти только послѣ родовъ. И шпіонъ мой тоже двояко слышалъ: одни говорятъ беременна, другіе — нѣтъ. Онъ увѣряетъ, что похороны великаго князя еще не состоялись, а состоятся только когда выйдутъ эти сороковины. А что будетъ новаго о томъ не премину сообщить вашему сіятельству“.

Въ своихъ Запискахъ С. Немоевскій характеризуетъ Димитрія, какъ лишеннаго школьнаго знанія и только умѣющаго читать по-русски и по-польски. Затѣмъ добавляетъ, что жизни онъ былъ умѣренной, кромѣ нарушенія седьмой заповѣди, пьянства гнушался. Былъ краснорѣчивъ отъ природы и охотно много говорилъ, легко выслушивалъ каждаго, хотѣлъ быть законодателемъ, дать нѣкоторые права и образованіе народу, былъ великодушный и чувствительный, спалъ очень мало. Къ военному дѣлу имѣлъ большую любовь и разговоръ о ратныхъ дѣлахъ былъ для него самымъ пріятнымъ. Любилъ храбрецовъ и желалъ быть соперникомъ каждому полководцу. Былъ убитъ на 24 году своей жизни.

О доблестяхъ Димитрія и кромѣ Немоевскаго осталось не мало сказаній современниковъ, пользуясь которыми и историкъ Карамзинъ, вообще далеко не расположенный къ Димитрію,—послѣ описанія его блестящихъ битвъ подъ Новгородъ-Сѣверскимъ и Добрыничами, — долженъ былъ признать, что онъ „какъ истинный витязь оказалъ смѣтливость необыкновенную“... Эти же сказанія современниковъ обрисовываютъ и другія симпатичныя стороны Димитрія и подрываютъ справедливость Ростовской лѣтописи, гдѣ подъ 7110 годомъ (время управленія Ростовской епархіей митрополитомъ Іоной II) внесено:... „той Іона, въ царство Бориса Годунова, на Москвѣ, у святѣйшаго патріарха Іова [1]) видѣлъ живуща діакона потаеннаго вора Гришку Отрепьева, изъ Чудова монастыря въ домъ патріаршескій взята, и пророчески о немъ святѣйшему патріарху возвести—яко сей чернецъ дьяволу сосудъ будетъ. Патріархъ же тому не внимаше. Преосвященный же сей митрополитъ ростовскій Іона, по малѣмъ времени, и самому царю Борису сказа—яко чернецъ той самому сатанѣ сосудъ будетъ“.

Кажется, и большинство духовенства несомнѣвалось въ томъ, что Димитрій былъ никто иной, какъ разстрига Гришка Отрепьевъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить вновь открытое академикомъ А. И. Собелевскимъ [2]) послѣсловіе къ церковному уставу XVI вѣка, писанное безмѣстнымъ московскимъ попомъ Константиномъ, занимавшимся, ради пропитанія, перепиской церковныхъ книгъ.

---

[1]) До патріаршества Іовъ былъ ростовскимъ митрополитомъ 1586—1587 г.

[2]) Москва и первый самозванецъ. Спб. 1906.

Въ этомъ, довольно большомъ, послѣсловіи попъ Константинъ, между прочимъ, сообщаетъ, что книга была начата перепиской 3 сентября 1605 г., а окончена 28 апрѣля 1606 г. (т. е. за 19 дней до убійства Димитрія) „въ славномъ и преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ, въ царствованіе Гришки Отрепьева, именуема разстрига, и при великомъ господинѣ Игнатіи, патріархѣ московскомъ и всея Россіи, тому бо тогда на высокомъ сѣдальнѣмъ степени стоящу и правящу престолъ соборныя, вселенскія, пречестныя апостольскія церкви“.

Конечно, это послѣсловіе могло быть написано и не въ одинъ день съ послѣдними строками устава. Можно предполагать, что попъ Константинъ, окончивши переписку устава 28 апрѣля, свое послѣсловіе сдѣлалъ нѣсколько позднѣе окончанія своей работы. Слишкомъ уже много нужно было имѣть смѣлости, чтобы писать такъ про царствующаго государя, да еще въ самомъ центрѣ Москвы; или уже въ самомъ дѣлѣ враги Димитрія были такъ увѣрены въ близкомъ его низверженіи.

Въ числѣ городовъ, гдѣ приводилось Немоевскому жить въ ссылкѣ, упоминается и Ростовъ. Въ этомъ городѣ тогда было около 400 домовъ и всѣ эти дома были съ черными избами. Церквей насчитывалось до 70 и только одна была каменная. Очевидно, Немоевскій говорить лишь о посадскихъ церквахъ, гдѣ дѣйствительно была одна каменная, построенная Грознымъ около 1566 г., но это конечно не касается ни кремля, ни двухъ монастырей, гдѣ сохранились церкви XIII и XVI вѣк.

Переводъ Записокъ Станислава Немоевскаго сдѣланъ, по нашей просьбѣ, подъ редакціей профессора Новороссійскаго университета Александра Александровича Кочубинскаго, за что и приносимъ ему глубочайшую благодарность.

А. Титовъ.

Димитрій Самозванецъ.

Марина Мнишекъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Съ началомъ XVII вѣка все болѣе и болѣе умножаются въ нашей письменности записки, дневники и вообще описанія важнѣйшихъ событій, сдѣланныя свидѣтелями-очевидцами. Въ большинствѣ случаевъ это—краткія и довольно сухія замѣтки, въ хронологическомъ порядкѣ, могущія служить лишь матеріаломъ для исторіи. Но между ними есть и разсказы столь живые и занимательные, какъ Пасека, или столь крупнаго, литературнаго и историческаго достоинства, какъ Жолкевскаго „Начало и успѣхи московской войны", или „Memoriale" Альберта Радзивила—это настоящая гордость нашей письменности. Не подлежитъ также сомнѣнію, что много памятниковъ скрывается до сихъ поръ въ архивахъ и библіотекахъ. Одинъ изъ неизвѣстныхъ памятниковъ этого рода, занимающій въ ряду ихъ совсѣмъ не послѣднее мѣсто, это — *Записки* (Pamiętnik) Станислава Немоевскаго.

Немоевскіе, рода „Rola", были изъ состоятельной шляхты, осѣвшей въ Поморскомъ воеводствѣ [1]). Начальнымъ гнѣздомъ этой семьи былъ Любенецъ, село въ нынѣшнемъ Влоцлавскомъ, а тогда Пржедецкомъ уѣздѣ. Отсюда, позднѣе всего—въ половинѣ XVI вѣка, одна ихъ вѣтвь переселилась на Поморье, въ Ловинекъ, въ Свецечскомъ уѣздѣ, неподалеку отъ огромной Тухольской пущи, ибо уже въ 1560 году „Матвѣй Немоевскій изъ Любенца, владѣтель Ловинка", построилъ въ Хелминѣ часовню Богородицы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся тамъ надпись, высѣченная на мраморной доскѣ [2]).

---

[1]) Пограничное, на сѣверо-западѣ воеводство, между прочимъ, и вдоль берега Балтійскаго моря, на юго-западъ отъ Данцига (Гданска). Если и сегодня здѣсь, на берегу моря, находятъ послѣдніе остатки прибалтійскихъ славянъ (dr. Fr. Lorenz, Slovinzische Grammatik, S.-Pburg, 1903), то, три съ половиною столѣтія назадъ, край былъ чисто славянскій. За этимъ воеводствомъ уже начиналась Померанія.

[2]) Słownik geograficzny Królestwa Polskiego..., t. V., 761.

Кажется, что Немоевскіе уже тогда должны были отличаться извѣстною зажиточностью, разъ они сейчасъ же вступаютъ въ свойство съ самыми знатными сенаторскими родами. Такъ, Янъ, сынъ Матвѣя, подъ конецъ жизни (въ 1611 г.) хелминскій каштелянъ, женился на Екатеринѣ, дочери Станислава Костки, воеводы поморскаго. Одна изъ его дочерей вышла замужъ за Каспара Розражевскаго, сремскаго каштеляна, другая—была за Красиньскимъ, цехановскимъ каштеляномъ. Сыновья его равнымъ образомъ занимали сенаторскія должности, а самый младшій изъ нихъ, все возвышаясь въ должностяхъ, наконецъ, сдѣлался воеводою поморскимъ. Однимъ изъ старшихъ его братьевъ былъ Станиславъ, авторъ „Записокъ“.

Станиславъ родился около 1560 г. и, конечно, сначала учился дома, а затѣмъ образовывался въ Италіи[1]).

Въ XVI и XVII вѣкахъ тысячи польской молодежи отправлялись съ этою цѣлью въ Падую. Тогда былъ даже именно общепринятый обычай, что особенно сыновья болѣе зажиточныхъ шляхетскихъ семействъ свои занятія вели въ Падуанскомъ университетѣ[2]). Между другихъ, образовывался тамъ также Матвѣй Немоевскій, братъ Станислава[3]). О другомъ его братѣ, вышеупомянутомъ Юріи, мы знаемъ изъ надписи, помѣщенной на могилѣ его въ Старгардѣ, что онъ равнымъ образомъ долгое время находился въ Италіи[4]). Вѣроятно, и Станиславъ учился тамъ же. Объ этомъ говоритъ его необыкновенное образованіе, носящее ясныя западно-европейскія черты, какъ и нѣкоторыя мѣста его „Записокъ“, свидѣтельствующія, что итальянскій языкъ не былъ ему чуждымъ.

Возвратившись домой, Станиславъ, навѣрное—въ самомъ непродолжительномъ времени, сдѣлался однимъ изъ ко-

---

[1]) Къ сожалѣнію, эту дату мы въ состояніи лишь приблизительно обозначить. Наше утвержденіе мы основываемъ на слѣд. данныхъ. Обозначенный у Несецкаго, какъ старшій братъ, Юрій родился въ 1559 г. Это слѣдуетъ изъ даты его смерти (19 апрѣля 1615 г.), равно изъ словъ, помѣщенныхъ на надгробномъ памятникѣ Юрія въ Старгардѣ (Старогradѣ): „... mors inimica... mihi usuram huiu lucis, vix octavam annorum hebdomadam exeunti, eripuit“ (Starowolski, Monumenta Sarmatarum, p 346). Съ другой стороны, Станиславъ уже 6 февраля 1589 г. появляется въ Маріенбургѣ (Мальборгѣ), какъ королевскій посолъ (Lengnich, Gesch. d Preuss. Landes, IV, 47), и трудно допустить, чтобы король такую миссію ввѣрилъ молодому человѣку, поэтому, вѣроятнѣе всего, онъ родился въ 1560 году или слѣдующемъ.

[2]) Очень любопытныя подробности въ этомъ отношеніи даетъ Dr. Ст. Виндакевичъ въ своей работѣ: „Padwa. Studyum do dziejów cywilizacyi polskiej“ (Kraków, 1891).

[3]) Annales Domus Orzelsciae (Poznań, 1854). Plater, Zbiór pamiętników etc. IV, 118. Windakiewicz, ib., 29.

[4]) Starowolski, Monum. Sarmatarum, 346.

ролевскихъ дворянъ, такъ какъ уже въ январѣ 1589 г. Сигизмундъ отправилъ его, какъ своего посла, на генеральный прусскій сеймикъ, собравшійся въ Маріенбургѣ, въ началѣ февраля. Немоевскій держалъ тогда большую рѣчь, въ которой обстоятельно предложилъ королевскія требованія. Подобное же посольство онъ выполнилъ и въ 1596 г.[1]). Кажется, онъ долженъ былъ и чаще получать подобныя порученія[2]) и, конечно, онъ такъ искусно выходилъ изъ нихъ, что въ награду за то, какъ и въ виду его необыкновенныхъ способностей и образованію, Сигизмундъ назначилъ его великимъ короннымъ подстолимъ[3]).

Весьма вѣроятно, что жизнь Немоевскаго протекала бы, среди занятій подобнаго рода и, преимущественно, въ семейномъ кругу, въ наслѣдственномъ Ловинкѣ, если бы въ 1606 г. не подвернулся случай, который въ своихъ послѣдствіяхъ подвергъ его необыкновеннымъ и весьма тяжелымъ странствованіямъ и приключеніямъ.

Въ началѣ января 1606 г. прибылъ въ Краковъ Янъ Бучинскій, секретарь московскаго царя Димитрія[4]), который, какъ извѣстно, отличался большою любовью къ собиранью дорогихъ камней и разныхъ драгоцѣнностей. Согласно съ полученными отъ него порученіями, Бучинскій объявилъ, что если-бы кто, имѣя драгоцѣнности на продажу, отправился съ этою цѣлью къ московскому двору, то царь не только охотно все это пріобрѣтетъ, но сверхъ того и щедро его наградитъ[5]). На эту вѣсть много купцовъ изъ Львова и Кракова отъѣхало въ Москву. Въ числѣ ихъ отправился и славившійся львовскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Николай Седмирадскій[6]); двинулся даже Янъ Амброзій Челлари (Cellari) изъ далекаго Милана и нѣсколько богатыхъ ювелировъ изъ Аугсбурга[7]).

---

[1]) Lengnich, Gesch. d. Preuss. Landes etc. IV, 47, 216.

[2]) По всему вѣроятію, къ Станиславу Немоевскому относятся двукратныя упоминанія въ письмахъ Яна Замойскаго къ Христофору Радзивилу отъ 1602 г., въ которыхъ Замойскій сообщаетъ, что въ его лагерь пріѣхалъ „господинъ Немоевскій, дворянинъ его в-ва короля", съ извѣстными порученіями отъ Сигизмунда (Arch. Radziwiłłów. ss. Rer. Polon. T. VIII, 166—167).

[3]) Должность эту Немоевскій долженъ былъ получить, позднѣе всего, въ 1603 году, такъ какъ этотъ титулъ далъ ему Адамъ Карабатъ въ панегирикѣ, изданномъ имъ въ этомъ году, въ честь его въ Краковѣ (A. Karabat, Elogium Magnifico ac Generoso Domino Stanislao Niemojewski de Lubnica, Dapifero Regni Poloniae ch Cracoviae, 1603).

[4]) Turgeniew, Hist. Russiae Monum. T. II, 158.

[5]) Всѣ ниже предлагаемыя свѣдѣнія, источниковъ которыхъ мы не приводимъ, взяты изъ „Записокъ" Немоевскаго.

[6]) Wł. Łoziński, Dyaryuszek moskiewski Lwowianina zr. 1606 (Kwartalnik Hist zr. 1894, zesr. IV, 628).

[7]) J. Massa, Hist. des guerres de la Moscovie (Bruxelles, 1866), I, 146, 169—170; II, 153, 183. W. Roussel, Wiadomości o krwawej a strasznej rzezi etc.

Узнала о томъ же и Анна, сестра Сигизмунда III, имѣвшая прекрасное собраніе драгоцѣнностей, оцѣняемое современниками въ 200 тыс. талеровъ[1]). Рѣшила и она воспользоваться представившимся случаемъ и продать хотя бы часть ихъ царю.

Шведская королевна во всѣхъ отношеніяхъ была женщиною необыкновеннаго духа. Хотя съ 1598 г. она постоянно жила въ Польшѣ[2]), тѣмъ не менѣе она, не смотря на чрезвычайное рвеніе брата ея къ католической вѣрѣ, на всѣ усилія его о ней, до конца жизни пребыла вѣрна протестантизму. Она славилась набожностью и необыкновенной благотворительностью. Получивши отъ Сигизмунда два богатыхъ староства, Бродницкое и Голубское, жила по преимуществу въ Пруссіи и была горячею защитницею своихъ единовѣрцевъ. Равнымъ образомъ, имѣла склонности необыкновенныя и благородныя. Такъ, съ особенною любовью она занималась естественными науками, особенно, ботаникой и химіей. Въ Голубѣ она основала огромный садъ, въ которомъ заботливо выращала различные рѣдкіе кустарники. Она поддерживала также научныя изданія; между другими, отчасти и на ея средства, вышелъ изъ печати большой травникъ Сиренія.

Очевидно, эти прекрасныя склонности вовлекали ее въ немалыя издержки. Конечно, на нѣкоторое покрытіе ихъ Анна и рѣшилась продать часть своихъ драгоцѣнностей Димитрію, а такъ какъ полагала, что ей, какъ сестрѣ короля, не годилось даже и довѣреннымъ способомъ выступать съ подобнымъ предложеніемъ, поэтому она и рѣшила это дѣло довѣрить надежному человѣку, который, предлагая царю пріобрѣтеніе ихъ, сохранилъ бы въ полной тайнѣ имя ихъ собственницы.

Выборъ ея палъ на Станислава Немоевскаго[3]), который тогда уже былъ извѣстенъ своими незаурядными качествами ума и характера[4]).

(Poznań, 1858), 16. H. G. Peyerle, Beschreibung der Moscouittischen Rayss etc. (Meusel, Der Geschichtfo scher, V, 151. sq.)

[1]) Massa, ib., I, 146; II, 158.

[2]) Анна первый разъ прибыла въ Польшу въ октябрѣ 1587 г., въ 1593 г. возвратилась въ Швецію, съ 1598 г. постоянно жила — сначала въ Краковѣ, потомъ въ Королевской Пруссіи.

[3]) Massa, I, 146; II, 158.

[4]) Какъ извѣстно, въ 1606 г. Сигизмундъ отправилъ нарочное посольство въ Москву, во главѣ котораго стояли Николай Олесницкій, каштелянъ малаговскій, и Александръ Гонсевскій (Госевскій), староста велижскій. Когда эти послы, вслѣдствіе настойчиваго домогательства со стороны Димитрія царскаго (императорскаго) титула, очутились въ довольно затруднительномъ положеніи, они отпра-

Нашъ подстолій съ охотою принялъ миссію и въ началѣ марта 1606 г., въ сопровожденіи 15 слугъ, пустился въ дорогу, въ Москву[1]).

Между драгоцѣнностями, которыя довѣрила ему шведская королевна, особенною красотою выдѣлялись нѣкоторыя бриллianты, перлы и рубины. Общая ихъ стоимость опредѣлялась въ 70 тыс. золотыхъ. Эти драгоцѣнности, завернутыя въ „пеструю" шелковую матерію, Немоевскій везъ въ особенной желѣзной шкатулѣ, „окрашенной въ зеленый цвѣтъ".

Въ половинѣ апрѣля, близь Орши, Немоевскій присоединился къ Маринѣ и ея отцу, которые именно тогда ѣхали въ Москву, а отсюда уже вмѣстѣ съ ними совершилъ дальнѣйшій путь.

У московскаго двора онъ нашелъ самый лучшій пріемъ. Правда, онъ собственно не принадлежалъ къ числу родныхъ и личныхъ друзей сендомірскаго воеводы, но царь принялъ его весьма ласково и разсматривалъ его, какъ одного изъ свадебныхъ гостей. Онъ участвовалъ во всѣхъ торжествахъ тѣхъ дней и даже не разъ бесѣдовалъ съ самимъ Димитріемъ вполнѣ довѣренно.

Вечеромъ 26 мая онъ вручилъ царю шкатулку съ драгоцѣнностями. Тотъ разсматривалъ ихъ при немъ, сравнивалъ съ своими и, наконецъ, приказалъ ему оставить ихъ у себя, чтобы основательнѣе осмотрѣть. „Но судьба, разсказываетъ Немоевскій, не много удѣлила ему времени на это: не далѣе какъ чрезъ восемь часовъ онъ былъ прикончeнъ—отъ чего избави насъ, Боже!"

Какъ извѣстно, на другой день, на разсвѣтѣ, вспыхнуло возстаніе въ Москвѣ. При звонѣ колоколовъ, толпы черни, поднятыя заговорщиками, бросились на дворы, занятые польскими господами, а одновременно другіе заговорщики ринулись на Кремль и, послѣ недолгой борьбы, умертвили Димитрія.

Положеніе поляковъ было тѣмъ труднѣе, что квартиры ихъ были разбросаны по цѣлому городу.

„Я, разсказываетъ Немоевскій въ своихъ „Запискахъ", и г. Вольскій изъ Подгаецъ занимали смежные дворы, въ тылу усадьбы г. старосты саноцкаго[2]). При этомъ замѣ-

вились на довѣренное совѣщаніе къ Мнишку, сендомірскому воеводѣ, и на него были приглашены извѣстнѣйшіе поляки изъ находившихся тогда въ Москвѣ. Однимъ изъ участниковъ этого совѣщанія былъ также Немоевскій (Turgeniow, Hist. Russiae Monum, II, 110).

[1]) Т.-же, 160.

[2]) Станислава Мнишка, сына Юрія, сендомірскаго воеводы.

шательствѣ, мы, для лучшей обороны, вмѣстѣ съ нашей челядью собрались всѣ въ одну усадьбу. не зная еще, что дѣлается. Мы думали, что наши дворецкіе и слуги поспорили съ москвичами изъ-за рыбы, на это уже и прежде не рѣдко были жалобы. Желая узнать что-либо вѣрное изъ того, что дѣлается, выхожу я за ворота, держа въ рукѣ шпагу, за мной слуга г. Вольскаго съ бомбардою, но улица уже полна народа, съ бердышами, рогатинами, топорами, дручьями и ломится въ нашу усадьбу. Я окликаю ихъ:

— Чего вы хотите? А слуга указываетъ имъ бомбарду. Всѣ, какъ будто ихъ кто погналъ, попятились назадъ. Только одинъ оборотился и закричалъ:

— Не выходите, ничего вамъ не будетъ!

Но такъ какъ наше мѣстопребываніе было только черезъ улицу отъ г. старосты саноцкаго, то онъ самъ прибѣжалъ къ намъ сзади, съ предложеніемъ соединиться вмѣстѣ, для лучшей и болѣе сильной обороны—въ большемъ обществѣ. Мы сейчасъ же согласились, лучшія вещи взявши съ собой, а болѣе мелкія оставивши въ заперти, равно какъ и лошадей, которыхъ мы приказали привести къ себѣ на другой день, насладившись тѣмъ счастьемъ, что у насъ ихъ не отняли.

Такъ, часа черезъ три по соединеніи съ г. старостою саноцкимъ, смотря вмѣстѣ съ крыльца черезъ заборъ, мы увидѣли, что москвичи несутъ алебарды нѣмецкой гвардіи изъ Кремля. Я замѣтилъ другимъ:

— Дурной это знакъ, господа. Плохо должно быть съ великимъ княземъ!

Потомъ стрѣляли изъ лука въ насъ. Одна стрѣла вонзилась въ столбъ, не ранивъ никого; но послѣ этого мы уже не учащали посѣщенія крыльца.

Но менѣе счастливы были другіе поляки, особенно тѣ, которые вѣрили предводителямъ толпы и добровольно имъ предавались. На безоружныхъ бросалась разсвирѣпѣвшая чернь и на мѣстѣ ихъ убивала, весьма часто вымещивая свой гнѣвъ на нихъ самымъ жестокимъ образомъ. Вообще, только тѣмъ удалось уцѣлѣть, которые, не вѣря обманнымъ обѣщаніямъ, до конца мужественно защищались.

Въ этой рѣзнѣ погибло около 500 поляковъ. Число ихъ несравненно было бы больше, если бы бояре, послѣ убіенія Самозванца, не разсыпались по городу и не удерживали бы чернь отъ дальнѣйшихъ нападеній.

Спустя два дня, Василій Шуйскій сталъ его преемникомъ. Новый царь сейчасъ-же выслалъ за границу часть поляковъ изъ спасшихся въ Москвѣ, именно, слугъ и солдатъ, но удержалъ всѣхъ знатнѣйшихъ, расчитывая, что въ обмѣнъ за ихъ освобожденіе тѣмъ выгоднѣйшія мирныя условія исторгнетъ онъ отъ Рѣчи Посполитой.

Вскорѣ послѣ этого распространился слухъ, что Димитрій не погибъ, но бѣгствомъ успѣлъ уцѣлѣть. При извѣстіи объ этомъ, вся южная часть Московскаго государства подняла открытый бунтъ противъ Шуйскаго. Когда-же это движеніе стало принимать все большіе размѣры и даже въ самой столицѣ стало обнаруживаться недовольство, Шуйскій порѣшилъ дальше поляковъ не держать въ Москвѣ, но разослать ихъ по нѣкоторымъ отдаленнымъ городамъ. 8 августа выслали кн. Константина Вишневецкаго въ Кострому, черезъ недѣлю Тарлова въ Тверь, а въ концѣ мѣсяца Марину, отца ея, брата и дядьевъ въ Ярославль.

14-го августа отправили также и Немоевскаго, вмѣстѣ съ обоими Стадницкими, Мартыномъ и Андреемъ, и Станиславомъ Слоньскимъ, который былъ однимъ изъ секретарей Димитрія. Вся ихъ партія состояла изъ 160 душъ, такъ какъ къ нимъ присоединили „ихъ милости г.г. Адама Вольскаго, Корытка и Тизенгауза“, обоихъ Свирскихъ, равно какъ и „челядь г.г. Казановскихъ, Мих. Ратомскаго и Павла Мнишка, старосты луковскаго“. Сначала сослали ихъ въ Ростовъ, а потомъ, спустя три мѣсяца, на Бѣло-озеро. Пребываніе ихъ въ послѣднемъ мѣстѣ было необыкновенно скорбное.

Нынѣшній Бѣлозерскъ—небольшой городокъ на южномъ берегу озера того-же имени, въ Новгородской губерніи. Въ то время это былъ рыбачій поселокъ, состоявшій изъ до 300 избъ, „грязный и убогій“. „Въ цѣломъ городѣ, говоритъ Немоевскій, и одной свѣтлой комнаты не найти“.

Надъ самымъ озеромъ высился острогъ, окруженный валомъ. „На каждомъ углу былъ бастіонъ. Двое воротъ; ограда на валу совсѣмъ сгнила, и всѣ крыши отпали и съ бастіоновъ, и съ оградъ“. Въ границахъ этого укрѣпленія находилось „лишь нѣсколько хатенокъ для узниковъ, которыхъ ссылаютъ сюда на долгое или на вѣчное жительство“.

Мѣстность эта производила тѣмъ удрученнѣе впечатлѣніе, что ее окружали пустыни, болота и непроходимые лѣса.

Тогдашнюю свою жизнь Немоевскій описываетъ такъ: „Когда мы прибыли въ столь эту утѣшительную резиденцію, насъ разставили по разнымъ дворамъ, въ черныхъ избахъ". Стерегли „насъ и днемъ и ночью, прибавивъ къ тѣмъ стрѣльцамъ, что прибыли съ нами, еще нѣсколько посадскихъ людей". Былъ изданъ строгій наказъ, „чтобы никто съ нами не говорилъ, кромѣ приставовъ и стрѣльцовъ, что насъ стерегли. На рынокъ, для покупки съѣстныхъ припасовъ, безъ пристава никогда никого изъ нашихъ людей не пускали; обязанность пристава—смотрѣть, чтобы ни кто ни съ кѣмъ не говорилъ и поскорѣе возвращался.

„Правда, въ теченіе всего этого времени, будучи въ такомъ томленіи, мы усматривали явное посѣщеніе и кару Божью надъ собою, но—тѣмъ болѣе по пріѣздѣ сюда, въ это, столь нищенское, мѣсто и къ тому еще узнавши, что этою роскошной резиденціей не пользуется никто, кромѣ тѣхъ, что никогда или не скоро выходятъ изъ заключенія. Отъ родной границы около 200 миль; спасенія, утѣхи, даже новостей никакихъ; дѣло невозможное—исхлопотать дозволеніе послать или написать на родину и, въ концѣ всего, съ плохимъ здоровьемъ, безъ священника, безъ доктора и безъ какой либо надежды на спасеніе.

„При плохихъ припасахъ, при столь тѣсномъ сожительствѣ наступила зима, а мы безъ шубъ, такъ какъ несчастіе загнало насъ въ этотъ край лѣтомъ. Ободравшаяся челядь, такъ какъ мы не имѣли чѣмъ платить, должна была спускать свое платье рыбакамъ за всякую цѣну, частью на съѣстные припасы, а частью на теплую одежду и обувь, не брезгая и сермягой; да и мы, старшіе, дѣлали тоже—на припасы для себя и нашей челяди. Въ началѣ, пока мы еще имѣли нѣсколько достатка у себя, мы не хотѣли брать тѣхъ припасовъ, которые давались намъ въ скромной мѣрѣ отъ великаго князя, надѣясь на скорое освобожденіе, съ пріѣздомъ посла его в—ва короля—для избавленія насъ. Но, не въ состояніи его дождаться, мы, когда притиснула насъ неволя, должны были брать, что давали. На насъ, на старшихъ, давалось на день: бѣлаго и ржаного хлѣба на два гроша, чахлая курица, каши на полъ-гроша, соли на полушку, питьевого меду три кварты, плохого пива двѣ кварты, горѣлки на грошъ; на челядь-же нашу—мяса яловичнаго двѣ части, хлѣба на полъ-гроша, плохого пива кварту и горѣлки на полъ-гроша".

Конечно, припасы эти совсѣмъ не отвѣчали вкусу людей состоятельныхъ и привыкшихъ къ удобствамъ и изобилію и были недостаточны. Еще болѣе они жаловались, когда съ половины марта 1607 г. убавили имъ и отъ этихъ кормовъ одну треть, равно какъ и на разныя непріятности, испытываемыя отъ приставовъ. Часто писали они просьбы къ царю, домогаясь воли, или, по крайней мѣрѣ, чтобы ихъ помѣстили въ лучшія условія и отправили въ другой городъ, въ которомъ имъ можно бы было всѣхъ прокормить себя. Просили также, чтобы къ ихъ партіи присоединили одного изъ католическихъ священниковъ, сосланныхъ въ Ярославль вмѣстѣ съ сендомірскимъ воеводой.

Всѣ эти просьбы и представленія не оказали однако никакого дѣйствія.

Въ такихъ условіяхъ прошелъ у нихъ 1607 г. и первая половина слѣдующаго. Наконецъ, 7 іюня 1608 года блеснула надежда на лучшее будущее. Въ этотъ день одинъ изъ надзиравшихъ за ними приставовъ, Венедиктъ Тимошевъ, сообщилъ имъ, что знатнѣйшіе три узника: Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій и Адамъ Вольскій имѣютъ безотлагательно отправиться въ столицу, а нѣсколько позже и другіе имѣли получить свободу.

Между тѣмъ еще въ іюлѣ 1607 г. Сигизмундъ отправилъ двухъ пословъ въ Москву, Станислава Витовскаго и Яна Друцкого-Соколинскаго. Имъ было поручено самымъ энергическимъ образомъ домогаться освобожденія всѣхъ поляковъ, плѣненныхъ Шуйскимъ. „Такъ какъ, читаемъ мы въ данной имъ инструкціи, въ силу желанія и завѣренія Димитрія, государя московскаго, его милость г. Вольскій, придворный коронный маршалокъ, и г. Немоевскій, коронный подстолій, равно какъ и купцы его в—ва, цесаря, не мало драгоцѣнностей, золота, серебра и разныхъ украшеній послали, а другіе сами съ ними ѣхали“, поэтому послы имѣли требовать, „чтобы за все всѣхъ вознаградили, заплатили или назадъ возвратили“ [1]).

Долго продолжались споры и разсужденія ихъ съ московскими боярами. Наконецъ, 23 іюля 1608 г. было заключено четырехъ-лѣтнее перемиріе, по которому царь обязался — напдалѣе 8 октября этого года — всѣхъ поля-

[1]) Эта инструкція, датованная 22 маемъ 1607 г., находится въ рукописи музея кн. Чарторыйскихъ 2101 (стр. 60–69) и въ рукописи библ. Оссолинскихъ 1388 (стр. 66—71).

ковъ, задержанныхъ въ Московскомъ государствѣ, доставить на границу [1]).

Еще до заключенія этого перемирія, 10 іюня Немоевскій выѣхалъ изъ Бѣлозерска вмѣстѣ съ своими товарищами. Сначала они плыли на лодкахъ по Бѣлу-озеру и рѣками Шексной и Волгой, до Романова, откуда уже свой дальнѣйшій путь они имѣли продолжать на подводахъ. Здѣсь однако повстрѣчался съ ними царскій гонецъ съ приказаніемъ—вмѣсто Москвы направиться въ Вологду и здѣсь задержаться до дальнѣйшаго указа. Тогда именно войска второго Димитрія Самозванца такъ плотно со всѣхъ сторонъ облегли столицу, что проѣздъ въ нее долженъ былъ казаться невозможнымъ [2]). Немоевскій и его товарищи пытались было воспротивиться въ исполненіи этого указа, но всѣ ихъ просьбы и представленія были безъ результата. Съ немалою скорбью должны были они снова сѣсть въ лодки и прежнею дорогою отправиться назадъ въ изгнаніе. Ихъ завезли не въ Вологду, а въ село Ивачево, въ четырехъ миляхъ отъ Бѣлаго озера.

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ этой деревушкѣ, снова пришелъ указъ—перевезти ихъ въ Москву.

Дорога эта была отбыта довольно быстро. 11 августа выѣхали изъ Ивачева, 18 прибыли въ Ростовъ, а 23 въ столицу. Но тутъ ихъ опять задержали на нѣсколько мѣсяцевъ и только тогда пустили за границу, когда они торжественно обязались, что не присоединятся къ польскимъ войскамъ, поддерживающимъ второго Димитрія.

Въ теченіе всего этого времени семья Немоевскаго не имѣла никакихъ свѣдѣній о немъ. Хотя даже сомнѣвались о его жизни [3]), тѣмъ не менѣе въ семейномъ кругу не забывали о немъ и старались всячески облегчить ему возвращеніе домой. Когда же Сигизмундъ снарядилъ посольство для освобожденія поляковъ, плѣненныхъ въ Москвѣ, братъ подстоляго, Матвѣй, чрезъ одного изъ пословъ, именно, черезъ Яна Соколинскаго, послалъ для него 116 червонцевъ, чтобы у него были средства на покрытіе путевыхъ расходовъ. Соколинскій, будучи не въ состояніи лично вручить эту сумму, передалъ ее своему шурину, оршанскому хорунжему Лепковскому. Конечно,

---

[1]) Этотъ трактатъ издалъ Щербатовъ въ своей „Исторіи Россійской“, т. VII, ч. III, стр. 99—113.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ Немоевскаго одинъ изъ находившихся при нихъ приставовъ.

[3]) Annales Domus Orzelsiae. Plater, Zbiór pamiętnikow etc., IV, 119.

по поводу этого, Немоевскій, ѣдучи чрезъ Литву, задержался у него въ Ретуховѣ, около Орши, и только въ началѣ 1609 г. возвратился въ свой Ловинекъ [1]).

Находясь въ Москвѣ, Немоевскій нѣсколько разъ хлопоталъ о возвращеніи ему драгоцѣнностей, отобранныхъ у него при убіеніи Димитрія. Правда, Шуйскій не удовлетворилъ его желанія; но когда и польскіе послы напомнили о нихъ, онъ приказалъ ихъ выдать, за особою описью, составленною ими. Копія съ этой описи была вручена Немоевскому.

Съ возвращеніемъ въ родное гнѣздо заключился въ его жизни періодъ, обилующій любопытными странствованіями и приключеніями. О дальнѣйшей его судьбѣ немного остается намъ сказать.

Спустя два года Немоевскій женился на дочери калишскаго воеводы, Андрея Чарнковскаго, Софіи. Вѣроятно, тогда же онъ сдѣлался осецкимъ старостою, а въ ноябрѣ того же года (1611) король его назначилъ членомъ комиссіи для окончанія пограничныхъ споровъ между Польшею и Поморскимъ княжествомъ [2]).

На варшавскомъ сеймѣ 1613 г. его выбрали „изъ посольскаго круга" однимъ изъ комиссаровъ, имѣвшихъ уговориться съ конфедерованнымъ войскомъ объ уплатѣ задержаннаго жалованья [3]). Съ этой цѣлью, какъ извѣстно, избраны были четыре особыхъ комиссіи, которыя совѣщались во Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ-Литовскомъ и Быдгощѣ. Немоевскій былъ членомъ послѣдней комиссіи. Дѣятельность ея продолжалась отъ 20 февраля по 7 мая слѣдующаго года. За услуги, оказанныя имъ тогда Рѣчи Посполитой, онъ получилъ два староства въ залогъ— Мендзылѣсское и Рогозинское [4]).

Въ 1615 г. онъ сдѣлался каштеляномъ элбингскимъ [5]), а черезъ три года, по смерти отца [6]), каштеляномъ хелминскимъ [7]).

Въ виду своихъ незаурядныхъ достоинствъ, Немоевскій, какъ при дворѣ королевскомъ, такъ и вообще у современниковъ, пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ. „Это былъ, пишетъ Несецкій, человѣкъ прекрасныхъ ка-

1) Plater, ib., IV, 119.
2) Volum. leg., (изд. петерб.) III, 21.
3) Т-же, 118
4) W. Wisłocki, Dyaryusz Komisyi bydgoskiej w r. 1614 etc. (Kraków, 1880).
5) Lengnich, op. c., V, 106.
6) Plater, op. c.
7) Lengnich., op. c., 124.

чествъ, съ отличнымъ разсудкомъ, милыхъ обычаевъ, умѣренный въ страстяхъ, великодушный, никакимъ злоключеніемъ въ жизни не подавлявшійся, далекій отъ надменности, а средствами богатый [1])".

Умеръ въ 1620 году [2]).

Отъ первой жены имѣлъ двухъ сыновей, умершихъ въ юномъ возрастѣ, и двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Аполлинарія, была замужемъ за Николаемъ Даниловичемъ, коронннымъ подчашимъ, а младшая, Софія, за Яковомъ Смогулецкимъ, накельскимъ старостою. Отъ втораго брака съ Зебржидовской, краковскою воеводичкой, осталась третья дочь, Тереза Констанція, которая вышла замужъ за Матвѣя Смогулецкаго, старосту быдгощскаго.

Свои воспоминанія Немоевскій началъ писать съ переѣзда московской границы, т.-е. съ 18 апрѣля 1606 г., занося, день за днемъ, болѣе важныя замѣтки и свѣдѣнія о современныхъ происшествіяхъ. Записки эти онъ, какъ самъ говоритъ [3]), обработалъ уже въ январѣ 1607 г. и прибавилъ къ нимъ описаніе края, обычаевъ и учрежденій того времени въ Московскомъ государствѣ.

Позже, въ теченіе долгаго своего пребыванія въ изгнаніи, удалось ему собрать еще много иныхъ свѣдѣній объ обычаяхъ и современныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ, какъ на основаніи его личнаго опыта, такъ и на основаніи описаній другихъ товарищей по несчастью. Этихъ новыхъ эпизодовъ надошло такъ много, что навѣрное по этой причинѣ онъ и обработалъ заново свои Записки, пополнилъ свои собственныя воспоминанія, измѣнилъ ихъ порядокъ и довелъ до дня 2 октября 1608 г.

Свѣдѣнія, предложенныя Немоевскимъ, имѣютъ тѣмъ большую цѣнность, что отмѣтилъ ихъ человѣкъ образованный, одаренный ѣдкимъ сужденіемъ и необыкновенной быстротой мысли. Правда, нашъ авторъ, какъ горячій католикъ, сверхъ того разогорченный долгою, вполнѣ незаслуженною, неволею, о преслѣдователяхъ своихъ пишетъ съ видимымъ предубѣжденіемъ и даже отвращеніемъ, проявляющимся иногда въ очень колкихъ и рѣзкихъ выраженіяхъ; но, помимо этой подкраски, Записки его — источникъ необыкновенно цѣнный, ибо отличается необыкновенною обстоятельностью и обиліемъ подробностей, въ

1) Korona Polska III, 306.
2) Lengnich,, op. c., 155
3) Въ началѣ первой редакціи своихъ записокъ. См. ниже.

немъ заключенныхъ. Въ этомъ отношеніи къ самымъ важнымъ статьямъ принадлежатъ: о доходахъ и расходахъ царской казны, о способѣ воеванья, вооруженіи и организаціи войска, объ усадьбахъ главнѣйшихъ бояръ и сельскомъ хозяйствѣ, объ устройствѣ почтъ, наконецъ, описаніе патріархальныхъ обычаевъ, господствующихъ при царскомъ дворѣ и современныхъ обычаевъ вообще.

Въ свой „Дневникъ" Немоевскій вплелъ также разсказы сосланнаго вмѣстѣ съ нимъ Станислава Слоньскаго, одного изъ довѣренныхъ секретарей Димитрія. Разсказы эти заслуживаютъ обстоятельнаго разсмотрѣнія и, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ самымъ интереснымъ его партіямъ.

Обѣ редакціи сохранились въ рукописи: первая въ копіи XVIII вѣка, въ одной изъ частныхъ библіотекъ Вильны, другая-же въ спискѣ, исправленномъ самимъ авторомъ: сначала онъ былъ его собственностью, а позже очень продолжительное время—во владѣніи Мнишковъ, наконецъ, недавно былъ пріобрѣтенъ Институтомъ имени Оссолинскихъ.

За копію этихъ Записокъ въ первой редакціи мы обязаны признательностью любезности г. Ст. Пташицкаго. По полученному нами отъ него любезному сообщенію, Записки находятся въ бумажной рукописи in fol., изъ второй половины XVIII вѣка, въ одномъ изъ многочисленныхъ современныхъ Miscellanea, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самая надпись на первомъ листѣ манускрипта:

„Рѣчи на сеймахъ и разныя письма. Описаніе Московскаго государства и революціи тамъ въ 1606 г. Убіеніе Димитрія и многихъ поляковъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ брака этого царя съ Мнишковной, воеводкой сендомірской. Также разныя замѣтки Miscellanea, также рѣчи на сеймахъ при Янѣ III, договоръ съ турками подъ Журавномъ" и пр.

Записки Немоевскаго начинаются на л. 159b и идутъ до л. 215. Въ этой редакціи они имѣютъ слѣдующее заглавіе:

„Россія (Moskwa). Дневникъ и описаніе земли, границъ, лѣсовъ, звѣрей, птицъ, рѣкъ, озеръ, рыбъ, овощей, правленія великаго князя, религіи или вѣроисповѣданія, войны, думныхъ бояръ или сената, обычаевъ, замковъ, городовъ, ихъ жилищъ, орудій, хозяйства, слугъ, кормовъ,

путей сообщенія, сушею и водой, и всякихъ иныхъ дѣяній нашихъ, какъ веселыхъ, такъ печальныхъ. Писанъ на Бѣломъ-озерѣ, въ 1607 году, въ мѣсяцѣ январѣ, въ задержаніи или, скорѣй, въ плѣну московскомъ".

Во главу своей работы авторъ помѣстилъ: „Статьи, постановленныя отъ его милости г. сендомірскаго воеводы для предпринятаго путешествія въ Москву", а дальше—общее описаніе Московсковскаго государства. О содержаніи его даютъ болѣе близкое представленіе заголовки отдѣльныхъ частей, а именно:

„Расширеніе Московскаго государства послѣ овладѣнія Казанской и Астраханской ордами.

„Уставъ рыцарской школы.

„Главные города.

„Защита городовъ въ этомъ государствѣ.

„О средствахъ этого государя.

„Отправленіе правосудія и главные правители.

„Поведеніе при пріемѣ пословъ отъ разныхъ государей.

„Владычества или епископства этого государства.

Далѣе слѣдуетъ дневникъ съ 18 апрѣля по 14 декабря 1606 г., нѣсколько незначащихъ записей двухъ послѣдующихъ годовъ, наконецъ, цѣлая серія бо́льшихъ или меньшихъ статей—содержанія географическаго или описывающихъ обычаи и внутренніе распорядки въ Москвѣ.

Записки Немоевскаго второй редакціи находятся въ рукописи библіотеки Оссолинскихъ 3552. Это бумажная рукопись in folio, идущая изъ первой половины XVII в., обдѣланная въ кожу. Въ началѣ (л. 1—2) помѣщена копія росписки польскихъ пословъ о полученіи тринадцати кусковъ тафтяныхъ обоевъ, которые были собственностью придворнаго маршалка Николая Вольскаго, равно какъ и драгоцѣнностей, взятыхъ, по убіеніи перваго Димитрія, у Немоевскаго въ царскую казну. Какъ свидѣтельствуетъ приписка на этой квитанціи, послѣднюю переписалъ „думный дьякъ Василій, Григорьевъ сынъ, Телепневъ", а изъ разсказа нашего выходитъ, что она дана ему по его просьбѣ[1]).

Этотъ документъ — для насъ очень важное указаніе, ибо только во владѣніи Немоевскаго могла находиться эта росписка, почему, несомнѣнно, и его собственностью

---

[1]) Этотъ любопытный документъ мы предлагаемъ въ приложеніи къ „Запискамъ".

должны быть одновременно съ нею исправленныя Записки.

Записки начинаются съ л. 3 и идутъ по 193. Писаны одной рукой, почеркомъ ровнымъ и четкимъ; мѣстами только дополненія и исправленія сдѣланы нѣсколько отличной рукой. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ несомнѣннаго автографа Немоевскаго; но изъ содержанія этихъ исправленій и дополненій вытекаетъ, что они должны идти отъ самого автора[1]).

Страницы 10a, 22b, 23a, 58b и 59a остались чистыми. На нихъ должны были быть рѣчи Марины, ея отца и польскихъ пословъ. Очевидно, Немоевскій собирался вписать ихъ позже, что съ своей стороны поддерживаетъ наше предположеніе, что рукопись должна была быть его собственностью, такъ какъ болѣе поздній переписчикъ, естественно, не оставилъ бы тѣхъ страницъ незаполненными. Наконецъ, въ виду качества бумаги первыхъ 194 листовъ и водяныхъ знаковъ, какъ на роспискѣ, помѣщенной въ началѣ, такъ и на многихъ листахъ Записокъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что онѣ должны были быть писаны во время пребыванія Немоевскаго въ Россіи. За это говоритъ и то обстоятельство, что онѣ обрываются на письмѣ къ царю отъ 2 октября 1608 г., послѣ котораго слѣдуетъ еще одинъ листъ той-же бумаги, совсѣмъ чистый. Конечно, вскорѣ послѣ этого авторъ получилъ свободу, а въ дорогѣ не имѣлъ времени или охоты къ продолженію дневника.

Дальнѣйшіе листы той-же рукописи 3552 (отъ 195 по 265)—иной, весьма ветхой бумаги и съ отличными водяными знаками—заключаютъ въ себѣ отрывокъ какого то драматическаго произведенія (л. 195—219), защиту Сигизмунда III противъ упрековъ бунтовщиковъ, въ формѣ письма къ отцу (л. 220—230), наконецъ, отрывокъ изъ дневника варшавскаго сейма 1623 г. (л. 232—265).

Изъ сравненія обѣихъ редакцій выходитъ, что Немоевскій Записки свои, въ первый разъ написанныя въ январѣ 1607 года, позже совершенно переработалъ и значительно ихъ увеличилъ. Вообще, первую редакцію значительно превосходитъ послѣдующая, какъ объемомъ своимъ, такъ и обиліемъ свѣдѣній, въ ней заключенныхъ, почему текстъ ея, т. е. второй редакціи, мы положили въ основу нашего изданія.

---

[1]) Наиболѣе характерныя поправки и дополненія находятся на л. 53b, 63b, 82a, 84b, 88a, 89a, 92, 92b, 93a.

Однако, въ нѣкоторыхъ частяхъ встрѣчаются также и иныя несогласія, именно, въ первой редакціи—подробности, нѣсколько иначе переданныя, чѣмъ во второй. Части эти, для сравненія, мы помѣстили параллельно, на основаніи обѣихъ редакцій, изъ первой подъ заглавіемъ: „виленская рукопись“, изъ второй подъ заглавіемъ: „львовская рукопись“.

Въ передачѣ текста обѣихъ редакцій мы самымъ точнымъ образомъ сохранили всѣ черты языка того времени. Мы ввели только нынѣшнее правописаніе и знаки препинанія.

Въ концѣ мы приложили небольшой словарь русскихъ выраженій, употребленныхъ Немоевскимъ[1]).

Записки Немоевскаго, кромѣ части, напечатанной въ краковскомъ журналѣ „Wieniec“ (1862 г., № 11—12), были вполнѣ неизвѣстны[2]). Вмѣсто того ошибочно было приписываемо Немоевскому авторство дневника, который Тургеневъ помѣстилъ во II т. своихъ „Historica Russiae Monumenta“, подъ названіемъ: „Описаніе польскихъ дѣлъ въ Москвѣ при Димитріи, отъ одного изъ тамъ бывшихъ“ (155—196), а Устряловъ предложилъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Дневникъ Марины Мнишекъ“ въ своемъ трудѣ „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“. Это ошибочное свѣдѣніе мы находимъ и въ „Encyklopedyi Powszechnej“ Оргельбранда (т. XIX, 418) въ „Bibliografii“ Эстрейхера (т. III, 23), въ „Bibliografii historyi polskiej“ д-ра Финкля (ч. I, 434) и во многихъ другихъ трудахъ, вплоть до разсужденія г. Щепкина „Wer war Pseudodemetrius I ?“, недавно напечатаннаго въ „Archiv für slav. Philologie“ (XX. 319, сл.).

Это ошибочное мнѣніе возникло вслѣдствіе ошибочнаго заглавія, помѣщеннаго въ нѣкоторыхъ копіяхъ этого дневника (напр., Щорсовской библіотеки гр. А. Хрептовича, Архива мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ, библіотеки Оссолинскихъ 845 и 2024 и т. д.[3]) и звучащаго такъ:

---

[1]) Въ нашемъ переводѣ мы выпустили этотъ словарчикъ, какъ лишній для русскаго читателя.

[2]) Редакція „Wieńca“, къ сожалѣнію, не указала, изъ которой рукописи идутъ обнародованныя ею части. Впрочемъ, напечатаны онѣ такъ невнимательно и сверхъ того современный языкъ ихъ до того поновленъ, что для насъ онѣ были совсѣмъ безполезны.

[3]) Двѣ послѣднія копіи я сравнивалъ какъ съ текстомъ, напечатаннымъ у Тургенева, такъ и съ иными копіями этого дневника. Вообще, онѣ согласны съ ними почти буквально, кромѣ нѣкоторыхъ частей, нѣсколько сокращенныхъ. Особаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что въ обѣихъ этихъ рукописяхъ, 845 и 2024, выраженія, свидѣтельствующія, что авторомъ этого дневника не могъ

„Истинное описаніе происхожденія Димитрія Ивановича, нынѣшняго царя и монарха московскаго, изъ рукописи, слово въ слово, г. Станислава Немоевскаго, коронпаго подстоляго, ассистента и кліента, въ 1606 году“.

Что было поводомъ этой ошибки, трудно намъ сегодня сказать что либо вѣрное. Но что авторомъ этого дневника не могъ быть Немоевскій, это вытекаетъ изъ содержанія его, которое свидѣтельствуетъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что его могъ написать только кто-либо изъ домашнихъ людей Юрія Мнишка, сендомірскаго воеводы. Именно, за это говорятъ слѣдующія подробности:

Авторъ такъ назыв. „Дневника Марины“ былъ самымъ обстоятельнымъ образомъ освѣдомленъ въ дѣлахъ сендомірскаго воеводы и былъ именно неотступнымъ его товарищемъ. Когда, во время дороги въ Москву, Мнишекъ въ Вязьмѣ (30 апрѣля 1606 г.) разстался съ своей дочерью и поспѣшилъ впередъ ко двору Самозванца, то авторъ дневника, напечатаннаго у Тургенева, съ нимъ вмѣстѣ спѣшитъ въ столицу и подробно описываетъ торжественный пріемъ воеводы. Говоря объ угощеніи 5 мая въ честь воеводы у Димитрія, онъ пишетъ о себѣ: „... тамъ *насъ, слугъ*, посадили...“, чего, очевидно, не могъ сказать коронный подстолій, такъ какъ никогда не былъ домашнимъ слугою у Мнишка[1]). Еще болѣе — Немоевскій, какъ явствуетъ изъ его „Dyaryusza“, былъ въ это время въ Можайскѣ и только 12 мая, вмѣстѣ съ царицей, пріѣхалъ въ Москву.

Во время рѣзни 27 мая этого года авторъ такъ наз. „Дневника Марины“ былъ вмѣстѣ съ воеводою сендомірскимъ и, какъ свидѣтель и даже участникъ, описываетъ оборону его дома, находившагося въ Кремлѣ[2]). Между тѣмъ Немоевскій, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, стоялъ въ городѣ, вблизи посольскаго двора, а позже вмѣстѣ съ своими людьми укрылся въ квартирѣ Станислава Мнишка, саноцкаго старосты, находившейся насупротивъ его двора.

быть Немоевскій, намѣренно измѣнены. Безъ сомнѣнія, измѣнено потому, что эти мѣста приходились въ разительномъ противорѣчіи съ заглавіемъ, что въ началѣ этой переработки. Нѣкоторыя изъ этихъ характерныхъ выраженій, которыя сохранились въ другихъ копіяхъ этого дневника, мы даемъ ниже.

[1]) Подобнымъ же образомъ выражается авторъ т. наз. „Дневника Марины“ и въ другихъ мѣстахъ. Напр., подъ 31 маемъ 1606 г. онъ пишетъ: „Опредѣлено оставить при г. воеводѣ 230 человѣкъ (człeka), однако насъ осталось больше, т. е. около трехъ сотъ одной только господской челяди...“ (Hist. Russ. Mon., II, 162—164, 178).

[2]) Т.-же, 174.

Наконецъ, 14 августа 1606 г. Немоевскаго отправили напередъ въ Ростовъ, а позже на Бѣло-озеро, тогда какъ авторъ такъ назыв. „Дневника“, изданнаго Тургеневымъ, оставался въ Москвѣ до 26 числа этого мѣсяца, послѣ чего съ Мариною и ея отцомъ направили его сначала въ Ярославль, а позже въ Вологду[1]).

Намъ кажется, что эти подробности слишкомъ достаточны для того, чтобы убѣдиться, что этихъ записокъ писать Немоевскій не могъ. Кто-же былъ въ дѣйствительности авторъ такъ назыв. „Дневника Марины“,—это объясняетъ намъ слѣд. приписка въ одной изъ его копій,—въ копіи, находящейся въ музеѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ (rps. 1654, стр. 159):

„Переписывалъ Войтовхъ Добецкій, хенцинскій хорунжій, въ маѣ 1774 г., въ Варшавѣ, въ бывш. іезуитскомъ питомникѣ, изъ старой, оригинальной рукописи, писанной Дыаментовскимъ, который присутствовалъ при той революціи“.

Внѣ сомнѣнія, это былъ Вацлавъ Дыаментовскій, рожанскій подстолій, о которомъ Вишневскій въ своей „Historyi literatury polskiej“ (VIII, 98) пишетъ, что онъ умеръ въ 1612 г., на 80 году жизни и который въ рукописи оставилъ записки, подъ заглавіемъ:

„Московская свадьба, т. е. описаніе брака царя москалей Димитрія съ Мариною Мнишковной, сендомірской воеводичкою, и иныхъ сдѣлокъ поляковъ, во время злочастной революціи въ столицѣ, устроенной партіей Шуйскихъ, въ образѣ дневника отъ 1606 до 1610 года“.

Какъ разъ это самое заглавіе, только нѣсколько распространенное, имѣетъ и копія Дневника въ указанной выше рукописи музея кн. Чарторыйскихъ[2]).

Писалъ во Львовѣ въ октябрѣ 1898 года

А. Гиршбергъ.

---

1) Т.-же, 184, сл.

2) Намъ думается, что вопросъ объ авторствѣ т. н. „Дневника Марины“ этимъ еще не рѣшенъ. Вѣдь 80-лѣтній старецъ едва ли могъ быть авторомъ большого Дневника. Такъ какъ и Дыаментовскій входитъ въ серію нашихъ изданій, поэтому въ свое время мы къ данному вопросу еще воротимся, конечно, въ предѣлахъ не изслѣдованія, а простыхъ замѣчаній переводчика—неспеціалиста.

Дневникъ пути и разныхъ случаевъ, веселыхъ и печальныхъ, при проводахъ дочери ясновельможнаго его милости господина Юрія Мнишка изъ Великихъ Кончицъ, воеводы сендомірскаго, львовскаго, самборскаго, меденицкаго и пр., и пр., старосты, администратора жупъ русскихъ, ея милости высокорожденной дѣвицы Марины, обрученной супруги московскаго великаго князя Димитрія Ивановича, отъ переѣханной дня 17 апрѣля 1606 года [1]) границы вел. княжества Литовскаго и земли московскаго великаго князя, на рѣкѣ Иватѣ, на которой только свою половину моста Москва исправила.

Виленская рукопись.

Апрѣля XVIII дня.

Когда мы, минувши разныя непріятности въ предпринятомъ пути по Литовскому княжеству, частью благодаря морозамъ, частью благодаря огромному снѣгу, прибыли изъ послѣдней литовской деревни Байова на московскую границу—полторы мили весьма дурной дороги [2]), то здѣсь насъ ожидало нѣсколько

Львовская рукопись.

У этой рѣчки ожидали болѣе десяти конныхъ москвитянъ, съ тремя боярами, которые были высланы отъ Александра Михайловича Нагого, дяди по матери великаго князя [3]), и отъ князя Василія Масальскаго [4]), маршала великаго князя, правителя Сѣверской земли, съ объявленіемъ, что они посланы отъ

---

[1]) Эта дата, какъ и всѣ послѣдующія—19 и 20 апрѣля—показаны на одинъ день раньше. Ибо и самъ Немоевскій въ первой редакціи своего „Дневника“, и Дыаментовскій (Turg, Hist. Russ. Moe., II, 160—161), и свящ. Касперъ Савицкій (J. Wielewiecki, Dziennik etc. Ss. Rer. Polon., t. X, 130—132) согласно утверждаютъ, что переѣздъ черезъ московскую границу послѣдовалъ 18 апрѣля, выѣздъ изъ Краснаго 20, а изъ Лубны 21 этого мѣсяца.

[2]) Послѣ „zła droga“ въ текстѣ стоитъ: „przed kosciec“, отмѣченное у издателя словомъ sic! Дѣйствительно, эти два слова смысла не даютъ. Есть слово „gośiec“, гостинница. Во всякомъ случаѣ, мѣсто, испорченное переписчикомъ.

[3]) Собственно онъ назывался Михаилъ Александровичъ Нагой. О немъ говорилось, что онъ „дядя в. князя“, такъ какъ настоящій царевичъ Димитрій былъ сынъ его сестры, Маріи, и Ивана Грознаго.

[4]) Кн. В. Рубецъ-Масальскій былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ сторонниковъ Самозванца. Въ битвѣ у Добрыничъ, только подвергая себя наибольшей опасности, онъ сохранилъ ему жизнь.

москвитянъ изъ сыновей боярскихъ, но уже за мостомъ на своей границѣ или „рубежѣ“, за рѣкою Иватой. Они высланы были поджидать его милость г. воеводу и ея величество царицу отъ князя Масальскаго, смоленскаго воеводы и правителя Сѣверскаго княжества — съ предложенiемъ ея в-ву царицѣ добраго въѣзда и съ желаннымъ прiемомъ въ государствахъ его в-ва царя.

Этого дня мы прiѣхали въ небольшое село Красное, на первый ночлегъ въ Московской землѣ, гдѣ отъ проливнаго дождя и отъ недостатка въ помѣщенiи, должны были испытать большiя неудобства. Домъ для ея в-ва царицы и г. воеводы былъ наново построенъ.

Здѣсь-же и 19 день этого мѣсяца ея в-во царица съ ихъ милостями господами прiятелями должна была провести, вслѣдствiе весьма дурной дороги, хотя экипажи и рота его м., г. воеводы, тронулись дальше.

Въ этомъ селѣ Красномъ начали давать всякiе кормы отъ царя, какъ всѣмъ ихъ м. господамъ прiятелямъ, такъ и солдатамъ.

XX дня того-же мѣсяца.

До сельца Лубна (Lubna) восемь миль отъ ночлега, гдѣ и остановились. Здѣсь царскiй дядя Михаилъ Александровичъ, князь

его в-ва цесаря, чтобы принять ея в-во цесарову, пожелать ей счастливаго въѣзда въ государство его в-ва цесаря, провожать ее въ пути, кормить, во время обо всемъ заботиться, почему на завтрашнемъ ночлегѣ они будутъ ожидать; тѣмъ не менѣе и на сегодняшнемъ ночлегѣ, въ селѣ Красномъ [1]), въ двухъ миляхъ отъ границы все нужное доставлено будетъ и ея в-ву цесаровой, и всѣмъ, которые провожаютъ цесарову.

Принявши съ признательностью столь любезный прiемъ на границѣ и предложенiе услугъ отъ имени вел. князя, его м. г. воевода и ея в-во царица благодарили, а, достигши квартиры въ селѣ Красномъ, вынуждены были отдыхать здѣсь, вслѣдствiе дурной погоды, весь день.

XIX дня того же мѣсяца. Сельцо Лубно, въ 8 миляхъ [2]). Второй ночлегъ.

На полъ-мили отъ мѣста остановки показались предъ нами около 15 сотенъ конныхъ москвитянъ. Не встрѣтившись съ нами,

---

[1]) Теперь—Красный, уѣздный городъ Смол. губ.
[2]) Другая форма—*Лубино*, предъ Смоленскомъ.

Масальскій, воевода смоленскій и правитель Сѣверскаго княжества, и дьякъ царскій, втроемъ, принимали ея в-во царицу, имѣя при себѣ 2000 человѣкъ отъ царскаго двора и нѣкоторыхъ чиновниковъ, нѣсколько принаряженныхъ. Привѣтственную рѣчь держалъ кн. Масальскій.

ниже припявъ насъ, они остановились на горкѣ, поотдаль отъ дороги, по которой мы ѣхали. Предъ самымъ мѣстомъ остановки, у дороги, стояло пѣшихъ особъ около ста человѣкъ въ рядъ, одѣтыхъ въ шелковые, разныхъ цвѣтовъ, кафтаны, безъ армяковъ, мавая головами или бія челомъ, пока не прошла государыня [1]). Когда мы прошли мимо ихъ, никто изъ нихъ не вошелъ съ нами на мѣсто стоянки, и, ни слова не сказавши, отъѣхали прочь, и послы одни ждали въ другомъ селѣ у себя на стоянкѣ.

Какъ скоро государыня вышла изъ экипажа, къ его м., г. сендомірскому воеводѣ, подошелъ дворянинъ великаго князя съ письмомъ, которое и вручилъ отъ государя, пожелалъ счастливаго пріѣзда, сообщивъ снова о посылкѣ отъ его в—ва цесаря А. Мих. Нагого и князя Вас. Масальскаго для принятія ея в—ва цесаровой, и просилъ, чтобы было назначено время, когда они могутъ имѣть аудіенцію, они, которые ожидаютъ ее въ своей стоянкѣ, въ ближайшемъ селѣ.

Отъ имени ея в—ва царицы и своего его милость, г. воевода, благодарилъ за посѣщеніе на письмѣ великаго князя и за предложеніе своихъ услугъ и любви. Онъ назначилъ аудіенцію посламъ послѣ обѣда, о чемъ и обѣщалъ дать знать чрезъ своихъ людей. Потомъ его м. г. воевода пошелъ къ ея в—ву царицѣ, а для объявленія времени аудіенціи посламъ отправилъ къ нимъ г.г. Баля и Корытку, которые ихъ и доставили. Послы сошли у воротъ передъ домомъ. Его м. г. воевода выслалъ передъ домъ трехъ пріятелей, затѣмъ, другихъ трехъ, которые принимали ихъ въ сѣняхъ и провожали до горницы, гдѣ ожидала ея в—во царица съ массою женской прислуги и пріятелей, стоя у стола, покрытаго краснымъ бархатомъ. Комната была обида китайкой разныхъ цвѣтовъ (въ дорогѣ всегда такъ обивали), по землѣ огромный турецкій коверъ, столикъ подъ краснымъ бархатомъ.

Прежде чѣмъ подойти къ рукѣ, они правили посольство такимъ образомъ: „Пресвѣтлѣйшій, преславный и непобѣдимый Божьею милостью царь и великій князь Дмитрій Ивановичъ, всея Руси самодержецъ, [2]) володимірскій, московскій, новгородскій, царь

---

[1]) Въ древне-русской формѣ у автора—„Hosudarynі“. Издатель правильно объяснилъ слово „gіermak“; но въ такой формѣ слова нѣтъ; надо читать „армякъ“.

[2]) Рѣчь передана отчасти по русски, отсюда — „всея“ (у автора и здѣсь и въ другихъ мѣстахъ обыкновенно wsіeha). Отсюда большія искаженія русскихъ

казанскій, астраханскій, государь псковскій, великій князь смоленскій, тверскій, югорскій, кандидскій, пермскій, сибирскій, вацкій (!), вятскій, болгарскій и иныхъ многихъ земель и царствъ обладатель, утѣшенъ счастливымъ, въ добромъ здоровьѣ, въ государство его въѣздомъ твоимъ, Марина, преславная государыня; онъ молитъ Бога, да сохранитъ Онъ на долго тебя въ томъ здоровьѣ и по прибытіи на мѣсто!".

Князь-же Масальскій въ болѣе длинной рѣчи, но также въ началѣ перебравъ весь титулъ государевъ, вспомнилъ управленіе и призрѣніе Божіе, что самъ Онъ попекся объ этомъ бракѣ, припомнилъ и пріятность, которую его в—во цесарь нашелъ въ домѣ его м. г. воеводы, помня которую, онъ и преклонилъ, въ своемъ милосердіи, мысль свою—тебя, преславная государыня, взять въ супружество, минуя много иныхъ царицъ и преславныхъ государыней. Онъ заключилъ пожеланіемъ счастливаго прибытія въ страну и долгаго царствованія.

Отъ имени царицы отвѣчаль Стадницкій, гофмейстеръ ея в—ва, благодаря въ приличныхъ словахъ и съ удовольствіемъ принимая проявленную любовь и ласку его в—ва цесаря, съ пожеланіемъ также долгаго царствованія и иныхъ благъ его в — ву. Потомъ царица, чрезъ того же гофмейстера, освѣдомлялась о здоровьѣ его в—ва при ихъ отъѣздѣ. Отвѣчали: „Слава Богу, государь царь, великій князь и пр. (всѣ титулы перечисляя, и такъ почти всегда, когда только вспоминаютъ его имя) былъ здоровъ, далъ-бы Богъ въ добромъ здоровьѣ и впредь". Затѣмъ ихъ допустили къ цѣлованію руки.

Привѣтствовали при этомъ и его м. г. воеводу, который стоялъ въ сторонѣ, недалеко отъ ея в—ва царицы, у лѣвой руки.

Ея в—во царица, сѣвши на стулъ, пригласила сѣсть и пословъ. За послами вошло всего нѣсколько особъ. Они просили потомъ, чтобы и дворяне его в—ва цесаря, которыхъ было нѣсколько болѣе двадцати, могли поцѣловать руку ея в—ва цесаровой, своей государыни. Посидѣвши немного, они отъѣхали въ свою стоянку, въ сопровожденіи тѣхъ-же, которые сюда ихъ доставили.

XX-го дня того-же.

На слѣдующій день, когда ея в—во царица уже шла къ каретѣ, тѣ же послы передали ей трое саней отъ государя, съ

словъ, чтобы только сохранить колоритъ, въ родѣ „obładicil" т.-е. обладатель; вездѣ Hospodar вм. государь и пр. Такой же макаронизмъ и въ разныхъ русскихъ грамотахъ у автора, желаніе выражаться чисто по московски, и потому невозможная конструкція. Переводить приходится не рѣдко по общему смыслу.

словами „хотя самый путь уже погибъ, но тебя, пресвѣтлѣйшая государыня, ожидали здѣсь пятнадцать недѣль тому назадъ, почему его в—во цесарь и приказалъ изготовить сани“. Сани были сдѣланы на подобіе нашихъ большихъ рыдвановъ съ кузовомъ (z puklaty). Въ первыя сани сѣла только ея в—во царица съ госпожею сохачевскою старостихою [1]). Занавѣсь на саняхъ была изъ недурнаго краснаго, до земли, голландскаго сукна (feilundysz). Всѣ края, кругомъ и внизу, обиты серебряною бляхой, шириною въ ладонь, на половину позолоченной; назади кузова большая серебряная звѣзда, а посреди нея царскій гербъ—двуглавый орелъ. Внутри весь кузовъ обитъ недурными соболями, лучшими около оконъ. Въ ногахъ персидскіе ковры; сидѣнье, подушка, валикъ и подножка парчевые. Покровъ на ноги красный, бархатный, также подшитый соболями. Спереди и сзади висѣли два крестика, серебряные, позолоченные. Окна, чрезъ которыя садилась царица, изъ прозрачнаго камня; изъ него-же и четыре по сторонамъ меньшихъ окна. Эти сани тянуло пятнадцать бѣлыхъ скверненькихъ лошадей; у нихъ красныя бархатныя шлеи, подержанныя; уздечки, попоны, пряжки позолоченныя. Возницъ было трое, въ ферезіяхъ изъ турецкой парчи; онѣ подшиты соболями, подолы пестры, изъ камки, шлыки чернолисьи [2]). Вторыя сани также подшиты соболями, но низшаго качества, и безъ серебра и другихъ украшеній; въ нихъ сидѣла ея м-ть г-жа Тарлова, перемышльская хорунжина, съ г-жею Казановскою, гофмейстериной царицы. Подъ ними шло десять бѣлыхъ клячъ. Третьи сани подшиты кунами, верхъ также изъ голландскаго сукна; подъ ними шло восемь клячъ, также бѣлыхъ; въ нихъ сѣло шесть душъ изъ женской прислуги.

Этого дня мы пріѣхали въ сельцо Лубныно (!) [3]). Впереди ѣхали на коняхъ москвитяне, предостерегая, чтобы никто изъ нашихъ не въѣзжалъ въ подворье, гдѣ должна была стоять царица.

Виленская рукопись.	Львовская рукопись.
Въѣздъ въ Смоленскъ.	Дня XXI того-же мѣс. Смоленскъ, около двухъ миль.
Изъ Лубны миль восемь мы имѣли до Смоленска, куда и	При пріѣздѣ, въ полѣ, ожидали монахи съ образомъ Бого-

1) Тарловой, теткой Марины.

2) Шлыкъ—мѣховая шапка, къ верху все бóльшая, имѣющая видъ усѣченнаго конуса. Мармурками назывались чернобурыя лисицы, мѣхъ которыхъ въ тѣ времена былъ очень дорогъ и въ большомъ спросѣ.

3) Названіе этой мѣстности, очевидно, ошибочно показано, такъ какъ собственно въ этотъ день Марина только выѣхала изъ села Лубны (Łubna).

двинулись часа въ три [1]): впереди телѣги съ драгоцѣнностями, заводные кони, въ убранствѣ, какъ воеводы, такъ и ихъ м-сй г.г. пріятелей. Затѣмъ ѣхалъ конвой пріятелей и дворъ ея в-ва царицы, съ раздѣленіями въ сто конныхъ москвитянъ, за ними рота его м. г. воеводы сендомірскаго, далѣе его м. г. воевода съ ихъ м. г.г. пріятелями, дворъ ея в-ва царицы; за ними — московскіе воеводы предъ царицею и, наконецъ, ея в-во царица.

Когда царица прибыла въ городъ (т. е. Смоленскъ), на встрѣчу вышли монахи съ образами Богородицы, которые подавали ея в-ву цѣловать, при объясненіи князя Масальскаго, предлагающаго ей бѣлые хлѣбы въ подарокъ. Равнымъ образомъ привѣтствовали ея в-во царицу смоленскіе мѣщане тремя (сороками) соболей и хлѣбами [2]).

Совершивъ въ этотъ день благополучно въѣздъ въ Смоленскъ, ея в-во царица сошла въ городѣ у двора и тамъ остановилась. Смоленскій воевода пригласилъ къ себѣ на обѣдъ на субботу, на другой день по пріѣздѣ, его м. г. воеводу съ ихъ м. господами пріятелями.

Дня XXII того же.

Согласно обѣщанію, его м. г. воевода съ пріятелями, по выслушаніи мши у ея в-ва царицы, который и подали государынѣ поцѣловать. Тамъ-же, недалеко отъ нихъ, привѣтствовали смоленскіе мѣщане тремя сороками соболей, бѣлымъ хлѣбомъ и солью, безъ рѣчи, только мавали головами. (Эта церемонія вынесенія хлѣба и соли имѣла мѣсто едва ли не въ каждомъ селѣ). Оказавъ такое благожелательство, они проводили государыню въ городъ, до одного, довольно сквернаго, помѣщенія, потому что въ кремлѣ (*zamku*) нѣтъ никакого обиталища: здѣсь масса клѣтушекъ, точнѣе, хлѣвовъ, обведена стѣной съ 42 башнями, шире, чѣмъ Варшава въ своей стѣнѣ, и во время войны здѣсь запираютъ народъ. При этой стѣнѣ нѣтъ ни рва, ни вала; только съ одной стороны, между кремлемъ и городомъ вдоль немалаго числа избъ течетъ Днѣпръ.

Въ этотъ день кн. Василій Масальскій, который встрѣчалъ государыню, пригласилъ къ себѣ на угощеніе его м., г. воеводу и пріятелей, о чемъ и вспоминается здѣсь мелькомъ. Когда дано было знать, пріѣхалъ его м. г. воевода съ пріятелями. Онъ былъ встрѣченъ хозяиномъ передъ домомъ, проведенъ въ сѣни, въ которыхъ по столамъ стояло не мало серебра, чарокъ и кубковъ, потомъ въ горницу, обитую коврами, а потолокъ —

[1]) Счетъ дневнаго времени у автора идетъ отъ начала дня: слѣдовательно, въ различные мѣсяцы онъ различенъ.

[2]) Издатель замѣчаетъ, что послѣ слова „trzem“ одно слово нельзя прочесть. Конечно, это слово — „sorokami“, какъ это ясно по смыслу и изъ параллельнаго текста, т. е. второй редакціи: „trzema sorokami soboli“.

рицы и по окончаніи обѣда, при которомъ до самаго конца были и правитель Сѣверскаго княжества и царскій дядя, отправились ко двору воеводы.

Первое московское угощеніе.

Руки не хватитъ отъ томительнаго описанія непонятныхъ церемоній, дико-грубыхъ обычаевъ, видѣнныхъ въ этомъ мѣстѣ; однако необходимо показать хотя нѣкоторую тѣнь этой учтивости. По пріѣздѣ ко двору этого воеводы и по входѣ по направленію въ столовую, въ сѣняхъ стояло очень много серебра и различныхъ кубковъ. Вся столовая была обита коврами, потолокъ золотистыми итальянскими кожами; тарелки серебряныя, какъ и (двѣ) склянки, но позолоченныя, въ одной уксусъ, въ другой толченый перецъ; соль въ иной большой серебряной посудѣ; салфетокъ никакихъ: это украшеніе стола, и, не давши воды, разсадили за него по порядку. Затѣмъ принесли мелко накрошенный бѣлый хлѣбъ, горѣлку въ большихъ чаркахъ, романею въ другихъ, мальвазію въ третьихъ, и все это натощакъ; послѣ этого кушанья: рыбы разнаго вкуса, студень, свѣтлый, сладкій съ миндалемъ, сѣрый, съ гвоздикою; опять жареныя рыбы, распластанныя, съ различными приправами, наконецъ, паточные, малиновые и вишневые меды, о прелести которыхъ придется умолчать [1]). Это золотистыми итальянскими кожами. Тарелки на столѣ серебряныя, безъ салфетокъ, (двѣ) позолоченныя склянки, въ одной уксусъ, въ другой перецъ, серебряная солонка. Говорили, что эти украшенія были посланы изъ казны государя для этого угощенія. Сейчасъ-же, не давши воды, посадили за столъ. Затѣмъ принесли въ мискахъ бѣлый хлѣбъ, мелко накрошенный, горѣлку въ большихъ чарахъ, мальвазію, плохое французское вино, угощая этимъ передъ ѣдой. Такъ какъ у нихъ въ это время былъ великій постъ, а у насъ суббота, поэтому приготовили рыбу, разнося ее въ нѣсколькихъ мискахъ: сначала студни, свѣтлые и сѣрые, съ миндалемъ и гвоздикою, потомъ рыбу печеную, жареную, вареной же мало. Были также рыбы, окутанныя въ тѣсто, вмѣсто паштета. Все это было холодное, сколько-нибудь теплаго мало. Напитки подавали различные меды — вишневые, малиновые, паточные, варенные, и ни одного хорошаго. Этотъ банкетъ быстро окончился и наши разошлись съ него, не разогрѣвши даже мозга.

Въ кремль никого изъ нашихъ не пускали, а когда намъ довелось ѣхать мимо кремлевской стѣны, заперли ворота, а ихъ только двое въ столь громадномъ помѣщеніи [2]). Предъ кремлемъ стояло человѣкъ 600 стрѣльцовъ, опершись о заржа-

[1]) Выраженіе ироническое. Ср. вторую редакцію тутъ же.
[2]) Буквально, въ хлѣвѣ, загонѣ.

угощеніе происходило въ городѣ, такъ какъ въ кремль не желали впускать никого; даже ворота, по выѣздѣ нашемъ въ направленіи къ кремлю, были заперты. Кремль занятъ стрѣльцами, въ числѣ 800 человѣкъ.

Тамъ мы стояли и весь день XXIII апрѣля. Здѣсь обнаружилось доброхотство народа къ покойному царю [1]), за установленіе дружескихъ отношеній къ коронѣ, свидѣтелями чего были сложенныя на радости отъ этого по ихъ образу пѣсни, какъ о покойникѣ, такъ и о его женѣ.

Тамъ-же управленіе всѣмъ дворомъ поручено его м. г. Мартыну Стадницкому.

Того-же 25 дня, проѣхавши мимо отъ Пнѣва, мы переѣзжали Днѣпръ и Вопь, чрезъ широкія рѣки, которыя сходятся подъ вѣлыя ружья. Какъ скоро мы переѣхали Днѣпръ по мосту у кремля, на половинѣ моста былъ поднятъ подъемъ и никого изъ нашихъ уже не пожелали пускать назадъ. Такъ какъ царица задержалась нѣсколько дней, отдыхая, то г. саноцкій староста, братъ государыни, и князь Вишневецкій пожелали было совершить поѣздку къ кремлю; но предъ ними подняли подъемный мостъ и не пропустили, и они должны были воротиться отъ половины моста, что было *malum omen* [2])—о предстоявшей тюрьмѣ.

На другой день вся власть и управленіе дворомъ ея в-ва царицы, какъ и гофмаршальская должность, поручены г. Мартыну Стадницкому.

XXV-го числа [3]) до Пнёва [4]) миль 6. Здѣсь для ея в-ва царицы былъ поставленъ новый домъ. Другіе стали по селамъ. Только здѣсь догнала рота г. саноцкаго старосты.

XXVI числа того-же мѣсяца въ Дупоковъ [5]), мили 4.

Въ одной мили отъ ночлега третья переправа черезъ Днѣпръ, весьма неудобная и мѣстнымъ людямъ непривычная—переправ-

---

[1]) Т. е. по отношенію къ Димитрію.

[2]) Т. е. дурное предзнаменованіе.

[3]) Эти даты и слѣдующія, до 12 мая—въѣзда въ Москву, опять ошибочны, именно, всѣ даны на одинъ день позже. Ибо, какъ въ первой редакціи этихъ „Записокъ", такъ и въ обоихъ Дневникахъ, упомянутыхъ выше, даты эти на одинъ день раньше, именно, пріѣздъ въ Пнёвъ имѣлъ мѣсто 24 апрѣля, въ Дупоковъ 25 и т. д.

[4]) Въ первой редакціи своихъ „Записокъ" Немоевскій эту мѣстность называетъ „Pniów", свящ. Савицкій въ своемъ Дневникѣ — „Pniew" (т-же, 133). Теперь—Пнево, близъ Днѣпра, и тутъ-же слобода Пнева, на трактѣ.

[5]) Въ первой редакціи эта мѣстность называлась „Dupków".

лѣсомъ. Ея в-во царица съ своими переправилась на лодкѣ, собственно для нея приготовленной. Здѣсь, вслѣдствіе большого натиска, утонула одна лодка и нѣсколько человѣкъ. Въ этотъ день переправа не окончилась. Ея в-во царица ночевала въ миляхъ трехъ отъ перевоза, въ селѣ Дупковѣ, съ пріятелями, гдѣ было нѣсколько избъ и ново-построенный домъ собственно для ея в-ва. Роты и другіе пріятели остановились (!). Отъ перевоза до ночлена 26 мостовъ.

Въ это село прибылъ Борисъ Михайловичъ, царскій кравчій, съ письмомъ къ ея в-ву, освѣдомляясь о здоровьѣ и благополучіи ея. Другое письмо о томъже къ его м. г. воеводѣ сендомірскому.

26 числа изъ Дупкова мы добрались до городка Дорогобужа; лежитъ у Днѣпра; была когда-то крѣпостца, но разрушена, миль пять отъ ночлега. Ея в-во царица остановилась въ купеческомъ домѣ.

27-го числа того-же мѣсяца мы провели въ томъ-же городкѣ, отдыхая. Отсюда былъ отправленъ Бучинскій впередъ, къ царю.

лять огромные экипажи, которыхъ они никогда не видѣли, развѣ что телѣжку объ одной клячѣ. Отъ перевоза до ночлега въ Дупковѣ три мили; здѣсь одинъ только домъ для государыни, между лѣса, новопостроенный. Пріятели и придворные расположились подъ небомъ, въ лѣсу. На пространствѣ трехъ миль, отъ перевоза до ночлега, мы проѣхали 26 мостовъ.

Тутъ начинается разсказъ о томъ, какъ много котораго дня проѣхали мы мостовъ, чтобы понять, на сколько этотъ край болотистъ.

На этой стоянкѣ прибылъ Борисъ Михайловичъ Лыковъ [1]), государевъ кравчій, съ письмомъ къ государынѣ, освѣдомляясь о здоровьѣ и благополучіи. О томъ-же (письмо) и къ его м. г. сендомірскому воеводѣ.

XXVII числа до Дорогобужа миль 5.

Мѣстечко довольно населенное, на Днѣпрѣ. Въ немъ была когда-то деревянная крѣпостца. Государыня остановилась въ купецкомъ домѣ, ожидая цѣлый день тѣхъ, которые переправлялись черезъ Днѣпръ позади.

XXIX числа до Колпыты [2]) миль 6, на пространствѣ которыхъ мы проѣхали 51 мостъ, не считая малыхъ.

Воротился Аѳанасій Власьевъ (Ofanasy Własiejow) [3]), который былъ посломъ за государыней въ Польшу (изъ Смоленска

---

[1]) Мартынъ Стадницкій въ своемъ „Дневникѣ“ утверждаетъ, что это былъ обыкновенный гонецъ и назывался Гаврило Щохъ (Rps. bibl. hr. Baworowskiego, 14, л. 15). Однако, это показаніе, несомнѣнно, ошибочно, такъ какъ изъ письма Димитрія отъ 25 апрѣля этого года видно, что посланцемъ былъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ (Собр. гос. гр. и дог., II, 136).

[2]) Теперь—Колпитка.

[3]) Аѳанасій Власьевъ, канцлеръ и казначей царскій.

онъ опередилъ, къ государю) съ подарками, а ими были: полоски для шляпы въ видѣ короны, изъ брилліантовъ, и запонка къ перу; другая небольшая корона изъ крупныхъ брилліантовъ; четыре снурка персидскаго жемчуга, также крупнаго; обыкновеннаго жемчуга снурковъ сорокъ; крошечные часы въ золотой оправѣ, якобы *aureum velus* [1]); большіе часы въ верблюдѣ. Въ этомъ селѣ не было дома для государыни—она остановилась въ курной крестьянской избѣ.

XXX-го дня до Вязьмы (*Wiażymy*) миль 6. Проѣхали 68 мостовъ.

Вязьма, городокъ съ немалымъ населеніемъ, заброшенная крѣпостца. Въ этотъ 'день, на который падала русская пасха, ея в-во царица, принаравливаясь къ обычаю земли, бояръ, которые ее сопровождали, одаряла парою крашенныхъ яицъ и вышитымъ платкомъ отъ своей руки, мелкихъ же слугъ государскихъ только парою яицъ, по крашенныхъ. Узниковъ, которые по нѣскольку лѣтъ сидѣли въ тюрьмѣ, приказала освободить.

Мая 1 дня. Село *Ямсадерья* [2]), миль 6, 37 мостовъ.

Въ этой деревнѣ не было дома; для ея в-ва царицы построена только одна комната. Съ этого ночлега, по приказанію государя, отъѣхалъ къ нему впередъ, въ Москву, его м. г. воевода съ г. саноцкимъ старостою, княз. Вишневецкимъ, г. Тарломъ, перемышльскимъ хорунжимъ, въ скромномъ числѣ; мы-же, другіе, остались при высоконареченной невѣстѣ.

Того-же II дня, миль 6, село Доброе.

Построенъ былъ дворецъ для государыни, но видно, что наскоро—плохой.

Виленская рукопись.

Мая II дня изъ Добраго до Можайска миль 8, небольшихъ мостовъ 48.

Недурной городокъ, кремль начали строить при Борисѣ Годуновѣ (za B. Godyna); въ немъ монастырь св. Николая чудотворца. Ему люди жертвуютъ золото и серебро, вѣшаютъ на

Львовская рукопись.

III дня Можайскъ городокъ, миль 8, мостовъ 48.

Немалое количество избъ вмѣстѣ, что они и называютъ городомъ. Отстроился при новоначатомъ обнесеніи стѣною холма отъ Бориса Годунова (Podinowa) вмѣсто кремля. Въ немъ

[1]) Т. е. золотой парусъ или покрывало.

[2]) Въ первой части имени какъ-бы слышится слово „ямъ“, т. е. станція. Далѣе, вѣроятно, имя испорчено.

его образъ, который или вырѣзанъ изъ дерева, или вылитъ изъ мѣди. Царь Димитрій приказалъ кончать этотъ кремль, и уже по вступленіи его на престолъ выведена не малая часть стѣны. Есть и другіе, съ каменными вокругъ стѣнами, монастыри.

Ея в-во царица остановилась въ боярскомъ дворѣ.

Здѣсь наши нѣсколько заработали на непріязни отъ Москвы—послѣ убійства брата кн. Масальскаго.

Здѣсь-же весь день 3 мая мы отдыхали.

Мая IV дня мы двинулись изъ Можайска въ село Кубинское[1]), миль 6, проѣхавъ 36 мостовъ, гдѣ и застали Станислава Бучинскаго, съ письмомъ отъ его в-ва царя къ ея в-ву царицѣ. Было и салютованіе при земномъ привѣтствованіи. Здѣсь для царицы не было дома — она стояла въ палаткѣ.

Въ это село приведено было сто царскихъ, разной масти лошадей, которыми ея в-во царица награждала своихъ придворныхъ за сдыхающихъ.

нѣсколько мазанокъ съ тюрьмой и монастырь св. Николая чудотворца, съ образомъ его и деревянной статуей. Къ нему у нихъ есть свое богомолье, „праздники“, по нашему „odpusty“.

Говорятъ, что Иванъ Васильевичъ, когда ему пошло плохо съ королемъ Стефаномъ, приказалъ статую этого чудотворца выволочь предъ монастырь и бить палками, выговаривая ему: „Литвѣ помогаешь“.

Государыня остановилась въ боярскомъ домѣ. Здѣсь наши нѣсколько заработали на непріязни отъ Москвы, убивши брата князя Масальскаго—поспорили изъ-за сѣна. Здѣсь цѣлый день отдыхала государыня, ожидая еще тѣхъ, которые остались позади изъ-за переправы черезъ Днѣпръ, равно и для того, чтобы дать возможность его м. г. воеводѣ проѣхать впередъ къ государю.

Того-же (мѣс.) V дня изъ Можайска до села Кубинскаго миль 6, мѣстовъ 36.

Дома не было. Для государыни была разбита палатка изъ краснаго и бѣлаго сукна въ формѣ шашешницы.

Какъ только государыня сошла, пріѣхалъ г. Станиславъ Бучинскій отъ государя, съ письмомъ, освѣдомляясь о благополучномъ путешествіи.

Того-же, VI дня до села Вязёмы[2]), мили 4, мостовъ 32.

Это мѣстечко, гдѣ государи проводятъ лучшіе часы своего отдыха. Домъ по-московски, изъ нетесаннаго дерева, довольно

[1]) И теперь Кубинское, почтовая станція.

[2]) Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи. На старыхъ картахъ н. „Вязма“.

вмѣстительный, построенный при Борисѣ Годуновѣ, окруженный острогомъ. Предъ нимъ каменная церковь, недурная. При ней колоколъ, весь вызолоченный, не малый, а другой на половину. Дѣло необыкновенное. У этихъ людей вся религія въ колоколахъ и образахъ. Отъ этого села мы имѣли нѣсколько болѣе поля и менѣе болота. Прибылъ г. Янъ Бучинскій, отъ государя съ привѣтомъ (и просьбой) къ государынѣ — задержаться, пока не дадутъ знать о днѣ выѣзда. Привезъ и подарки для государыни: восемь занавѣсокъ съ камнями и восемь кусковъ турецкой парчи. Въ этомъ увеселительномъ мѣстѣ государыня задержалась на четыре дня.

Того-же—X дня, 4 мили отъ государевыхъ палатокъ.

Надъ рѣкою, въ полуторѣ мили отъ города Москвы, разбиты были 24 палатки, гдѣ сама государыня стояла, включая сюда и тѣ, которыя были сдѣланы въ видѣ воротъ и бастіоновъ, а также и палатки въ изгороди. Столовая палатка о трехъ верхахъ (въ немъ и мша правилась), — вся чудной, тонкой работы. Фигуры и сцены изъ Ветхаго и Новаго Завѣта были тонко вышиты, съ надписями на латинскомъ, персидскомъ и русскомъ языкахъ[1]); при разсматриваніи этого, было чѣмъ залюбоваться и столь чудной работой и столь огромной махиной. Лавки вокругъ половины палатки, частью прикрытыя стриженымъ бархатомъ разныхъ цвѣтовъ, частью сукномъ, также стриженымъ и вышитымъ; но здѣсь уже были какія-то крупныя вещи. Гдѣ стояла сама государыня, тамъ обвели заново другою изгородью, продѣлавши улицы; предъ комнатою три прихожихъ, всѣ три турецкой работы, но уже не столь тонкой, какъ въ большой палаткѣ, хотя и недурной. За этими нѣсколько другихъ палатокъ для женской прислуги, вокругъ — для пріятелей, изъ сукна или холста; даже и Москва имѣла свои палатки—все это заняло немалый просторъ.

Сюда пріѣзжали привѣтствовать свою государыню горожане и купцы изъ Москвы, съ врученіемъ подарковъ: прежде всего, согласно ихъ обычаю, три большихъ коровая, затѣмъ пять вызолоченныхъ кубковъ, пять кусковъ турецкой парчи и пять сороковъ недурныхъ соболей.

Въ этихъ палаткахъ мы стояли два дня. Говорили, что ночью *incognito*, въ присутствіи лишь не многихъ дамъ, былъ и государь у государыни, привѣтствуя ее.

---

[1]) По Дневнику кс. Савицкаго, который также обстоятельно описалъ эту палатку, надписи были въ языкахъ: латинскомъ, рускомъ, сирійскомъ и арабскомъ (Wielewicki, 139).

Возвратился и его м. г. воевода отъ государя, который вмѣстѣ съ сердечнымъ пріемомъ одарилъ его. Напередъ, на встрѣчу ему, онъ выслалъ богато убраннаго лошака при нѣсколькихъ боярахъ: вся збруя изъ грубо отлитаго золота, ярчакъ[1]) оправленъ также въ золото, у него золотой толумбасъ[2]), а въ послѣднемъ 12 золотыхъ чарокъ. Когда его м. г. воевода имѣлъ привѣтствовать государя, тотъ ожидалъ его въ большой палатѣ *in regali*[3]), въ коронѣ, со всею своею Думою, патріархомъ и владыками. Послѣ рѣчи его м. г. воевода былъ милостиво принятъ. Онъ провожалъ государя до мѣста отдыха, гдѣ тотъ снова отдарилъ его тремя большими перстнями, съ брилліантомъ, рубинами и смарагдомъ. Эти подарки цѣнили выше 10000 золотыхъ. Третьяго дня, государь, желая потѣшиться вмѣстѣ съ его м. г. воеводою, приказалъ выпустить въ поле медвѣдя и самолично убилъ его рогатиною, напередъ утомивши его, прогнавъ болѣе мили.

Того же, 12 дня, въѣздъ въ Москву, столичный городъ.

Прежде чѣмъ государыня двинулась отъ палатокъ, проѣхали господа послы его в-ва короля: г. Николай Олешницкій, малаговскій каштелянъ, и г. Александръ Гонсевскій, велижскій староста. Они были любезно приняты выѣхавшими на встрѣчу имъ частью государева двора и нѣкоторыми боярами.

Потомъ двинулась и государыня отъ палатокъ. Вблизи города, надъ рѣкою Москвой, были разбиты четыре палатки и здѣсь государыня сошла. Около этихъ палатокъ стояло 100 государевыхъ алебардниковъ, 200 драбантовъ съ алебардами. Хотя эти алебардники и не были въ цвѣтномъ платьѣ, но каждый былъ въ шелковомъ нарядѣ, всѣ въ плащахъ, съ алебардами, топорища которыхъ были обвиты серебряной проволокой. Драбанты-же были безъ плащей, алебарды иначе и безъ проволоки, въ худыхъ кафтанишкахъ—черныхъ, кожанныхъ, различныхъ; одни со шпагами, въ подсованныхъ сапогахъ или башмакахъ[4]); другіе съ казацкими сабленками, въ черевичкахъ или скорняхъ; *in summa* было видно, что ремесленники, *alias*, всякая дрянь. Около этихъ алебардниковъ стояло человѣкъ 600 стрѣльцовъ съ ружьями, въ одинхъ кафтанахъ, но каждый въ иномъ, съ петлицами по поясъ. Можно сказать, что трудно видѣть больше извощиковъ вмѣстѣ—на нихъ они были скорѣе похожи, чѣмъ на пѣхоту. Одно только ихъ

---

[1]) Легкое татарское сѣдло.

[2]) Турецкій бубенъ, съ звонками. Старорусская форма — тулумбазъ и тулунбазъ.

[3]) Т. е. въ царскомъ одѣяніи.

[4]) Обувь, заходящая до голеней, камаши.

украшало, что каждый былъ въ бѣлой шапочкѣ. За ними, въ свою очередь, стояло сто коней гусаръ изъ государевой роты, подъ командой г. Домарацкаго.

Прежде чѣмъ оправилась государыня отъ пыли, какъ явились ее привѣтствовать всѣ думные бояре и князья, между которыхъ первыми были: князь Мстиславскій, трое Шуйскихъ, Воротынскій, двое Нагихъ, Никитичъ[1]), Татищевъ, Голицынъ, Татевъ, Масальскій, Басмановъ (Basman). Василій Шуйскій, нынѣшній великій князь, отъ имени всѣхъ привѣтствовалъ рѣчью — кратко, съ робостью и по запискѣ, вложивши ее въ шапку. Отъ имени государыни отвѣчалъ г. Стадницкій, что она признательна за пріемъ и принятіе ея, какъ государыню, съ обѣщаніемъ своей любви. Выѣзжалъ и самъ государь на конѣ въ поле, по *incognito*, самъ—третей, желая видѣть въѣздъ и проводы государыни. Говорятъ, что уже тогда подкарауливали измѣнники— какъ бы привести въ исполненіе свой предательскій замыселъ.

По окончаніи привѣтствія, тѣ же бояре отъ имени государя передали государынѣ большую карету, въ видѣ высокаго рыдвана. Входить въ нее надо было по пяти ступенькамъ, обитымъ краснымъ бархатомъ; занавѣсь была также бархатная, красная; вокругъ края были окованы вызолоченнымъ серебромъ. Сзади, на кузовѣ, большой серебряный государственный гербъ. Внутри карета была подшита парчею, подушки—изъ тонкой золотой ткани; въ нее сѣла только государыня съ ея м. г-жею старостихою сохачевскою. Этотъ корабль тянули 12 сѣрыхъ съ яблоками лошадей, изъ которыхъ однѣ были такими отъ природы, другія подкрашены. Возницъ также 12; они шли пѣшкомъ, ведя коней, каждый въ иномъ кафтанѣ, въ суконномъ или въ какомъ попало. Ступеньки, по которымъ государыня всходила, несли пятеро мужиковъ, впередъ кареты. Сбруя на лошадяхъ красная, бархатная, прошитая золотомъ, пряжки серебряныя, уздечки казацкія.

Предъ въѣздомъ въ городъ государь приказалъ было, чтобы конвой изъ пріятелей и роты, которые провожаютъ государыню, равно какъ и пѣхота, входили позади, за экипажами съ женской прислугой, и это для отлички, чтобы они не ѣхали впереди москвитянъ, что однако нашимъ рядамъ было совсѣмъ не по вкусу. Но потомъ онъ передумалъ и приказалъ ротамъ въѣзжать впередъ, и шли онѣ въ такомъ порядкѣ: впереди 70 человѣкъ пѣхоты его м. г. саноцкаго старосты[2]), затѣмъ 100 человѣкъ пѣхоты его м. г. воеводы, 70 гусаръ изъ роты саноцкаго ста-

---

[1]) Вѣроятно, Өедоръ Никитичъ Романовъ.
[2]) Брата Марины, Станислава.

росты и 100 гусаръ его м. г. воеводы. Впереди ротъ вели по паре заводныхъ коней по два конюха, пѣшкомъ, въ турецкомъ нарядѣ; третій былъ лошакъ или конь отъ государя, предъ ротой г. воеводы, и въ той сбруѣ, въ какой былъ подаренъ. Предъ ротой г. саноцкаго старосты ѣхали два пажа съ копьями, а на нихъ короткіе щиты: одинъ покрытый краснымъ бархатомъ, окованъ въ серебро и съ позолоченнымъ львомъ; другой—чернымъ бархатомъ и съ бѣлымъ грифомъ; третій пажъ по-персидски. Впереди роты его м. г. воеводы также два пажа по-гусарски, третій аракъ по-персидски, всѣ были одѣты довольно дорого. За нами государевъ дворъ, далѣе ѣхали думные бояре, въ перемежку съ пріятелями государыни. Предъ каретой государыни самъ его м. г. воевода, по сторонамъ алебардники и стрѣльцы; при самой каретѣ государыни четыре лакея въ зеленомъ бархатѣ, въ красныхъ суконныхъ плащахъ съ золотымъ позументомъ; за каретой государыни около тридцати камергеровъ, затѣмъ девять каретъ съ женской прислугой.

Проѣхали городъ. Предъ Кремлемъ стояли 50 трубачей и 40 барабанщиковъ, которые били въ котлы, а на двухъ концахъ по одному барабану, величиною въ винную бочку, въ которые мужичье колотило только одною рукою. Всѣ разомъ исполняли свою обязанность. Это колоченіе болѣе походило на шумъ отъ мельничнаго ворота, чѣмъ на бой барабана; наконецъ, трезвонъ во всѣ колокола, а ихъ, при массѣ церквей, выше мѣры, и сходство еще большее. Салютовъ не было ни какихъ.

При въѣздѣ въ ворота Кремля сейчасъ-же тутъ монастырь, въ которомъ живетъ государева мать; у ней и сошла государыня. За ней не впустили никого, кромѣ немногихъ гг. пріятелей. Около 40 монахинь стояли у церкви. Онѣ ее встрѣчали. Въ сопровожденіи двухъ изъ нихъ, подъ руки съ обѣихъ сторонъ, прошли чрезъ крыльцо въ сѣни, далѣе въ прихожую, обитую внизу чернымъ сукномъ, а затѣмъ въ комнатку, такъ-же обитую, гдѣ государева мать стояла въ сторонкѣ, и государь около нея, у правой руки. Оба они не двинулись съ мѣста. Послѣ трехъ поклоновъ съ привѣтомъ, царица обратилась къ государевой матери съ недурной и довольно длинной рѣчью—такова была воля государя—въ такихъ словахъ[1]).

Послѣ этой рѣчи она привѣтствовала государя. При этомъ не было никого, кромѣ отца, г. воеводы, брата, г. саноцкаго старосты, а изъ дамъ — изъ родныхъ—были: г-жа сохачевская старостиха, г-жа перемышльская хорунжина и г-жа Гербултова.

[1]) Рѣчь эта опущена. Очевидно, авторъ намѣревался вписать ее позже, почему цѣлую страницу оставилъ пустою. Не предлагаютъ ее и другіе извѣстные намъ дневники.

Эти покойки государевой матери просто, изъ нетесанныхъ круглыхъ бревенъ, по-московски сбиты, малы и низки. Въ этомъ-же монастырѣ государыня пребывала до вѣнчанія на царство.

Потомъ господа пріятели и дворяне разошлись по своимъ квартирамъ, которыя были въ разныхъ мѣстахъ и далеко одна отъ другой. Солдатамъ были отведены подворья, также поотдаль отъ Кремля и въ узкихъ улицахъ.

Рѣчь къ свѣтлѣйшему Божьей милостью цесарю московскому, всея Руси самодержцу, Димитрію Ивановичу, отъ имени ясновельможнаго его м. господина Юрія Мнишка, сендомірскаго воеводы, львовскаго, самборскаго, меденицкаго и пр. и пр. старосты, по случаю проводовъ дочери его милости, а его величеству цесарю высоконареченной супруги, писанная въ столичномъ городѣ Москвѣ, 12 мая 1606 года [1]*).*

„Ничего не могло въ это время совершиться болѣе утѣшительнаго ясно-вельможному его м. г. воеводѣ, о, милостивѣйшій, пресвѣтлѣйшій цесарь, господинъ милостивый! Ничего не просилъ онъ у Господа Бога болѣе горячо, какъ одного того утѣшенія, чтобы имѣть возможность видѣть и лицезрѣть ваще цесарске в—во въ добромъ здоровіи, покойнымъ, съ великою славою на отцовскомъ престолѣ, среди любви всѣхъ подданныхъ, къ монархіи Московской принадлежащихъ. Что Господь Богъ сподобилъ его все это ему увидать, за то хвалитъ онъ Его святое имя и признаетъ себя счастливымъ. Ибо, что можетъ кому либо быть болѣе утѣшительнымъ какъ-то, когда онъ видитъ уже счастливое исполненіе, желанный конецъ всѣхъ думъ, работъ, трудовъ, издержекъ, риска здоровья и имущества, видитъ въ счастливой и желанной пристани, уже отъ всякихъ бурь защищенной. Воздавъ прежде всего благодареніе Всевышнему за эту милость и любовь, за Его справедливость и святое попеченіе противъ хитрыхъ людскихъ замысловъ, мы можемъ только удивляться вашему цесарскому величеству. Господь Богъ предалъ тебѣ подъ нозѣ твоихъ супостатовъ, разрозненныя мысли объединилъ, замыслы ихъ погасилъ, различныя чаянія (при притворствѣ недоброжелателей твоего цесарскаго величества) стеръ и стеръ съ потомствомъ неправеднаго похитителя и насильственника твоихъ царствъ. Самъ онъ увязъ въ тѣхъ силкахъ, которые ставилъ, будучи слугою,— на господина своего, будучи рабомъ—на благодѣтеля своего,

---

[1]) Немоевскій не указываетъ, кто написалъ эту рѣчь, и была ли она дѣйствительно произнесена. Кажется, что онъ самъ былъ авторомъ ея.

будучи неправеднымъ и невѣрнымъ опекуномъ—на ребенка. О, сокровенный судъ и божеская справедливость, кто возможетъ сколько-нибудь достойстойно возславить тебя!.. Приходится только сказать съ пророкомъ: дивенъ Господь въ дѣлахъ своихъ, ибо если-бы предоставить и массу времени на изображеніе всего этого, все-же его было бы не достаточно. Но, съ другой стороны, сколько бы я не распространялся, я бы не былъ въ состояніи изобразить такъ совершенно той радости, какую чувствуетъ ясно-вельможный его м. г. воевода отъ того благословенія, которое Господь Богъ ссудилъ вашему цесарскому величеству. Радуется весь христіанскій міръ съ духовенствомъ и хвалитъ имя Его святое, видя, что Господь Богъ посадилъ ваше цесарское в—во на эту столицу странъ полунощныхъ, государя богобоязненнаго, справедливаго, набожнаго, милосерднаго и вообще всѣми дарами христіанскими одареннаго, дающаго обѣтъ себѣ—замѣсто стараго разъединенія—единеніе церкви Божіей. Радуются обширныя христіанскія области—однѣ будучи въ тяжеломъ поганскомъ ярмѣ, другія—встревоженныя суровою ихъ судьбой, понимая, что уже подходитъ время соединенія христіанскихъ монарховъ въ единомысліи и избавленіи церквей Божіихъ изъ мерзкихъ и срамно идолопоклонствомъ оскверненныхъ рукъ. Съ хвалою выставляютъ всѣ усердіе и горячую любовь вашего цесарскаго в—ва къ расширенію славы великаго Бога, говоря съ Исаіей: „разные народы соединятся около тебя“. Къ тебѣ, о могущественный монархъ, могутъ быть относимы и дальнѣйшія слова того-же пророка: „се я далъ его, какъ свидѣтеля народовъ и учинилъ его вождемъ; се народъ, котораго ты не зналъ, ты призовешь, и народы, которые тебя не знали, притекутъ къ тебѣ“.

„Утѣшается и наша Рѣчь Посполитая, корона польская, что пріобрѣла такого сосѣда, такими добродѣтелями украшеннаго и одареннаго, связаннаго узами пріязни, родства и услугъ. Изъ помысловъ людскихъ уже начинаетъ угасать то, столь долгое время тянувшееся, недовѣріе между обоими народами и притворная, только на время, пріязнь. Уже наступаютъ счастливыя времена: вмѣсто остраго оружія—любовь, вмѣсто грозной стрѣльбы—довѣріе, вмѣсто жестокаго и по истинѣ поганскаго пролитія крови—взаимная симпатія, вмѣсто лукаваго коварства—съ обѣихъ сторонъ радость утѣшенія, а если бы какое и оставалось еще недовѣріе, то отношеніе и узы родства его погасятъ, и всему этому ваше цесарское в—во, за указаніемъ Всемогущаго, который сердца людей Самъ направляетъ и управляетъ, пожелалъ дать на себѣ не только поощреніе для народовъ, но и самый примѣръ. Ты избралъ себѣ для совмѣстной жизни, для участія въ любви и благословеніи, которымъ Господь Богъ обильно ссу-

дилъ ваше цесарское в—во, подругу въ дому ихъ милостей господъ Мнишковъ, знаменитомъ уже отъ многихъ лѣтъ, издавна украшенномъ всяческими почестями, сколько только ихъ есть, не только среди христіанствъ, но и между поганства, можно сказать по всѣму свѣту славящемся какъ великою храбростью и мужествомъ въ борьбѣ съ поганствомъ, такъ и благоразуміемъ въ утвержденіи и разсширеніи славы Божьей и дѣлъ христіанскихъ государствъ. Но мнѣ тѣмъ менѣе надлежитъ распространяться о томъ, о чемъ такъ много историковъ, и прежнихъ, и нынѣшнихъ, засвидѣтельствовало предъ послѣдующимъ поколѣніемъ въ книгахъ, да и ваше цесарское в—во сами нѣкоторое время видѣли. Вы благоволили отмѣтить въ томъ домѣ воспитаніе достойнаго потомства во всѣхъ добродѣтеляхъ — въ богобоязненности, въ стыдливости, въ скромности—у матери столь благочестивой, которую самъ Господь Богъ (такъ каждый долженъ полагать, хотя она и столь слабаго здоровья) хранитъ только, какъ примѣръ и образецъ женскаго пола [1]). За малостью времени не желая распространяться о знаменитости и стародавности этой фамиліи, я ссылаюсь на тѣхъ-же историковъ. Одно только припомню: двѣсти лѣтъ тому назадъ, хотя славной памяти король Владиславъ имѣлъ вокругъ себя однихъ достойныхъ довѣрія людей, но то, что желалъ сохранить въ наибольшей тайнѣ, довѣрилъ одному изъ этой семьи. Отъ такихъ-то родителей и съ такою, украшенною всѣми добродѣтелями, дѣвицею, уже нареченною вашему цесарскому в—ву супругою, пріѣхалъ его милость г. воевода; онъ человѣкъ слабаго здоровья, но, не обращая вниманія на отдѣленность мѣста, на трудность пути, онъ—одно чаяніе великаго утѣшенія, лучше сказать—твердой надежды, что ваше цесарское в—во за благожелательство, которое ты узналъ въ его домѣ, соизволишь отвѣтить признательностью. Онъ это скорѣе всего заключитъ изъ того, когда увидитъ искреннюю любовь и должное уваженіе со стороны вашего цесарскаго в—ва къ его дочери и нареченной супругѣ вашей въ союзѣ и въ томъ бракѣ, который Господь Богъ установилъ, какъ таинство, въ неразлучимомъ, по христіанскому обычаю, животѣ, пока Онъ, по милосердію своему, соизволитъ продлить его. А такъ какъ это пошло отъ самаго предопредѣленія Наивысшаго Господа, то онъ и проситъ Его—да благоволитъ Онъ благословить въ этой столицѣ,—къ хвалѣ своей, къ расширенію славы имени Его святаго, къ единству каѳолической церкви, на страхъ поганству и всѣмъ, Ему противящимся,— съ утѣшеніемъ и размноженіемъ дорогаго потомства, видѣть вмѣстѣ

[1]) Мать Марины была Ядвига, дочь Яна Тарфа, перемышльскаго хорунжаго.

сыны сыновъ своихъ. Да будетъ же счастливо возведена на тронъ вашего цесарскаго в—ва твоя избранница, а день этого возведенія, счастливый для всѣхъ доброхотовъ вашего цесарскаго в—ва, да будетъ грознымъ для всѣхъ противящихся тебѣ."

Описаніе столичнаго города Москвы и Кремля, также и положенія города.

Виленская рукопись.

Въ Москвѣ, которая есть столица всего государства, въ царствованіе Ивана Васильевича, полагаютъ, было 30 тысячъ людей обоего пола, считая и дѣтей. Но теперь число это можно увеличить до 50 тысячъ и болѣе, вслѣдствіе сильнаго размноженія людей. На первый взглядъ, въѣзжающему въ городъ столица кажется очень громадной; но, по въѣздѣ, можно замѣтить, какъ много мѣста занимаетъ каждый дворъ; въ дворахъ немалые огороды; кромѣ того не мало мѣста заняли торговыя клѣтушки или будки (kletki albo botegi), поставленныя для продажи разныхъ вещей; наконецъ, огромное количество церквей — 700 (какъ они сами считаютъ)—и монастырей указываетъ на обширность города.

Съ своей стороны придаетъ обширность городу и стрѣлецкая часть (miasto), лежащая за рѣкою Москвою: въ ней живетъ пять тысячъ стрѣльцовъ (по ихъ счету десять приказовъ, въ каждомъ по 500 человѣкъ). На

Львовская рукопись.

При приближеніи съ юга къ столичному городу Москвѣ, отъ послѣдняго села Вязмы [1]), которое лежитъ въ 6 миляхъ отъ города, начинается нѣсколько болѣе открытое поле, однако, болѣе зарослей и холмовъ, между которыхъ болотистыя долинки.

Самый городъ Москва лежитъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, чрезъ которое по серединѣ бѣжитъ Москва рѣка, неширокая и небыстрая, но мелкая, такъ что можно ея переходить въ бродъ. Городъ кругомъ, или, лучше сказать, его предмѣстья, огороженъ, лѣтъ шестнадцать тому назадъ (послѣ того какъ крымскіе или перекопскіе татары подошли было къ нему и немало пожгли), деревяннымъ срубомъ (wzręboт), въ которомъ, и также изъ дерева, сдѣланы довольно часто нѣчто въ родѣ башенъ, для стрѣльбы. Поверхъ забора всюду паланки, прикрытыя досками; въ окружности его будетъ мили двѣ. Это укрѣпленіе называютъ „скородумъ" (?). Въ предѣлахъ этого

---

[1]) Село это называлось собственно Вяземы. См. выше. Но возможна и форма, что у автора—ср. тамъ-же.

нихъ они полагаютъ наибольшую мощь своего государства и упованія выше всякихъ другихъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова (Godona), когда отъ голода простой человѣкъ въ теченіе двухъ лѣтъ терпѣлъ великія страданія и вынуждаемъ былъ за одинъ сухой кусокъ хлѣба приниматься за большія работы, городъ, который самъ по себѣ имѣетъ большую окружность, одѣтъ былъ каменной стѣной; затѣмъ, обведенъ огромнымъ заборомъ, такъ что теперь, при набѣгахъ татаръ, люди могутъ укрыться со всѣмъ скотомъ, почему не такъ легко и непріятель можетъ вредить городу.

Тотъ-же Борисъ построилъ каменныя бутки (botеki) или небольшія лавки, раздѣливъ ихъ въ порядкѣ, по группамъ, улицами, предъ Кремлемъ, на Лобномъ мѣстѣ (такое имя они ему даютъ), т.-е. въ старой каменной стѣнѣ, отдѣленной отъ Кремля; это однако, величиною не выдѣляется, хотя и удерживаетъ первенство.

Самый Кремль [3]), который въ окружности довольно широкъ и длиненъ, заключаетъ въ себѣ не мало дворовъ, каменныя церкви, украшенныя сверху позолоченною жестью, равно какъ и иные монастыри, со вкусомъ забора большая часть города, извѣстная подъ именемъ Царевъ городъ (Carygrod); обнесена она новою каменною стѣною съ довольно частыми башнями, изъ мягкаго бѣлаго камня. Около этой стѣны ровъ, вмѣсто вала; но едва-ли не всюду его можно переѣхать на конѣ. Чрезъ эту часть обведеннаго стѣной города течетъ рѣчка, точнѣе, болото, ибо не видно, чтобы текла, которую называютъ Льгнѣнцой (Lgniąca)[1]). Подъ Кремлемъ она соединяется съ Москвой рѣкой.

Между этими водами [2]), посреди города, замокъ, называемый Крымъ-городомъ (Krymgród), на нѣсколько болѣе возвышенномъ мѣстѣ; по пути къ нему чрезъ Неглинную — двѣ каменныя стѣны, одна возлѣ другой, вдоль отъ основанія выведенныя о 12 сводахъ, тонкія, высокія, по сторонамъ большія окна; вѣроятно, онѣ были выведены такъ высоко для кровли. Между стѣнъ деревянный мостъ, пропущенный въ кирпичную, умѣренной толщины стѣну: онъ идетъ отъ Кремля, съ довольно частыми башнями, на подобіе бастіоновъ.

Эта середина города, называемая Китай-городомъ, обведена стѣной; она въ своей окружности немного менѣе Вар-

---

[1]) Авторъ ошибочно называетъ эту рѣчку: она въ дѣйствительности называлась „Неглинная".

[2]) Т. е. между Неглинной и р. Москвой.

[3]) У автора вездѣ „zamek", т.е. замокъ. Намъ казалось удобнѣе передавать эти выраженія словомъ „Кремль", и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ. Для отличія приходится употреблять и слово „замокъ".

(chedogo) построенные, все это указываетъ на пышное великолѣпіе.

И того мнѣ не годится не припомнить, получивъ о томъ свѣдѣнія, что не менѣе придаютъ величіе городу и боярскія усадьбы (dwory): каждый изъ бояръ, особенно изъ знаменитѣйшихъ (а въ государствѣ ихъ много), долженъ имѣть свою усадьбу, такъ какъ они привыкли проживать въ столицѣ—болѣе при царѣ быть, чѣмъ въ „деревняхъ" или въ селахъ [1]). шавы, въ предѣлахъ ея стѣнъ. По спускѣ съ этого моста въ ворота, въ срединѣ города, по правую руку Кремль, который отдѣленъ отъ города съ трехъ сторонъ тѣми двумя рѣками, а съ четвертой—рвомъ, довольно глубокимъ, облицованнымъ, но сухимъ. При спускѣ съ моста у воротъ, съ правой руки, мостъ въ Кремль, подлѣ котораго стояло 18 новоотлитыхъ мортиръ, громадныхъ и удивительныхъ, а одно орудіе столь громадно, что человѣкъ могъ въ него влѣзть. Немного далѣе переднія кремлевскія ворота [2]), передъ которыми церковь св. Михаила [3]) о двухъ башняхъ, построенная изъ камня довольно красиво. Неподалеку отъ нея стѣна вышиной въ два локтя, круглая, пространствомъ болѣе десяти локтей; на ней вмѣсто поручней круглая желѣзная рѣшетка и дверки (она бываетъ заперта); это называютъ Площадью (Płaszczada) [4]). До этого мѣста, въ ночь на пасху, великій князь пѣшкомъ, по обязанности, ведетъ коня подъ митрополитомъ (котораго недавно объявили патріархомъ), и отсюда уже тотъ благословляетъ народъ. И самъ великій князь обыкновенно съ этого мѣста говоритъ къ народу, когда совершится что-либо важное. Вблизи этого мѣста стоитъ большое и длинное орудіе, въ которомъ рослый мужчина можетъ сѣсть, не сгибаясь: я самъ это испыталъ. За тою-же церковью другое орудіе, въ длину 24 фута и красивое—двойной картаунъ: чрезъ все орудіе отлитъ змѣй.

Ограда самаго Кремля немала — кирпичная стѣна, башни по стародавнему, кругомъ, для стрѣльбы. Въ немъ два монастыря, каменныхъ церквей болѣе 20. При въѣздѣ, у воротъ, каменная судная палата, немного далѣе—огромное сводное зданіе

---

[1]) Въ концѣ первой редакціи этого Дневника находится глава: „Москва, Кремль и городъ", буквально повторяющая то, что на этомъ мѣстѣ во второй редакціи.

[2]) Тогда Ярославскія, теперь Спасскія ворота.

[3]) Немоевскій ошибочно называетъ эту церковь, такъ какъ это соборъ Василія Блаженнаго.

[4]) Это возвышеніе, окруженное каменною балюстрадою, есть т. наз. Лобное мѣсто, гдѣ казнили преступниковъ и откуда объявлялись народу какъ царскіе указы, такъ и вообще важныя извѣстія. Не это возвышеніе, но вся громадная площадь, лежащая на восточной сторонѣ Кремля, до сихъ поръ носитъ названіе Красной площади.

на одномъ столбѣ; въ немъ сводный потолокъ, росписной и позолоченный сусальнымъ золотомъ, гдѣ великій князь даетъ аудіенціи иностраннымъ посламъ [1]). Недалеко отъ него другое сводное зданіе, по-меньше, но также росписное; его называютъ „Золотою Палатою"; здѣсь обыкновенно бояре совѣщаются съ иностранными послами; затѣмъ, покои самого князя. Каковы они и какъ они изукрашены—мы вспомнимъ при привѣтствіи князя. Остальное—деревянныя постройки, съ курными избенками, помѣщенныя тамъ и сямъ, безъ всякаго порядка и размѣра. Весь Кремль въ направленіи дорогъ замѣсто мостовой покрытъ мостками и хворостомъ (gacią). Не слѣдуетъ и того забыть, что на каменныхъ церквахъ, что въ Кремлѣ, 19 большихъ, вызолоченныхъ колоколенъ, а это немалыхъ издержекъ должно было стоить.

Предъ самымъ Кремлемъ немало свободнаго пространства, на которомъ, вдоль кремлевскаго рва, около десятка деревянныхъ церковокъ, одна возлѣ другой. Напротивъ-же нихъ—нѣсколько каменныхъ входовъ, сводчатыхъ, низкихъ; шириною въ Кремль, они идутъ рядомъ; изъ нихъ купцы продаютъ свои товары; шелковыхъ матерій мало, шерстяного товару также. Подъ ними погреба для романеи, но больше въ нихъ горѣлки и квасу. За этими помѣщеніями, на сводахъ, лавки различныхъ ремесленниковъ, но при соблюденіи такого порядка, что въ каждомъ ряду ремесленники только своего ремесла: золотари, маляры, шорники, шапочники, ножевщики, солепромышленники; чесноковцы вмѣстѣ съ продавцами лука.

По другую сторону Кремля протекаетъ, и подъ самую стѣну, рѣка Москва, чрезъ которую, подъ Кремлемъ, идетъ на плотахъ мостъ въ другую половину города, которая, хотя и мало чѣмъ не такъ велика, какъ первая, но не такъ заселена; много пустыхъ мѣстъ, большой лугъ и немалое поле, гдѣ сѣютъ. Тутъ уже каменной стѣны нѣтъ: идетъ только до рѣки, а затѣмъ вдоль рѣки къ Кремлю, которая, какъ упоминалось, течетъ чрезъ средину города, мимо Кремля. Эта вторая часть города окружена однимъ деревяннымъ заборомъ, какъ и Китай-городъ. Говорятъ, что церквей въ городѣ около 700, между ними немало недурно выстроенныхъ; на многихъ—большія башни, обыкновенно покрытыя бѣлою жестью, которую моремъ доставляютъ изъ Германіи.

Самый городъ, хотя и огромное сельбище, но малолюденъ: въ немъ много пустыхъ мѣстъ, населенія можно полагать тысячъ

---

[1]) Зала эта, до сихъ поръ вполнѣ хорошо сохранившаяся, до сегодняшняго дня называется Грановитою Палатою. Нѣсколько ниже Немоевскій описываетъ ее обстоятельнѣй.

30 особъ. Ни каменныхъ домовъ, ни домовъ на улицу въ немъ нѣтъ—однѣ усадьбы (dwory), каждая огорожена; рѣдко гдѣ изъ камня сводчатая постройка или бѣлая изба, развѣ что у первыхъ бояръ, съ крошечными окнами въ вышину на полъ-локтя, хотя теперь, при князѣ Димитріи, начали было строить большія свѣтлицы. Онъ имъ это сталъ дозволять, такъ какъ раньше и этой свободы они не имѣли — только кому князь разрѣшалъ *ex speciali gratia*[1]).

По улицамъ всюду мостки и хворостина вмѣсто мостовой. Говорятъ, что городъ хорошо снабженъ орудіями; но мы этого не видѣли, разсматривая прежде всего арсеналъ, гдѣ льютъ пушки, а затѣмъ башни и стѣны, и вообще они не имѣли ничего такого, чѣмъ бы могли не съ охотой отличиться передъ нами. Считая и тѣ 18 мортиръ, которыя они на показъ выставили впереди Кремля, всѣхъ орудій не будетъ и пятидесяти; но между ними только семь тяжелыхъ, остальныя полевыя пушки.

На сѣверъ отъ города есть село по имени Кокуй[2]), гдѣ живутъ нѣмцы, лифляндскіе измѣнники[3]). Построено около полутараста хатъ, московскимъ способомъ, съ черными избами, надъ рѣкою Яузою; на ней, подъ заборомъ, городскія мельницы, которыя они хотя и употребляютъ, но обыкновенно въ каждомъ домѣ имѣя и жерновъ.

На западъ, въ одной милѣ отъ города, другое село—Красное село. Тамъ живутъ крестьяне (chłopstwo), которымъ, наравнѣ съ боярами, принадлежитъ завѣдываніе всяческими управленіями (rządy) въ цѣломъ государствѣ, равно какъ избраніе государя, еслибы не оказалось потомства у великаго князя. Въ этомъ-же мѣстѣ живутъ и агенты англійскихъ купцовъ и нѣкоторыхъ голландскихъ (flanderscich) городовъ; но имъ не вольно отъѣзжать по своему желанію, а всегда съ дозволенія государева, при чемъ они его получаютъ лишь по прибытіи на ихъ мѣсто другихъ. По государству, безъ государевыхъ приставовъ, имъ не вольно ѣздить. Когда который корабль отходитъ, его внимательно осматриваютъ, чтобы не выѣхалъ какой москвитянинъ изъ земли.

Дня XIII того-же мѣсяца.

На другой день по пріѣздѣ, государь назначилъ гг. пріятелямъ время для привѣтствованія — передъ обѣдомъ. Въ назначенное время мы и пріѣхали для привѣтствованія. Великій князь

---

[1]) Т. е. по особой милости.

[2]) Село это называлось также Нѣмецкой слободой.

[3]) Болѣе близкія подробности о прибытіи и поводахъ къ водворенію этихъ нѣмцевъ въ Москвѣ даетъ Конрадъ Буесовъ въ своемъ „Relatio, das rat summarische Erzählung...“ (Rerum Ross. Scriptores exteri, I, 12—17).

ожидалъ насъ въ большой сводной палатѣ объ одномъ столбѣ, который въ серединѣ и держалъ самый сводъ; онъ росписанъ былъ на русскій манеръ (ruskiem kszałtem) — большею частью вызолоченъ, какъ и стѣны вокругъ. Обоевъ никакихъ, окна малыя и низкія; весь полъ (zenia) покрытъ простыми коврами, турецкими, небольшими. Вокругъ, по сторонамъ, вдоль стѣнъ, возвышалось по пяти ступеней, которыя были покрыты большими персидскими коврами, гдѣ сидѣло около семидесяти бояръ на лавкахъ, а въ концѣ, на тѣхъ же ступеняхъ, стояло, напротивъ великаго князя, человѣкъ полтораста дворянъ, всѣ одѣтые въ парчевые армяки: ими они пользуются изъ государевой казны и платятъ за то по три гроша — за эти нѣсколько часовъ, пока продолжается церемонія, а по окончаніи сейчасъ же снимаютъ, не уѣзжая къ себѣ домой, и возвращаютъ въ царскую казну; равнымъ образомъ у всѣхъ и чернобурые шлыки изъ той-же казны: но красиваго ничего не было.

По правую руку отъ государя, шагахъ въ десяти, сидѣлъ на небольшомъ стулѣ (na stołku) патріархъ, котораго создалъ себѣ Иванъ, отецъ Димитрія, незадолго до смерти, изъ митрополита[1]), говоря, что неприлично, чтобы великій князь не имѣлъ патріарха, когда его имѣетъ турецкій цесарь. Онъ былъ въ своей рясѣ, въ митрѣ съ жемчугомъ, подлѣ него стоялъ митрополитъ ростовскій съ владыками (онъ теперь на мѣстѣ московскаго, послѣ того какъ избранъ патріархъ). Когда мы ихъ потомъ спрашивали, кто это далъ имъ власть изъ митрополитовъ дѣлать патріарха, они намъ отвѣчаютъ: „што-же, али такъ не хорошо и не лучше? Великій князь моченъ и премудръ[2])“. Противъ такихъ доводовъ кто же могъ-бы что̀ сказать? Владыкъ сидѣло около 20, а въ концѣ ихъ стояло нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ простонародья (kanalie). Говорили, что это были горожане, торговцы, приглашенные для присутствованія.

На этой же возвышающейся площадкѣ сдѣланы еще три ступеньки, повыше, обитыя краснымъ сукномъ; на нихъ тронъ (на которомъ сидѣлъ самъ великій князь) — узкій и высокій, на подобіе каѳедры, съ которыхъ у насъ обыкновенно въ академіяхъ профессора читаютъ лекціи, окованный позолоченнымъ серебромъ. Надъ головой висѣла кисть, при ней какой-то красный камень; москвитяне его очень дорого оцѣниваютъ, а у насъ почти что

---

[1]) Какъ извѣстно, патріаршество въ Москвѣ установлено въ 1589 году, слѣд. не при Иванѣ Грозномъ, а при сынѣ его Ѳеодорѣ.

[2]) Это мѣсто, какъ и ниже, затруднительно для русской передачи, чтобы выдержать тонъ: авторъ старается передать якобы подлинную русскую рѣчь, а въ дѣйствительности какой-то винигретъ. Такъ при „horoszo“, онъ далѣе употребляетъ невозможное—„łucznie“, т. е. „лучше“. Понятно, что и въ оригиналѣ эти мѣста заключены въ кавычкахъ.

въ одной цѣнѣ съ чертовымъ пальцемъ (z bożem prątkiem) ходитъ и также очень похожъ на него. У ногъ два большихъ серебряныхъ льва, не позолоченные. Самъ князь былъ одѣтъ въ московскій армякъ, прошитый жемчугомъ; не мало на немъ и сафировъ. На головѣ со замкомъ (zamczysta) корона, съ камнями, но не очень дорогими, болѣе всего сафировъ, *sceptrum* въ рукахъ (w ręku), на пальцѣ правой руки перстень съ рубиновой дощечкой въ три пальца ширины. Дѣло мало допустимое, чтобы камень этотъ былъ настоящій—онъ стоилъ бы огромной суммы. Надъ сѣдалищемъ, гдѣ князь сидѣлъ, на стѣнѣ два образа Богородицы, унизанные мелкимъ жемчугомъ. Въ сторонѣ, недалеко отъ ступени, серебрянный вызолоченный тазъ, съ водою. О происхожденіи этого обычая—постановки воды—передаютъ, что великій князь послѣ каждаго пріема иностранныхъ пословъ умывается, давая тѣмъ знать, что онъ нисколько не запачкался той рѣчью, которую выслушалъ отъ чужеземца.

Въ сторонѣ, поближе къ великому князю, стоялъ мечникъ, съ мечемъ на-голо, въ парчевомъ кафтанѣ (dołomie) и въ подшитой соболями шубѣ. Впереди князя стояли четыре особы, по двѣ съ той и другой стороны, бокомъ къ государю, въ бѣлыхъ бархатныхъ одеждахъ, подшитыхъ горностаями, длинныхъ вплоть до ладыжки, сапоги также бѣлые, шлыки на головахъ рысьи, изъ переднихъ частей; у каждаго крестомъ двѣ толстыхъ цѣпи, въ каждой изъ нихъ могло быть по 600 *umgaricorum*[1]). Уныло глядя, они держали на плечахъ широкія сѣкиры, набитыя золотомъ, на короткихъ топорищахъ, оправленныхъ въ вызолоченное серебро. *In summa* этотъ тронъ—подобіе Соломонова трона, какъ его описываютъ въ библіи.

Когда мы были введены сюда княз. Масальскимъ, дворецкимъ, т. е. гофмаршаломъ вел. князя, который ожидалъ насъ у дверей, старшій дьякъ, т. е. канцлеръ, Аѳанасій Власьевъ (Własiejow)[2]), каждаго изъ насъ по бумажкѣ вызывалъ для поцѣлованія государевой руки. Послѣ привѣтствія, г. Мартынъ Стадницкій, какъ гофмейстеръ государыни, отъ господъ пріятелей и всего двора держалъ рѣчь въ такія слова:

„Пріятели и весь дворъ свѣтлѣйшей дѣвицы и супруги, нареченной вашего цесар. величества,—привѣтствуетъ устами моими (такъ какъ и я въ этомъ числѣ) ваше цес. в-во, прежде всего земной поклонъ отдавши Господу Богу, который, при шатаніи всѣхъ христіанскихъ королевствъ, далъ то утѣшеніе на страхъ поганнымъ, что, посѣтивъ чудесно ваше цесарское величество и

---

[1]) Т. е. венгерскихъ золотыхъ или червонцевъ,
[2]) Министръ финансовъ и канцлеръ Димитрія.

обративъ вниманіе на случаи, которыми Онъ привыкъ своихъ украшать, благоволилъ посадить на престолъ славныхъ для цѣлаго свѣта предковъ ваше цес. в-во и возславить ваше в-во на великое утѣшеніе всего христіанства. Онъ пожелалъ ваше цес. в-во породнить съ народомъ, мало разнящимся въ языкѣ и обычаяхъ, равнымъ силою, сердцемъ и жаждою къ бою, отъ вѣка славнымъ въ храбрости, сверхъ того, съ сенаторомъ Польскаго королевства, котораго развѣ надо препоручать вашему цес. величеству?... когда, съ помощью Божьею, вашему цес. в-ву удалось видѣть и домъ, и управленіе его милости, г. сендомірскаго воеводы, вслушиваться въ его совѣты, разсужденія и замѣчанія объ обстоятельствахъ будущаго, на счастливой конецъ ихъ и для самого себя, и сверхъ того родственныя отношенія съ лучшими людьми, а главное—довѣріе и любовь его вел-ва короля, и столь большая, что ни въ королевствѣ Польскомъ, ни въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, никто изъ этой любви его корол. в-ва не можетъ извлечь столь великой пользы, какъ его м. г. воевода.

„Изъ такого-то дома ваше цес. в-во благоволили излюбить и избрать себѣ подругу. Если-же кому кажется новшествомъ, что это изъ Польши, то Господь Богъ уже отъ давнихъ временъ въ государствѣ вашего цес. в-ва возславилъ эту свою волю: прадѣдъ или дѣдъ—не твердо держу это въ памяти — имѣлъ въ священномъ супружескомъ состояніи дочь Витольда. Да развѣ священной памяти отца вашего цес. в-ва не Глинская родила? Въ какое-же это время предкамъ изъ такой крови вашего цес. в-ва жилось несчастливо? И такъ, остается твердая надежда на счастливый, съ Божьею милостью, результатъ, когда Господь Богъ чудеснымъ образомъ обратилъ сердце вашего цес. в-ва къ тому народу, съ которымъ предки вашего в-ва роднились, и ты самъ благоизволишь породниться. Уже теперь погаснетъ та притворная дружба изъ сердецъ обоихъ народовъ, т. е. нашего и подданныхъ вашего величества. Уже то суровое, истинно нехристіанское пролитіе крови между насъ престаетъ. Уже, съ Божьимъ благословеніемъ, общія силы того и другаго народа мы будемъ съ успѣхомъ обращать противъ поганныхъ, чего не только мы, но и все христіанство съ великимъ вожделѣніемъ ожидаетъ. Да подастъ-же Господь Богъ здравый совѣтъ и да возвыситъ престолъ и величіе вашего величества, какъ далъ Онъ мощь вашему в-ву, дабы ваше в-во, изъ полнощныхъ странъ отодвинувъ мѣсяцъ къ полудню, освѣтилъ его славой своей, а на престолѣ своихъ предковъ въ обиліи лѣтъ видѣлъ потомство свое“.

На эту рѣчь великій князь приказалъ отвѣчать канцлеру своему Аѳанасію, который и исполнилъ это въ краткихъ и неудобопонятныхъ словахъ.

Затѣмъ послано было за послами его в-ва короля, а намъ указано стать въ сторонѣ, у столба, поставивши лавку для болѣе знатныхъ, чтобы сѣли.

Господъ пословъ сопровождали въ Кремль пристава, нѣсколько бояръ и часть царскаго двора. Впереди слуги несли на конахъ, по посольскому обычаю, подарки, и прежде всего вели даримыхъ коней. Когда-же они подошли къ сѣнямъ, предъ ту палату, гдѣ великій князь, послѣ нашего привѣтствія, сидя на престолѣ, ихъ ожидалъ, онъ выслалъ къ нимъ его м. г. воеводу сендомірскаго съ требованіемъ дачи ему, при отправленіи посольства, императорскаго (cesarski) титула. Когда-же его м. г. воевода по нѣскольку разъ то выходилъ, то входилъ и гг. послы ни въ какомъ случаѣ не пожелали согласиться на требованіе, князь приказалъ двумъ боярамъ, Григорію Ивановичу и Николаю Окольничему (Okolyczny) [1]), ихъ ввести, при входѣ которыхъ тотъ-же Микулинъ возвѣстилъ громко въ такихъ словахъ:

— Господа послы пресвѣтлѣйшему и непобѣдимому самодержцу и великому государю Димитрію Ивановичу, Божьей милостью цесарю и великому князю всея Руси (Rusi) и иныхъ татарскихъ царствъ и иныхъ многихъ государствъ, Московской монархіи принадлежащихъ, государю, царю и обладателю (obladicielowi), пресвѣтлѣйшаго и великаго господина Сигизмунда Третьяго, Божьей милостью короля польскаго и великаго князя литовскаго и иныхъ, послы Николай Олешницкій и Александръ Гонсевскій вашему императорскому величеству челомъ бьютъ.

Подходя къ великому князю, господа послы не сняли шапокъ; только послѣ того провозглашенія они, поклонившись, сняли ихъ, а затѣмъ, стоя, его м. г. Малаговскій такъ началъ говорить:

— Пресвѣтлѣйшій и великій государь Сигизмундъ Третій, Божьею милостью король польскій и великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмудскій, мазовецкій, кіевскій, волынскій, инфлянскій, эстонскій и иныхъ, наслѣдный король шведскій, готскій, вандальскій, князь финляндскій и иныхъ, соизволилъ прислать насъ, пословъ своихъ: меня, Николая Олешницкаго изъ Олешницы, каштеляна малаговскаго, и г. Александра Корвина-Гонсевскаго, старосту велижскаго, владѣтеля комужовскаго, дабы мы, именемъ его корол. в-ва, всемилостиваго нашего государя, вашему пресвѣтлому государскому в-ву, Божьей милостью вели-

---

[1]) По первой редакціи этихъ Записокъ и по Дневнику Вацлава Дыаментовскаго, Димитрій выслалъ за польскими послами только одного боярина, именно, окольничаго Григорія Ивановича Микулина (Hist. Russiae Monum. II, 167). Странная путаница въ текстѣ нашемъ.

ликому государю и вел. князю Димитрію Ивановичу всея Руси[1]), володимірскому, московскому, новгородскому, казанскому, астраханскому, кіевскому, тверскому, югорскому, пермскому, вигальскому (!)[2]), болгарскому и иныхъ, братскій поклонъ учинили, здоровье вашего пресвѣтлаго государскаго в-ва увѣдали и оглядѣли и счастливаго царствованія на престолѣ предковъ вашего государскаго в-ва пожелали, пріязнь и братскую любовь его корол. в-ва, государя нашего, вашему пресвѣтлому государскому в-ву объявили, на что и ввѣряющую грамоту дальнѣйшаго посольства отъ его в-ва короля, премилостиваго государя нашего, вашему пресвѣтлѣйшему государскому в-ву вручаемъ.

Затѣмъ онъ отдалъ грамоту его в-ва короля дьяку или царскому канцлеру, Аѳанасію Власьеву, который, взявши ее, поднесъ къ государю и прочелъ титулъ. Но такъ какъ въ немъ не было написано „Императору“ (Cesarzowi), то онъ приказалъ отвѣчать тому же дьяку, который, подступивши поближе къ г.г. посламъ, такъ говорилъ:

— Николай и Александръ! Вы пресвѣтлѣйшему и непобѣдимому, Божею милостью императору, великому государю и великому князю Димитрію Ивановичу, всея Руси самодержцу, володимірскому, московскому, новогородскому, царю казанскому, астраханскому, государю польскому, великому князю смоленскому, тверскому, югорскому, кандійскому, пермскому, сибирскому, вятскому, вигальскому (!), болгарскому и иныхъ многихъ земель и царствъ обладателю, отъ пресвѣтлѣйшаго Сигизмунда польскаго (не назвавъ его королемъ) и вел. князя литовскаго вручили грамоту, на которой титула императорскаго величества нѣтъ, такъ, какому-то князю всея Руси, а не императорскому величеству. Тутъ нѣтъ какого-то князя всея Руси, здѣсь только его императорское величество, Димитрій Ивановичъ всея Руси, на своихъ преславныхъ государствахъ и въ имперіи (cesarstwie). Вы эту грамоту возьмите себѣ и возвратите своему государю.

Принявши эту грамоту назадъ, его м. г. Малаговскій произнесъ эти слова:

— Мы принимаемъ эту грамоту его в-ва короля, нашего государя, съ признательностью, будучи готовы съ нею возвратиться назадъ. Еще ни отъ одного христіанскаго монарха не встрѣчалось такого безчестія и его корол. в-ву, государю нашему, и нашей Рѣчи Посполитой, какое въ эту минуту является отъ ва-

---

[1]) И здѣсь, и ниже вездѣ—постоянное правописаніе „wsieha Rusi“, т. е. почему-то съ придыханіемъ *h*, вм. *i*.

[2]) Вогульскому?

шего государскаго величества. Его кор. вел-во, какъ раньше въ своемъ государствѣ являлъ полное доброжелательство вашему государскому в-ву, такъ и теперь съ тѣмъ-же чувствомъ и сердцемъ онъ послалъ насъ сюда. Всевышній остается свидѣтелемъ того, съ какою радостью мы ѣхали, а когда пріѣхали, то едва только успѣли отрясти прахъ, какъ были приглашены къ вашему государскому в-ву, что мы исполнили съ неменьшей радостью, желая особу вашего пресвѣтлѣйшаго государскаго вел-ва возможно скорѣе лицезрѣть, при утѣшеніи видѣть ваше пресвѣтлѣйшее государское в-во и въ добромъ здравіи и въ благополучномъ царствованіи. Какъ-же теперь за все это намъ отплачивается—выше всякаго вѣроятія, ибо ваше пресвѣтлѣйшее государское в-во изволишь гнушаться грамотой его в-ва короля, нашего государя, и не желаешь ее распечатать. Къ тому-же ты приказываешь, помимо всякаго приличія и справедливости, умалить у его в-ва короля его главный королевскій титулъ, признанный уже столько лѣтъ отъ всѣхъ монарховъ міра, что не только величіе его корол. величества, государя нашего, и насъ, пословъ его корол. в-ва, и тѣхъ, которые теперь предъ очами вашего пресвѣтлѣйшаго государскаго в-ва, но и всю нашу Рѣчь Посполитую должно сильно и по праву оскорбить. Поэтому мы и то, что далѣе имѣемъ въ порученіи, что надо было по грамотѣ той сообщить вашему государскому величеству, отправлять не желаемъ и просимъ отпустить насъ къ нашимъ дворамъ.

Послѣ этого самъ государь началъ говорить:

— Необычна вещь—государямъ, сидящимъ на престолѣ, вступать въ бесѣду съ послами; но насъ вынуждаетъ это сдѣлать умаленіе нашихъ титуловъ со стороны польскаго короля. Мы объявили польскому королю чрезъ посланниковъ нашихъ и чрезъ старосту велижскаго, который былъ недавно посланникомъ отъ польскаго короля у насъ и теперь посолъ, съ которымъ такое-же преніе имѣли мы объ умаленіи титуловъ нашихъ, какое съ вами сейчасъ, что мы не князь, мы не государь, мы не царь, но мы императоръ въ своихъ обширныхъ государствахъ и мы держимся этого титула, который имѣемъ отъ самого Господа и употребляемъ его не на словахъ, какъ это дѣлаютъ иные, но на дѣлѣ, когда ни ассирійскіе и медійскіе монархи, ни римскіе цесари не пользовались этимъ титуломъ съ большимъ правомъ и достоинствомъ, чѣмъ мы. Чтобы мы были только князь и государь!.. Но не только князей и государей, но Божьею милостью и королей мы имѣемъ подъ собой, которые намъ служатъ, и мы въ этихъ полунощныхъ странахъ не видимъ никого равнаго намъ въ царствованіи, и имѣть не желаемъ, кромѣ Господа Бога, а затѣмъ — насъ. Всѣ монархи тѣмъ императорскимъ титуломъ насъ

надѣляютъ; одинъ польскій король чинитъ намъ въ томъ умаленіе [1]).

Его милость посолъ на то:

— Ваше пресвѣтлѣйшее государское в-во соизволилъ начать свою рѣчь, что необычно — монархамъ, сидя на престолѣ, съ послами въ бесѣду вступать. Это справедливо. Но необычно и посламъ входить въ дѣло, помимо инструкціи. Однако, такъ какъ ваше в-во самъ изволишь меня на то подвинуть, то, хотя и не настолько способенъ, чтобы на эту рѣчь, безъ приготовленія, отплатить вашему господарскому в-ву, однако я полякъ, человѣкъ свободнаго народа, привыкъ и говорить свободно. Вспомни самъ или прикажи взглянуть въ канцеляріи коронныя, литовскія, и въ свои московскія, пожалуй, спроси у своихъ думныхъ бояръ, людей старыхъ, какими титулами титуловались предки вашего пресвѣтлѣйшаго государскаго величества? Не только ихъ в-ва короли, государи наши, того императорскаго титула, который ты себѣ неправомъ присвояешь, не писали, но и предки вашего государскаго в-ва никакого цесарства себѣ ни присваивали и сами себя тѣмъ титуломъ, какой его в-во король чрезъ въ грамотѣ своей вашему государскому в-ву признаетъ, а не иной, писывали съ давнѣйшихъ временъ. Какъ его корол. в-во, государь нашъ, ваше пресвѣтлое государское в-во въ государствѣ своемъ возлюбилъ, желаніе и помощь къ отысканію отчины вашего в-ва показалъ, такъ и впредь не оставляетъ онъ своей искренней пріязни, съ временемъ же тѣмъ болѣе являетъ онъ ее вашему государскому в-ву, что не словами, но дѣломъ самымъ ты, ваше гресвѣтлое в-во, изволишь признать за его королевскимъ в-мъ, нашимъ государемъ.

— Но какъ за все это ваше пресвѣтлое государское величество его в-ву королю платишь, каждый легко можетъ видѣть безъ труда. Ваше в-во забылъ недавнее, что съ помощью Божьей и по милости его корол. в-ва, нашего государя, при томъ съ помощью людей нашего народа, которые кровь свою проливали изъ-за вашего государскаго в-ва, ты чудеснымъ образомъ на этотъ престолъ (и указалъ рукою) посаженъ. За это вмѣсто благодарности ты платишь неблагодарностью, вмѣсто пріязни—явною непріязнью, пренебрегаешъ склонностью и дружбою его в-ва короля, господина нашего, и подаешь основательную причину къ проливанію людской крови. Мы, будучи сильно опечалены въ виду такой обиды его в-ва короля, государя нашего, свидѣтель-

[1]) Въ своей оффиціальной корреспонденціи Марина Мнишекъ всегда подписывалась: „Imperatorowex", т. е. императрица, напр., въ своихъ сильныхъ письмахъ къ королю Сигизмунду, слѣдовательно, точку зрѣнія нѣсколькодневнаго супруга твердо усвоила.

ствуемся Богомъ, самимъ вашимъ в-мъ и этими вашими думными боярами, что не отъ его в-ва короля, господина нашего, но отъ вашего государскаго величества подается основательная причина къ разрыву дружбы съ его в-мъ королемъ и Рѣчью Посполитой. Съ этимъ мы готовы и отъѣхать къ его в-ву королю, нашему государю.

На эту рѣчь г. Малаговскаго такъ отвѣчалъ самъ государь:

— Мы знаемъ, какими титулами титуловались предки наши и мы показали-бы вамъ это на бумагѣ; только мѣсто теперь не къ тому. Но когда мы укажемъ своимъ думнымъ боярамъ о томъ съ вами говорить, они вамъ то укажутъ, и мы сами покажемъ вамъ. А теперь, когда польскій король умаляетъ у насъ тѣ титулы, какими мы титулуемся, то это не только насъ, но и самого Бога, и все христіанство должно оскорбить. Мы объявили себя польскому королю, что въ насъ онъ имѣетъ сосѣда (samsiada), имѣетъ брата, имѣетъ пріятеля такого, какого корона польская еще не имѣла; а теперь—намъ приходится беречься отъ короля польскаго больше, чѣмъ отъ котораго либо отдаленнаго поганскаго монарха, и вижу, что замыселъ нашъ, который мы имѣли противъ поганныхъ, придется обратить противъ польскаго короля. Свидѣтельствуемъ всемогущимъ Господомъ Богомъ, что не по нашей винѣ, а по винѣ польскаго короля имѣетъ произойти пролитіе христіанской крови.

На это г. Малаговскій отвѣчалъ:

— Не желалъ бы я того, чтобы изъ-за титула имѣла пролиться христіанская кровь, и ваше пресвѣтлѣйшее государское величество не можетъ тѣмъ оскорбляться, когда существуетъ обычай, что монархи обыкновенно о важныхъ дѣлахъ сносятся черезъ своихъ пословъ.—Г. старостѣ велижскому, который и раньше былъ посланъ отъ его в-ва короля къ вашему пресвѣтлѣйшему государскому величеству, вольно было приказаніе вашего пресвѣтлаго государскаго в-ва сообщить и не сообщить; но ваше государское величество долженъ былъ отправить пословъ своихъ на сеймъ къ его в-ву королю по тому дѣлу, такъ какъ это дѣло сеймовое. Ваше в-во благоволишь знать, что его в-во король царствуетъ въ вольной Рѣчи Посполитой, въ которой безъ согласія всѣхъ сословій (stanów), ни единаго не исключая, ничего новаго постановить противъ прежнихъ обычаевъ, ничего прибавить или умалить не приходится. Насъ теперь послали не изъ сейма: на сеймѣ во время предложенія я былъ всего одинъ день.

На это государь:

— Знаю я то, что сеймъ окончился, знаемъ, что васъ отправилъ сеймъ, знаемъ, что, съ отправленіемъ не спѣша, нагнали

васъ въ Оршѣ, да и то знаемъ, что кое-кто изъ вашихъ совѣтуетъ польскому королю—тѣхъ титуловъ намъ не давать; впрочемъ, намъ не идетъ вступать съ вами въ многословныя прѣнія.

Вмѣшивался также и Аѳанасій, канцлеръ, въ эти разговоры и то такъ, что всѣ трое разомъ говорили и какъ въ трынку спорили между собой, не слушая одинъ другого.[1]).

Затѣмъ государь сказалъ:

— Господинъ Олешницкій! Спрашиваемъ мы васъ: еслибы отъ кого либо было послано къ вамъ такое письмо, на которомъ не было бы вашего дворянскаго титула, принялъ бы ты его, или нѣтъ? Однако, мы, зная расположеніе ваше въ бытность нашу въ государствахъ его в-ва короля, государя вашего, зная также, то ты на каждомъ шагу желаешь быть намъ доброхотомъ, мы желаемъ въ нашихъ государствахъ почтить тебя, не какъ посла, но какъ нашего пріятеля—подойдите-же къ нашей рукѣ, не какъ посолъ,— и, протянувши руку, онъ желалъ его привѣтствать.

Господинъ Малаговскій отвѣчалъ:

— Пресвѣтлѣйшій, милостивый государь! Я признателенъ за то благоволеніе, которое ты, ваше пресвѣтлое государское величество, изволишь оказать; но такъ какъ ты, ваше пресвѣтлое государское величество, желаешь принять меня не какъ посла, я не могу этого сдѣлать.

Потомъ государь сказалъ:

— Какъ посла.[2]).

Послѣ этого привѣтствовалъ его его милость, г. Малаговскій, за нимъ его м. г. староста велижскій. Теперь только снова взялъ дьякъ грамоту отъ г. посла и читалъ ее тихо предъ государемъ. Получивъ отъ государя наставленіе, дьякъ говорилъ г.г. посламъ:

— Хотя такой грамоты, безъ титула его императорскаго величества, и не годилось-бы принимать отъ польскаго короля, вашего государя, но теперь наступаетъ актъ свадьбы его величества императора, а на эту свадьбу король, государь вашъ, прислалъ васъ къ императорскому величеству, по этой причинѣ его императорское величество, отложивши на сторону обиду свою въ недописаніи титуловъ его, принимаетъ эту грамоту отъ короля, государя вашего, и васъ, его пословъ. Когда-же вы во-

---

[1]) Trynka—игра въ карты, въ три туза.

[2]) На какомъ языкѣ царь Димитрій велъ эту продолжительную, крупную и рѣзкую дипломатическую бесѣду съ польскимъ посломъ о томъ титулѣ, который стоилъ большихъ усилій для признанія его со стороны даже послѣ Петра Великаго? Думаемъ, что только по польски. Иначе говорилъ его канцлеръ Афанасій Власьевъ, отсюда и „трынка“. Съ такимъ сознаніемъ, убѣжденіемъ, настойчивостью и съ уликами противнику человѣкъ безъ рода и племени едвали могъ говорить......

ротитесь къ королю, вашему государю, то скажите ему, чтобы онъ такихъ грамотъ съ недописаніемъ полнаго императорскаго титула посылать сюда не указывалъ, потому что его императорское величество то именно приказалъ вамъ передать, что на будущее время ни отъ короля, вашего государя, ни отъ кодругаго никакихъ грамотъ безъ полнаго своего императорскаго титула принимать не укажетъ.

— Теперь-же, что̀ имѣете по порученію отъ короля Сигизмунда, вашего государя, въ томъ и отправляйте посольство къ пмераторскому величеству.

Засимъ отправлялъ посольство его м. г. Малаговскій, по немъ его м. г. староста велижскій такъ [1].....

Потомъ, дьякъ Аѳанасій подошелъ къ государю; получивъ отъ него наставленіе, онъ приступилъ къ господамъ посламъ и произнесъ слова: „Слово Государево". Господа послы встали и слушали стоя.

— Миколай и Александръ! Пресвѣтлѣйшему и непобѣдимому самодержцу и великому государю Дмитрію Ивановичу, Божьей милостью императору и великому князю всея Руси и всѣхъ татарскихъ царствъ и иныхъ многихъ государствъ, Московской монархіи подвластныхъ, государю, царю и обладателю, отъ пресвѣтлѣйшаго и великаго государя Сигизмунда Третьяго, Божьей милостью короля польскаго и великаго князя литовскаго, русскаго, прусскаго и иныхъ, говорили вы на посольствѣ, что пресвѣтлѣйшій король польскій Сигизмундъ Третій дозволилъ ясновельможному Юрію Мнишку, воеводѣ сендомірскому, ясновельможную Марину, дочь его, къ пресвѣтлѣйшему и непобѣдимому самодержцу отпроводить, и она, ея величество, императрица Божьей милостью, прибыла въ добромъ здоровьѣ, что императорское величество принимаетъ съ благодарностью отъ короля, господина вашего, и васъ своею императорскою милостью жаловать будетъ.

— А что ты, Александръ, говорилъ, что пресвѣтлѣйшій Сигизмундъ, король польскій, великій князь литовскій, вамъ, посламъ своимъ, указалъ — съ думными императорскаго величества боярами о добромъ дѣлѣ говорить, то его императорское величество, по своему императорскому милосердію, охотно на то соизволивши, прикажетъ думнымъ боярамъ въ отвѣтной палатѣ съ вами засѣсть и о государевыхъ дѣлахъ говорить.

[1] Рѣчи эти опущены. Очевидно, Немоевскій намѣревался вписать ихъ позже, такъ какъ двѣ страницы оставилъ незаполненными. Обѣ рѣчи предлагаетъ Дневникъ посольства Ник. Олешницкаго, помѣщенный въ „Monumenta" Тургенева (II, 101—103). Къ сожалѣнію, въ этомъ собраніи онѣ напечатаны такъ невнимательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не понять. Вполнѣ точный текстъ рѣчей заключаетъ въ себѣ рукоп. муз. Чарторыйскихъ 101 (Nr. 7).

Потомъ господамъ посламъ приказано сѣсть.

Посидѣвши немного, г. Малаговскій сказалъ дьяку:

— Такой обычай всегда бывалъ, что ихъ в-ва государи московскіе приставши спрашивали о здоровьѣ его в-ва короля.

Услышавши это, государь сидя спрашивалъ о здоровьѣ короля въ такихъ словахъ:

— Его величество король, государь вашъ, въ добромъ-ли здоровьѣ?

— Его в-ва короля, государя нашего, по Божьей милости мы, отъѣзжая изъ Варшавы, оставили въ добромъ здоровьѣ и благополучно царствующимъ.

Потомъ г. Малаговскій замѣтилъ:

— Ваше пресвѣтлѣйшее государское величество имѣли встать, спрашивая о здоровьѣ его королевскаго величества.

Государь отвѣчалъ:

— Господинъ Малаговскій! У насъ такой обычай есть, что мы привстаемъ лишь по выясненіи добраго здоровья.

Тогда, привставши нѣсколько съ престола, государь сказалъ:

— Мы радуемся доброму здоровью польскаго короля, нашего друга.

Послѣ этого господа послы отдавали свои подарки, по реэстру, который напередъ былъ врученъ дьяку. Отъ господина Малаговскаго: турецкій конь, другой неаполитанскій, золотая цѣпь на панцырь, въ которой около 300 ungaricorum, 13 бокаловъ, 2 вызолоченныхъ жбана, песъ британскій, но его передали на другой день, и за него государь приказалъ дать сейчасъ-же на водку тому, кто его привелъ — 200 золотыхъ и два сорока соболей, которые хотя и были плохи, но все-же соболи. Послѣ такой подачи на водку соображали между собой другіе о подаркахъ и предвкушали удовольствіе.

Отъ господина старосты велижскаго былъ отданъ турецкій конь.

По отдачѣ подарковъ, господа послы были препровождены ихъ приставами въ ихъ помѣщеніе.

Вскорѣ затѣмъ подходило время обѣда, и государь, желая показать признательность господамъ посламъ, послѣ того препирательства, послалъ имъ на ихъ дворъ изъ кухни своей пожалованье свое—около ста кушаньевъ, большею частью съ медомъ и борщемъ [1]), все на золотѣ, но кушанья такія, что не только золотыхъ, но не знаю, достойны ли они были глиняныхъ мисокъ.

Послѣ этого государь ушелъ въ свой покой, куда указалъ пригласить г.г. пріятелей, сопровождавшихъ государыню. Насъ

---

[1]) Barszcz—сладкая трава heracleum sphondylium.

проводили изъ большой палаты около одной не очень большой церкви, гдѣ укрываются великіе князья (на ней вызолочена вся крыша и девять куполовъ); отсюда, мимо помѣщенья покойнаго великаго князя Бориса Годунова (Hodynowa), которое нынѣшній государь приказалъ сломать, гнушаясь жилищемъ своего предателя (zdrajce), равно и въ той церкви, которую тотъ недурно построилъ, не дозволилъ отправлять какое-либо богослуженіе. Потомъ мы шли подлѣ другой церкви, отъ которой открытый каменный переходъ (ganek), довольно длинный и широкій—четыре особы могутъ итти другъ около друга; изъ него—въ открытую залу на высокой стѣнѣ. На этой же стѣнѣ построены и деревянные государевы покои, довольно мелкіе и низкіе, изъ нетесаннаго круглаго дерева, окна малыя—полтора локтя въ вышь и въ ширину, но съ веселымъ видомъ изъ нихъ на рѣку Москву, которая течетъ подъ зàмокъ, срединою города. При входѣ въ тѣ покои изъ залы — прежде всего сѣнцы, ничѣмъ не обитыя, далѣе передняя, обитая нидерландскими занавѣсами съ фигурами, но въ которыхъ мало шелку; лавки кругомъ, покрытыя краснымъ сукномъ; стола не было; только огромный персидскій коверъ на землѣ подъ коричневымъ бархатнымъ балдахиномъ, съ оторочкою изъ широкаго золотаго позумента и золотою бахрамой. Это украшеніе было только что прислано отъ его м. г. нашего надворнаго короннаго маршалка [1]). Подъ балдахиномъ два небольшіе образа Богородицы, вышитые мелкимъ жемчугомъ. Изъ этой передней—покой, обитый довольно богатой турецкой парчей, сводчатый потолокъ, какъ бы высаженный мозаикой. Чудно сдѣланная печь въ видѣ небольшаго грота, около нея позолоченная рѣшетка; стола также не было — однѣ только лавки кругомъ, покрытыя нидерландскими, шелковыми съ золотомъ, коврами. По серединѣ комнатки устроены четыре ступени квадратомъ, обшитые краснымъ сукномъ, на нихъ небольшой тронъ (stołek) [2]), весь окованный золотомъ, крупными рубиновыми зернами и бирюзою густо высаженный, турецкой работы; будь камни настоящіе, ихъ пришлось бы оцѣнить въ большую сумму; сидѣніе на немъ краснаго бархата, вышитое мелкимъ жемчугомъ, въ видѣ чешуи.

Мы застали его сидящимъ на этомъ тронѣ и уже переодѣтымъ изъ того платья, въ которомъ онъ давалъ аудіенцію посламъ и намъ — *in regali*, въ болѣе легкій кафтанъ, въ видѣ армячка, изъ сѣраго камлота. Такой кафтанъ они называютъ однорядкой (jednoratką). Высокій, изъ чернобурой лисы шлыкъ, весьма красивый, ермолка [3]), вышитая жемчугомъ, съ крупнымъ

[1]) Николая Вольскаго.

[2]) Слово stołek означаетъ въ старопольскомъ языкѣ также „тронъ“.

[3]) Такая головная шапочка, отъ татаръ, называлась тогда *тафьей*. Для перевода мы выбрали болѣе простое слово.

сапфиромъ впереди, подъ нимъ висѣла одна крупная персидская жемчужина, на лбу, которая и удерживала, чтобы шлыкъ не падалъ на глаза. На шеѣ широкій, въ три пальца, обручъ изъ довольно крупныхъ, округленныхъ жемчужинъ: они называютъ его „ожерельемъ“ (ożerelie). Когда мы входили, онъ нѣсколько при поднялъ шлыкъ предъ нами, а потомъ сказалъ къ намъ:

— Вы привѣтствовали насъ въ большомъ обществѣ съ церемоніями,—такъ должно было быть; но теперь привѣтствую я васъ, какъ пріятелей жены моей и пріятелей нашихъ. Я радъ, что вы прибыли здоровыми, а за то, что супругу нашу провожали и любезность эту намъ и ей оказали, благодарю. Милостью нашею я желаю вознаградить каждаго изъ васъ, господа, и постараюсь такъ, что каждый изъ васъ отойдетъ отъ меня доволенъ,—и подалъ снова каждому изъ насъ руку, приподымая шапку.

Въ краткихъ словахъ благодарилъ отъ насъ г. Мартынъ Стадницкій.

Занявшись немного разговоромъ и вопросомъ — какъ было намъ въ дорогѣ, онъ ушелъ въ слѣдующую комнату, а комнатъ было еще двѣ — одна обитая красною камкою, другая, съ боку, пестрымъ ормезиномъ [1]). Потомъ онъ чрезъ г. Яна Бучинскаго объявилъ намъ остаться на государевъ обѣдъ, на который великій князь уже выходилъ — въ столовую, которая была черезъ залу открыта, противъ комнатъ государя, обита голубой камкой, по бокамъ всюду турецкая парча, съ оторочкой въ половину полотнища; тоже около оконъ и дверей. Былъ это обыкновенный обѣдъ и потому незатѣйливый, почему—по тому общему на всѣхъ банкету, который былъ на свадьбѣ (о чемъ упоминается ниже),—можно будетъ судить и объ этомъ, частномъ, каковъ онъ былъ.

Болѣе пяти дней пребыла государыня въ монастырѣ при матери великаго князя, гдѣ каждый день навѣщалъ ее государь, равно какъ нѣкоторыя изъ болѣе близкихъ родныхъ [2]).

Комнаты государыни были за государевыми комнатами, кромѣ сѣней ихъ было только двѣ, да третья коморка, съ боку. Построены тѣмъ-же способомъ, какъ и государевы, и такъ-же низки и крошечны. Первая была обита нидерландскими занавѣсями, но съ малою долею шелка, другая — красною камкой; боковая коморка пестрымъ ормезиномъ, сѣни не обиты ничѣмъ. Отдѣльный

---

[1]) „Ormezyn, пишетъ намъ любезный издатель, др. Гиршбергъ, изъ Львова, po-włosku—ormesino, po francusku—armoisin, delikatna materya jedwabna“, т. е. шелковая.

[2]) Послѣ этихъ словъ въ первой редакціи Записокъ мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: „...куда очень много драгоцѣнныхъ вещей прислалъ царь ея в-ву царицѣ, для удовольствованія нѣкоторыхъ ихъ милостей, господъ пріятелей. *In primis mo tibus* — однихъ дарили, другихъ пропускали“.

входъ въ эти комнаты былъ сзади; но можно было пройти и переходомъ, около государевыхъ комнатъ.

Дня XVI того-же (мѣсяца).

Въ два часа ночи[1]) мы сопровождали государыню изъ монастыря въ ея комнаты, съ литыми свѣчами или, скорѣй, тройными свѣчами отъ Срѣтенія, съ которыми попарно шло предъ экипажемъ около ста москвитянъ, какъ у насъ нищіе, при похоронахъ. Мы также всѣ пѣшкомъ, только одна государыня съ двумя родственницами въ необыкновенно громоздкомъ и высокомъ экипажѣ въ 12 лошадей, при 12 возницахъ, въ томъ самомъ, въ которомъ она въѣзжала въ столицу. У ступенекъ, по которымъ должна была итти государыня къ своимъ комнатамъ, стояли княгини Мстиславская и Шуйская, обѣ умазанныя въ крупныя бѣлила, толщиною въ палецъ, и румяны, даже брови повыдергали онѣ себѣ и прилѣпили другія, до половины лба— дѣло, совсѣмъ обычное въ этой странѣ у всѣхъ вообще женщинъ, и невозможно безстыдное, потому что небольшая разница противъ того, какъ если-бы онѣ ходили на маскарадъ; мало того, онѣ вмѣсто того, чтобы охранять себя отъ мужчинъ, сами на переходахъ, хотя люди и смотрятъ, продѣлываютъ эту свою полировку, а наши дамы передавали намъ, освѣдомившись отъ нихъ позже, что онѣ выкрашиваютъ себѣ даже зрачки въ глазахъ. При обѣихъ княгиняхъ не было ни женщины, ни мужчины, кромѣ двухъ, которыя имъ свѣтили. Тѣ принимали великую княгиню, но безъ привѣтствія, только кивая на нее головами, высадили изъ кареты и, подъ руки проводивши ее въ комнату, посадили на тронъ.

Послѣ этого, отъ имени всѣхъ насъ, гофмейстеръ Мартынъ Стадницкій пожелалъ счастливой жизни и долгаго совмѣстно съ его величествомъ цесаремъ царствованія, что ея величество цесарова принявши отъ насъ съ благодарностью, отвѣчала намъ въ такомъ смыслѣ:

— Какъ только отъ дорогихъ родителей своихъ, изъ дому ихъ милостей, я двинулась въ этотъ, предназначенный мнѣ отъ Господа Бога, путь, я узнала всѣхъ васъ, господа, узнала ваше полное благожелательство и любовь, и такъ до послѣдней минуты. Вы не поколебались оставить дорогую отчизну, друзей, женъ своихъ, свое утѣшеніе — дѣтей, и все это меня ради. Къ тому же вы, господа, рѣшились на крупные расходы, на крайнія неудобства, работы и необыкновенные труды, сопряженные съ

[1]) Счетъ идетъ отъ начала дня, ночи.

тою дурною, невозможною и далекою дорогою, даже съ опасностью для жизни, особенно же при дурныхъ переправахъ чрезъ большія рѣки, и теперь тѣ же неудобства — свидѣтельство благожелательства вашего ко мнѣ—вы принимаете. Я благодарна за эти симпатіи, съ удовольствіемъ принимаю я это предложеніе дальнѣйшихъ тѣхъ же чувствъ и пожеланій, господа; въ памяти своей я желаю навсегда это сохранить, а его величество императора своими просьбами приведу къ тому, что онъ каждаго изъ васъ особливо за все вознаградитъ, съ всею любовью и признательностью, такъ, чтобы вы, господа, о трудѣ, подъятомъ вами для меня, не сожалѣли, а, счастливо, въ добромъ здоровьѣ, воротившись къ своему очагу, въ дорогой отчизнѣ доброю памятью не обдѣляли бы меня, но сохраняли бы ту же симпатію ко мнѣ, то же благожелательство къ его величеству императору, пріобрѣтая ему любовь среди людей.

Дня XVIII-го того-же. Вѣнчаніе на царство.

Вѣнчаніе на царство государыни имѣло мѣсто въ большой кремлевской церкви, которая сведена въ пять немалыхъ куполовъ, покрытыхъ вызолоченною жестью, куда напередъ патріархъ и много владыкъ и поповъ, съ кажденіемъ и трезвономъ, внесли корону и воротникъ (kaplerzyk) на плечи, вышитый жемчугомъ и сапфиромъ [1]).

Засимъ дано знать великому князю. Мѣсто, по которому онъ долженъ быть итти изъ своихъ покоевъ (это было какъ изъ королевскихъ покоевъ въ Краковѣ, именно, изъ замковыхъ воротъ), по землѣ покрыто краснымъ голландскимъ сукномъ, по нему темнокоричневая турецкая парча въ два полотнища, которая, пожалуй, и не была очень богата, но, тѣмъ не менѣе, не безъ цѣны. Когда великій князь уже имѣлъ итти, намъ, полякамъ, указано ждать въ сторонкѣ отъ того мѣста, по которому шелъ, въ томъ сводистомъ помѣщеніи, гдѣ обыкновенно засѣдаютъ бояре съ послами при переговорахъ, и это для того, чтобъ мы не мѣшались съ москвитянами, которыя шли въ такомъ порядкѣ:

Впереди шли, парами, человѣкъ сто, нѣчто въ родѣ дворянъ (ихъ они называютъ „боярскими сыновьями"), а за ними около шестидесяти думныхъ бояръ, всѣ въ парчевыхъ армякахъ, вложивши руки въ рукава, съ жемчужнымъ обручемъ на шеѣ, въ три пальца ширины (они его называютъ ожерельемъ); головы

1) Этотъ „kaplerzyk", какъ выражается Немоевскій, былъ широкій воротникъ, спадающій на плечи, украшенный драгоцѣнными камнями и изображеніями святыхъ, какой въ ту эпоху носили, во время большихъ торжествъ, цари и высокіе сановники восточной церкви. Пелеринки эти по-русски назывались „бармы"; въ польскомъ языкѣ мы не имѣемъ соотвѣтствующаго выраженія.

у всѣхъ оскоблены, въ жемчужныхъ ермолкахъ, болѣе бѣдные— въ парчевыхъ, и въ черпобурыхъ шлыкахъ, сдѣланныхъ некрасиво, по мѣрѣ достатка. Таковъ у нихъ обычай, что на solennitates и въ каждый изъ большихъ праздниковъ (они ихъ называютъ „празникъ“) оскобляютъ себѣ лбы—ведутъ они его отъ Ветхаго Завѣта — что омыты-де отъ грѣха; частью, взяли отъ татаръ, отъ своихъ нѣкогда господъ, будучи у нихъ долгое время въ неволѣ, о чемъ ниже будетъ рѣчь обстоятельнѣе. Всѣ они шли безъ оружія: никто не смѣетъ носить его въ городѣ, того болѣе, пріѣзжать съ нимъ въ Кремль, развѣ что въ дорогѣ. Если же одинъ оговоритъ другаго, то о поединкѣ рѣчь неслыханная, а тузятъ другъ друга кулаками въ бока, или рукавами по губѣ, выпустивши ихъ изъ рукъ. Удара въ лицо никто не боится, хотя бы онъ былъ отъ преступника, но боятся отъ ногтя.

За боярами шли четверо въ бѣломъ бархатѣ, въ рысьихъ, изъ переднихъ частей шлыкахъ, съ широкими сѣкирами на плечахъ, а передъ самымъ великимъ княземъ мечникъ Михайло Шуйскій, племянникъ нынѣшняго великаго князя [1]), съ мечемъ на-голо, долгимъ и широкимъ, въ парчевой шубѣ, подшитой неважными соболями, руки всунуты въ выпуски; шуба имѣла видъ реверенды, какую употребляютъ наши придворные ксендзы.

Ношенья этого меча раньше у нихъ не было въ обычаѣ; онъ только что введенъ, когда узнали, что такая церемонія бываетъ у нашего короля *in solennitatibus*.

Всѣ они имѣли на себѣ не малыя золотыя цѣпи, а многіе изъ нихъ и по двѣ, крестомъ. По сторонамъ шли нѣмцы—алебардники съ алебардами; самъ великій князь, облаченный *regaliter*, въ коронѣ, въ парчевомъ, вышитомъ жемчугомъ и сафирами небольшомъ армякѣ, съ руками въ рукавахъ, а равно съ воротникомъ на плечахъ [2]). Съ правой стороны его сопровождалъ г. Малаговскій, посолъ его в-ва короля, съ лѣвой—дядя великаго князя, Михайло Нагой, тогда конюшій (но нынѣшній сейчасъ же устранилъ его отъ этой должности, которая у нихъ считается первою и передалъ ее своему брату). Потомъ шла государыня, одѣтая по-московски, въ парчевомъ, вышитомъ жемчугомъ платьѣ по-лодыжки, въ подкованныхъ червонныхъ сапожкахъ. Съ правой стороны ее сопровождалъ отецъ, его милость г. воевода сендомірскій, съ другой—княгиня Мстиславская, въ атласномъ платьѣ, лобъ въ золотомъ головномъ уборѣ (w tkanice) [3]), лицо толсто смазанное бѣлилами и румянами. За нею

---

[1]) Т. е. царя Василья Шуйскаго, во время составленія „Записокъ“.
[2]) Т. е. въ бармахъ.
[3]) Конечно, въ золотомъ парчевомъ кокошникѣ. Буквально „tkanice“ - женскій головной уборъ, какъ и поясняетъ издатель „Записокъ“.

или дамы-пріятельницы государыни, и четыре московскихъ дамы. Остальной женской челяди не приказано выходить изъ ихъ помѣщенія [1]).

Вошедши въ церковь, великій князь билъ челомъ предъ образами. Посолъ, г. Малаговскій, который, какъ сказано, провожалъ его, снялъ свою магерку [2]) съ перьями. Тогда подошелъ къ нему канцлеръ, Афанасій Власьевъ, и сказалъ ему:

— Дай, я подержу тебѣ шапку.

Посолъ ему далъ, а онъ, взявши ее, приказалъ вынести ее изъ церкви. Препроводивъ великаго князя къ трону, г. посолъ напомнилъ ему, чтобы тотъ возвратилъ шапку, но онъ отдѣлывался смѣясь словами: „будетъ", то другой разъ—„уже скоро будетъ", то наконецъ —„однако въ церкви теперь не студенно" (т. е. теперь не холодно), „солнце тебя также не освѣщаетъ, и ты видишь, здѣсь никто на головѣ не имѣетъ шапки", [3]) и такъ ему воротить ни хотѣлъ, пока не вышли изъ церкви, и это для того, чтобъ посолъ не надѣлъ шапки на голову, съ неуваженіемъ мѣста, дѣйствія и особы великаго князя. Намъ передавали, что дѣло было задумано раньше, чѣмъ вошли въ церковь, и было видно, что они были удовольствованы, что замыселъ ихъ удался, говоря про себя: „надули мы литву". Но вскорѣ потомъ этотъ злой и предательскій народъ надулъ насъ—но о чемъ ниже.

Въ церкви у дверей (входили боковыми) былъ построенъ высокій тронъ (majestat), на который вело около 12 ступенекъ, покрытый краснымъ тонкимъ сукномъ. На немъ стояли три низкихъ бархатныхъ престола (stolki), безъ поручней: черный по правую руку, на которомъ сидѣлъ патріархъ, и два красныхъ для высокихъ молодыхъ (dla pan'stwa). Посреди нѣ сидѣлъ великій князь, подлѣ него великая княгиня и всѣ трое поодаль другъ отъ друга.

Внизу, съ правой стороны трона, поставили г.г. пословъ его в-ва короля съ господами пріятелями великой княгини, у колонны, гдѣ не было ни формъ, ни лавокъ [4]). Отъ трона къ алтарю въ два ряда сидѣли на скамьяхъ владыки, облаченные въ свои ризы (w swoich habiciech), *wladicaliter*; каждому изъ нихъ, ударяя челомъ, кладетъ священникъ подъ ноги вышитые войлочные кружки.

---

[1]) Обстоятельный списокъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ цер. торжествахъ, предлагаетъ „Свадьба Ростриги" (Н. Новиковъ, Древняя Росс. Библіотека, ч. XIII, 116—122).

[2]) Венгерскій или мадьярскій колпакъ, шапка.

[3]) Все это образчики якобы русскаго языка: „budzet", „juze burzo budiet", „tepiér nie studzienno"...

[4]) И теперь на Аѳонѣ въ церквахъ вдоль стѣнъ для стоянія высокія мѣста называются „формами".

Потомъ одинъ изъ священниковъ поставилъ столикъ предъ наистаршимъ и, взлѣзши на него, обратился спиной къ алтарю, а лицомъ къ великому князю, и быстро сталъ бормотать, раскрывши предъ собою книги; это продолжалось съ четверть часа. Предъ этимъ нѣсколько священниковъ что-то пѣли по книгамъ; но ихъ нельзя было понять, кромѣ одного „Господи, помилуй“, такъ какъ они повторяли это болѣе ста разъ.

Когда они замолкли, двое старѣйшихъ владыкъ взяли корону, которая стояла предъ алтаремъ на позолоченной мискѣ, затѣмъ бармы, что на другой, и понесли на тронъ къ патріарху, который, благословивъ и окадивъ корону, возложилъ ее на голову стоявшей великой княгини и, благословивъ ее самое, поцѣловалъ въ плечо. Засимъ, наклонивши голову, великая княгиня съ своей стороны поцѣловала его въ жемчужную митру. Какъ скоро патріархъ отошелъ на свое мѣсто, всѣ владыки, по-парно, подымались на тронъ и благословляли великую княгиню, касаясь ее двумя пальцами—ея чела и плечей, крестомъ; взаимное-же цѣлованіе съ владыками отбывалось тѣмъ-же порядкомъ, какъ съ патріархомъ.

Послѣ втораго бормотанія того-же священника, двое изъ старѣйшихъ владыкъ принесли бармы, которыя съ тѣми-же церемоніями, какъ и корону, возложилъ на плечи великой княгини патріархъ, а благословеніе и цѣлованіе отправлялъ онъ такъ же, какъ и раньше; такъ и всѣ владыки.

Засимъ началась „обѣдня“ по русскому (ruskiego) обряду, къ концу которой сошли съ трона князь и княгиня. Великій князь сталъ у боковыхъ дверей (ими мы входили) въ своей формѣ, сдѣланной на подобіе церковной каѳедры, росписанной золотомъ, а великую княгиню съ нѣсколькими дамами провели за занавѣсъ, за олтарь.

Послѣ этого подошелъ къ намъ, полякамъ, канцлеръ Аѳанасій съ просьбой—выйти напередъ изъ церкви, говоря, что и государь уже имѣлъ выйти. Мы удовлетворили его требованіе; но государь задержался въ церкви, а двери за нами заперли. Спрашиваемъ мы, что же тамъ будутъ дѣлать съ нашей дѣвицей? Но москвитяне насъ утѣшаютъ:

— Не бойтесь, ей ничего не будетъ!

Позже мы узнали, что государь приказалъ намъ выйти затѣмъ, что устыдился брачной церемоніи, которая, какъ передавали намъ послѣ наши дамы, что оставались при государынѣ, была такова:

Оба стали предъ патріархомъ, который, благословивъ, далъ имъ по кусочку хлѣба, чтобы ѣли, потомъ чашечку вина; напередъ пила государыня; что осталось, то, взявъ отъ нея, вы-

пилъ государь, а чашечку бросилъ о землю на сукно; но она не разбилась и патріархъ ее растопталъ, и такими церемоніями бракосочетаніе закончилось.

При выходѣ изъ церкви, канцлеръ Аѳанасій два раза бросилъ государю черезъ голову горсть португаловъ, золотыхъ и позолоченныхъ денегъ (dziąy), съ государственнымъ гербомъ. На португалахъ съ одной стороны особа государя до пояса, съ мечемъ и латинскою надписью: *Aetatis suae* 24, съ другой—двуглавый орелъ, въ груди у котораго единорогъ, а кругомъ по-русски императорскій титулъ [1]).

Вплоть до своихъ комнатъ шли въ коронахъ великій князь и княгиня, въ сопровожденіи всѣхъ насъ, кромѣ г.г. пословъ его в-ва короля, которые, проводивши до церкви, сейчасъ-же отъѣхали въ свое помѣщеніе. Обѣдъ высокіе молодые имѣли *privatim* у себя въ комнатѣ, даже и въ спальню, кромѣ нѣкоторыхъ дамъ изъ родни, которыя провожали молодую, никто не входилъ.

Дня XIX того же, въ пятницу.

На другой день по коронаціи брачное пиршество. Обѣдъ начался не скоро, вслѣдствіе задержки государя въ банѣ, въ которой, по ихъ религіи или, скорѣе, по ихъ предразсудку, каждый молодой и каждая молодая обязаны быть на другой день послѣ первой ночи, и не только во время свадьбы, но и каждый разъ, когда только они бываютъ нѣсколько близки другъ къ другу, *alias*, они впали бы въ великій грѣхъ и люди гнушались бы ихъ.

Въ знакъ веселія и радости безъ умолку попемѣнно, отъ ранняго часу дня и до перваго часу ночи, били въ барабаны, которыхъ было 50, и трубили въ трубы, а трубачей было 30; кромѣ того, часто звонили въ большой колоколъ, ширина котораго внизу 55 пядей, а высоты — 15, махина, необыкновенно большая.

Когда уже было время обѣда, мы съ боярами проводили великаго князя въ большую залу, гдѣ онъ слушалъ пословъ; предъ нею, въ сѣняхъ, вдоль двухъ стѣнъ, чрезъ всѣ немалыя сѣни, стояли длинные столы съ невызолоченнымъ серебромъ. На одномъ восемь серебряныхъ бочонковъ, а у нихъ полно жбановъ и чарокъ старомодной работы. Другой столъ былъ также полонъ жбановъ, кубковъ, чарокъ, чарочекъ, по пяти и шести вложен-

[1]) Объ этомъ разбрасываніи монетъ Немоевскій пишетъ въ первой редакціи своихъ Записокъ: „по совершеніи этихъ обрядовъ, бросали (въ церкви) среди знатнѣйшихъ (но тамъ мелкаго люда и не было) португалы съ царскимъ гербомъ (вѣса въ десять золотыхъ червонцевъ) раза два; послѣ выхода царскаго (изъ собора) бросали деньги, то золотые, то вызолоченные, разовъ шесть и семь.

ныхъ одна въ другую. Въ самой палатѣ, около колонны, которая поддерживаетъ сводъ въ серединѣ, буфетъ до самаго потолка; онъ былъ также полонъ различныхъ кубковъ, прекрасно сдѣланныхъ, большихъ, старомодной и новой работы, равно и другой посуды, половина изъ золота, половина вызолочены. Среди этой посуды были большія золотыя чарки, въ которыхъ было около 2000 *ungaricorum*, и которыя были наполнены вареннымъ медомъ (metcem obarnym), ибо этимъ напиткомъ потомъ великій князь пилъ за наше здоровье изъ хрустальной рюмки, а изъ тѣхъ чарокъ приказалъ угощать.....

На обѣды никто и никогда не былъ прошенъ или званъ отъ государя, кромѣ г.г. пословъ на воскресенье; но кто только провожалъ государя или входилъ въ залу, каждаго изъ нихъ садили за столъ, а столы были разставлены такъ:

Къ пяти ступенькамъ,—гдѣ, какъ упоминалось выше, сидѣли думные бояре, когда мы привѣтствовали великаго князя,—были подставлены еще три ступеньки, гдѣ стояло государево сидѣнье, на которомъ онъ сидѣлъ, принимая насъ и выслушивая пословъ. Отъ него на три локтя далѣе поставили такое-же другое сидѣнье для государыни, только оно было по-меньше; она сидѣла на немъ въ польскомъ нарядѣ, имѣя все время корону на головѣ, и въ ней ушла она отдохнуть.

Самъ великій князь явился въ чернолисьемъ шлыкѣ, высокомъ и красивомъ; такого, столь красиваго, столь громаднаго мы, ни раньше, ни позже, не видѣли. Войдя, онъ сейчасъ-же его снялъ и сидѣлъ только въ ермолкѣ, вышитой жемчугомъ.

Предъ этими сидѣньями поставили другой столъ, длиною въ пять локтей, у краевъ котораго усѣлись оба высоконовобрачные, на три локтя другъ отъ друга. У того края, гдѣ сидѣла государыня, во время всего банкета стояла ея милость г-жа Тарлова, перемышльская хорунжина, и одна московская княгиня. Вблизи, передъ столомъ, висѣли часы въ мѣдномъ шарѣ, а около него трубки для свѣчъ.

Вдоль стѣнъ, на три ступеньки ниже, поодаль отъ государева стола, стояли узкіе столы чрезъ всю залу, покрытые какими-то скатертями, тканными на подобіе двойной ткани. Тарелокъ (на столѣ) не было никакихъ, (лежали) только ковриги бѣлаго хлѣба.

Въ сторонѣ, между государева стола и того, за которымъ мы сидѣли, стоялъ на ступенькахъ серебряный фонтанъ, не очень большой, изъ котораго выплескивалась вода вверхъ на два локтя, но недолго.

Какъ только государь подошелъ къ столу, два священника что-то пробормотали, а третій держалъ воду; покропивши, ушли.

Воды для умыванія государю не подавали, тѣмъ менѣе — намъ, потомъ насъ посадили за столъ по списку.

По правую руку государя стоялъ длинный столъ, еще далѣе, чѣмъ нашъ, гдѣ сидѣли три дамы изъ нашихъ, родственницы государыни, и пять московскихъ княгинь. Напротивъ нихъ, предъ столомъ, и подлѣ нихъ знатнѣйшіе князья и иные думные, всѣ переодѣтые — одни въ камлотовые, другіе въ суконные армяки, чтобы не загадить тѣхъ парчевыхъ нарядовъ, въ которые они были одѣты съ утра. Затѣмъ сидѣли и ме́ньшіе бояре, а еще далѣе остальная подлость (kanalia), до купцовъ и горожанъ включительно.

По лѣвую руку опять длинные столы, немного поближе къ государю, гдѣ сидѣлъ его м. г. воевода сендомірскій съ другими родственниками и пріятелями; съ нами сидѣли также два боярина, для угощенія, затѣмъ сидѣли солдаты и наши слуги вокругъ, такъ что досталось чести и хлопцамъ. За нами никто изъ нашихъ не стоялъ. Кто собирался ѣсть, долженъ былъ взять съ собою ножъ къ столу. Были столы и болѣе низкой степени, это—гдѣ сидѣли купцы-иноземцы, что пріѣхали съ нами, сверхъ того, тѣ наши другіе, что̀ служили государю. Предъ столами низкія и узкія скамейки, безъ ручекъ, покрытыя грубо-стриженнымъ сукномъ, черезъ нихъ надо было переступать, садясь къ столу. У дверей былъ пристроенъ балконъ для музыки, которую привезъ съ собою г. староста саноцкій — вещь, раньше у нихъ не слыханная.

Самый банкетъ начался такъ. Когда мы уже сидѣли у тѣхъ ковригъ хлѣба, прошло около 30 паръ придворныхъ [1]), которыхъ они называютъ стольниками, въ парчевыхъ государевыхъ армякахъ, съ цѣпями, въ чернолисьихъ шлыкахъ; не снимая ихъ, они попарно мавали лбами на государя, или, какъ они говорятъ, челомъ били, повозились около буфета, который стоялъ у колонны, въ полъ-залы, съ серебромъ и золотомъ, и также парами вышли въ сѣни. Потомъ пришло ихъ четверо, принесли по мискѣ и стали другъ около друга (безъ поклона предъ государемъ и безъ снятія шапокъ), держа по службѣ своей кушанья.

Послѣ этого подошли къ государеву столу двое кравчихъ, которые поставили на столъ нѣсколько тарелокъ и мисокъ съ хлѣбомъ, покроеннымъ на куски. Эти кравчіе подносили каждому изъ знатнѣйшихъ особенно по куску этого хлѣба, громко произнося: „царь, великій князь пожаловалъ тебя“ (и называлъ какъ у кого какое имя было),—„Федоръ Ивановичъ Мстиславскій!“—

---

[1]) Въ началѣ стоитъ „Irukszasy“, т. е. стольники. Чтобы не повторять, мы перевели болѣе общимъ словомъ.

и пожалованный, взявши этотъ кусокъ хлѣба, билъ челомъ государю, всѣ-же сидящіе мавали лбами на пожалованнаго, желая ему любви государевой изъ-за того куска хлѣба; онъ же съ своей стороны мавалъ особо лбомъ каждому. Также давали и намъ, именуя каждаго изъ насъ его крестнымъ именемъ и отечествомъ (przezwiskiem).

По раздачѣ хлѣба, отъ тѣхъ четверыхъ кравчій принималъ кушанья и ставилъ на столъ предъ государемъ; потомъ, одни стольники ушли въ сѣни, другіе вошли; эти послѣдніе и намъ принесли ѣсть. Для государя было нѣсколько больше кушаньевъ, чѣмъ для насъ, но качества одни. У нашего стола не было никакого кравчаго, да онъ и не нуженъ, потому что не было чего краять. Тарелокъ никакихъ, и москвитяне ѣли просто горстью изъ миски (наши-же изъ тѣхъ ковригъ, которые собирались было ѣсть, сдѣлали себѣ тарелки), а кости или на скатерть бросали, или обратно въ миску, или даже подъ столъ, но, обыкновенно, или въ миску бросали, или же на скатерть. Предъ нами ставили то по два, то по три кушанья, черезъ посредство тѣхъ, которые сидѣли предъ столомъ, а такъ какъ была пятница, то приговлено все было изъ рыбы, но свѣжей рыбы было мало, и то мелкой, а то изъ соленой—осетра, бѣлуги, судака; это было варено или съ медомъ или съ борщемъ, съ небольшею долею шафрана; были также и желтоватые студни. Жареной рыбы давали или по половинѣ, или по куску, поливши сверху медомъ-сырцомъ; нѣкоторыя-же рыбы были облѣплены тѣстомъ—вмѣсто паштета.

На десертъ были различные леденцы, которые были привезены государю для этого праздника [1]), но давали также, по старому ихъ обычаи, и цѣлыя головы сахару, въ мискахъ цѣлыя горы повиделъ, корицы длиннѣйшія палочки, большія ковриги бѣлаго хлѣба, печеныя съ медомъ, а сверху облитыя патокою. Фруктовъ не было никакихъ—у нихъ они не родятся, развѣ что не много кислыхъ яблокъ и сливъ, мелкихъ и крупныхъ, которыя они недозрѣлыми, равно какъ и яблоки и груши, квасятъ на мѣсто лимона, въ видѣ огурцовъ. Дыни имѣютъ недурныя, но не на всякомъ мѣстѣ только въ Москвѣ и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ. Они ихъ употребляютъ какъ яблоки или груши, ѣдятъ ихъ просто, только снявши верхнюю кожицу, на это пьютъ воду или квасъ, и имъ ничего не вредитъ.

Напитки подавали въ золотыхъ чаркахъ и часто, по всѣмъ столамъ. Сначала горѣлка, затѣмъ венгерское и вино малвазія —

---

[1]) Помимо воеводы сендомірскаго, привезъ ихъ также львовскій антекарь, Станиславъ Колачкевичъ, который подробно описываетъ это въ своемъ дневникѣ (W. Łosinski, Dyaryuszek moskiewski Lwowianina zr. 16(5. Kwartalnik Histor. v. 1894, p. 628 i 631).

они были привезены возницами изъ Польши, передъ нами. Былъ и капаръ [1]) и французское вино — оно приходитъ моремъ; но сами они его мало употребляютъ, предпочитаютъ водку. Различные меды, но порядочнаго нѣтъ; даже, желая имѣть получше пиво, подсыпаютъ его медомъ—что и скверно, и отвратительно.

На всѣхъ столахъ подавали ѣсть на золотѣ, серебряной миски не было ни одной. Ложки были большею частью золотыя, но были и просто серебряныя и вызолоченныя.

На половинѣ обѣда пилъ къ намъ государь, и принесли намъ къ столу золотыя чарки съ напиткомъ — иныхъ по всѣмъ столамъ было мало — все золотыя, какъ у насъ, такъ и тамъ, гдѣ сидѣли и наши слуги, и купцы, и очень много было ихъ. Пилъ государь и второй разъ, и всѣ мы по-очереди ходили за полною чашею—каждому изъ руки своей подавалъ онъ чарку и мы, стоя предъ нимъ, сейчасъ-же наполняли ее. Потомъ мы отошли на свои мѣста, а обѣдъ, продолжавшійся нѣсколько часовъ, засимъ кончился.

По окончаніи обѣда, были поставлены предъ государемъ два подноса недозрѣвшихъ квашенныхъ сливъ. Изъ сѣней пришли тѣ 30 паръ стольниковъ, что разносили кушанья; они попарно подходили, каждой парѣ государь изъ своей руки давалъ тѣ сливы; одни ихъ ѣли сейчасъ-же при государѣ, другіе-же съѣдали только одну, другія-же прятали для дома, чтобы показать женамъ и домашнимъ и похвалиться лаской, или, какъ они называютъ, государевымъ пожалованіемъ.

Всталъ затѣмъ государь и, облокотившись о столъ, каждому изъ думныхъ бояръ давалъ по чаркѣ меду изъ своей руки. Послѣ этого, тѣ священники, которые пробормотали и „благословите“ и „благодареніе“, покропили государя водою, а мы его проводили въ его покой. Москвитяне вышли, намъ-же онъ указалъ задержаться; онъ приказалъ притти музыкѣ и принести вина; въ честь каждаго изъ насъ пилъ особо, разговаривалъ самымъ непринужденнымъ образомъ, шутилъ. Въ разговорѣ вспоминалъ христіанскаго цесаря, что онъ не показывается предъ людьми [2]). Прошелся и на счетъ его величества короля, нашего государя, по поводу какого-то пустяка; но, желая его извинить, прибавилъ, что императоръ еще большой дуракъ (więtsry blazen) чѣмъ польскій король. Нѣкоторые изъ насъ отозвались было, но трудно

---

[1]) Родъ испанскаго вина.

[2]) Эти слова Димитрія относились къ современному нѣмецкому императору Рудольфу II, который дѣйствительно былъ чудакомъ своего рода. Извѣстно, что онъ все свое время проводилъ на конюшнѣ или въ своей алхимической лабораторіи, и такъ далеко онъ шелъ въ желаніи не быть видѣннымъ, что даже отправляясь въ садъ на прогулку, шелъ туда крытою галлереею, спеціально для этой цѣли построенною.

было возражать человѣку столь остроумному; даже и папы не оставилъ за то, что онъ приказываетъ цѣловать себя въ ногу [1]). Давали мы и на это свои объясненія, насколько умѣли и знали. Объ Александрѣ Македонскомъ замѣтилъ, что, въ виду его великихъ достоинствъ и храбрости, онъ и по смерти ему другъ, но о томъ сожалѣлъ, что онъ не въ числѣ живыхъ, а то бы съ нимъ помѣрился; сожалѣлъ, какъ монархи съ удовольствіемъ видятъ предательство, но самими предателями гнушаются. Было хаяніе и нѣкоторыхъ изъ нашихъ, именно, покойнаго ксёндза Помаскаго [2]). При этихъ шуткахъ достаточно выполнялъ свою обязанность и Антоніо Ріати изъ Болоньи, котораго спеціально для этого привезъ съ собою г. саноцкій староста—чтобы шутилъ [3]). Такъ какъ на первомъ обѣдѣ онъ уже вышутилъ для себя чарку въ 120 червонныхъ и португалъ [4]), то теперь и другую, стоимостью въ 20 *ungaricorum*, и приказано было ему допивать, что онъ и исполнилъ охотно. Но государь, желая привести насъ въ веселое расположеніе духа и показать свое расположеніе, приказалъ, чтобы нѣсколько паръ изъ нашихъ открыли танцы, другъ съ другомъ: пошелъ въ плясъ староста саноцкій съ княземъ Вишневецкимъ и нѣсколько другихъ. Самъ государь все время стоялъ у окна, пока мы были съ нимъ. Потомъ онъ приказалъ освѣдомиться о солдатахъ, нѣтъ-ли ихъ предъ залой, въ прихожей? Такъ какъ ихъ оказалось не мало, онъ приказалъ открыть зальныя двери и, остановившись у нихъ, говорилъ имъ, что какъ благодаренъ онъ имъ за ихъ чувства, какъ желаетъ онъ пріобрѣсти любовь людей-рыцарей, добавилъ, что всѣ государи славны солдатами и людьми-рыцарями, ими они стоятъ, ими государства распространяются, монархіи утверждаются, они — врагамъ гроза и пр. Онъ обѣщалъ имъ свое благоволеніе, завѣряя ихъ, что каждый изъ нихъ имъ будетъ доволенъ, и *pro hac vice* обѣщалъ удовольствовать ихъ по 200 грошей на коня. Засимъ, онъ пилъ за ихъ здоровье и каждому изъ нихъ поднесъ изъ руки своей

---

[1]) Димитрій, должно быть, часто вышучивалъ папу, такъ какъ кс. Савицкій разсказываетъ въ своемъ Дневникѣ, что, „de Summo Pontifice... leviter admodum et non sine contemptu „loquebatur“ (Wielewiecki, ib. p. 145), т. е. съ пренебреженіемъ.

[2]) Кс. Фр. Помаскій, пробощъ самборскій, облегчилъ Димитрію завязать болѣе близкія отношенія съ іезуитами и долженъ былъ быть однимъ изъ первыхъ, что силились склонить его къ переходу въ лоно католической церкви. Онъ погибъ во время рѣзни въ Москвѣ 27/17 мая 1606 года.

[3]) Этотъ Ант. Ріати, навѣрное, долженъ былъ быть уже долгое время въ сношеніяхъ съ поляками, ибо въ 1603 г. онъ получилъ отъ сената Болонскаго университета разрѣшеніе основать особенную „академію“, „in quo Nobiles Poloni in omnium virtutum genere exerceantum“ (C. Malagola, J Polacchi in Bologna. Bologna, Album Storico, p. 36).

[4]) Авторъ имѣетъ въ виду домашній обѣдъ у Димитрія, послѣ перваго пріема. См. выше.

чарку съ виномъ, чѣмъ привязалъ ихъ сильно къ себѣ. Они предложили съ своей стороны и жизнь, и труды, и въ этотъ моментъ, чтобы засвидѣтельствовать свои чувства, просили о дозволеніи имъ, во здравіе его, преломить копья. На минуту государь было призадумался, но потомъ дозволилъ. Тогда нѣсколько паръ стали готовиться и пробовать въ сторонкѣ; но одна пара, гг. Щука и Орачевскій, ударили на коняхъ одинъ противъ другого: турецкій конь Орачевскаго остался тутъ-же на мѣстѣ, а самого его едва выволочили изъ подъ него и привели въ чувство. Присматриваясь къ этимъ рыцарскимъ забавамъ, нѣкоторые изъ москвитянъ переговаривались передъ другими, что такъ какъ все это готовится на нихъ, въ будущее воскресенье, когда имѣли быть эти конскія ристанія, то, кажется, имъ далѣе не для чего откладывать заговора противъ государя, который они замыслили давно, но о чемъ ниже.

Засимъ, великій князь ушелъ въ отдаленную комнату, прося насъ продолжать веселиться; но потомъ и мы разъѣхались по своимъ подворьямъ.

Дня XX-го, того-же.

Въ субботу, едва наступилъ день, какъ ударили въ десятки барабановъ и трубъ. Чернь, бѣгая по Кремлю и по городу, стала орать, плеща въ ладоши: „нашей государынѣ (говорили просто, безъ „Божьей милости“) дай, Господи, многая лѣта“ и проч.[1]). Долго продолжалась эта пѣсенка (они ее считаютъ благопожеланіемъ), пока не выслалъ государь съ приказаніемъ, чтобы не смѣли болѣе орать, стыдясь насъ.

Банкетъ также поздно начался, какъ и вчерашняго дня, и по той же причинѣ — мытья въ банѣ. Государь и государыня (она была уже не въ коронѣ, но въ польской женской шапочкѣ съ цаплинымъ перомъ, въ польскомъ нарядѣ — въ московскомъ были только въ день коронаціи) пришли ко столу.

Предъ обѣдомъ отъ патріарха, митрополита, владыкъ, поповъ, бояръ, купцовъ, горожанъ были даваны подарки, при чемъ не пожелали, чтобы былъ кто-нибудь изъ нашихъ — одинъ лишь государевъ канцлеръ. Вещей было не мало и различныхъ: образки, края которыхъ были покрыты золотою пѣнкой изъ нѣсколькихъ червонныхъ, соболи сороками, кубки, штуками парча; но все это было не высокаго достоинства.

Во время обѣда явилось болѣе десяти лапландцевъ въ своемъ нарядѣ, для насъ, чуждыхъ народовъ, совсѣмъ необыкновенномъ:

---

[1]) Въ текстѣ довольно свободно: „naszę Hosudarynią daj Hospody na mnoho lat była“.

во-первыхъ—изъ олеьихъ шкуръ, вывороченныхъ шерстью вверхъ, во-вторыхъ — необыкновеннаго шитья: въ одномъ и томъ же платьѣ и шапка, и кафтанъ, и обувь, и башмаки, и перчатки; только прорѣзъ у ладони, чрезъ который можно выпускать пальцы, и на груди, черезъ который человѣкъ входитъ въ эту одежду. Пояса не употребляютъ. Лица ихъ нѣсколько похожи на татарскія, короткія, широкія и смуглыя, глаза крошечные, сами не высокаго роста. Сѣверныхъ оленей они употребляютъ вмѣсто скота: и доятъ, и въ сани впрягаютъ, но на нихъ не ѣздятъ; на нихъ кладутъ только обротки, такъ какъ и безъ удилъ позволяютъ себя удержать. Звѣри эти поменьше оленя, но крупнѣе лани, рога въ видѣ оленьихъ, только нѣсколько плоски. Лапландцы употребляютъ ихъ мясо въ пищу, кромѣ того рыбу. Живутъ лапландцы у Ледовитаго моря, къ Норвегіи. У нихъ свой языкъ, но на немъ они ни съ кѣмъ не говорятъ; обычаевъ дикихъ. Ѣда ихъ: вареннаго или печенаго употребляютъ мало; сырое мясо и живыхъ рыбъ ѣдятъ безъ соли. Нѣкоторые изъ нашихъ ходили поглядѣть, когда они готовили свой обѣдъ. Никакого оружія не употребляютъ, кромѣ длинныхъ луковъ, и тѣ только изъ кривыхъ прутьевъ; привязавши веревочку вмѣсто тетивы, они бьютъ изъ нихъ звѣря. Войны ни съ кѣмъ не ведутъ, о границахъ не безпокоятся, переходятъ съ мѣста на мѣсто, по лѣсамъ. Много ихъ живетъ подъ властью московскаго великаго князя, часть подъ властью шведскаго короля, но большинство безъ всякаго начальства, а доступъ къ нимъ, благодаря огромнымъ снѣгамъ, холоду, болотамъ, лѣсамъ—труденъ. Commercia ни съ кѣмъ не ведутъ; довольствуются тѣмъ, что далъ имъ случай и что ихъ земля родитъ. Пушной товаръ вымѣниваютъ чаще всего на рожь. Лѣтомъ у нихъ день долгій—солнца болѣе трехъ часовъ земля не закрываетъ; зимою тоже—день не болѣе трехъ часовъ; всего этого я самъ былъ свидѣтелемъ: я былъ близокъ къ ихъ странѣ, но однако на разстояніи двухъ сотъ миль отъ нея—именно, когда, по несчастію, держали меня немалое время въ заточеніи на Бѣломъ озерѣ: тамъ отъ захода до восхода солнца не было болѣе четырехъ съ небольшимъ часовъ, и даже въ теченіе этого времени я могъ читать мелкое письмо и писать. Птицы также летали всю ночь, и было видать сіянье или зарю отъ солнца.

Эти люди во время обѣда подносили великой княгинѣ подарки: нѣсколько сороковъ бѣлыхъ и черныхъ псовъ[1]) (соболи и куны у нихъ не водятся), безъ рѣчи, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ никогда не слышалъ ни о реторикѣ, ни о Демосоенѣ.

---

[1]) Собственно, это были шкуры рысей и оленей.

5*

Дня XXI-го, того-же.

Въ воскресенье приглашены были гг. послы его в-ва короля отъ великаго князя на банкетъ. Раньше обѣденнаго времени они заѣхали въ Кремль въ помѣщеніе его м. г. воеводы сендомірскаго, желая узнать о мѣстѣ своемъ—какъ они будутъ посажены за столомъ великаго князя. Великій князь приказалъ имъ сказать, что, по стародавнему обычаю, у второго стола. Госп. Малаговскій отвѣчалъ, что это было раньше, когда государь по своей доброй волѣ приглашалъ къ себѣ для угощенья котораго посла, а иначе теперь, когда его в-во король, будучи приглашенъ на свадьбу великаго князя, послалъ своего посла вмѣсто своей особы; сверхъ того, и государевъ посолъ на свадьбѣ его в-ва короля посаженъ былъ у стола королевскаго, съ другими господами послами другихъ монарховъ.

На это отвѣчалъ великій князь:

— Прилично поступилъ польскій король, что насъ въ особѣ посла нашего такъ почтилъ—какъ было надобно, и какъ иначе и не годилось. Если бы были здѣсь послы и отъ иныхъ монарховъ, сидѣли-бы тамъ-же, съ посломъ польскаго короля; наконецъ, если-бы тутъ былъ и цесарь христіанскій, ближе къ намъ въ государствѣ нашемъ мѣста не имѣлъ-бы.

Послѣ продолжительнаго спора,—такъ какъ г. Малаговскій *exspresse* имѣлъ въ своей инструкціи, что если-бы его не посадили у стола великаго князя, то къ обѣду и не приходилъ-бы,—остановились на слѣдующемъ: былъ поставленъ небольшой, узкій столикъ, на полъ-локтя ниже государева стола, и на три локтя по правую руку отъ государева стола; за него посадили одного г. Малаговскаго. Между нимъ и великимъ княземъ, но нѣсколько назадъ, стоялъ, съ мечемъ на-голо, во время всего обѣда, мечникъ государевъ, Михайло Шуйскій.

За вторымъ столомъ, подалѣе и на четыре ступеньки ниже, сидѣлъ другой посолъ, г. Гонсевскій, староста велижскій — на первомъ мѣстѣ среди насъ, пріятелей великой княгини.

Всѣмъ намъ, равно какъ и слугамъ нашимъ, было объявлено, что кто только пришелъ въ Кремль, остается на банкетѣ великаго князя.

Предъ обѣдомъ, въ комнатѣ великой княгини, г. Малаговскій отъ его в-ва короля передавалъ государынѣ подарки, какъ-то: 30 немалыхъ кубковъ и серебряный фонтанъ, вмѣсто умывальника, съ тазомъ.

Отъ себя лично — недурную, съ брилліантами шаль и небольшую женскую діадему изъ пряжекъ (feretów) и камешковъ[1]),

[1]) Слово „fereta"—пряжка, но можно перевести и—„украшеніе".

которыя потомъ великій князь осмотрѣлъ, и тогда замѣтилъ о подаркахъ г. Малаговскаго:

— Господинъ Малаговскій далъ, что имѣлъ.

Засимъ, мы быстро проводили великаго князя и государыню въ большую палату къ обѣду. Онъ былъ одѣтъ по гусарски, въ красную бархатную епанчу (kopieniak), просто подшитую красивыми соболями, сверху вышитую довольно густо жемчугомъ; жупанъ былъ также вышитый; въ венгерку съ перомъ, на ней недурная брилліантовая запонка, но однако не цесарская. Государыня шла за нимъ, въ коронѣ и въ теченіе всего обѣда имѣла ее на головѣ.

Обѣдъ открылся тѣми-же церемоніями, какъ и прежде—съ обхожденія парами стольниковъ около колонны, о чемъ упоминалось выше.

Послѣ того какъ сѣли за столъ, въ свои серебряныя сидѣнья, великій князь и государыня и предъ ними поставили нѣсколько кушаньевъ, посадили и насъ по списку. Какъ и на иныхъ обѣдахъ, ставили по два или по три кушанья, съ помощью тѣхъ, которые сидѣли передъ столомъ, и ставили не всѣ, а было всего тринадцать. Прежде всего:

1. Лебяжье колѣнко съ мёдомъ, вмѣсто подливки.

2. Крыло печенаго тетерева, тонко покраянное въ тарелочки, сверху обложенное лимонами, которые они называютъ яблочками, квашенными „какъ огурцы“ (kak ogorce).

3. Заячья головка, подъ нею капуста (bigosek).

4. Кусокъ барана съ сладкою зеленью (barszczem).

5. Четверть курицы, на-бѣло, съ кислотой (kwasem), въ которой плавало нѣсколько крупъ.

6. Другая часть курицы, на-желто, съ борщемъ, въ которомъ также двигались крупы.

7. Вяленая лопатка ягненка, политая молокомъ.

8. Тѣсто въ видѣ паштета, съ начинкою изъ мелко накрошеннаго бараньяго мяса, вмѣстѣ съ жирною и свѣжею свининою.

9. Тѣсто, въ которомъ переложены яйца съ творогомъ.

10. Немалый кусокъ тѣста, вышиною съ брауншвейгскую шапку; сверху помазано медомъ.

11. Полѣно (drewno), покрытое тѣстомъ, въ видѣ шишки, тѣсто нѣсколько припечено, а сверху полито сырымъ медомъ.

12. Пирогъ (tort) изъ бараньей печенки и ячной крупы.

13. Мелко рубленныя легкія, съ просомъ, медомъ, перцемъ и шафраномъ, который они называютъ „мхомъ“.

Былъ также дессертъ, какъ и при другихъ обѣдахъ; при конфектахъ ковриги хлѣба, печеныя съ медомъ, а сверху

также политыя медомъ; повиделъ большие столбы, длиннѣйшіе прутья корицы, которые они называютъ трубками.

На всѣхъ столахъ подавали ѣсть на золотѣ, и эти тринадцать кушаньевъ довольно тѣсно вдоль стола помѣщались, ибо поперекъ столы были такъ узки, что нельзя было поставить рядомъ двухъ мисокъ, хотя тарелокъ и не было. Золото-то однако никакого вкуса не придавало кушаньямъ.

Послѣ перваго кушанья, Хоростынъ[1]), кравчій великаго князя (они его называютъ „кравцемъ", а „кравца"—партенякомъ[2]), красивый юноша въ 18 лѣтъ, невысокій и, какъ говорятъ, любимецъ великаго князя *a secretis*, переодѣвшись въ другой парчевый армячекъ (онъ это дѣлалъ два раза въ теченіе обѣда), принесъ въ красивой рюмкѣ изъ горнаго хрусталя (di cristal di montania) (ее послалъ ему нашъ надворный коронный маршалокъ съ перомъ, вмѣстѣ съ другими подарками) вина великому князю—онъ одинъ правитъ обѣ должности—и подчашаго. Изъ нея великій князь собрался пить здоровье посла, помимо здоровья его в-ва короля; онъ всталъ и снялъ ермолку; но когда долженъ былъ пить, то надѣлъ ее опять на голову и пилъ сидя. Потомъ самъ передалъ чарку съ виномъ г. послу, протянувши руку, и за чаркой г. посолъ подошелъ.

Потомъ, пилъ здоровье и другаго посла его в-ва короля, который сидѣлъ съ нами у второго стола. Къ нему подошелъ г. Янъ Бучинскій и указалъ подойти къ великому князю за полной чаркой (po pełną). Посолъ Гонсевскій сталъ отказываться, говоря, что это было бы „*contra dignitatem* его в-ва короля, моего государя, особу котораго я собою представляю, но пусть его величество государь прикажетъ принести „ее мнѣ". Передалъ это великому князю г. Бучинскій: разгнѣванный, онъ объявилъ, что если посолъ не подойдетъ, онъ прикажетъ выбросить его черезъ окно. Подошелъ снова г. Бучинскій, и хотя предъ нимъ своего посольства не выполнилъ, но сказалъ:

— Бога ради, иди за той „полной", его величество императоръ сильно обиженъ, и будетъ слишкомъ дурно, если ваша милость не пойдетъ.

Но посолъ все оттягивалъ, опасаясь, какъ-бы не учинить чего противъ обязанности своей и достоинства его в-ва короля. Но, видя такую горячность (popędliwość) великаго князя, онъ,

---

[1]) Князь Иванъ Андреевичъ Хворостининъ.

[2]) Авторъ пытается играть словами, но безъ достаточнаго знанія русскаго языка. По-польски „кравецъ" значитъ портной, а онъ не различаетъ этого слова отъ слова „кравчій". Форма слова „партенякъ" сомнительна. Въ виду прилаг. „портняжій" необходимо предположить форму портняга; возможна и форма „портнякъ"—портной.

чтобы съ нимъ не случилось какого бо́льшого безчестія, послѣ того объявленія отправился за „полной". Но я уже не знаю, какъ вкусенъ былъ ему тотъ напитокъ.

Пилъ затѣмъ великій князь разомъ и здоровье всѣхъ насъ: мы всѣ по очереди подходили отъ стола къ нему за „полной"; самъ онъ каждому изъ насъ изъ своей руки подавалъ золотую чарку съ напиткомъ, снимая ермолку.

Обѣдъ засимъ былъ у конца, а церемоніи, какъ всегда, завершились врученіемъ пары соленыхъ сливъ каждому изъ стольниковъ собственноручно отъ великаго князя.

Не было такой вещи, которою великій князь съ охотою не похвалился бы передъ нами, разъ это касалось пышности, великолѣпія и избытка. А чтобы мы видѣли, что и съ посторонними господами имѣетъ свои пріязненныя отношенія, въ концѣ обѣда онъ указалъ явиться посламъ, которыхъ посылалъ въ Персію, чтобы они его вмѣстѣ съ великою княгинею всенародно осѣнили крестнымъ знаменемъ (*publice* *żegnali*).

Поднявшись, онъ сталъ у стола и подавалъ снова каждому изъ думныхъ бояръ по чаркѣ съ медомъ изъ своей руки, но шапки не трогалъ; когда-же потомъ мы переходами провожали его въ его комнату, онъ приказалъ внизу остановиться съ 42 парами кречетовъ и сообщилъ, что 100 паръ ихъ онъ посылалъ персидскому королю.

Нѣкоторые поняли такъ, что онъ никого не посылалъ, а выдумалъ только для величія. Повѣствовалъ онъ также намъ, что другихъ пословъ отправилъ къ королямъ: французскому, англійскому, въ Венецію и къ инымъ итальянскимъ князьямъ. Пошелъ дождь, изъ китайки сдѣлали нѣчто въ родѣ балдахина (grob), какъ это у насъ носятъ надъ дарохранилицей, и это имѣли нести надъ обоими высокими особами. Великая княгиня также пошла въ свою комнату, а мы разъѣхались по своимъ подворьямъ.

Дня XXII-го, того-же.

Ничего не было, и высокія особы кушали у себя *privatim*. Одинъ только барабанный бой во всѣ барабаны и трубенье, какъ и въ прежніе дни, отъ ранняго часа дня и до послѣдняго подъ ночь, не прекращались, и такъ было каждый день вплоть до пятницы.

Дня XXIII-го, того-же.

Ужинъ имѣлъ великій князь въ комнатѣ своей избранницы. Дано знать нѣкоторымъ изъ родственницъ государыни, чтобы были при ужинѣ. Но потомъ, когда ихъ набралось много, указано нѣкоторомъ выйти. Изъ москвитянъ никого не было, кромѣ Петра

Басманова (Bosmana), московскаго воеводы (getmana). Поляки, чиновники государыни и стольники служили у стола; государь указалъ музыкѣ играть. Послѣ ужина великій князь танцевалъ: одинъ разъ съ государыней, другой — съ ея м. хорунжиной перемышльской. Потомъ, какъ скоро пріятели государыни продѣлали нѣсколько танцевъ съ ея женской прислугой, онъ ушелъ въ свой покой, и такимъ образомъ быстро окончилась эта веселая забава[1]).

Дня XXIV-го, того-же.

Весь этотъ день отдыхали у себя высокія особы, давая знать, что они очень утомлены пирами.

Дня XXV-го, того-же.

Великій князь желалъ было провести непринужденно время съ гг. пріятелями государыни, почему и указалъ пригласить на эту простую забаву виднѣйшихъ изъ нихъ, а изъ пословъ—одного господина Малаговскаго, который когда предъ обѣдомъ явился, то великій князь сказалъ ему:

— Господинъ Малаговскій! Сегодня мы позабавимся свободно: здѣсь не будетъ ни императора, ни посла.

Но потомъ вышло далеко иначе. Прежде всего, великій князь и великая княгиня только одни сидѣли за особымъ столомъ, и имъ по-королевски, съ большими церемоніями, прислуживали наши поляки; поодаль отъ нихъ, по правую руку, въ сторонкѣ, у другого стола сидѣли: сначала его м. г. воевода, подлѣ него господинъ Малаговскій, уже не какъ посолъ, а какъ каштелянъ, напротивъ нихъ трое москвитянъ: Василій Масальскій, дворецкій, по нашему маршалъ, Петръ Басмановъ (Bosman), стрѣлецкій, по нашему гетманъ, Аѳанасій Власьевъ, старшій дьякъ, по нашему канцлеръ. Затѣмъ сидѣли мы — родственники и пріятели, въ числѣ семи человѣкъ; было больше и другихъ пріятелей, но имъ не было указано сидѣть; они простояли весь обѣдъ. За обѣдомъ играла музыка.

При первомъ кушаньѣ великій князь подозвалъ къ себѣ его м. г. воеводу сендомірскаго и пилъ въ честь его, его здоровье. Затѣмъ онъ пригласилъ господина Малаговскаго, пилъ также его здоровье и самъ чествовалъ его золотою чаркой, наполнивши которую, онъ приказалъ ему взять ее себѣ. Эта чарка могла

---

[1]) Подъ 23 мая мы находимъ въ первой редакціи этого Дневника также слѣдующую запись: „дня XXIII мая, предъ обѣдомъ, ея в-во царица навѣстила въ монастырѣ царскую мать“.

вѣсить около 300 *ungaricorum*; въ ней были также два бриліанта, стоившіе 200 золотыхъ и крупное рубиновое зернышко. Пила потомъ и великая княгиня его здоровье изъ другой чарки и, также наполнивши, приказала взять ее себѣ. Господинъ Малаговскій удовлетворилъ приказанія обоихъ, и исполнивши отдалъ своему человѣку спрятать.

Пилъ великій князь и здоровье всѣхъ насъ, что̀ сидѣли у стола, также самъ чествовалъ золотыми чарками и просилъ, чтобы мы наполняли, но не прибавлялъ—взять чарки себѣ, а къ этому наши имѣли большое желаніе.

Болонецъ Антоніо Ріати, дурачась за столомъ, добился дозволенія отъ великаго князя—выпивши медъ изъ чарки, взять ее себѣ (и это уже вторую)—она могла быть вѣсомъ 150 *ungaricorum*. Послѣ этого значительно пошло въ гору его шутовство.

Послѣ обѣда великій князь пошелъ въ пляску съ государыней, ему служили при этомъ г. воевода сендомирскій, господинъ Малаговскій и нѣсколько паръ изъ господъ пріятелей. Затѣмъ танцевалъ г. воевода съ великою княгиней — его она водила, а также и господинъ Малаговскій; но тутъ уже онъ ее водилъ.

Потомъ государь вышелъ, чтобы переодѣться—вмѣсто русскаго камлотоваго армячка и чернолисьяго шлыка—въ гусарское платье.

Послѣ его ухода, челядинцы наши стали было протискиваться въ залу (а она была невелика). Тогда государыня чрезъ г. Баля, который былъ подчашимъ, чрезъ г. Яна Коморовскаго, стольника, и чрезъ г. Стржыжовскаго, также стольника, отдѣльно чрезъ каждаго изъ нихъ, приказала:

— Скажите тѣмъ, которые тѣснятся, и ихъ господамъ: кто будетъ тѣсниться сюда, тому я прикажу дать не одинъ, а три кнута (knuciowaé).

Кое-кто послушался этой просьбы, другіе-же по-прежнему перли.

Возвратился великій князь въ красно-пестромъ бархатномъ жупанѣ, съ зелеными и синими цвѣтами по нему, въ красной бархатной епанчѣ (w delijce), въ которой вмѣсто петлицъ шесть широкихъ жемчужныхъ сердечекъ, сверху вокругъ золотая сорока, въ венгеркѣ съ перомъ, съ недурною бриліантовой запонкой.

Посидѣвъ немного, великій князь сталъ танцевать съ государыней; ему служилъ господинъ Малаговскій, надѣвши венгерку съ перомъ на голову, что̀ было очень непріятно великому князю. Окончивши танецъ, онъ подозвалъ гофмейстера, г. Мартына Стадницкаго, и сказалъ ему:

Объяви всѣмъ милостивымъ государямъ, что если бы кто танцевалъ въ шапкѣ, то я прикажу снять у него ее вмѣстѣ съ головой.

Когда передалъ намъ это. г. Стадницкій, одинъ взглянулъ на другого и призадумались, мы отъ - разу не поняли, къ кому это относилось, такъ какъ насъ было много и всѣ танцевали съ непокрытыми головами. Однако, понялъ господинъ Малаговскій, что это сказано было по его адресу и бросилъ шапку прочь отъ себя. Подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Г. подстолій! Посмотри-ка, государь обѣщалъ было мнѣ, что при этой непринужденной забавѣ не будетъ здѣсь ни императора, ни посла, но хотя посла дѣйствительно нѣтъ, а императоръ остался.

Снова танцевалъ государь съ г. воеводою сендомірскимъ; опять ему служилъ господинъ Малаговскій, но уже безъ шапки. Каждый разъ послѣ танца, сначала господинъ Малаговскій, а потомъ всѣ наклонялись къ государевымъ ногамъ, когда же однако я, танцуя (sluźąc) съ г. Тарломъ, хорунжимъ перемышльскимъ, послѣ малаго танца, не могъ дотиснуться до нихъ, неласково взглянулъ на насъ государь и ясно тѣмъ показалъ, на сколько онъ былъ тѣмъ оскорбленъ; когда же мы оба это замѣтили, то послѣ большаго танца здѣсь никто болѣе не упредилъ насъ въ этой церемоніи. Глядя на эту нашу охоту, онъ усмѣхнулся, какъ бы говоря: пріятно мнѣ, что вы меня боитесь; но и мы были довольны тѣмъ, что сгладили первое впечатлѣніе.

Потомъ нѣсколько танцевъ протанцевали господа пріятели съ женской прислугой (не танцовалъ никто, кромѣ тѣхъ, чтó сидѣли за столомъ), и этимъ закончилась забава. Кажется, здѣсь можно припомнить, что великій князь, всегда умѣренный въ питьѣ, и за все это время, при насъ, никогда не выпилъ лишняго.

Мы провожали высокихъ хозяевъ до комнаты, въ которую они вошли только вдвоемъ, оставивши во дворѣ, у дверей, воеводу-отца, насъ всѣхъ и женскую прислугу. Разъѣхались затѣмъ и мы по своимъ квартирамъ.

Дня XXVI-го, того-же.

Стали носиться вѣсти—*incerto-authore* и Богъ вѣсть откуда, а мѣстами начали и прямо говорить, что Москва неспокойна, что въ тотъ или въ другой день она собирается напасть на великаго князя и поляковъ. Сообщили мы объ этомъ тѣмъ изъ нашихъ, которые лично были при государѣ и имѣли ближайшій доступъ

къ нему, чтобы его предостеречь[1]) и чтобы онъ приказалъ изслѣдовать эти обстоятельства. Тѣ такъ насъ отдѣлывали:

— Но, господа, не позволяйте о томъ себѣ говорить—нѣтъ ничего; какой трусъ все это вымышляетъ. Народъ простой такъ любитъ его величество императора, что недавно онъ на мѣстѣ разорвалъ зубами семерыхъ живьемъ, при одномъ только подозрѣніи на нихъ.

Съ радостью слышали мы о такой любви, прося у Бога объ одномъ—да продлится она до тѣхъ поръ, пока Господь Богъ не вынесетъ насъ отъ нихъ. Но — просили мы не по заслугамъ нашимъ.

Тѣмъ не менѣе, отправился воевода сендомірскій къ великому князю,—доложить ему о тѣхъ слухахъ и предостеречь его, чтобы онъ позаботился о себѣ и приказалъ бы выслѣдить — откуда бы такія вѣсти могли пойти. Не съ признательностью принялъ онъ это предостереженіе воеводы и замѣтилъ:

— Я удивляюсь, что вы позволяете, чтобы вамъ передавали такія вѣсти и сплетни.

Г. воевода отвѣчалъ:

— Объ осторожности никто никогда не сожалѣлъ, и ваше императорское величество сдѣлайте тоже.

На что онъ:

— Батюшка, Бога ради, не говорите мнѣ уже болѣе объ этомъ, потому что я принимаю это отъ васъ съ непріязнью. Мы знаемъ, какъ правимъ мы нашимъ государствомъ; здѣсь нѣтъ ни одного такого, который имѣлъ бы что сказать противъ насъ; а если бы мы что замѣтили, то въ нашей власти и всѣхъ въ одинъ день лишить жизни.

Воевода замолчалъ и, вручивши ему болѣе чѣмъ сотню челобитенъ, что получилъ онъ отъ москвитянъ, ушелъ въ свою квартиру.

Предъ вечеромъ, послѣ г. воеводы, назначилъ и мнѣ аудіенцію великій князь. На ней, принявъ меня весьма любезно, съ большими предложеніями, онъ сказалъ: „мы желаемъ, чтобы дѣйствіе нашихъ симпатій къ вамъ ощутительно было и въ вашемъ дому, чтобы люди видѣли, что мы признательны вамъ за ваше благожелательство, которое намъ пріятно и любезно, и это мы безотлагательно сейчасъ же заявимъ". Осмотрѣвъ при мнѣ драгоцѣнности, которыя я привезъ съ собою, онъ приказалъ принести свои, показывалъ ихъ мнѣ и сравнивалъ со своими. Онъ указалъ мнѣ оставить ихъ при немъ, чтобы тѣмъ лучше

[1]) По первой редакціи этихъ Записокъ, Стадницкіе отправились къ царю, чтобы предостеречь его отъ грозящей ему опасности.

ихъ разсмотрѣть. Засимъ, онъ нѣкоторое время занимался со мною разговорами и это *familiarissime*; не раньше, какъ въ первомъ часу на ночь я вышелъ отъ него. Но судьба не много времени разрѣшила ему любоваться тѣми драгоцѣнностями, потому что не далѣе какъ черезъ восемь часовъ онъ и жизни лишился, о чемъ поистинѣ можно только пожалѣть[1]).

Объ умерщвленіи великаго князя и избіеніи поляковъ на Москвѣ дня XXVII-го мая.

Виленская рукопись.

Помимо всякаго чаянія, ровно съ разсвѣтомъ пошелъ слухъ о поджогѣ города или Кремля. На этотъ слухъ народъ побѣжалъ въ Кремль, гдѣ затѣмъ и ударили во всѣ колокола въ набатъ. Изъ нашихъ одни спали, другіе только что встали, а между тѣмъ около царя знатнѣйшіе бояре замыслы свои уже выполняли, тѣ, которые отъ князя Василія Шуйскаго, новоизбраннаго царя, были введены въ интригу, а Шуйскимъ и нѣмецкая гвардія была отведена отъ царскихъ покоевъ, для перемѣны. Утверждаютъ, что участниками этого заговора были и капитанъ французъ и нѣкоторые изъ гвардіи, потому что они разомъ бросили алебарды и даже нѣмецкое платье, данное имъ отъ покойнаго, надѣли на себя московское, и ни одинъ не далъ отпора предъ комнатой. Почему самъ вышеупомянутый Шуйскій съ своими пособниками (эти были вооружены какъ бы въ бой)

Львовская рукопись.

Какъ скоро насталъ день, началась тревога въ городѣ. Одни кричали: „горитъ въ Кремлѣ", другіе — что въ городѣ, третьи въ свою очередь кричатъ — „измѣна!" Міръ (или народъ) бѣжитъ, начинаетъ собираться въ группы; въ эту минуту въ Кремлѣ ударили въ набатъ во всѣ колокола, а ихъ тамъ около сотни.

Тѣ бояре, которые были виновниками заговора, именно, Татищевъ и Голицынъ, съ другими заговорщиками, прежде всего напали на кремлевскіе ворота, которые никогда, даже на ночь, не были запираемы; за ними массою народъ: тѣ, что были свѣдомы, съ оружіемъ, другіе, не зная, что сталось, для обороны съ бердышами, палками. Нѣсколько десятковъ ремесленниковъ, мужиковъ, которыхъ они называютъ стрѣльцами (о нихъ потомъ рѣчь ниже — что это за богатыри и какое получаютъ жалованье), стояли у воротъ на

[1]) Имѣя въ виду, что дѣло было въ половинѣ мая, можно опредѣлить „первый часъ на ночь" — 9 или 10 часами вечера; а слѣд. жизни царь Димитрій лишился въ 5, 6 часовъ утра.

въѣхалъ въ Кремль впереди полковъ съ знаменами, а за нимъ народъ, приведенный изъ разныхъ селъ и городовъ подъ предлогомъ царскаго указа по осмотру тріумфовъ — и вошелъ въ комнату нисколько не охраняемаго князя, а предъ ней Басманова (Bosmana), которому тотъ поручилъ управленіе гвардіей, напередъ убили, когда, какъ передаютъ, тотъ не хотѣлъ впустить Шуйскаго въ комнаты и, какъ на измѣнника, съ угрозами, хотѣлъ было броситься на него. Другіе-же утверждаютъ, что былъ убитъ вслѣдствіе невѣдѣнія. Когда его спросили: „гдѣ царь, — въ комнатѣ, или нѣтъ?“ Басмановъ, укоряя, произносилъ досадныя слова по адресу ихъ. Царь, увидѣвши измѣну, изъ своей комнаты (она была построена изъ дерева, какъ и другія комнаты для ея в-ва царицы, уже въ его царствованіе) сталъ спускаться по столбу. но такъ какъ было не очень низко, то онъ сдѣлалъ быстрый скачекъ къ украинскимъ стрѣльцамъ, которые держали первый нижній караулъ и были къ нему весьма расположены; понятно, онъ долженъ былъ быть (какъ и признаются) въ обморочномъ состояніи; когда же они, подхватя его, стали приводить въ чувство и проводили въ его комнаты, главари этой измѣны, не найдя его въ комнатѣ и услышавши сверхъ того шумъ подъ комнатами, поняли въ чемъ дѣло, бросились къ нему туда и, нанеся ему ударъ въ голову стражѣ. Понатыкавши свои топорики въ колоду, а ружьишка въ чехлахъ и пороховницы развѣсивъ на стѣнѣ, сами они стояли съ палками; изъ нихъ одни было разошлись, другіе сейчасъ-же стали улепетывать въ виду смятенія. Была и другая стража такихъ же богатырей, поближе государевыхъ комнатъ, но и эти не уступили первымъ. 50 нѣмецкихъ алебардниковъ, помѣщеніе которыхъ было подъ комнатами государя, сейчасъ-же бросили алебарды и начали улепетывать. Если бы они остались вѣрны своему государю, то нѣсколько десятковъ ихъ, помѣстившись съ алебардами въ узкихъ мѣстахъ, въ длинныхъ переходахъ, какіе тамъ были, въ частыхъ дверяхъ, были бы въ состояніи задержать на себѣ долгое время большую толпу людей, а между тѣмъ была бы защита для жизни государя или спасенія. Но въ этой массѣ не нашелся ни одинъ богобоязненный человѣкъ, который защитилъ бы своего государя и благодѣтеля. Среди нихъ не было никого столь благожелательнаго, который бы измѣнникамъ отсовѣтовалъ, вѣрнаго, чтобы предостерегъ, мужественнаго, чтобы противусталъ, ни единаго честнаго, который защитилъ бы своего государя, кромѣ Петра Басманова (Bosmana), государева гетмана, который раньше, не имѣя полной увѣренности, что онъ наслѣдный его государь, больше всѣхъ другихъ отказывалъ ему въ повиновеніи, но,

изъ ружья, убили; затѣмъ уже мертвому наносили разные удары. Совершивши это, они, для показанія народу, среди неслыханнаго злорѣчья, поволокли его за ноги вмѣстѣ съ Басмановымъ за Кремль на площадь мимо монастыря, гдѣ пребывала его мать, и вопросомъ: признаетъ ли она его своимъ сыномъ? только прибавили ей еще бо̀льшую печаль. Теперь, показавши убитаго народу, они объясняли якобы его намѣренія: уничтожить ихъ вѣру и расплодить римскую; обратить церкви въ католическіе костелы, для чего уже немало имѣли привезеннаго духовенства; искоренить думныхъ бояръ и посадить на ихъ мѣста польскую шляхту. И вотъ, одни съ тріумфомъ кладутъ его на скамью вмѣстѣ съ Басмановымъ, съ тѣмъ, который въ привязанности къ своему государю до послѣдняго издыханія не дозволилъ никому превзойти себя; другіе, ища вознагражденія за совершенную измѣну, направляются въ царскіе покои. Но изъ нихъ ея величество царица, объятая страхомъ вслѣдствіе неизвѣстности положенія, прошла къ своимъ; комнатный же слуга, Осмольскій, давалъ кое-какой отпоръ противъ привала въ покои этихъ „исмахолчиковъ“ [1]); но, не удержавши ихъ, долженъ былъ пасть отъ выстрѣла. Случайно пришлось предъ покоемъ царицы быть старой госпожѣ узнавши безошибочно дѣло, онъ болѣе всѣхъ другихъ держался своей присяги, на каждомъ шагу это обнаруживалъ, а для лучшей охраны его жизни около пяти недѣль спалъ предъ государевой комнатой. Этотъ единственный вѣрноподданный, услышавъ тревогу, бросился къ дверямъ, а измѣнники на мѣстѣ убили этого честнаго слугу. Самъ государь, который спалъ за своими комнатами у государыни, заслышавъ движеніе, бросился къ своимъ комнатамъ и, понявши, что измѣна уже двери въ его комнату выбиваетъ, возвратиться къ женѣ времени уже не имѣлъ а, убѣгая корридоромъ мимо ея окна, могъ только закричать:

— „Сердце мое, измѣна!“

Но такъ какъ всѣ лѣстницы и двери были обступлены, то великій князь изъ небольшой ванны, которая была за комнатами великой княгини, соскочилъ внизъ, съ высоты около 20 локтей. Отъ такого удара онъ не былъ въ состояніи скоро притти въ себя и встать съ мѣста; на него напали нѣкоторые изъ стрѣльцовъ и народъ, схватили его съ земли и, приведя въ чувство, повели его наверхъ. Къ нимъ онъ говорилъ:

— „Христаради, христолюбцы, и ты, крещенный міръ, обороните меня отъ Шуйскихъ, не попустите меня погубить, проведите меня къ міру (т. е. къ народу) на площадь передъ Кремль

---

[1]) „etych ismacholczykow“—слово непонятное. Изъ какого оно языка? Изъ контекста можно догадаться о его значеніи—сволочь, грабители и пр.

ея м. Хмѣлецкой, и она стала жертвой того-же выстрѣла. Теперь они ворвались въ покои и здѣсь прежде всего заграбили лежавшія на столѣ драгоцѣнности и другія украшенія дамскаго платья, а равнымъ образомъ разныя вещи женской прислуги ея в-ва царицы. Однако, достоинство ея в-ва царицы, отъ которой теперь, съ несчастной перемѣной, должна была отойти всякая царская услуга и все ея помѣщеніе, въ минуту столь жестокаго мятежа, нашло полную охрану отъ столь грубаго народа въ поспѣшномъ прибытіи бояръ.

Въ то время, какъ столь печальныя дѣла творились въ Кремлѣ, здѣсь, въ городѣ, народъ, получивъ обнадеживаніе отъ первѣйшихъ бояръ (а къ нему припущены были и всякіе негодяи изъ тюремъ, а послѣднихъ въ городѣ очень много), бросился на нашихъ, не приготовленныхъ, ничего не вѣдавшихъ о совершившейся измѣнѣ царю, бросился на дворы, гдѣ кто стоялъ, не оставляя въ живыхъ никого, кто только показывался на улицахъ, и не переставая вмѣстѣ съ боярами бить въ набатъ.

Такъ какъ трудно знать, который дворъ былъ первымъ въ проявленіи нежданнаго бѣшенства госпожи судьбы, когда народъ раздвоился—одна половина обратилась на Кремль, гдѣ стояли придворные царя и царицы, другая въ другую сторону Кремля, гдѣ имѣли свои дворы ближайшіе пріятели,—поэтому слѣдуетъ (такъ называютъ то мѣсто, съ котораго, въ случаѣ какого нибудь крупнаго событія, великіе князья имѣли обыкновеніе говорить).

Въ эту минуту попали бояре—coniurati, отняли великаго князя отъ народа и, выпроводивши его наверхъ, въ его комнаты, убили. Прежде всего Иванъ Воейковъ (Wojejko) хватилъ его по головѣ, отъ какого удара онъ упалъ, затѣмъ въ лежачаго другой выстрѣлилъ въ животъ, остальные кололи, били, и каждый считалъ себя счастливымъ, что и ему нѣчто перепало на долю; засимъ, челядь тѣхъ бояръ, схвативъ великаго князя за ногу, выволокла его въ комнату къ убитому Басманову. Отсюда, обобравши обоихъ отъ всего, что имѣли они на себѣ, нагими волокли обоихъ въ Кремль. Когда имъ пришлось итти мимо монастыря, гдѣ жила великая княгиня — мать его, приказали вызвать ее и спросили: „сынъ-ли это твой?“. На это она отвѣчала: „не мой“ — изъ боязни, чтобы и съ ней того-же не случилось, или потому, что не признавалась къ нему, хотя нѣкоторые передавали, что она должна была знать раньше о заговорѣ, хотя государь все время всячески—и достатками и всѣмъ—угождалъ ей и уважалъ.

Когда выволокли по-за Кремль государя и его воеводу, то тѣ, которые были склонны къ нему, видя, что онъ уже убитъ, не имѣли возможности ни на кого опереться. Alias, простые люди,

наблюсти принятый обычай въ описаніи—первый штрихъ дать людямъ высшаго положенія.

Итакъ, я рѣшился начать отъ придворныхъ его величества царя, которые стояли на той сторонѣ Кремля.

Дворъ Склиньскаго на Глинской улицѣ былъ какъ - разъ передъ Кремлемъ. Склиньскій, держа у себя придворныхъ ея величества царицы, а также и нѣкоторыхъ изъ своей роты, именно, Коморовскаго изъ Живца, Забавскаго, Стржыжовскаго, Пержлиньскаго, Липницкаго, Вонсовича, немалую часть той ночи провели за общей веселой пирушкой; но пришлось и до самаго дня пробыть за ней. Когда же они услышали шумъ, то не зная, въ чемъ дѣло, да и нося въ головѣ еще хмѣльную тяготу, въ виду небольшаго числа штурмующихъ, патроны, что имѣли при себѣ, поразстрѣляли на воздухъ: они желали этимъ только нагнать страхъ, но не дѣлая никому вреда и избѣгая того, чтобы, при общей неизвѣстности, не началось бы кровопролитія отъ нихъ. Такимъ образомъ, они разстрѣляли патроны; при бо́льшемъ навалѣ нечѣмъ уже было дать отпоръ, почему они должны были платье, серебро и другіе вещи бросать сверху. Когда же все это было порасхищено, то далѣе не было уже чѣмъ занимать толпу; тогда только они, послѣ клятвы нѣкоторыхъ, дали себя провести, заручившись обѣщаніемъ сохраненія жизни. Когда они цѣною за исключеніемъ нѣкоторыхъ купцовъ, были съ симпатіей къ нему. Бояре, опасаясь бѣды для себя отъ нихъ, собравшись на площади, стали толковать народу, что покойный собирался на завтрашній день избить всѣхъ бояръ, и меньшихъ, и первѣйшихъ, называли его еретикомъ, розстригою (что по нашему понимается—вѣроотступникъ), душегубомъ (duszokrajca), и что былъ за безбожникъ!—на запяткѣ у сапога носилъ крестикъ, божковъ, которыхъ хвалилъ, держалъ подъ постелью, ѣлъ телятину, носилъ перья на головѣ, желалъ у нихъ перемѣнить вѣру и заставить всѣхъ увѣровать въ папу, церкви обратить въ костелы, для чего имѣлось уже немало привезеннаго духовенства; мѣста бояръ думныхъ и другихъ занять польскою шляхтою, а имѣнья ихъ раздать ей, что обѣщали доказать несомнѣнными доводами и грамотами, писанными отъ владыкъ изъ Литвы, отъ львовскаго и перемышльскаго, къ нашему патріарху. Всѣ вѣдь видѣли, какъ онъ готовился къ выполненію тѣхъ замысловъ. Прежде всего, какое множество, помимо тѣхъ, что уже давно здѣсь, наѣхало литвы, подъ предлогомъ проводъ жены, вооруженной, съ знаменами, съ значками, пѣхота съ самопалами. На что это? Легко догадаться, потому что кто когда либо видѣлъ, чтобы такъ ѣздили на свадьбу? Такими рѣчами бояре умягчали *credulum et simplicem vulgum.*

Но чтобы при этомъ замѣша-

измѣны отдали свое ручное оружіе, то тѣмъ легче, какъ безоружные, они были раздѣты донага; но не довольствуясь этимъ, ихъ спрашивали — кто между ними старѣйшіе. На это отзывались всѣ вышеименнованные, каждый со своимъ расчетомъ. Тогда имъ приказали рядомъ сѣсть за столъ, а при нихъ и слугамъ ихъ; растягивая по одному человѣку, они на столѣ рубили головы, ноги, руки; другіе, смотря на эту безчеловѣчность, продѣлывали тоже.

Безчеловѣчный непріятель послѣ совершенной работы бродилъ по палатѣ въ крови благороднаго (cnego) польскаго народа; несчастныя стѣны побѣлѣли отъ мозговой извести (wapna).

Иваницкому, желавшему было пожить безъ обороны, именемъ царскимъ приказано итти въ Кремль; идя туда, онъ замѣтилъ измѣну, но уходя онъ былъ убитъ предъ земскимъ дворомъ, который лежитъ впереди Кремля, надъ рѣкой: слуга его, видя своего господина убитымъ, переплылъ ее, чтобы только остаться въ живыхъ; но и ему на мѣстѣ была отрублена голова.

Его м. г. Ратомскаго, старосту остерскаго, не пропустила эта саранча. Онъ понесъ потерю всѣхъ вещей, но жизнь сохранилъ—у Сихмана, царскаго конюшаго.

Госп. Сверскаго, послѣ долгой обороны уже запертаго вмѣстѣ со слугами въ верхнихъ комнатахъ, покровъ руки Господней сохранилъ отъ тѣхъ тельствѣ имѣть возможность воздѣйствовать на народъ и тѣмъ скорѣе поднять его на насъ, зная его падкость къ грабежу, они говорили ему:

— Отмстите Литвѣ за неправду Божью и вашу, одного только посла сохранивши, ударьте на нечающихъ и обнадеженныхъ, покажите вашу горячую любовь къ Богу, въ защитѣ закона и вѣры вашей, и тѣ богатства и предметы роскоши, которые вы видѣли у нихъ, будутъ ваши—въ мѣрѣ, сколько кто захватитъ.

Легко было поднять грубый (едва-ли гдѣ былъ болѣе грубый) и глупый народъ, въ вѣрѣ своей весьма *supersticiosum*, крайне убогій, и отъ бѣдноты своей слишкомъ жадный и алчный. Разомъ ринулись всѣ, какъ ливень (ударивши въ набатъ по цѣлому городу, а колоколовъ, при частыхъ церквахъ, выше надобности) на наши помѣщенія и подворья, которыя были въ различныхъ мѣстахъ.

Изъ нашихъ одни еще спали, другіе только что отъ сна пробудились отъ этого гула, звука и набата; встревоженные этимъ шумомъ, болѣе мелкіе посылаютъ въ Кремль провѣдать, что тамъ творится; но ни одинъ изъ посланцевъ не возвращается: гдѣ которые попадали, тамъ и убивали. Вмѣстѣ собираться было тоже нельзя. Видя бѣгущихъ къ намъ, мы сами спрашиваемъ: „куда, зачѣмъ, что творится, чего хотите, кто виноватъ?“ Тѣмъ изъ нашихъ, которые не поостерег-

ловцовъ; но вещи слугъ пошли въ добычу.

Голуховскаго смерть застигла на постояломъ дворѣ: одинъ бояринъ, забывши пріятельство, провелъ къ нему чернь.

Солдаты роты Домарацкаго, будучи освѣдомлены о неискренности этихъ людей къ своему государю, къ тому по разнымъ признакамъ ожидавшіе ежечасно мятежа, были нѣсколько подготовлены. Вотъ почему въ тотъ же день очень рано они пошли къ обѣднѣ (do mszy), на обычное свое мѣсто. Во время слушанья обѣдни, открылась брань противъ безвредныхъ; но такъ какъ съ находящимися въ массѣ нельзя было справиться такъ, какъ-нибудь, то тѣмъ легче они оставили ихъ нетронутыми. Однако, слугъ легло не мало, особенно тѣхъ, которые были въ полѣ съ конями. Вещи на подворьяхъ пошли также въ добычу.

Дворъ Домарацкаго, царскаго ротмистра, былъ по ту сторону Кремля, гдѣ стояли пріятели ея в-ва царицы; съ ними вмѣстѣ жилъ и отецъ. Самъ ротмистръ, ѣдучи къ своей ротѣ, когда замѣтилъ начинавшуюся уже бурю, долженъ былъ спѣшно уходить во дворъ господъ Казановскихъ, съ которыми вмѣстѣ и спасся въ посольскомъ дворѣ. Однако, отецъ, оставшись во дворѣ, при видѣ огромнаго привала людей, хотя и могъ обороняться, имѣя достаточно и огнестрѣльнаго оружія, и слугъ, но предался; тогда они сначала съ него все сняли и ограбили, а затѣмъ гнуснымъ лись или допустили къ себѣ, они объявляли, что государь великій князь повелѣлъ отдать оружіе. Одни повѣрили: другіе, видя, что трудно и съ оружіемъ обороняться противъ такой массы, и полагая, что скорѣе можно унять ее уступчивостью, выдали свое оружіе и были тотчасъ же убиты. Были и такіе, которые, хотя и не повѣрили и долго защищались, но, не имѣя ни откуда помощи и подкрѣпленія, тогда какъ количество грабителей все росло, не могли устоять.

Напали на усадьбу его м. г. воеводы сендомірскаго, который квартировалъ въ Кремлѣ. Перебили конюшенныхъ челядинцевъ и другихъ, которые помѣщались внизу; вещи забирали, а потомъ начали и коней другъ у друга выдирать. Этимъ они дали нѣсколько времени, чтобы позапирать двери и соединиться для самообороны той горсткѣ людей, которая еще была при воеводѣ, потому что другіе помѣщались въ разныхъ мѣстахъ, а толпа безъ вождя не осмѣливалась разомъ напасть.... Въ эту минуту случились двое бояръ на коняхъ — или изъ тѣхъ, что были съ симпатіей къ убитому Димитрію, или изъ тѣхъ, которые также желали покорыстоваться тѣмъ, что найти разсчитывали у воеводы. Они, по выводѣ коней со двора, выталкивали народъ, а наши тогда заперли ворота и снабдили себя какимъ только могли оружіемъ. Конечно, нѣсколько защитило

образомъ убили. Тоже постигло и нѣкоторыхъ слугъ.

Коморовскій, будучи на томъ-же пированіи у г. Склиньскаго, при наставшемъ шумѣ бросился съ мечемъ въ рукахъ изъ двора къ своему трактирщику; но чернь, завидя его, бросилась за нимъ. Онъ долго оборонялся одинъ, и не одного положилъ предъ собою; но когда уже руки отказались служить, онъ былъ убитъ у какой-то церкви на Глинской улицѣ.

Стржыжовскій, Забавскій во дворѣ Склиньскаго должны были раздѣлить ту же участь, что и другіе.

Старшій Пержхлиньскій тамъ-же убитъ.

Камергеры ея в-ва царицы стояли на той-же улицѣ, на разныхъ постоялыхъ дворахъ; одни изъ нихъ были убиты; другихъ оставили безо всего. Тамъ же за Кремлемъ стояли и пажи ея в-ва царицы; изъ нихъ ни одинъ не погибъ; но вещи всѣ позабрали, оставивши ихъ нагишемъ.

Дворъ его м. г. посла его в-ва короля, государя нашего, остался нетронутымъ и много спасалось въ немъ изъ ограбленныхъ. Дворъ его м. г. воеводы сендомірскаго былъ въ Кремлѣ; онъ остался цѣлымъ отъ той бури; однако, конюшенная челядь была избита, на что онъ самъ смотрѣлъ.

Дворъ его м. г. старосты саноцкаго былъ по сосѣдству съ посольскимъ. На него нѣсколько разъ собирались ударить: но воеводу и то, что онъ былъ въ Кремлѣ; но главное—само милосердіе Божіе.

Въ тоже время другіе направились было въ покои великой княгини; но нашли ихъ запертыми и никого въ нихъ не застали, такъ какъ государыня при этомъ мятежѣ спаслась въ то помѣщеніе, гдѣ спала ея женская прислуга, и въ такомъ только видѣ, какъ вскочила съ постели. Но и сюда они явились, хотя и немного, но двери выбили. Осмольскій, комнатный слуга и еще подростокъ, желая остановить ихъ, сталъ у дверей съ саблею; но изъ мушкета его пополамъ, а стоявшую за нимъ старую госпожу Хмѣлевскую угодили въ ногу, отъ чего оба и умерли. Затѣмъ они, всѣ съ добытымъ оружіемъ въ рукахъ, бросились въ комнату и спрашивали о великой княгинѣ. Растерянныя, полныя страха, всѣ женщины, не надѣясь теперь ни на что, а спасая, какъ только могли, лишь жизнь своей государыни, одна указывала на другую. Однако, женщинъ не били, только порастаскали и тѣ немногія вещи, что онѣ имѣли при себѣ, оставя ихъ такъ, какъ онѣ спали, потому что лучшія вещи онѣ хранили въ другомъ помѣщеніи. Появилось потомъ и больше бездѣльниковъ; но такъ какъ уже нечего было брать и они торопились къ намъ, къ другимъ, поэтому и тѣхъ съ собой выпроводили.

Къ этому времени уже много нашихъ по разнымъ усадьбамъ

удерживала отъ намѣренія какъ готовность тѣхъ къ оборонѣ, такъ не менѣе и близость посольскаго двора была нѣсколько на помощь. Когда нѣсколько предъ этимъ пріѣзжали было бояре, изъ первѣйшихъ, къ ихъ м. г.г. посламъ и напоминали имъ, чтобы не оказывали помощи ни одному двору, наблюдая лишь свою сохранность, они получили такой отвѣтъ отъ ихъ м. г.г. пословъ:

„Этого ни въ какую мѣру мы на себя перенять не можемъ, чтобы мы, видя такое ужасное и безпричинное пролитіе крови нашего народа, сами не пожелали бы себѣ взаимной смерти, а равно и удерживать челядь нашу считаемъ неприличнымъ".

Въ виду такой рѣшимости ихъ м. г.г. пословъ, не слишкомъ тѣ напирали на сосѣдніе дворы.

Дворъ его м. г. старосты красноставскаго былъ съ другой стороны Кремля на Глинской улицѣ. Онъ принадлежалъ воеводѣ Ѳеодору Шереметьеву (Szeremetka), отправленному съ войскомъ противъ крымскаго царя. Здѣсь казны или скарба его ради имѣли обыкновеніе проживать бояре; они были здѣсь и въ это время и были не малою помощью при отбитіи мятежниковъ отъ двора, удерживая на себѣ народъ, пока не подъѣхали бояре. Съ Божьей помощью староста остался при всемъ въ цѣлости.

Дворъ его м. г. старосты луковскаго былъ также въ сосѣдствѣ съ посольскимъ. При набыло убито: по вкусу пришлась имъ добыча, которую они позабирали у меньшихъ, и теперь, набравшись храбрости, бросились они на болѣе зажиточныхъ, которые стояли въ большихъ усадьбахъ и съ большимъ числомъ людей. Однако, они видѣли, что въ оборонѣ тѣ будутъ болѣе мощны, въ соображеніи того, что испробовали они на меньшихъ.

Дворъ, гдѣ стояли г.г. послы, остался въ покоѣ. Къ нимъ пріѣзжали бояре, изъ первостепенныхъ, завѣряя ихъ о безопасности, но напоминая, чтобы никакой усадьбѣ, никому не давали убѣжища, равно чтобы не принимали прибѣгающихъ къ нимъ, чтобы, вмѣстѣ съ людьми своими скромно ведя себя, оберегали свою цѣлостность. На это они получили такой отвѣтъ:

„Дѣло неприличное, что бы мы могли принять на себя это, чтобы, глядя на такое жестокое и безъ вины пролитіе крови подданныхъ его в-ва короля и народа нашего, сами не пожелали себѣ взаимной смерти. Да и задерживать челядь нашу кажется намъ дѣломъ мало приличнымъ".

Уже притащили было пару пушченокъ къ воротамъ двора г. старосты саноцкаго, который жилъ близь пословъ; но,—или вслѣдствіе такого отвѣта господъ пословъ, или что ожидали мощной обороны—а они ее очень мало что испытали, или что самъ Господь Богъ былъ нашею обороною (какъ это мы и сей-

чалѣ мятежа онъ былъ проведенъ отъ своихъ слугъ въ посольскій дворъ, которые засимъ воротились назадъ. Бояре, принявши ихъ, хотя и обороняющихся, за посольскихъ, защитили, хотя кое-кто изъ слугъ и былъ застрѣленъ во время нападенія.

Дворъ его м. князя Вишневецкаго, на площади предъ городомъ, былъ помѣщенъ напротивъ бастіона, въ старой стѣнѣ и съ прозвищемъ „Волошскій". Онъ былъ хорошо снабженъ орудіями и особенно людьми. Уже кое-что слыша о совершившейся по отношенію къ царю измѣнѣ, сѣвши съ слугами, которыхъ въ одномъ дворѣ могло быть до 150 помимо другой челяди, на коней, хотѣлъ было или пробиться въ поле, или соединиться со своими; но, по совѣту одного боярина, остался у себя во дворѣ, раздѣляя надежду его — уйти того, что постигло другихъ.

Когда послѣ перваго приступа они не могли ничего успѣть, тогда они начали усиленно ломиться: въ виду этого, его м. князь сталъ обороняться изъ верхняго помѣщенія, безъ малѣйшаго ослабленія. Когда-же, выломавъ ворота во дворъ, они, благодаря меду изъ погреба его м. князя, послѣ первой работы нѣсколько охладились, да и самую настоящую охоту пріобрѣли къ грабежу, теперь только они бросились въ кладовыя: когда же, забирая въ нихъ, таща столовое сейчасъ понимали и понимаемъ), — эта чернь отошла съ тѣми пушченками на другую сторону посольскаго двора, гдѣ стояли трое господъ Стадницкихъ [1]). Поставивши пушченки противъ воротъ, начали ихъ сами напередъ штурмовать. Отстрѣливаясь, наши убили среди нихъ болѣе десяти; наконецъ, черезъ ворота одному попали въ ногу и онъ такъ сильно завопилъ, что чернь оробѣла, а у нашихъ прибавилось духу. Видя затѣмъ, что безъ большаго и значительнаго для себя вреда не добыть имъ воротъ, они отступили, оставивши пушченки предъ дворомъ.

Я и г. Вольскій изъ Подгаецъ, племянникъ его м. г. надворнаго маршала, имѣли смежные дворы, въ тылу двора г. старосты саноцкаго. При этомъ смятеніи, для лучшей обороны, мы собрались вмѣстѣ съ нашею челядью всѣ до одного, еще не зная, что сдѣлалось. Мы вообразили себѣ, что наши экономы и рабочіе повздорили изъ-за рыбы съ москвитянами, на что уже и предъ тѣмъ часто жаловались, въ виду нахальства нашихъ (случаи нахальства были нерѣдки). Желая узнать отъ кого-либо на улицѣ что-либо вѣрное изъ того, что дѣется, выхожу я самъ предъ ворота, держа въ рукѣ шпагу, а за мною слуга г. Вольскаго съ мушкетомъ; но улица уже полна черни съ бердышами, рогатинами, топорами, палками и направляется

[1]) Мартынъ, Андрей и Юрій Стадницкіе.

ребро, вещи, платья и иную *supellectilem* [1]) его м. князя, они выходили оттуда и одинъ выдиралъ у другаго, то слуги его м. князя такъ мѣтко ихъ привѣтствовали сверху, что число убитыхъ при первомъ приступѣ дошло до 50. Но они, какъ неразумные скоты, мало обращали вниманія на это, они все крысились на грабежъ, накидывались на вещи, которыя имъ бросали сверху, и на этихъ вещахъ ихъ убивали. Видя такую оборону отъ его м. князя, они прикатили одну изъ пушченокъ, изъ которыхъ въ извѣстный часъ съ бастіона, который былъ насупротивъ двора, въ углу города, стрѣляютъ, но не могли ничего успѣть; но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ причинили немалый вредъ и стали нѣсколько вредить и князю. Видя, что его м. князь все еще не застращенъ, они, въ числѣ 1000 человѣкъ, уже притащили было огромную мортиру, чтобы князя со всѣмъ его дворомъ уничтожить; но тутъ подъѣхалъ Василій Шуйскій (нынѣшній царь) съ боярами и стали удерживать столь разсвирѣпѣвшую чернь. Самого князя онъ перевелъ въ другой дворъ, а при томъ дворѣ легло москвитянъ до 200.

Дворъ ихъ м. г.г. Стадницкихъ—Мартына, Андрея и Юрія (послѣдній все время былъ въ цесарскихъ солдатахъ)—былъ хорошо снабженъ и ружьями и на нашъ дворъ. Кричу я на нихъ: „чего вы хотите“?, а слуга указываетъ имъ мушкетъ. Какъ будто кто ихъ толкнулъ, всѣ попятились назадъ; только одинъ оборотился назадъ и крикнулъ:

— Не выходите, и ничего вамъ не будетъ.

Правда, часто и раньше, но особенно въ это время я позналъ великое попеченіе о себѣ Его святой милости, за что Ему я никогда достойно не буду мочь возблагодарить, а благость Его возславить. Такъ какъ помѣщеніе наше было только черезъ улицу отъ г. старосты саноцкаго, то онъ самъ прибѣжалъ къ намъ сзади, чтобы сойтись вмѣстѣ для лучшей и болѣе дѣйствительной обороны въ большемъ сообществѣ. Мы легко условились: лучшія вещи взяли съ собою, болѣе мелкія оставили запертыми, равно какъ и лошадей, которыхъ мы приказали привести къ себѣ на слѣдующій день: мы вкусили то счастье, что ихъ у насъ не взяли. Кажется, спустя часа три, послѣ того какъ я соединился съ г. старостою саноцкимъ, смотря вмѣстѣ изъ балкона черезъ заборъ, мы увидѣли, что москвитяне несутъ алебарды нѣмецкой гвардіи изъ Кремля. Замѣтилъ я другимъ:

— Дурной это знакъ, господа. Около великаго князя должно быть скверно.

Засимъ, выстрѣлили въ насъ изъ лука; стрѣла вонзилась въ

[1]) Т. е. утварь.

людьми; насмотрѣвшись хорошо на ужасную трагедію, они, съ Божьею помощью, обратившійся было на нихъ народъ сейчасъ-же встрѣтили такъ, что безъ вреда для себя вѣнкомъ изъ убитыхъ окружили свой дворъ и тѣмъ навели нѣкоторый страхъ на непріятеля. Устрашенные первымъ приступомъ, мятежники прикатили пушки, желая штурмовать; но тѣ, при продолжительной оборонѣ не давая непріятелю утѣхи, дождались пріѣзда бояръ, высланныхъ отъ заводчиковъ заговора, для усмиренія. Двое изъ нихъ, по имени Матьяшъ и Гедрыешъ (Giedryesz), литовцы, давно продавшіе вольность за эту землю, прибывши, сразу отразили чернь, безъ обнадеживанья, однако, сохраненія жизни до конца. Послѣ ихъ отъѣзда, было твердо рѣшено его милостью—умереть съ честью при оборонѣ; но, по усмиреніи черни, остервенившейся у другихъ дворовъ, особенно, у его м. князя Вишневецкаго, пріѣхавшій князь Димитрій Шуйскій, а вслѣдъ за нимъ Василій Шуйскій (новоизбранный царь), обѣщали его милости скорый отъѣздъ[1])...

Не минули и дворъ его м. г. Тарла, хорунжаго перемышльскаго, который бѣденъ не былъ орудіями, а притомъ и не малая *caterva* слугъ была при немъ. столбъ, не ранивши никого; послѣ этого мы болѣе не посѣщали балкона.

Вскорѣ за этимъ пришло извѣстіе, что великаго князя убили; однако, мы утаили это предъ нашею челядью, изъ опасенія, чтобы она не встревожилась; напротивъ того, мы придавали ей бодрость, говоря, что если бы только открылось насиліе, то великій князь пришлетъ къ намъ изъ Кремля и подкрѣпленіе, и охрану (эта надежда была у насъ раньше, когда мы не знали, что̀ сталось съ нимъ и иными нашими).

Вблизи былъ дворъ ея м. пани Тарловой, старостихи сохачевской. При нападеніи на него, чернь порасхватала лошадей, экипажи и иныя вещи, что нашли внизу, и никто имъ въ томъ не препятствовалъ, такъ какъ вся челядь на случай обороны была собрана наверхъ къ ея милости; но тѣ къ ней не врывались.

Подлѣ было помѣщеніе ея м. госпожи Еразмовой изъ Гербултовъ (Herbultowej). Взломавъ ворота, порасхватали всѣ вещи, слугъ убили, а самое ея милость, взявши и содравши съ нея платье, въ одной сорочкѣ препроводили въ тюрьму между преступниковъ, гдѣ она и пробыла нѣсколько часовъ. Отсюда опять, и также въ одной сорочкѣ, че-

---

[1]) Рѣчь не окончена въ письмѣ первой редакціи. Не говоря о существѣ — недостаетъ провѣренности показаній; самая форма, какъ, напримѣръ, здѣсь — изложеніе, языкъ — небрежна. Такъ, въ началѣ разсказа рѣчь о нападеніи на дворъ трехъ братьевъ Стадницкихъ; а въ концѣ уже рѣчь объ одномъ братѣ, объ одной „jego mósci“.

Но, при стремительномъ натискѣ толпы, дворъ былъ слабъ для обороны. Г. Тарло, желая угодливостью удержать этотъ безчестный народъ отъ злаго замысла, далъ себя ему провести словами и обѣщаніями, отказавшись отъ обороны. Послѣднее никого не тронуло и вмѣсто облегченія они, послѣ открытія воротъ, все заграбили, что только могли найти, и такъ немилостиво, что однихъ едва оставляли въ одной сорочкѣ, у другихъ и то отбирали, оставляя какъ мать родила, да и жизней не щадили: они лишили жизни болѣе чѣмъ десяти слугъ, и на самаго его умышляли. Но, по волѣ Господней, онъ сильную оборону нашелъ въ своей женѣ, ей онъ обязанъ и сохраненіемъ жизни; за то она была не безъ увѣчій, которыя претерпѣла вмѣсто него. Послѣ пріѣзда бояръ, они, хотя и ограбленные, но жизнь сохранили.

Тутъ у мѣста остановиться вниманіемъ на неустрашимой, съ настоящимъ сердцемъ мужчины, ея м. госпожѣ старостихѣ сохачевской. Она, видя жадныхъ псовъ на недурную приманку, подвигала своихъ слугъ на оборону, удаляя изъ сердецъ ихъ упорный страхъ, но въ тоже время, стоя на ступенькахъ, умоляла остервененныхъ проливателей невинной крови. Въ этомъ дѣлѣ Господь Богъ былъ ей въ помощь и благодаря ей она осталась цѣла. Въ случаѣ, если бы она была не въ состояніи этого достичь, она, по указанію своей резъ городъ повели ее въ городскую судебную палату, а потомъ подъ вечеръ, когда мятежъ уже улегся, препроводили ее къ ея м. госпожѣ хорунжинѣ перемышльской, набросивши на нее лишь бараній тулупъ.

На другой улицѣ напали на дворъ его м. г. Тарла, хорунжаго перемышльскаго, который, увидя, что нѣтъ возможности защититься противъ такого потока и бѣшенства, вступилъ съ ними въ переговоры. Желая предать себя, онъ приказалъ открыть ворота; чернь ворвалась, убила у него 24 человѣка, а болѣе десяти раненыхъ почла за умершихъ. Добрались и до него самого, наверху. Выстрѣлилъ одинъ изъ измѣнниковъ, но промахнулся: пуля лишь немного задѣла два пальца у ея милости, г-жи хорунжины, она скользнула и—безъ вреда; хватили затѣмъ самого господина шестомъ, но ея милость упала на него, обороняя своего мужа, чѣмъ и сохранила ему жизнь, но сама получила въ голову и въ тѣло нѣсколько тупыхъ ударовъ. Бросилась затѣмъ толпа грабить; забрали не только то, что было въ домѣ и въ конюшнѣ, но и изъ сорочекъ пораздѣвали. При этой сумятицѣ внизу, среди черни, было нѣсколько монахинь, которыя кричали: „бить“; затѣмъ прибѣжалъ наверхъ какой то попъ и онъ спасъ насъ, что оставили насъ живыми. Среди иной добычи и грабежа эта сволочь нашла также бочку хорошаго вина, которую

совѣсти, предпочла бы принять честную смерть отъ рукъ своего слуги, чѣмъ видѣть радостное сердце врага при своемъ осрамленіи.

Такой-же удѣлъ счастья принялъ на себя и ксёндзъ Помаскій, секретарь его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго нашего государя. На дворъ его напали при отправленіи обѣдни и когда, послѣ вырубленія воротъ, міръ (mir) бросился къ конямъ и въ нижнія кладовыя, онъ приказалъ слугамъ своимъ неотбиваться и не чинить ни малѣйшей обороны, въ надеждѣ, что они (т. е. міръ) должны будутъ остановиться на этомъ[1])... Но едва онъ окончилъ обѣдню, какъ народъ съ страшнымъ шумомъ бросился въ верхнія комнаты и, вопреки всякой благопристойности, началъ хватать церковную утварь; самого Помаскаго разоблачили изъ его ризъ, не пощадивши никого изъ бывшихъ при немъ, ниже его брата. Разграбивши все, они оставили его, какъ мать родила. Онъ полагалъ, что уже конецъ всему этому; но вотъ новая вторая идетъ процессія; не имѣя уже что брать, такъ какъ первые мятежники все позабирали, они наконецъ берутъ жизнь: напередъ убивши брата, нанеся самому нѣсколько ранъ, ушли. На третій день онъ Богу душу отдалъ.

Одинаковаго счастья и г. Баль, подчашій ея в-ва царицы: не ихъ милости привезли изъ Польши. Выкативъ ее изъ погреба, они помѣстили ее для опорожненья на одномъ изъ нашихъ, который, будучи раненъ, лежалъ между труповъ. Онъ такъ спокойно лежалъ, что они и не замѣтили, что онъ былъ живой, и такъ и оставили его живымъ. Одна изъ служанокъ ея м. — Куровская предъ тѣмъ было очень захворала, и никакой не было надежды на ея выздоровленіе; но наше несчастіе обратилось ей на пользу: раньше не будучи въ состояніи подняться собственными силами, она теперь отъ страха, вскорѣ послѣ разгрома, пришла въ себя.

На той-же улицѣ былъ дворъ ксёндза Помаскаго: въ него ворвались въ то время, когда онъ совершалъ святую мшу. Прежде всего внизу забрали лошадей, экипажи и другія вещи; брата его, который сошелъ, чтобы удержать, убили вмѣстѣ съ конюшенною челядью, и начали пробираться наверхъ. Покойный спѣшилъ окончить святую мшу, но уже вырубали двери къ нему; тогда, совершивъ обѣдню, онъ приказалъ открыть двери, желая предаться. Ворвавшись, сейчасъ-же порасхватали костельныя принадлежности, а потомъ, раздѣвши Помаскаго до-нага, у алтаря нанесли ему нѣсколько ударовъ; всѣхъ же другихъ, которые были при алтарѣ, убили и также предварительно снявъ съ нихъ все, за исключеніемъ двухъ

[1]) Одно слово нельзя прочесть. Вѣроятно, грабежъ (lup).

давши ни малѣйшаго отпору толпѣ, хотя слугъ было больше чѣмъ достаточно, онъ предался, и также съ клятвами отъ нея въ сохраненіи жизни, но неправду чего онъ старательно выворотилъ, когда и самъ лишился жизни, и привелъ къ той же мѣтѣ и обоихъ Вержхлинскихъ, какъ и кое кого изъ слугъ; оставшихся-же только при наготѣ рука Господия охранила отъ злыхъ замысловъ.

Тоже постигло и слугъ ихъ м. г.г. Корытковскихъ и г. Коморовскаго, которые при мужественной оборонѣ, именно, *vincendo fatigati*[1]) легли въ своемъ дворѣ; но сами господа жизнь свою спасли тѣмъ, что ночевали въ другихъ дворахъ, при ротѣ.

Подворья для солдатъ были не очень далеко отъ двора его м. князя Вишневецкаго. Они, услышавъ сильный шумъ, и въ тѣсныхъ улицахъ не имѣя мѣста для обороны, бросились было на-легкѣ, на коняхъ, съ знаменемъ; но видя, что улицы повсюду загорожены рогатками и сверхъ того устрашенные неизвѣстностью — что̀ бы дѣлать далѣе, должны были поворотить назадъ и рѣшили, запершись въ дворахъ, защищаться. Чернь на нихъ не нападала, ни одинъ не убитъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рабочихъ.

Солдатскія подворья роты его м. г. старосты саноцкаго были въ одномъ мѣстѣ съ ротою его м. г. воеводы сендомірскаго. ксендзовъ, о которыхъ они, въ виду ихъ чернаго платья и остроконечной бороды, полагали, что это нѣмцы, и когда ихъ опрашивали, они выдавали себя за нихъ. Однако, оголивши ихъ до чиста, одного изъ этихъ нѣмцевъ повели съ собою, другаго оставили. Вещи позабирали, самого Помаскаго, изсѣченнаго, заволокли въ хлѣвъ; онъ, вѣроятно, еще могъ бы остаться въ живыхъ; но наши нашли его на третій день уже кончающимся отъ отсутствія присмотра за ранами, отъ истеченія крови и холода, и выпросили у гнусной сволочи, чтобы дозволила намъ похоронить его за плетнемъ. Покойникъ, подражая патрону своему, св. Станиславу, не далъ себя устрашить этимъ мятежемъ и этою массою черни; лишь только окончилъ онъ святѣйшую жертву, какъ пожелалъ скорѣй умереть, чѣмъ допустить, чтобы могло совершиться какое-либо поруганіе и непочтеніе святаго таинства. О немъ мы должны понимать, что этотъ святой *martyr* будетъ *lapis angularis*[2]) въ святой церкви и для приведенія этихъ животныхъ (tego bydlu) къ послушанію ей. Мощенъ Господь благодатью Духа Святаго; но являетъ Онъ и гнѣвъ за безвинное разлитіе крови своихъ вѣрныхъ; покаравши вооруженною рукою злыхъ, Онъ менѣе виновныхъ загонитъ въ свой овчинецъ.

Немного далѣе стоялъ г. Баль,

[1]) Т. е. усталые отъ побѣды.
[2]) Т. е. краеугольный камень.

Не вижу здѣсь необходимости припоминать подворья съ людьми разнаго общественнаго положенія: если не щадили главнѣйшихъ, то тѣмъ менѣе — людей болѣе низкаго состоянія, которыя около себя не имѣли тѣлохранителей и страшно далеко стояли одинъ отъ другаго.

Музыка его в-ва царя, привезенная его м. г. старостою саноцкимъ, стояла въ Кремлѣ, при какой-то церкви: и этихъ его „потѣшниковъ" (они дали имъ это имя—„потѣшный") не пощадили. Тѣхъ, которые вышли къ нимъ, напередъ убили, а затѣмъ ударили на другихъ, которые устроили кое-какую оборону. Они, будучи не въ состояніи выдержать сильнаго натиска, предались, а затѣмъ были всѣ убиты, кромѣ нѣкоторыхъ мальчиковъ, оставленныхъ нагими но при жизни. Не пропустили и тѣхъ, которые заперлись въ церкви: не будучи въ состояніи добраться до нихъ дверьми, они перестрѣляли ихъ черезъ крышу церкви; однако, одинъ изъ тѣхъ уцѣлѣлъ, не безъ тяжкихъ ранъ.

Грабежи совершались безъ милосердія; но тотъ былъ счастливъ, кто не лишился и природной сорочки. Разсказывали и о неслыханномъ убіеніи предававшихся: что убивали ихъ скотскимъ пріемомъ — въ лобъ и растягивали руки, затѣмъ у убитыхъ усѣкали головы подчашій великой княгини. Онъ сначала было защищался. Но потомъ измѣнники стали завѣрять его о покоѣ и невредимости, разъ только онъ, согласно приказанію великаго князя, выдастъ оружіе; тотъ и повѣрилъ: тогда его убили сейчасъ-же и, выволокши подъ стѣну, сбросили въ ровъ, гдѣ онъ и лежалъ нѣсколько дней [1]). Челядь его также всю перебили.

Тамъ-же вблизи квартировалъ князь Вишневецкій, своякъ великаго князя. Прежде всего мятежники ударили изъ нѣсколькихъ пушченокъ въ ворота, между тѣмъ какъ другіе ворвались сбоку, черезъ плетень, перебивши конюшенную прислугу, забравши лошадей и другія вещи внизу. Наши отступили наверхъ и оттуда начали отстрѣливаться, производя страшный вредъ среди черни, такъ какъ трудно было дать промахъ въ такой громадѣ людей. Засимъ, они начали стрѣлять изъ своихъ пушченокъ въ верхнее помѣщеніе; тѣ производили среди нашихъ немного вреда. Правда, ихъ ядра перелетали черезъ два сруба; но наши должны были отступить отъ лѣстницъ и сѣней и защищаться въ комнатахъ. Когда же эта сволочь вломилась наверхъ, въ сѣни, она начала разбивать двери; но наши обстрѣливали ее и изъ сѣней и вытѣснили внизъ. Это повторя-

---

[1]) Изъ этихъ словъ слѣдуетъ полагать, что подъ „mur"омъ надо понимать кремлевскую стѣну, а подъ „przykop'омъ" окружающій валъ. Слѣд., дѣйствіе все въ Кремлѣ.

и другіе члены безъ милости, и не однихъ съ процессіей отправили въ Москву рѣку.

Когда уже время склонялось къ ночи, а работа подходила къ концу, печальной стоитъ столица, лишенная наслѣдственнаго государя: лежитъ заботливо опрокинутый царскій престолъ; стоятъ разграбленные дворы, стѣны, окропленныя кровью честныхъ поляковъ; несмѣтное число труповъ невинно убіенныхъ покрыли улицы, въ ожиданіи скоро-ли они будутъ преданы землѣ; жалость стоитъ предъ глазами; натѣшившійся врагъ что хочетъ, то и творитъ, услаждая свой надменный взоръ добычею, а около всѣхъ дворовъ, какъ разграбленныхъ, такъ и оставшихся въ цѣлости, разставлена стража. Послѣ этой разстановки наступила темная ночь, которая немного и успокоила грустныя сердца. И такъ, отъ этого дня и до коронованія новаго царя всегда давали къ нашимъ услугамъ по 100 стрѣльцовъ, но въ которыхъ мы (уже) не нуждались.

лось нѣсколько разъ, пока пушкарь, стрѣляя изъ тѣхъ орудій по нашимъ наверху, попалъ массой, которая стояла внизу, не взялъ какъ-то, на счастье нашихъ, немного ниже изъ одного орудія и не угодилъ въ кучу народа внизу: ядро на мѣстѣ положило около 30 человѣкъ, сдѣлавши цѣлую улицу. Такъ какъ уже лежала масса труповъ, какъ онъ нашей стрѣльбы, такъ и изъ той пушченки, то сволочь уже не столь энергически стала напирать, какъ это было раньше. Наши оборонялись болѣе четырехъ часовъ противъ настоящаго штурма, и какъ рыцари—безъ страха.

Наконецъ, пріѣхали двое думныхъ бояръ, Татьевъ и Димитрій Шуйскій, на коняхъ, и начали сдерживать и разгонять народъ и крича къ нашимъ, чтобы допустили войти въ переговоры съ собою. Князь Вишневецкій выслалъ къ нимъ сверху къ воротамъ двоихъ слугъ, и тѣ имъ передали:

— Мы беремъ васъ подъ свою присягу и завѣряемъ васъ въ безопасности, только предайтесь; да и народу кажется невозможнымъ, чтобы вы все же были въ силахъ противустоять, а мы ни въ какую мѣру не въ состояніи будемъ его отогнать.

Хотя со страхомъ,—но нашимъ уже и пороха не доставало, сверхъ того, были очень утомлены, почему и трудно было долѣе сопротивляться,—они передались; но оружія отъ себя отдать не пожелали—съ нимъ скорѣй, при кое-какомъ отмщеніи, умереть, что варваровъ удивляло: они почитали это просто большимъ упорствомъ. Вышелъ князь Вишневецкій съ десяткомъ съ небольшимъ челядинцевъ, а бояре начали разгонять нагайками (nahajkami) на-

родъ: засимъ, взявши князя Вишневецкаго промежъ себя, Татьевъ, съ частью слугъ, допроводилъ его до своего двора—у него онъ жилъ всю недѣлю. Однако, прочая челядь осталась въ томъ-же дворѣ; при ней осталось также нѣсколько бояръ, которые отогнали народъ. Черезъ недѣлю препроводили обратно въ его помѣщеніе и соединили съ челядью, которая не была убита.

Г. староста красноставскій[1]) имѣлъ свое помѣщеніе за Кремлемъ, поодаль отъ другихъ, во дворѣ Ѳедора Шереметьева (Szeremeta), который былъ отправленъ съ небольшимъ числомъ людей противъ крымскихъ татаръ. Онъ при своихъ вещахъ, которыя были заперты въ томъ-же дворѣ, оставилъ нѣсколькихъ человѣкъ. Эти люди, опасаясь разграбленія во время суматохи вещей своего господина, удерживали народъ; засимъ явилось нѣсколько бояръ, и такимъ путемъ староста остался невредимъ.

Г. староста луковскій[2]), помѣщавшійся какъ разъ противъ посольскаго двора, увидѣвши столь сильное движеніе, отступилъ къ господамъ посламъ, а челядь, которая осталась въ усадьбѣ, приготовлялась какъ можно лучше къ оборонѣ. Необходимо полагать, что близость пословъ охранила его дворъ—на него не нападали, и онъ остался цѣлъ. Вообще, всѣ дворы, которые находились болѣе или менѣе близко отъ посольскаго, остались цѣлы; исключеніе—господа Казановскіе, которые стояли въ тылу посольскаго двора: когда они сами ушли къ господамъ посламъ, вещи у нихъ разграбили, а мелкую челядь перебили.

Мы, которые еще уцѣлѣли, видя и слыша, что дѣлалось съ другими нашими, и помышляя о себѣ, пока нападали на другихъ, написали грамотку къ господамъ посламъ и, привязавши ее къ стрѣлѣ, пустили ее къ нимъ; мы просили, чтобы они насъ подкрѣпили, на случай, если бы мятежники снова поворотили къ намъ; а если бы тѣ обратились къ нимъ, посламъ, то могутъ быть обнадежены въ томъ-же отъ насъ. Они на стрѣлѣ-же отвѣтили намъ отъ себя грамоткой съ такимъ утѣшительнымъ содержаніемъ: „теперь каждый думай о себѣ; защищайтесь сами, какъ можете, не надѣясь ни на какое подкрѣпленіе отъ насъ“. Такой-же отвѣтъ отъ нихъ былъ и господамъ Стадницкимъ, которыхъ даже и принять къ себѣ не пожелали, когда тѣ хотѣли было укрыться у нихъ во дворѣ.

Имѣя единую надежду на Божіе провидѣніе, мы приготовлялись наилучше принять тѣхъ непріятныхъ гостей, какъ только понимали, разсчитывая навѣрняка, что послѣ расправы съ другими, они должны будутъ сдѣлать снова поворотъ къ намъ. Но

---

[1]) Янъ Мнишекъ, братъ сендомірскаго воеводы.
[2]) Павелъ Мнишекъ, братъ Юрія.

въ эту минуту пріѣхалъ Василій Шуйскій, нынѣшній великій князь, и Татищевъ, два первенствующіе измѣнника, и стали завѣрять насъ, что „если уже васъ Господь Богъ сохранилъ отъ смерти, то болѣе уже не страшитесь никакой опасности—народъ уже сдерживается. Мы привели къ вамъ также нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ: они народъ къ вашимъ воротамъ не припустятъ; вы только не выходите и скромно ведите себя“.

Съ благодарностью мы приняли эту вѣсть. Спросили о великомъ князѣ. Тѣ сообщили, что „этотъ измѣнникъ убитъ; но твоя сестра, госп. староста саноцкій, и отецъ твой живы, и мы безопасность ихъ уже обезпечили“. Съ такой-же миссіей отъ насъ они поѣхали къ г.г. Стадницкимъ.

Вскорѣ затѣмъ они послали къ намъ за г. Домарацкимъ, подстолимъ львовскимъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Кремль къ боярамъ; тоже и мы сказали ему: „ведите себя скромно, тогда опасности можете не бояться—завѣрьте ихъ въ томъ отъ насъ“. Мы были уже съ лучшею надеждой, однако, отнюдь еще не внѣ опасности: мы постоянно, во все время, пока мы были въ Москвѣ, имѣли стражу, чтобы не напали на насъ измѣнники ночью и не перебили бы насъ—безъ обороны и безъ какой либо отместки. Уже дѣло шло къ ночи; волненіе улегалось: одни измѣнники отдыхали себѣ послѣ работы; другіе дѣлились добычей; третьи имѣли что облизывать, потому что, помимо раненыхъ, наши все-же умирали съ нѣкоторой отместкой, убивши около 300 измѣнниковъ.

Сто нашихъ солдатъ, которыхъ пріютилъ у себя великій князь, далѣе, рота его милости г. воеводы сендомірскаго и г. старосты саноцкаго—двѣ пѣшихъ роты, всѣ они стояли далеко и отдѣльно отъ насъ. Ударить на нихъ измѣнники не посмѣли: солдаты, заслышавъ волненіе, но не зная, что̀ творится, снесли нѣсколько дворовъ и ждали на-готовѣ. Такъ какъ ихъ было нѣсколько сотъ, то прибудь они къ намъ въ подкрѣпленіе, мы могли бы помѣшать этой глупой и сбродной сволочи—народу—подойти къ намъ, да и нашихъ могло бы такъ много не погибнуть.

Различныхъ музыкантовъ, которыхъ они называютъ „потѣшниками“, было нѣсколько десятковъ. Они имѣли свое помѣщеніе въ Кремлѣ, при церкви. При началѣ-же нападенія они вышли на встрѣчу; однихъ изъ нихъ сейчасъ-же убили, другіе-же, запирая двери, кричали къ нимъ: „да развѣ такъ потѣшниковъ почитаютъ и кто васъ потомъ будетъ тѣшить“? Вломились къ нимъ и всѣхъ перебили, за исключеніемъ нѣсколькихъ маленькихъ пѣвчихъ, поранивши и до-нага раздѣвши которыхъ, они оставили ихъ какъ мертвыхъ. Нѣкоторые ушли въ ближай-

щую церковь, но и тѣхъ достали черезъ крышу и безоружныхъ раздѣвши до-нага, перебили.

Тутъ упоминаются дворы и помѣщенія однихъ главнѣйшихъ, такъ какъ перечислять всѣхъ почитается мало нужнымъ, да и легко можно будетъ уяснить себѣ это изъ списка убитыхъ.

Списокъ главнѣйшихъ лицъ нашего народа, умерщвленныхъ на Москвѣ. Напередъ (изъ) слугъ великаго князя и челяди, что была при нихъ.

Г. Склиньскій самъ — 17[1]).
Г. Липницкій самъ — 11.
Г. Воисовичъ самъ — 8.
Г. Борша самъ — 2.
Г. Голуховскій, который былъ также придворнымъ его в-ва короля, самъ—8.
Г. Иваницкій самъ — 8.
Г. Чановицкій самъ — 8.

Изъ коморниковъ и лицъ при нихъ:

Г. Пелчицкій самъ — 4.
Г. Грапковскій самъ — 8.
Г. Гарабурда самъ — 2.

Изъ придворныхъ великой княгини и лицъ при нихъ:

Г-жа Хмѣлевская, старая госпожа великой княгини.
Г. Баль, подчашій, самъ — 17.
Г. Стржыжовскій — одинъ.
Г. Забавскій — одинъ.
Г. Коморовскій, изъ Живца, самъ — 18.
Г. Цыковскій — одинъ.
Г. Пержхлиньскій—одинъ.
Г. Здроевскій — одинъ.
Г. Гнопиьскій — одинъ.

Изъ коморниковъ и лицъ при нихъ:

Р. Лагевницкій — одинъ.
Г. Витовскій — одинъ.
Г. Солецкій — одинъ.

---

[1]) Т. е., господинъ и при немъ столько-то слугъ или челядинцевъ. Пріемъ счисленія, знакомый и русскому языку.

Г. Осмольскій — одинъ.

Г. Готартъ — одинъ.

Изъ пріятелей и лицъ иного положенія и лицъ при нихъ:

Ксёндзъ Помаскій, секретарь его в-ва короля. самъ — 16.

Г. Петръ Домарацкій, отецъ ротмистра, самъ — 4.

Г. Помаскій, братъ ксёндза, самъ — 8.

Г. Ясимовскій, приставъ московскаго посла въ Польшѣ, самъ — 7.

Гг. Вержхлиньскіе — двое.

Г. Звлочимовскій — одинъ.

Челяры, ювелиръ[1]), который было пріѣхалъ съ драгоцѣнностями, самъ — 5.

Музыкантовъ, которые были привезены для государя, 20.

Купцовъ изъ Львова двое, самъ — 4[2]).

Пѣхота, кросиньскій[3]) мѣщанинъ, который привезъ было вино, съ сыномъ, самъ—3:

Его м. г. придворнаго маршалка, который послалъ было своего слугу къ Димитрію, съ подарками, человѣкъ — 1.

Убитой челяди, исключая господъ:

Его м. г. воеводы сендомірскаго г. Городенскій — 1.

Г. Швейковскій, мальчикъ — 1.

Г. Малаговскаго, посла его в-ва короля, слуга Загурскій—1.

Конюшенной челяди г. воеводы сендомірскаго—31.

Г. Тарла, хорунжаго перемышльскаго — 23.

Г. старосты красноставскаго — 1.

Г. старосты луковскаго — 1.

Г. старосты остерскаго — 12.

Князя Вишневецкаго — 19.

Князя Рожыньскаго, который послалъ было къ государю съ подарками, челядинцевъ — 2.

Г-жи старостихи сохачевской......

Г-жи Гербултовой......

Г-жи Казановской, гофмейстерины — 7.

Г. Станислава Стадницкаго — 2, которыхъ онъ посылалъ съ тремя конями, въ подарокъ государю.

Г. Мартына Стадницкаго, гофмейстера государыни—1.

---

[1]) Іоаннъ Амвросій Cellari, золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Милана.

[2]) Т. е., при каждомъ купцѣ былъ еще слуга.

[3]) Кросно (Krosno), мѣстечко въ западной Галиціи, сѣвернѣе города Дукчи что у границы съ Венгріей, на большомъ трактѣ между Венгріей и Галиціей, съ легкимъ переваломъ черезъ Карпаты. Понятно, привезенное въ Москву вино было венгерское.

Г. Андрея Стадницкаго — 2.
Господъ Корытковыхъ — 8.
Г. Коморовскаго изъ Коморова — 10.
Г. Тарла, старостича сохаческаго[1])......
Г. Любомірскаго......
Г. Яна Бучинскаго......
Г. Станислава Бучинскаго......
Г. Сигизмунда Казановскаго — 8.
Г. Адама Казановскаго — 6.
Г. Домарацкаго, государева ротмистра — 29.
Г. Домарацкаго, подстоляго львовскаго......
Г. Цемержиньскаго......
Г. Слоньскаго — 3.
Г. Запорскаго — 4.
Г. Папроцкаго — 2.
Г. Горскаго — 6.
Г. Баля втораго—2.
Г. Казимірскаго......
Г. Ромыки..:...
Г. Любчевскаго—1.
Г. Калушевскаго — 4.
Г. Броневскаго—2.
Г. Выляма......
Г. Пляты......
Г. Пляты втораго.....
Г. Стрембоша......
Товарищей изъ роты г. Домарацкаго — 2.
Тѣхъ-же товарищей служителей — 4.
У органиста одинъ слуга и одна женщина — 2.

Много было убито солдатскихъ рабочихъ, которые были въ полѣ при коняхъ, а самыя лошади взяты; точное число убитыхъ неизвѣстно, но таки болѣе 100 человѣкъ.

Дикіе пріемы умерщвленія и жестокости вводили эти варвары относительно нашихъ, особенно относительно предававшихся имъ, убивая ихъ скотскимъ обычаемъ — дубиною или обухомъ въ голову, другихъ распиная на крестѣ или прибивая къ стѣнѣ, какъ покойнаго г. Голуховскаго. У г. Липницкаго распороли животъ и затѣмъ на куски на столѣ изрубили, другимъ усѣкали головы и другіе члены, услаждаясь видомъ крови.

Когда день уже склонялся къ вечеру, всѣ трупы они повыволакивали изъ дворовъ на улицу, до-нага ободранные — къ великой своей утѣхѣ. Нѣкоторые желали было сволочь всѣхъ въ

[1]) Употребляемъ это польское слово—staroście, т. е. сынъ старосты.....

одну кучу предъ Кремль, къ трупу государеву; но подходила уже ночь, и они оставили ихъ на улицѣ. Дворы наши, которые мы покинули въ цѣлости, были заняты немалою толпой гнусной сволочи.

Думные бояре, всю ночь не выѣзжая изъ Кремля, обезпечивши себя отъ черни, были въ совѣщаніяхъ.

Дня XXVIII-го, того-же.

Такъ какъ отъ ранняго утра чернь тѣснилась у труповъ убитаго великаго князя и его воеводы, которые лежали на землѣ, то бояре приказали поставить два биндюга съ досками: на нихъ были положены отдѣльно оба трупа, чтобы можно было ихъ лучше видѣть. Марсильо (Marsylio), парфюмеръ изъ Кракова, въ предположеніи, что варварамъ болѣе пріятны должны быть духи, чѣмъ чеснокъ (въ чемъ онъ сильно ошибся), среди другихъ галантерейныхъ вещей привезъ и нѣсколько масокъ. Государыня взяла ихъ себѣ и занесла въ государевъ покой. Измѣнники, найдя послѣ убійства, подъ государевой постелью, тѣ маски, съ сильными радостными кликами вынесли ихъ на площадь, предъ народъ. „Смотрите, говорили они, на идоловъ (bałwany) того убитаго татя душъ, которыхъ онъ величалъ богами, поклонялся имъ и насъ желалъ было принудить, да и мы увѣруемъ въ такихъ же боговъ". Потомъ они отдали ихъ на вѣчную память на сбереженіе въ денежный сундукъ, который они называютъ казною (kaźnią); но одну маску положили сверху, чтобы приходящіе видѣли его бога.

Бояре, увидя, что народъ нѣсколько сожалѣетъ о смерти своего государя, измыслили разныя клеветы на убитаго, которыя и читали на площади передъ народомъ. Прежде всего объявили, что онъ не сынъ великаго князя, а какого-то боярскаго сына, Гришка Отрепьевъ (syna bojarskiego Ryszka Otropieja). Правда, родители его умерли; но есть еще его братъ и показывали его—весьма похожъ на него. Далѣе, какъ онъ жизнь свою отъ юности проводилъ въ бездѣльничествѣ, игралъ въ карты и кости, потомъ, вступивши въ монастырь, въ число монаховъ, бѣжалъ отъ нихъ, и въ Польшѣ слонялся между бездѣльниками, гдѣ, собравъ такихъ-же душегубцевъ (а по ихнему—„воровъ"), какъ онъ самъ, страшнымъ насиліемъ и пролитіемъ крови нашей и нашей братіи, умертвивши такую массу невинныхъ людей, овладѣлъ государствомъ; но не удовольствовался этимъ—онъ желалъ было перемѣнить у насъ вѣру и церковь, о чемъ и грамоты отъ папы будутъ вамъ показаны, Сѣверскую землю отдать полякамъ, а много другихъ городовъ присоединить

къ Литвѣ, бояръ думныхъ и другихъ знатнѣйшихъ перебить и литвою занять „Думу“ (т. е. совѣтъ) и имѣнья бояръ.

Подобныя, и иныя, клеветы и сплетни (онѣ уже упоминались выше) повторяли заново, какъ и вчера. Правда, народъ грубый, несмыслящій и простой; но въ то время, какъ однѣ съ радостными кликами выхваляли попечительность (czułość) бояръ и благодарили—другіе, нѣсколько болѣе понимающіе, молчали, не смѣя ничего говорить. Наконецъ, въ рѣчи своей бояре добавили, что „мы будемъ стараться, чтобы былъ и тотъ, который бы попекся о безопасности насъ всѣхъ и опасностей избѣгалъ, что государя мы изберемъ среди себя какъ можно скорѣй“. Съ такими-же клеветами измѣнники разослали грамоты по всей землѣ, подобнымъ поступкомъ и подобнымъ лживымъ словомъ прикрывая свою измѣну, совершенную ими относительно своего государя.

Послѣ полудня начали вывозить тѣла нашихъ убитыхъ за плотъ, впереди города, бросая по нѣскольку десятковъ въ одинъ ровъ. Что касается насъ, то никого не выпускали изъ дворовъ; только около обѣда прислали къ намъ, чтобы мы послали за тѣми съѣстными припасами, что они для насъ наготовили. Напередъ обдумывали мы это промежъ себя, опасаясь, чтобы они насъ, тотъ остатокъ, который еще не перебитъ, не отравили; но такъ какъ и купить намъ не позволили, никуда со двора выпустить не хотѣли, то мы и должны были окунуться въ ту опасность, не безъ страха. Къ вечеру справляемся, что̀ съ нашими творится. Объ однихъ говорятъ, что убиты, о другихъ, что ранены и, лишенные одежды, сидятъ нагишемъ, что его м. г. Тарло, хорунжій перемышльскій, съ ея милостью, ея м. г-жа Гербултова, г. Тарло, старостичь сохачевскій, г. Любомірскій, съ частью своей израненой челяди, всю ночь и день сидятъ ободранные, совсѣмъ голые (а на большее несчастіе и день выпалъ холодный); только какой-то священникъ далъ имъ нѣсколько сноповъ соломы. Освѣдомившись объ этомъ несчастьи ихъ, мы бросились ихъ одѣвать. Г. староста саноцкій послалъ г. дядѣ лисью шубу, г. Андрей Стадницкій жупанъ, я пару платья и другую одежду, а самой ея милости валашскую накидку и колпакъ, г. Вольскій нѣсколько подушекъ, г. Домарацкій перину. Другіе пріодѣли другихъ. Потомъ, на недѣлѣ, послалъ имъ также государь на одежду нѣсколько десятковъ рублей.

Дня XXIX-го, того-же.

Какъ только съѣхались думные бояре въ Кремль на совѣщаніе, въ полдень ударили въ колокола по всему городу; мы

снова въ тревогѣ, что это опять набатъ, насъ бить.... Смотримъ, приготовляясь—что будетъ? Черезъ нѣсколько часовъ прислали къ намъ двоихъ бояръ съ сообщеніемъ, что избрали среди себя Василія Ивановича Шуйскаго великимъ княземъ, государемъ, царемъ, всея Руси самодержцемъ и пр. и пр.—перечисляя всѣ государскіе его титулы—мудраго, набожнаго, православнаго, добраго.

— Итакъ, вы не кручиньтесь, вамъ уже нечего страшиться ни малѣйшей опасности, всѣхъ васъ онъ вскорѣ отпуститъ въ Польшу. То, что сталось, по грѣхамъ сталось, а причиною этого тотъ „измѣнникъ“ [1]), что убитъ.

Порадовались мы этой новинкѣ, конечно, не изъ-за избранія князя, а въ виду того, что обѣщали отпустить насъ въ Польшу, полагая, что это правда, но въ чемъ мы очень сильно ошиблись, еще не будучи освѣдомлены, насколько лживъ этотъ народъ, какъ это мы узнали позже, въ нашемъ несчастьи. Не то, чтобы они обмана остерегались, какъ страшнаго грѣха и срама, напротивъ, они сами какъ-бы хвастаются имъ, и если кому замѣтишь: „но ты сказалъ пустое слово“, онъ сначала будетъ клясться святымъ крестомъ, креститься, подтверждая то, что сказалъ, а когда его доведешь, что все-же на дѣлѣ иначе, чѣмъ онъ утверждалъ, тогда, наконецъ, онъ признается и безъ всякаго стыда скажетъ: „ну, я солгалъ“. И обычай этотъ оберегается между знатнѣйшими, а не только среди простого народа. Нѣтъ ни малѣйшаго срама одному провести другого. Самому государю говорятъ бояре:

— Великій князь, царь, государь всея Руси, ты солгалъ.— Но теперь имъ воспретилъ Димитрій, чтобы такъ ему не говорили, стыдясь нашихъ. Очень тяжелъ былъ для нихъ этотъ запретъ, и они спрашивали его:

— Ну, какъ же говорить къ тебѣ, государь, царь, великій князь всея Руси, когда ты солжешь?

Обѣщалъ было имъ, что лгать не будетъ, а потому и имъ не будетъ нужно такъ говорить. Но мнѣ кажется, что слова своего предъ ними не додержалъ, а они ему—своей присяги.

Первый между ними и обыкновенный пріемъ вѣжливости (dworstwo)—это шутка по матери: чуть ли не къ каждому слову они прибавляютъ; „мать твою“... Хотя содомскій грѣхъ и они считаютъ какъ бы за грѣхъ, но срама въ совершеніи его никакого, о немъ говорятъ *communiter* и безъ стыда сами признаются въ немъ тѣ, которые грѣшны противъ него. Господинъ Малаговскій, посолъ его в-ва короля, по пути, на станціи всту-

[1]) Авторъ желаетъ выразиться по русски, соблюдая колоритъ,—„zmiennik“.

никъ какъ-то съ однимъ священникомъ въ разговоръ и спросилъ: „имѣешь ты жену?“ Тотъ отвѣчалъ: „имѣю и имѣю 12 дѣтей отъ нея“. Замѣтилъ посолъ на это:

— Много это!

Священникъ отвѣчалъ:

— Да?... Было-бы ихъ и больше, но чтобы не рожались, я вотъ уже нѣсколько лѣтъ жену свою... (такъ просто, самыми паскудными словами) не такъ, какъ раньше облапливаю.

Господинъ Малаговскій отвернулся отъ него. Удивился священникъ, что господинъ Малаговскій такъ гнушается его рѣчью, и спросилъ:

— А самъ ты какъ дѣлаешь?

Посолъ приказалъ оттолкнуть его отъ себя.

Fornicationem [1]) нимало не почитаютъ они за грѣхъ, какъ и бросить жену и взять другую, не знать молитвы Господней, рѣдко-рѣдко кто ее знаетъ, а женщина дай Богъ, чтобы какая... Зато великій грѣхъ: спать безъ пояса, бороду брить, ..., будучи съ женою въ банѣ обоимъ разомъ не мыться, по крайней мѣрѣ, водой не обливать; крестика не имѣть на шеѣ, телятину ѣсть — послѣ всего этого слѣдуетъ вѣчная погибель души. И очень много у нихъ еще другихъ подобныхъ-же пустяковъ и суевѣрій.

Эти предметы не имѣютъ собственно никакого касательства къ Дневнику; но, *ex occasione*, казалось мнѣ у мѣста коснуться и грубости, простоты этого народа, что мы будемъ дѣлать и на другихъ мѣстахъ, какъ и дѣлали — упоминая объ обычаяхъ, образѣ жизни, пріемахъ войны ихъ и, въ нѣкоторой мѣрѣ, въ описаніи самаго края.

Дня XXX-го, того-же.

Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней лежали оба трупа — государя и его воеводы—на плацу, передъ Кремлемъ; только на четвертый день разрѣшили трупъ государя закопать за городомъ, подъ оградой, а Басманова позволили взять роднымъ.

Прислали къ намъ бояре, чтобы мы *de nomine* всю нашу челядь переписали для корма, который и обѣщали намъ давать на всѣхъ, пока мы не выѣдемъ изъ ихъ земли. Полагая, что все это правда, мы удовлетворили ихъ требованіе.

Челядь убитыхъ господъ, которая или укрылась межъ труповъ, или такъ-сякъ, но избѣжала смерти, собирали по разнымъ мѣстамъ и приводили ихъ на одинъ дворъ — дворъ Глинскаго, ободранныхъ такъ, какъ ихъ мать родила. Усадьба эта по-

---

[1]) Т. е. блудодѣяніе.

ситъ свое названіе отъ Глинскаго, того измѣнника, который при королѣ Сигизмундѣ Первомъ передался великому князю Василію Ивановичу и предалъ Смоленскъ съ Сѣверскою землею, который и до сегодняшняго дня этотъ *faex gentium*[1]) держитъ подъ собою, къ великому сраму нашего народа[2]).

Дня І-го іюня.

По возглашеніи Василія Ивановича Шуйскаго великимъ княземъ, начали именемъ его (ставя думныхъ бояръ выше давняго обычая) все отправлять и за все отвѣчать, и, кажется, отъ насъ онъ началъ свою юрисдикцію. Онъ приказалъ, чтобы всѣ наши солдаты отъѣхали за рубежъ, но выдавали свое оружіе; они обѣщали это оружіе везти за ними, а на границѣ каждому отдать. Наши содрогались было пойти на эту выдачу оружія, опасаясь, чтобы не перебили безоружныхъ, да и считая это для себя позоромъ. Однако, такъ какъ каждая рота стояла отдѣльно, въ дворахъ своихъ солдаты были осаждены и заперты сволочью, такъ что не могли сговориться, да, вѣроятно, и не знали—всѣ вмѣстѣ или отдѣльно имѣютъ быть отправлены,—въ виду этого они должны были удовлетворить приказаніе. Приставивши къ каждому солдату по стражнику съ ружьемъ и оружіемъ, выслали ихъ, но оставили наиболѣе значныхъ товарищей: изъ роты г. Домарацкаго, которая все время была при государѣ, 100 коней, изъ роты г. воеводы сендомірскаго 100 коней, изъ роты г. старосты саноцкаго 70 коней.

Дня ІІ-го, того-же.

Великій князь приказалъ изслѣдовать, сколько и кому изъ нашихъ Димитрій далъ, чтобы это отобрать назадъ. Отъ г. воеводы сендомірскаго взято 70000 золотыхъ, которые онъ было взялъ, имѣя намѣреніе отослать ихъ чрезъ нѣсколько дней въ Польшу, на выплату своихъ остатковъ долговъ, и конскую сбрую, обдѣланную золотомъ, которую Димитрій послалъ ему вмѣстѣ съ конемъ, когда тотъ имѣлъ въѣзжать въ Москву. Когда эта сбруя принесена была отъ воеводы къ великому князю и боярамъ, то замѣтили, что не было кнута; послали снова, чтобы прислалъ кнутъ, а его взялъ себѣ мальчикъ, безъ вѣдома г.

---

[1]) Т. е. поддонокъ народовъ.

[2]) Подъ днемъ 31-го мая мы находимъ въ первой редакціи слѣдующую запись: „Думные господа послѣ той работы еще не могли прійти къ соглашенію: изъ знатнѣйшихъ каждый желалъ государствовать; самымъ послѣднимъ, въ свою очередь, хотѣлось быть участниками царскихъ доходовъ, почему склонялись къ той мысли, чтобы царство было раздѣлено на разныя княжества. — Не переставали каждый день представлять предъ народомъ дѣла покойнаго навыворотъ.

воеводы. Приказалъ г. воевода искать, а такъ какъ найти не могли, то приказалъ сказать: „не знаю, гдѣ; но найдется, пришлю“. Когда посланные принесли отвѣтъ „пресвѣтлѣйшему величеству великому князю“ (такой дается ему титулъ), тотъ снова послалъ къ г. воеводѣ — возвратить кнутъ, а не будетъ его, пусть опасается затрудненій. Послѣ такого приказа, г. воевода велѣлъ тѣмъ съ большимъ стараніемъ искать кнутъ и, найдя его у мальчика, отослалъ; а кнутъ былъ такой: самъ ремешковый и не стоилъ пяти грошей; кнутовище деревянное, а оба конца обдѣланы тремя или четырьмя червонными.

У великой княгини забрали всѣ вещи, не только тѣ, которыя были подарены ей отъ великаго князя на свадьбѣ и ранѣе, равно какъ и отъ его в-ва короля и другихъ, но и ея собственныя, оставивши ее при единственномъ платьѣ и нѣсколькихъ сорочкахъ.

Во время частной забавы съ нами[1]) также отъ Димитрія Антоніо Ріати изъ Болоньи получилъ двѣ золотыя чарки: въ нихъ могло быть около 300 *ungaricorum*. Бояре позвали его предъ себя, а такъ какъ онъ не зналъ зачѣмъ, то, препровожденный, онъ съ сильною боязнью и тревогой слушалъ указъ. Ему приказали тѣ чарки возвратить; конечно, онъ это исполнилъ и съ большимъ страхомъ, но также не съ меньшею жалостью о золотѣ.

Дня III-го, того-же.

Отбирали отъ насъ болѣе мелкую челядь, предварительно ее выписавши изъ того реэстра, который мы представили имъ раньше для дачи припасовъ, причемъ объясняли, что они ее должны выслать на границу, а насъ еще на время задержать, въ виду основательныхъ причинъ. Сначала мы начали возражать, какъ-бы не желая выдать той челяди и домогаясь, чтобы и насъ разомъ отправили. Приказали сообщить намъ, что до этого времени къ намъ относились съ уваженіемъ, но будемъ-ли мы такими, то пусть мы знаемъ, что будутъ поступать иначе. Такой приказъ былъ для насъ большою убѣдительною силою, противудѣйствовать было трудно. Былъ счастливъ, кто могъ выпросить для себя повара, или одного возницу на шесть или восемь лошадей.

Дня IV-го, того-же.

Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ дней стала ходить вѣсть между народа, что надъ могилою Димитрія видимы бываютъ

---

[1]) Обстоятельное описаніе этой вечеринки у автора выше, подъ XXV мая.

свѣчи, слышится пѣніе, въ виду чего народъ, который очень просто и легко во все вѣритъ, сталъ сильно тревожиться. Вотъ почему великій князь и бояре, опасаясь какого-либо мятежа, приказали вырыть тѣло и, провезя его чрезъ городъ въ другую сторону, сжечь. Тѣ деревянные ворота, чрезъ которые везли трупъ, чтобы сжечь, чрезъ нѣсколько часовъ позже обрушились, почему нѣкоторые считали это за какое-то *prodigium*.

Въ теченіе всего этого времени послѣ убіенія Димитрія никого не допускали къ государынѣ, ни г. воеводу—отца, ни посланцевъ отъ него; только на третій день послѣ разгрома дали ей къ услугамъ Яна Бучинскаго.

Дня VIII-го, того-же.

Послѣ большихъ настояній г. воеводы, препроводили великую княгиню къ нему. Несчастный отецъ принялъ ее съ большою скорбью; но она, вѣроятно, по молодости лѣтъ, еще не понимая своего несчастія, показывала меньше печали, и, мало цѣня свои прошлые достатки, говорила:

— „Я болѣе желала бы, чтобы мнѣ воротили моего арапченка, котораго у меня взяли, чѣмъ всѣ эти драгоцѣнности и украшенія“,—а имѣла она ихъ не мало.

Дня IX-го, того-же.

Послали думные бояре за его м. г. воеводою съ сообщеніемъ, что они сидятъ въ Думѣ и желаютъ съ нимъ говорить, почему и просятъ, чтобы къ нимъ пришелъ. За воеводой явилось нѣсколько бояръ. Г. воевода отправился тотчасъ-же. Когда онъ подходилъ къ палаткѣ, гдѣ засѣдали, двое встрѣтили его у дверей, всѣ встали и затѣмъ указали мѣсто, гдѣ онъ имѣлъ сѣсть. Одинъ именемъ всѣхъ сталъ рѣзко ему говорить:

„Хотя ты, г. воевода, вмѣстѣ съ разстригою (по-нашему понимай — вѣроотступникъ, подъ такимъ прозвищемъ слыветъ убитый великій князь Димитрій и всему народу, подъ страхомъ наказанія, приказано иначе его не поминать) имѣлъ принять такую-же смерть, потому что преступленіе ты учинилъ противъ перемирія, которое существуетъ съ Польскою землею — съ войскомъ разстригу, „измѣнника и вора“ (т. е. измѣнника и разбойника) въ землю нашу къ намъ провелъ, а теперь снова, подъ предлогомъ препровожденія къ нему жены, пріѣхалъ съ людьми военными и вооруженными, съ намѣреніемъ города наши вырубать, о чемъ и грамоты къ тебѣ разстрига посылалъ, высылая много денегъ къ тебѣ изъ нашей земли“ и пр. и пр.

Его милость г. воевода, послѣ довольно длинной и рѣзкой рѣчи, которая была обращена въ нему, обнаруживая свой бла-

городный характеръ, что не рожденъ онъ *in servitute*, нимало не встревоженный даже такою сумятицею, помолчавъ немного, сталъ говорить:

„Я благодаренъ Господу Богу за то, что Онъ, вопреки замысламъ и приговору вашему, въ силу невинности моей, охраной которой Онъ всегда былъ, благоволилъ защитить меня отъ суровой смерти жестокихъ рукъ людей безбожныхъ. Ни противъ меня, ни противъ тѣхъ, которые въ такомъ количествѣ умерщвлены, вы не имѣли никакого основанія, ибо если вы для себя считали то преступленіемъ, что я помогалъ вашему государю въ отысканіи и нахожденіи справедливости относительно его наслѣдственнаго престола, то за это я имѣлъ, понятно, получить отъ васъ признательность и спасибо. Я не ринулся на это дѣло опрометью, но послѣ твердыхъ и безошибочныхъ данныхъ, что онъ вашъ настоящій и прирожденный государь. Вѣдь пріѣзжало такъ много васъ узнавать его, и каждый признавалъ его своимъ настоящимъ, наслѣдственнымъ государемъ; когда онъ прибылъ на границу, то огромная масса и изъ знатнѣйшихъ съ признательностью его встрѣтили и присоединились къ нему; почему мы, согласно съ общимъ мнѣніемъ,—да не подумаетъ кто-либо, что онъ достигъ своего государства благодаря нашей мощи и силѣ,— и я, и едва-ли не всѣ мы сейчасъ-же возвратились отъ границы, такъ какъ не войско, не сила вообще, но одна справедливость сажаетъ монарха на престолъ. А когда, за нашимъ отъѣздомъ, вы одни остались съ нимъ, кто принуждалъ васъ въ то время признавать его государемъ, если только вы имѣли относительно его какое-либо сомнѣніе? Почему же скорѣй вы, цѣня свою жизнь и свои достатки, не оказали ему противудѣйствія, изъ земли своей сейчасъ-же не выгнали тогда, когда признали вы, что онъ разбойникъ-душегубца, какъ вы его теперь выдаете, а только тогда, когда онъ былъ спокоенъ и милостивъ и любовью надъ вами царствовалъ? Побуждаемые жаждою власти или раздѣленія государства между собою, вы безпричинно и недостойно, противу своей присяги, убили своего государя, тогда какъ обязанность каждаго изъ васъ была—оберегая его достоинство и жизнь, защищая это, и жизни своей не щадить. Вы подняли руку на помазанника Божьяго, котораго Богъ вамъ, неблагодарнымъ, далъ, какъ намѣстника своего, на управленіе людьми на землѣ. Вы умертвили истиннаго наслѣдника Московскаго великаго княжества, и, неудержимые въ своей жестокости, равнымъ образомъ умертвили, вопреки всякой справедливости, безъ какой-либо причины, множество достойныхъ людей, тѣхъ, которые прибыли сюда послѣ грамотъ, просьбъ, послѣ посылки по тому дѣлу къ его в-ву королю великаго вашего посла, съ завѣре-

ніемъ полной дружбы. Относительно насъ вы не сдержали ни завѣреній, ни словъ, а это не только христіане, но и поганые и держатъ, и блюдутъ.

„Пріѣздъ нашъ сюда къ вамъ въ такомъ большомъ обществѣ имѣлъ одну цѣль — сдѣлать угодное вашему народу, съ подобающимъ почетомъ проводить супругу вашему государю, но не войну: о ней мы не думали; вы сами извѣдали, что для войны у насъ иное приготовленіе бываетъ — ѣздятъ на нее не съ женщинами, а съ орудіями и военными снарядами.

„Но оставимъ это въ сторонѣ. Я спрашиваю васъ: если уже знали, что покойный былъ неистиннымъ наслѣдникомъ, почему же вы ему присягали, признавали его государемъ, который не мало времени правилъ вами, почему не убили его тогда, какъ неистиннаго, а только послѣ нашего пріѣзда? Завѣряю васъ и въ томъ, что если-бы не ваши, столь частыя просьбы чрезъ пословъ вашихъ къ его в-ву королю; если-бы, далѣе, не согласное разрѣшеніе на то отъ всѣхъ васъ знатнѣйшихъ; если бы, наконецъ, не послѣдовало, при симпатіи къ вашему народу, соизволеніе его величества моего государя—дочь моя никогда бы не была выдана замужъ за покойнаго, хотя онъ былъ и государь вашъ и наслѣдникъ столь огромныхъ царствъ. Только когда она, которой вы присягали, признали своей государыней и короновали, прибыла сюда, вашъ государь, какъ это водится у всѣхъ христіанскихъ монарховъ, имѣлъ сдѣлать кое-какіе исправленія въ нѣкоторыхъ городахъ (на случай если бы Господь Богъ отозвалъ его раньше, чѣмъ ее), чтобы и въ вдовьемъ сиротствѣ имѣла приличное, согласно своему положенію, на которое ее Господь Богъ призвалъ, кормленіе, но не затѣмъ, чтобы онъ имѣлъ все это присоединить къ Польской коронѣ или оторвать отъ Московскаго государства, а для сохраненія въ этомъ простого обычая всѣхъ монарховъ, для оказанія вниманія къ своей женѣ[1]). Обѣщалъ-ли онъ инымъ лицамъ города дать, какъ вы утверждаете? Но онъ еще не давалъ, не о чемъ, стало-быть, и говорить. Въ виду этихъ основаній умерщвленіе столькихъ достойныхъ и невинныхъ людей мѣста не должно было имѣть.

„Отобраніе вещей и драгоцѣнностей, подаренныхъ моей дочери покойнымъ, если вы видѣли въ томъ ущербъ вашей казны, понятно; отобравши-же ихъ, на томъ надо было и остановиться. Но отобрать вещи, которыя она съ собою привезла и которыя были подарены ей мною, какъ ея родителемъ, далѣе матерью

[1]) Очевидно, подъ видомъ вѣна имѣли быть возвращены Польшѣ Сѣверскіе города и край.

ея—неприлично, недостойно и несправедливо. Что касается меня, то все, что онъ только подарилъ мнѣ, вы отобрали; но вы указываете, что что-то еще больше мнѣ было дано. Когда бы дѣло пришло до подсчета моихъ услугъ и всего того, что было оказано мнѣ въ теченіе этого времени, то увѣренъ, что мои дѣла, еще съ кровью смѣшанныя, на вѣсахъ бы не поколебались".

Послѣ такой рѣчи его м. г. воеводы, бояре начали между собою негодовать, но ничего не отвѣтили. Только тотъ, который говорилъ къ нему первый, закричалъ, поднявши руку: „полно, полно", т. е. довольно, довольно.

Воевода замолчалъ, а тотъ сталъ говорить:

„Такъ какъ Господь Богъ дѣло оборотилъ иначе и тебя, г. воевода, отъ смерти сохранилъ, то не тревожься и не опасайся болѣе никакой бѣды. Этими днями мы отправимъ своего посла къ твоему королю; по возвращеніи его съ миромъ и перемиріемъ, ты будешь выпущенъ и совсѣмъ въ Польскую землю, а въ теченіе этого времени вамъ будутъ даваемы съѣстные припасы и ни въ чемъ недостатка не будетъ".

Его м. г. воевода желалъ было отвѣтить по поводу задержанія, то тотъ ему сейчасъ-же сказалъ:

— Уже довольно, можешь уйти.

Съ глупыми трудна рѣчь; замолчавши, онъ вышелъ, его пристава за нимъ; они и проводили его до его помѣщенія.

Дня XI-го того-же мѣсяца.

Вѣнчаніе на царство Василія Ивановича Шуйскаго Московскимъ великимъ княземъ въ столичномъ городѣ Москвѣ. Веселій никакихъ не было, помимо одного перезвона во всѣхъ церквахъ. Мы не могли видѣть обрядовъ при этой церемоніи, такъ какъ они не пожелали выпустить никого изъ насъ; полагаю, что и не было что видѣть.

Дня XII-го, того-же.

Великій князь и бояре прислали, чтобы г. воевода предложилъ въ письменномъ изложеніи ту свою рѣчь, которую онъ говорилъ къ нимъ третьяго дня. Онъ имъ отослалъ, отвѣчая на каждую статью ихъ рѣчи.

Дня XIII-го, того-же.

Чтобы еще болѣе увѣрить народъ въ томъ, что Димитрій не былъ сынъ великаго князя, а потому и не настоящій наслѣдникъ, привезли изъ городка Углича тѣло того мальчика (dziecinу), который былъ убитъ вмѣсто Димитрія, утверждая, что

это настоящій царевичъ (Hospodarowicz). Старая великая княгиня, мать Димитрія, не признаваясь-ли къ Димитрію, или опасаясь какой-либо бѣды, которая, навѣрное, ея бы не миновала, изъ города вышла съ плачемъ напротивъ тѣла того мальчика, говоря, что, „это мой настоящій сынъ, не Димитрій разстрига; при жизни послѣдняго я должна была признаваться къ разстригѣ, опасаясь какой-либо бѣды отъ него". [1]). Однако, не могли они опредѣлить, которое изъ этихъ обоихъ признаній вынуждено было страхомъ — прежнее или нынѣшнее; но большинство ихъ сошлось на томъ, что — послѣднее. Разсказывали, что великій князь и бояре, желая привести народъ къ совершенной вѣрѣ, что тотъ мальчикъ есть настоящій царевичъ, приказали открыть гробъ убитаго восемнадцать лѣтъ тому назадъ мальчика и нашли въ немъ тѣло еще совсѣмъ нетронутое, что въ рукахъ онъ держалъ орѣшки и только два пальчика у ножки загнили. Въ виду этого разсказа, священники и народъ тотчасъ-же съ радостными кликами и трезвономъ во всѣхъ церквахъ объявили его чудотворцемъ, который и будетъ творить имъ чудеса; слѣпыхъ, хромыхъ приводятъ ко гробу этого чудотворца; но тѣ возвращаются съ такимъ-же исцѣленіемъ, съ какимъ были приводимы; но тѣмъ не менѣе этотъ любимчикъ такъ и остался чудотворцемъ.

Дня XV-го того-же.

Желая что-нибудь узнать о своихъ вещахъ, которыя я въ несчастный часъ на просмотрѣ оставилъ у Димитрія, я написалъ къ вел. князю такое прошеніе:

Прошеніе, а по-русски челобитная, написанная мною къ новоизбранному великому князю Василію Ивановичу и посланная черезъ пристава.

„Милостивый, пресвѣтлѣйшій цесарь Московской монархіи и всея Руси и пр. и пр. и иныхъ царствъ, къ ней принадлежащихъ, государь, государь милостивый и пр.

„До этого времени я не желалъ было утруждать своею просьбою ваше цесар. вел-во, милостиваго моего государя, зная, что ваше цес. в-во занятъ былъ великими и важными дѣлами по вступленіи на царство. Теперь, когда ваше цес. в-во благоволилъ счасливо совершить свое государское вѣнчаніе, полагаю, что ваше величество болѣе свободенъ, и я прибѣгаю съ просьбою къ ваш. цес. в-ву—благоволи оказать мнѣ милостивую любовь и, милостиво допустивъ меня предъ свое величество, выслушать

---

[1]) И Мартынъ Стадницій въ своемъ Дневникѣ объясняетъ поведеніе Мароы тѣмъ же способомъ.

милостиво нѣсколько словъ. Ибо я опасаюсь, что въ челобитной или чрезъ посредство кого либо, который имѣлъ бы доложить вашему цес. в-ву, такъ, какъ этого я желалъ бы или какъ это необходимо было — не доложилъ-бы; почему если окажешь свою государскую милость, этимъ ты предъ всѣми засвидѣтельствуешь и милость и доброту твою—что ты не предъ кѣмъ не отвращаешь лица своего государева, не затыкаешь ушей предъ прибѣгающими къ величію твоего цесарскаго величества, по обычаю всѣхъ монарховъ, тѣмъ болѣе христіанскихъ, а я эту человѣчность (ludzkost) вашего величества на каждомъ мѣстѣ возславлять буду и Господа Бога молить о счастливомъ царствованіи. Писана въ Москвѣ, со двора Стефановскаго, XV-го іюля года Спасителя нашего 1606.

„Вашего цесар. величества, государя моего милостиваго, благожелательный слуга.

На эту просьбу мой приставъ принесъ такой отвѣтъ:

— Нельзя, чтобы ты могъ видѣть очи государя великаго князя; но что тебѣ нужно или что ты имѣлъ сообщить, напиши на другой челобитной, запечатай ее своею печатью, а мнѣ приказано ее отъ тебя отнести.

Хотя я и затруднялся—что дѣлать; но такъ какъ я разсчитывалъ, что эти животныя (bydlo) порѣшать, что я имѣю имъ сообщить нѣчто о ихъ дѣлахъ, о замыслахъ Димитрія и объ уговорахъ съ поляками—о чемъ они такъ прилежно выискивали, а потому тѣмъ скорѣе должны будутъ допустить меня къ себѣ, а я при этомъ буду въ состояніи говорить съ ними о розыскѣ моихъ вещей и понять, на что я могу надѣяться,— поэтому я отложилъ до третьяго дня; а такъ какъ они потомъ меня не увѣдомляли, то 18 числа того-же мѣсяца я написалъ новую челобитную.

Дня XVII-го того-же.

Послали думные бояре за господами послами его в-ва короля, чтобы съѣхаться имъ съ ними въ Кремлѣ. Сѣдши съ ними, они стали г.г. посламъ сообщать тоже, что раньше народу, что „Димитрій не былъ царевичъ, но разстрига, сынъ Гришки Отрепьева (Ruszka Otropieja synem). Однако, такъ какъ дѣло зашло ужъ очень далеко, то мы бы терпѣли его, если бы только онъ обходился съ нами по-христіански и прилично; но желалъ было у насъ вѣру и церкви перемѣнить и принудить къ иной вѣрѣ, а всѣхъ знатнѣйшихъ перебить (такія клеветы о иной вѣрѣ повыложили они и поразсказали, какъ и предъ народомъ), почему мы, защищая свою вѣру, церкви и жизнь, вынуждены были прибѣгнуть и къ такимъ средствамъ. Но чтобы вы видѣли, что

мы остановились на настоящемъ пріемѣ, вотъ указываемъ вамъ грамоты отъ вашихъ владыкъ, львовскаго и перемышльскаго [1]), которые писали къ нашему патріарху, предостерегая насъ, и того, который эти грамоты принесъ, и отдаемъ ихъ вамъ. А такъ какъ мы даемъ также знать королю, государю вашему, что мы избрали иного великаго князя (перечисляя всѣ титулы его), то вамъ придется здѣсь задержаться, пока не воротится назадъ нашъ посолъ; но въ теченіи этого времени во всемъ вы будете чувствовать себя хорошо. Вамъ также можно будетъ послать съ нашимъ посломъ одного изъ вашихъ людей въ Польшу.

Тотъ измѣнникъ, который принесъ тѣ грамоты отъ тѣхъ другихъ измѣнниковъ, былъ какой-то Коронка, сапожникъ изъ Львова [2]).

Въ обширномъ словѣ и съ доводами указывали г.г. послы боярамъ на то страшное преступленіе, которое они совершили въ убіеніи своего государя, доказывая имъ, что убитый Димитрій былъ наслѣдственный ихъ государь. Но, помимо этого, пусть онъ наслѣдственнымъ и не былъ; но „вы признали его уже свои государемъ, и присягою обязались предъ нимъ быть вѣрными, послушными и оберегающими его жизнь, почему и повинны были додержать предъ нимъ свою вѣру. Вѣдь и къ его в-ву королю, государю нашему, вы послали пословъ, писали грамоты, объявляя и благодаря Господа Бога за то, что вы получили истиннаго наслѣдственнаго государя, вѣнчали его на царство, а затѣмъ прося, чтобы его в-во король благоволилъ дозволить его м. г. воеводѣ сендомірскому отдать дочь свою ему замужъ. Его в-во король повѣрилъ посламъ и грамотамъ вашимъ и полагая, что вы относились къ вашему государю корректно, дозволилъ. Но вы, нисколько не обращая вниманія на свою присягу, помимо подобнаго объявленія и обнадеживанья, не только убили своего государя, вѣрность къ нему нарушили, но умертвили безъ вины, такъ много и такъ жестоко, подданныхъ его в-ва короля, людей достойныхъ; невинно пролитая кровь ихъ будетъ вопіятъ и къ Господу Богу, и къ его в-ву королю, и къ нашей Рѣчи Посполитой объ отомщеніи, такъ какъ мы не дали вамъ

[1]) Владыкою львовскимъ былъ тогда Гедеонъ Балабанъ, перемышльскимъ— Михаилъ Копыстынскій. Епископъ Михаилъ или Матвѣй перемышльскій (1591—1610) имѣлъ особенный интересъ: на недавнемъ соборѣ Брестскомъ онъ не подписалъ уніи съ Римомъ. Тоже сдѣлалъ и львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ (1566—1607). Далекія на западѣ епархіи въ критическую минуту остались при православіи. Ср. „Схиматисмъ всего клира епархіи перемыской на годъ отъ Р. Хр. 1869“ и „Schematismus univ. Vener. cleri Archidioeceseos Metrop. Leopoliensis pro án. Dom. 1872 г.“

[2]) Дневникъ посольства М. Олешницкаго имя его предлагаетъ нѣсколько иначе, именно—„Sienko Korunda, swiéc ze Lwowa“ (Hist. Russiae Monum., t. II, 125). Но не подлежитъ сомнѣнію, что это была та же личность.

ни малѣйшаго повода къ подобному обхожденію съ нами, къ подобному жестокому умерщвленію. А что вы хотите насъ задержать до возвращенія вашего посла отъ его в-ва короля, то мы его ожидать не намѣрены, а не отпустите насъ по доброй волѣ, мы силою отъѣдемъ. Того измѣнника, который тѣ грамоты съ такою ложью отъ тѣхъ другихъ принесъ, мы его охотно беремъ отъ васъ".

На эту рѣчь они отвѣчали имъ:

— Что ваши перебиты, совершилось это по грѣхамъ, а не съ нашего приказанія; а что до того, что желаете отъѣхать раньше, чѣмъ васъ отправятъ, то надо, чтобы вы здѣсь остались [1]).

Послѣ подобной бесѣды они приказали приставамъ проводить ихъ въ ихъ помѣщеніе, придавъ сейчасъ-же къ тѣмъ стрѣльцамъ, которые уже раньше стерегли ихъ якобы для безопасности отъ народа, еще 200 человѣкъ — къ воротамъ и вокругъ забора у двора (т. е. посольскаго), съ наказомъ — никого со двора, ни во дворъ къ посламъ не пускать, развѣ что съ лошадьми по-воду, да и то пристава всегда имѣютъ быть при кучерахъ, чтобы тѣ ни съ кѣмъ не разговаривали. Обыкновенные припасы имъ посылали во дворъ, но вскорѣ потомъ уменьшили на половину.

Дня XVIII-го того-же.

Снова написалъ второе прошеніе и запечатавши послалъ его черезъ своего пристава:

„Милостивый, пресвѣтлѣйшій цесарь Московской монархіи и всея Руси и пр. и пр. и иныхъ царствъ, къ ней принадлежащихъ, государь, государь милостивый и пр.

„Хотя предъ этимъ я чрезъ господъ пословъ его в-ва короля, государя моего, и предложилъ свою просьбу вашему цесарскому величеству; но такъ какъ при дворахъ всѣхъ монарховъ есть такой обычай, что люди, которые пріѣзжаютъ отъ дворовъ иныхъ королей и монарховъ по своимъ частнымъ дѣламъ, бываютъ допускаемы предъ государевы очи и любезно выслушиваемы, почему и я билъ челомъ вашему цесарскому величеству. Но, вѣроятно, въ виду важныхъ дѣлъ и занятій вашего цес. в-ва, или уже такъ мое несчастіе того хочетъ, я не могу добиться того: тѣмъ не менѣе благодарю и за то милостивое вниманіе, что желаешь узнать о моемъ дѣлѣ путемъ челобитной.

---

[1]) Въ текстѣ „tedy *na dobie*". Послѣднее слово по русски, и надо писать вмѣстѣ: „надобѣ", надобно, надо. Оно и въ другихъ мѣстахъ.

Въ недавнее время посланный отъ покойнаго его величества Димитрія ко двору его в-ва короля, моего государя, г. Бучинскій привезъ съ собою открытыя грамоты, оповѣщавшія, что еслибы кто съ какими-либо драгцѣнностями прибылъ въ столичный городъ вашего цес. величества, то его в-во цесарь тѣ вещи желалъ бы удержать и, заплативши за нихъ, съ наградою безотлагательно разрѣшитъ отъѣздъ, а потому были и увѣряющія грамоты, чтобы давалась вѣра г. Бучинскому. Видя это и зная и то, что не бываетъ ничего болѣе надежнаго и болѣе обезпечивающаго, какъ подобное завѣреніе монарховъ и королей, что люди никогда не бываютъ обманываемы, я, не будучи никогда купцомъ, но имѣя у себя дома понемногу такихъ вещей, пустился съ ними за г. Бучинскимъ, котораго на дорогѣ предъ Оршею, уже близь московской границы, и нагналъ, а былъ онъ при его м. г. воеводѣ сендомірскомъ. О той причинѣ моего пріѣзда сейчасъ-же на пути зналъ и Аѳанасій, будучи великимъ посломъ [1]). Въ то время, по случаю цесарскаго бракосочетанія, я не могъ исполнить своего дѣла и, противу своего желанія, задержался на нѣсколько дней дольше; но далѣе, въ виду службы у его в-ва короля, государя своего, я уже не могъ здѣсь оставаться. Я билъ челомъ его в-ву покойному цесарю, чтобы я могъ быть свободно отпущенъ изъ этой земли. Въ пятницу вечеромъ, передъ свою смертью, онъ приказалъ пригласить меня къ себѣ, а тѣ мои вещи оставить у себя — въ желѣзной шкатулкѣ, окрашенной на - зелено, съ реэстромъ отобранныхъ вещей (онъ при мнѣ), для лучшаго разсмотрѣнія; при этомъ было много людей, которые все подтвердятъ. Но на другой день насталъ мятежъ. Теперь, такъ какъ тѣ мои вещи забраны въ казну, нижайше прошу, чтобы ваше цес. в-во соизволилъ милостиво приказать тѣ вещи мнѣ воротить и мнѣ, по своему государскому милосердію, какъ прибывшему сюда по своей частной надобности, съ тѣмъ посломъ, котораго, какъ слышу, благоволишь послать теперь къ его в-ву королю, моему государю, дозволишь отъѣхать; а я за это—эту ласку, доброту, богобоязненность и справедливость всѣмъ буду оглашать, о благополучномъ царствованіи Господа Бога просить, а отсюда слава и довѣріе у всѣхъ людей къ вашему цес. в-ву расти будетъ. Прошу нижайше—и челядь мою, которой было у меня лишь десятокъ съ небольшимъ человѣкъ и которую вчера у меня отобрали, возвратить мнѣ, такъ какъ у меня нѣтъ никого, кто-бы сварилъ мнѣ ѣсть или присмотрѣлъ бы за лошадьми. Писана въ Москвѣ, со двора Стефановскаго, 18-го іюня 1606.

[1]) Потомъ „канцлеръ“ царя Димитрія. См. выше.

Вашего цес. в-ва нижайшій слуга Станиславъ Немоевскій. Не смотря на частыя и въ теченіе немалаго времени напоминанія объ отвѣтѣ на эту челобитную, отвѣта я не могъ получить. Наконецъ, мнѣ было сказано: „никакого отвѣта не получишь, жди времени".

Дня XIX-го, того-же.

Выпроводили насъ съ г. старостою саноцкимъ и другими, которые собрались было въ одномъ дворѣ для болѣе дѣйствительной обороны, въ другое мѣсто, которое называется Царь-городъ (Carygród), вмѣстѣ съ княземъ Вишневецкимъ[1]). Здѣсь насъ стояло около 300 душъ. Челядь по конюшнямъ, другіе поставили себѣ палатки; общественная стража вокругъ насъ днемъ и ночью. По соединеніи всѣхъ нашихъ, наполнили нами шесть дворовъ.

Дня XXII-го, того-же.

Послалъ великій князь Василій князя Волконскаго, который былъ приставомъ у господъ пословъ, къ его в-ву королю. Нѣкоторымъ изъ нашихъ было дозволено послать съ нимъ по одному слугѣ съ письмомъ. Въ этомъ своемъ бѣдствіи я даже не могъ имѣть этого утѣшенія, хотя усиленно о томъ хлопоталъ[2]).

Дня XXV-го, того-же.

Приказали измѣнники великой княгинѣ, своей государынѣ, вмѣстѣ съ его м. г. воеводою переселиться изъ двора, въ которомъ они стояли въ Кремлѣ, въ другое мѣсто, которое называютъ Царь-городъ (Carygród), во дворъ Аѳанасія Власьева, того, который былъ за ними посланъ посломъ въ Польшу. Каждаго должна была тронуть misera facies и столь быстрая перемѣна судьбы, видя выталкиваніе госпожи отъ слуги, который еще немного дней тому назадъ присягалъ ей на подданство, вѣрность и послушаніе, —достойной женщины отъ подлеца, добродѣтельной жены отъ неблагодарнаго раба, того раба, надъ выей котораго еще недавно стоялъ палачъ съ топоромъ и смилостивился надъ нимъ,—изъ Кремля въ предмѣстье, изъ дворца въ простой домъ,

---

[1]) Царь-городъ, иначе Царевъ-городъ называлась часть Москвы до нынѣшняго землянаго валу. Стѣнныя постройки клались при Борисѣ Годуновѣ, отсюда и названіе.

[2]) Послѣ этихъ словъ Немоевскій въ первой редакціи своего Дневника сообщаетъ: „отъ его м. г. посла посланъ былъ г. Барановскій, отъ его м. г. воеводы сендомірскаго Коморницкій, отъ его м. г. старосты саноцкаго Цемержыньскій".

изъ палатъ въ нищенскую хижину, изъ покоевъ, обитыхъ разными шелками, въ курную закоптѣлую избенку; къ тому же, видѣть ее лишенною столь многихъ достатковъ и украшеній— богатыхъ одеждъ, серебра, золота, цѣнныхъ и дорогихъ вещей,— везомой негодными лошадьми въ простой тележкѣ, въ единственномъ платьишкѣ. На проводахъ ея теперь такая масса нищихъ, едва имѣющихъ на себѣ то лохмотье, что у нихъ не было еще силою отнято, раненыхъ, изрубленныхъ и истерзанныхъ отъ презрѣнной уличной сволочи и полоумныхъ людей,—подталкиваемыхъ и выщучиваемыхъ; и это на проводахъ той, которая еще нѣсколько недѣль тому назадъ съ такою огромною помпой, среди цѣлыхъ тысячъ людей въѣзжала въ государство — на дивныхъ коняхъ, въ дорогихъ носилкахъ, окованныхъ серебромъ, украшенныхъ глазетомъ, парчею и вышиваньемъ; на границѣ принятая и поднятая отъ громаднаго числа знатнѣйшихъ лицъ; передъ столицею встрѣченная толпами народа, провожаемая къ ея услугамъ столькими достойными и нарядными людьми; на которую разомъ нѣсколько десятковъ тысячъ лицъ обоего пола вперяли свои взоры; такъ много людей вооруженныхъ, съ алебардами шло около нея; съ такимъ изъявленіемъ чувствъ — при звукахъ трубъ, барабановъ, при трезвонѣ и разной музыкѣ она была провожаема и принимаема!..

При видѣ этого, не было человѣка, который не былъ бы тронутъ грустью и не остановился бы на непостоянствѣ счастья на свѣтѣ. Легко можно было отмѣтить, какъ то, что, будучи наибольшимъ, выше всего подымается, съ тѣмъ большимъ стремленіемъ падаетъ. А такъ какъ здѣсь упоминалось, что у нынѣшняго государя палачъ стоялъ съ топоромъ надъ выей, то кажется намъ кстати вспомнить, какъ это произошло.

По признаніи уже отъ всѣхъ Димитрія государемъ и по принесеніи ему присяги, когда его уже провожали въ столицу на вѣнчаніе, онъ приказалъ двумъ первѣйшимъ боярамъ, князю Мстиславскому и князю Василію Шуйскому, нынѣшнему государю[1]), сѣсть съ нимъ въ карету, что у нихъ—знакъ большой милости. Когда они прибыли на мѣсто, немало приходило къ нимъ разныхъ людей, которыя поздравляли его съ такимъ счастьемъ, что „великій князь такъ съ вами ласковъ, настоящій царевичъ (dziedzic) и прирожденный нашъ государь, истинное солнышко наше“[2]). Тогда этотъ Василій Шуйскій сказалъ одному изъ купцовъ, которому довѣрялъ:

---

[1]) Несомнѣнно, это было на пути изъ Серпухова въ село Коломенское.

[2]) „Prawotne sołnyszko nasze“, т. е. съ нѣкоторымъ подражаніемъ русской рѣчи.

— Чортъ это, а не настоящій царевичъ; вы сами знаете, что настоящаго царевича Борисъ Годуновъ приказалъ убить. Не царевичъ это, но разстрига и измѣнникъ нашъ".

Подслушалъ эту рѣчь другой, который былъ поближе. Написавши записочку, онъ вручилъ ее г. Слоньскому [1]), чтобы тотъ, никому не показывая ее, отдалъ въ руки самому великому князю, такъ какъ къ нему она близко относится. Встрѣтивъ князя одного, онъ вручилъ записочку, не зная, что въ ней было. Позже князь приказалъ призвать того человѣка къ себѣ и, распросивши его достаточно по дѣлу, указалъ всѣмъ думнымъ боярамъ съѣзжаться въ Думу, равно какъ патріарху и другимъ духовнымъ [2]). Онъ взнесъ противъ трехъ братьевъ Шуйскихъ [3]) обвиненіе, въ такомъ смыслѣ:

„Припоминаю, какъ эта семья всегда была измѣнническою по отношенію къ моему дому; какъ еще при отцѣ моемъ, Иванѣ Васильевичѣ, она дѣлала усилія искоренить мой домъ, желая самимъ сдѣлаться господами нашего наслѣдственнаго государства, раздѣливши его между собою, государства, на которое Господь Богъ, который самъ ставитъ монарховъ и даетъ людямъ начальниковъ, предковъ моихъ посадилъ и, при справедливомъ надъ вами управленіи ихъ, обильно благословилъ столь широкимъ распространеніемъ государства и власти ихъ, присоединеніемъ столь многихъ земель и городовъ, побѣдами и покореніемъ (благодаря вашему мужеству и храбрости) поганныхъ, Онъ въ великой славѣ, въ теченіе этого времени, тринадцать особъ, одного за другимъ, на этомъ престолѣ содержалъ. Но, желая, чтобы та-же осмотрительность была и относительно Его святой церкви, та-же справедливость въ этомъ государствѣ цвѣла, цвѣла слава нашего, издавна славимаго русскаго народа, оборона для васъ отъ постороннихъ и общественный покой, насъ, четырнадцатаго, чудесно сохраняя по сіе время въ своей опекѣ, посадилъ, наперекоръ Борису Годунову, невѣрному опекуну нашему (за что благодаря Ему, мы никогда не въ силахъ достаточно возславить Его любовь къ намъ), на престолъ предковъ нашихъ, объявивъ видимую казнь и воздаяніе свое измѣннику. Не тронулись эти такимъ попеченіемъ Наивысшаго надъ нами, столь видимымъ проявленіемъ Его святой карающей милости надъ измѣнникомъ нашимъ, не унялись испытанною суровостью предковъ своихъ, которыхъ блаженной памяти

---

1) Станиславу Слоньскому, одному изъ секретарей Димитрія.

2) Судъ этотъ происходилъ 9 іюля 1605 г. Дату эту даетъ кс. Андрей Лавицкій въ письмѣ отъ 8 августа этого года (Ciampi, Bibliografia critica etc., t. I, 227).—Pierling, Rome et Démétrius etc. 85.

3) Т. е. Василія, Ивана и Димитрія.

отецъ нашъ далъ семь разъ казнить. Дядю ихъ братъ нашъ Өеодоръ также за измѣну казнилъ. Не выродились они изъ своего измѣнническаго поколѣнія, не угашенный тотъ ядъ ихъ противъ нашего дома превозмогло одно алчное желаніе царствовать и распоряжаться всѣми вами или лучше—паложить ярмо па выи ваши; задумали итти путемъ измѣнника нашего Бориса. Но есть надежда, что имъ это не удастся. Та же справедливость, Тотъ-же, который на стражѣ ея, Тотъ и обороной нашей будетъ отъ измѣнниковъ нашихъ.

„Не меньшая вина, что меня, вашего прирожденнаго государя, измѣнникомъ и неправымъ наслѣдникомъ (царевичемъ) вашимъ представлялъ Василій предъ тѣми, которыхъ слѣдуетъ понимать такими-же измѣнниками, какъ онъ самъ; но еще въ пути, ѣдучи сюда, послѣ только что принесенной присяги въ вѣрности и повиновеніи, они всѣ трое подстерегали, какъ бы насъ, заставши врасплохъ, въ покоѣ убить, на что имѣются несомнѣнные доводы. Почему, хотя и въ мощи нашей есть, но мы не желаемъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, требуемъ отъ васъ и желаемъ слышать ваше мнѣніе, какъ такимъ людямъ слѣдуетъ заплатить“.

Испугались Шуйскіе: и въ мысли у нихъ не было, что за этимъ они были приглашены въ Думу. Безъ всякаго оправданія, падаютъ они и просятъ о милосердіи. Василій, нынѣшній великій князь, боясь быть „на пыткахъ“, т. е. на мукахъ, призпался сейчасъ-же. Онъ сказалъ:

— Виноватъ я тебѣ[1]), великій князь Дмитрій Ивановичъ, царь-государь всея Руси — я говорилъ, но смилосердись надо мною, прости глупость мою, и ты, святѣйшій патріархъ всея Руси, ты, преосвященный митрополитъ, вы, владыки - богомольцы (bogomodlni), и всѣ князья и думные бояре, сжальтесь надо мною страдальцемъ (stradnik), предстаньте за меня, несчастнаго, который оскорбилъ не только своего государя, но въ особѣ его Бога Всемогущаго.

Патріархъ и духовенство сейчасъ-же осудили ихъ на смерть, а потомъ и вся Дума. Послѣ этого приказали ихъ взять и отдѣльно посадить по разнымъ башнямъ.

На третій день[2]), великій князь, занявъ стрѣльцами Кремль и принявъ мѣры безопасности противъ волненія, приказалъ вывести Василія на Площадь. Стояло нѣсколько палачей, выглаживая руки съ топорами; передъ нимъ поставили пень, на ко-

---

1) „Winowat' ja tobie“, т. е. по русски.

2) Казнь Василія Шуйскаго должна была быть совершена не на третій день по постановленіи приговора, а на второй, т. е. 10 іюля 1605 г. (Ciampi, т.-же; Pierling, т.-же).

торый онъ имѣлъ положить голову. Масса людей стоитъ вокругъ, масса родственниковъ; всѣ удивляются такой его глупости, но печали не показывая — горе въ себѣ таятъ, чтобы не быть въ подозрѣніи. Не видя спасенія ниоткуда, преступникъ, уже съ обнаженною шеей, обратившись къ народу, съ плачемъ сталъ умолять такъ:

„Тронитесь всѣ вы моимъ несчастьемъ и пожалѣйте погибшаго, который отъ глупости выступилъ противъ пресвѣтлѣйшаго великаго князя, истиннаго наслѣдника и прирожденнаго государя своего. Предстаньте за меня—да помилуетъ меня отъ казни, которую заслужилъ, помня о томъ, что, при справедливости, монархи милосердіемъ пріобрѣтаютъ любовь къ себѣ подданныхъ и, утверждая государства, пріобрѣтаютъ великую славу. Пусть же при иныхъ достоинствахъ, которыми Господь Богъ такъ обильно его одарилъ, слава и о милосердіи его по свѣту слыветъ; въ васъ-же тѣмъ бóльшая любовь къ нему возрастетъ и изъ памяти никогда не угаснетъ, что надо умѣть хвалить Его святое имя и Его благодарить за то, что вамъ Онъ далъ не только справедливаго, но и милосерднаго государя; а я за глупую свою рѣчь пусть страдаю весь свой вѣкъ, пусть сошлетъ онъ меня куда нибудь въ вѣчное заточеніе, отнявъ у меня всѣ радости".

Никто не осмѣлился быть предстателемъ за измѣнника своего государя: одни были объяты ужасомъ, другіе избѣгая злаго подозрѣнія; одна только мать великаго князя и господа Бучиньскій и Слоньскій стали просить. Сначала онъ дѣлалъ видъ, какъ будто этимъ предстательствомъ онъ оскорблялся и не желалъ удовлетворить; однако, не долго онъ упорствовалъ: удовлетворилъ, „пожаловалъ" (т. е. смилостивился), головы не приказалъ рубить[1]), но послалъ въ заточеніе, каждаго въ иной городъ, гдѣ они и пробыли нѣсколько мѣсяцевъ. Позже упросила мать, что онъ принялъ ихъ въ свою милость, и приказалъ прибыть на свадьбу (для почета и на свое несчастіе); правда, и они изъявляли ему свое уваженіе, сопровождая его; но потомъ оно повыдохлось[2]).

---

[1]) Свѣдѣніе это, несомнѣнно, ошибочное, ибо: 1) Мароа только 28 іюля прибыла въ Москву; 2) смягченіе приговора совершенно иначе представляетъ Янъ Бучиньскій, довѣреннѣйшій совѣтникъ царскій, въ письмѣ, писанномъ нѣсколько мѣсяцевъ позже, а именно, что Димитрій по собственной волѣ рѣшился смягчить приговоръ, произнесенный надъ Шуйскими, и что онъ, Бучиньскій, не только не заступался за нихъ, но даже силился отклонить Самозванца отъ его намѣренія, представляя ему разныя, могущія возникнуть оттуда, опасности. (Собр. гос. гр. и дог., II, № 121).

[2]) За любопытный этотъ эпизодъ, какъ и за дальнѣйшія подробности о Димитріи Немоевскій обязанъ признательностью, навѣрное, разсказамъ Станислава Слоньскаго, одного изъ царскихъ секретарей, который, послѣ убіенія Самозванца, вмѣстѣ съ авторомъ этихъ „Записокъ" былъ отправленъ въ заточеніе.

Много примѣровъ было, теперь и этотъ: государямъ сильныхъ людей не раздражать, или, если уже иначе быть не можетъ, то употребить строгость, такъ какъ у людей съ сильнымъ характеромъ всякое опозореніе навсегда остается тлѣющимъ углемъ въ сердцѣ и огонь не угаснетъ, пока вмѣстѣ съ сердцемъ онъ не броситъ искоръ въ потомство.

По природѣ, Димитрій былъ ласковъ, подвиженъ, вспыльчивъ, склоненъ къ гнѣву, почему и казался со стороны жестокимъ; но затѣмъ, при малѣйшей уступкѣ ему и покорности — милостивъ. Онъ былъ полонъ заносчивости и спѣси, щедръ, но болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, почему и являлся легкомысленнымъ, потому что, безъ долгаго размышленія, могъ обѣщать нѣсколько десятковъ тысячъ, на 30.000 доходовъ, на 100.000 и болѣе наличными, и въ удостовѣреніе подписывалъ; но потомъ подъискивалъ поводъ для гнѣва (хотя это не стоило ничего), чтобы только имѣть основаніе свое обѣщаніе обратить въ ничто. Въ жизни умѣренный, пьянства гнушался, но *in re venerea*, говорятъ, менѣе воздержанъ. Радъ видѣть вокругъ себя и у другихъ украшенія; съ непріятностью принималъ предостереженія и напоминанія даже отъ тѣхъ, которымъ довѣрялъ. Школьнаго знанія у него не было никакого, но умѣлъ читать по русски и по польски. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ обнаруживалъ вѣрное отъ природы сужденіе и знаніе: отъ природы краснорѣчивый, онъ охотно много говорилъ, легко выслушивалъ каждаго. Къ военному дѣлу имѣлъ большую любовь и разговоръ о немъ былъ самый любезный ему; любилъ людей храбрыхъ. Онъ желалъ быть соперникомъ каждому великому полководцу; неохотно слушалъ, когда хвалили какого-либо великаго человѣка настоящаго времени. Былъ великаго сердца и не малой силы, живой, чувствительный; спалъ мало. Онъ желалъ было дать новыя права и писанные законы, которыхъ въ Москвѣ въ тѣ времена не было, и дать нѣкоторую свободу боярамъ. Желалъ было также пригласить изъ-за границы, именно, изъ Франціи, ученыхъ людей, для возбужденія въ грубыхъ душахъ своихъ подданныхъ стремленія къ благородству и вѣжливости; но—трудно *asinos ad liram. In religione* менѣе *zelosus*; смолоду перебывавъ у людей разныхъ сектъ, онъ и сейчасъ держитъ ихъ при себѣ; но *profitebatur* русскую (ruską) вѣру, хотя и не во всемъ сходясь съ *populo*. Роста скорѣй былъ малаго, чѣмъ средняго, съ круглымъ и смуглымъ лицомъ, съ угрюмымъ взглядомъ, съ малыми глазами, русыми волосами, безъ усовъ и бороды; правда, онъ былъ молодъ, но все же — съ бабьимъ лицемъ. Въ налогахъ начиналъ для подданныхъ быть тяжелымъ. Престола достигъ путемъ различныхъ испытаній (trybulace) — о чемъ на другомъ мѣстѣ; на 24 году

своей жизни былъ убитъ—дня 27-го мая 1606 года, въ первомъ часу дня. Царствовалъ 11 мѣсяцевъ 13 дней; съ женою жилъ только 9 дней.

Нѣсколько дней спустя послѣ сожженія тѣла государя, стали распространяться, но неизвѣстно откуда, вѣсти, что убили, зарыли и сожгли кого-то другаго на мѣсто Димитрія — сына какого-то нѣмца....[1]), а самъ онъ долженъ былъ уйти вмѣстѣ съ Мальчиновымъ, своимъ комнатнымъ служителемъ[2]). Поступокъ бояръ съ трупомъ убитаго Димитрія имѣлъ мѣсто потому, что они опасались, что еслибы народъ увидѣлъ, что Димитрій ушелъ (Димитрій пользовался любовью народа), то онъ не дозволилъ бы избирать другого, а собирался бы къ нему, и бояре не избѣжали бы опасности. Отъ разу дѣло показалось намъ мало вѣроятнымъ, но люди за него сильно ухватились, приводя массу различныхъ доводовъ въ пользу его, напримѣръ, и тотъ, что сейчасъ же во время мятежа не нашли въ конюшнѣ двухъ лучшихъ коней, на которыхъ Димитрій съ тѣмъ слугой и долженъ былъ уйти. Повидимому, все это какія-то сказки; но среди людей онѣ на-столько нашли вѣру, что и масса бояръ, которые *conscii* о заговорѣ, и очень много другихъ начали собираться около его имени, такъ что изъ этого составилось немалое войско. Услышавъ объ этомъ, новоизбранный великій князь осудилъ ихъ и приказалъ обзывать разбойниками и измѣнниками, а по-ихнему „ворами", и собравши наскоро сколько было можно людей, отправилъ ихъ противъ тѣхъ; тѣ разбили ихъ (вскорѣ послѣ того, какъ насъ выслали изъ Москвы) и притянулись подъ столицу, гдѣ и имѣли частыя стычки съ тѣми, которые были на сторонѣ нынѣшняго великаго князя. Но такъ какъ самого Димитрія между нихъ не было, то объявляли, что самъ онъ, поджидая бо́льшаго притока людей, остался въ украинскомъ городѣ Путивлѣ, а за мѣсто себя „послалъ съ нами Петрашку Ѳеодоровича, своего племянника, сына умершаго великаго князя Ѳеодора, котораго тотъ-же Борисъ Годуновъ желалъ было также погубить, какъ и Димитрія", но мать этого Петрашки замѣтила это и пустила слухъ, что онъ умеръ и вмѣсто него погребли какую-то умершую дѣвушку; самъ Петрашка былъ отданъ одной простой женщинѣ на воспитаніе, а затѣмъ, подросши, онъ мальчикомъ отправился къ донскимъ казакамъ и между ними скрывался до послѣдняго времени. Димитрій, услышавъ объ этомъ и будучи уже на престолѣ, приказалъ внимательно изслѣдовать вопросъ

---

[1]) Имя этого нѣмца опущено.

[2]) Съ Михайломъ Молчановымъ, однимъ изъ довѣреннѣйшихъ сторонниковъ перваго Самозванца.

и, добывши твердыя основанія, признать, что Петрашка его истинный племянникъ, а затѣмъ пригласилъ его къ себѣ, желая дать ему удѣльное княжество (pan'stwo): это для того, чтобы могъ заполучить его, такъ какъ онъ опасался, чтобы люди не собирались около него и съ помощью татаръ не дѣлалъ бы онъ ему какихъ затрудненій; а можетъ быть намѣренъ былъ и хорошо съ нимъ обойтись. Въ свою очередь, сторона Василія, новоизбраннаго великаго князя, выдавала этого Петрашку за сына одного изъ думныхъ бояръ, князя Воротынскаго, рожденнымъ внѣ брака отъ одной распутной женщины изъ Пскова, которую онъ потомъ, когда имѣлъ жениться, отослалъ назадъ въ Псковъ и съ тѣмъ ребенкомъ. Мальчикъ, подросши, отправился къ донскимъ казакамъ и все время находился среди нихъ, а теперь, при нынѣшнемъ замѣшательствѣ, назвался сыномъ великаго князя Θеодора Ивановича. Разсказы объ обоихъ, дядѣ и племянникѣ, кажутся просто сказками; но тѣмъ не менѣе народъ сильно ухватился за нихъ и упорно стоитъ на своемъ мнѣніи: или, быть можетъ зашедши уже слишкомъ далеко и не довѣряя никому, онъ уже не видитъ, какъ (итти) назадъ.

Въ теченіе этихъ дней ничего особеннаго не случилось, развѣ что Москва рачительно готовилась и отправлялась на войну противъ тѣхъ, которые собирались около имени Димитрія: орудія прикатаны въ Кремль и на башни, а народу объявляютъ, что „противъ крымскихъ татаръ, о которыхъ есть извѣстіе, что собираются на насъ", и это для того, чтобы люди не тревожились и не переходили-бы на ту сторону.

Дня V-го августа.

Пристава объявили князю Вишневецкому и г. старостѣ саноцкому, что „государь великій князь, всея Руси самодержецъ и пр. (перечисляя весь титулъ) хочетъ выслать васъ въ городъ Кострому, отъ Москвы 300 верстъ (что дѣлаетъ нашихъ 60 миль), въ будущій понедѣльникъ, поэтому будьте готовы. Во всемъ вамъ тамъ будетъ хорошо, и кормы вамъ будутъ даваться до возврата посла великаго князя отъ вашего короля". Князь Вишневецкій отвѣчалъ:

— Когда не можетъ быть иначе, долженъ исполнить то, на что воля государя.

Но староста саноцкій, одаривъ приставовъ, написалъ просьбу къ государю, чтобы онъ могъ остаться при своемъ очень больномъ отцѣ, г. воеводѣ, для обереганія его здоровья, остаться ему одному съ немногими людьми. Съ большимъ затрудненіемъ, но тѣмъ не менѣе ему было разрѣшено остаться самъ-десятъ, а остальную челядь его выслали съ княземъ Вишневецкимъ.

Дня VIII-го, того-же.

Выслали князя Вишневецкаго изъ города Москвы въ городокъ Кострому, лежащій надъ Волгою, а съ нимъ и челядь г. старосты саноцкаго. Для всѣхъ дали клячъ, на нихъ ѣхали, и подводы для вещей, да на каждаго по стрѣльцу, чтобы каждый смотрѣлъ за своимъ.

Дня IX-го, того-же.

Съ такою-же новинкою, какъ и къ г. Вишневецкому, пришли и наши пристава къ намъ: ко мнѣ, г Вольскому, г. Корыткѣ, объявляя намъ волю государеву, чтобы быть готовымъ на будущій понедѣльникъ: „васъ великій князь и пр. и пр. имѣетъ послать на житье на все время, пока не воротится посолъ отъ Польскаго короля, въ городъ Ростовъ, верстъ 150 отсюда (что дѣлаетъ нашихъ 30 миль), вмѣстѣ съ обоими Стадницкими, Мартыномъ и Андреемъ: тамъ припасы будутъ вамъ давать“. Мы отвѣчали:

„Мы не какіе-либо рабы государя, на войнѣ не пойманы, какъ и не застигнуты при какомъ-либо непристойномъ поступкѣ. Относительно насъ нѣтъ ни основанія, ни причины, и вы заявите ему, что мы его просимъ—да сохранимся мы отъ такого безправья. Если онъ дѣйствительно христіанскій государь, какъ онъ себя называлъ, то пусть такъ жестоко и помимо всякаго приличья съ честными людьми и христіанами не поступаетъ, съ людьми, которые прибыли сюда по просьбѣ всей этой земли и обезпеченные клятвеннымъ перемиріемъ. Пусть вспомнитъ вашъ государь о томъ, чѣмъ онъ повиненъ предъ Богомъ, предъ присягою и предъ честнымъ человѣкомъ. Мы полагаемъ, что и вы по крайней мѣрѣ не такіе, чтобы не могли знать, какъ строго Господь Богъ караетъ за нарушеніе и несдержаніе клятвы, за разорваніе перемирья безъ поданной причины, а равно и подастъ способъ вознагражденія тѣмъ, кому чинится неправда“.

Отвѣчали намъ на это:

— Надобно, чтобы вы туда ѣхали; нельзя иначе.

Видя, что разумный доводъ у варваровъ мѣста не имѣетъ, пришлось намъ готовиться.

Дня XI-го, того-же.

Предъ отъѣздомъ я написалъ третью просьбу къ тому пресвѣтлѣйшему государю, пробуя на разные способы счастья, по котораго ни я, ни какой другой иноземецъ никогда въ Москвѣ не имѣлъ и, навѣрное, и имѣть не будетъ.

„Пресвѣтлѣйшій, милостивый цесарь Московскій, всея Руси и иныхъ царствъ, къ монархіи Московской принадлежащихъ, государь, государь милостивый и пр. и пр.

„Недавно отправилъ я челобитную къ вашему цес. величеству, прося, чтобы драгоцѣнности мои, которыя забраны въ казну вашего величества, съ милостиваго вниманія вашего величества и приказанія были возвращены мнѣ, на что не получилъ никакого отвѣта. Теперь, когда ты хочешь отправить меня куда-то дальше въ заточеніе, человѣка свободнаго, который прибылъ сюда съ грамотами, паспортами и гарантіей свободнаго пріѣзда и отъѣзда, по своей надобности, прибылъ ни съ г. воеводою сендомірскимъ, ни съ кѣмъ другимъ, но только для одного того, чтобы быть въ состояніи продать тѣ драгоцѣнности, зная и полагаясь, наконецъ, на то крѣпко, что у всѣхъ монарховъ, даже у самыхъ грубыхъ поганныхъ, съ гарантіей и грамотами, а пожалуй и безъ грамотъ, такіе люди бываютъ свободны, которые, не ввязываясь ни во что, пріѣзжаютъ по своимъ частнымъ дѣламъ,—я прошу: благоволи ваше цесарское величество, принявъ во вниманіе мою невинность и несправедливость относительно меня, обойтись со мною милостиво и тѣ драгоцѣнности мои приказать мнѣ возвратить, а если можно, то и мнѣ самому отъѣхать съ купцами разрѣшить. Сжалься ваше цес. величество надъ невиннымъ, обойдись по справедливости съ изстрадавшимся узникомъ, тебя благословитъ Господь Богъ, а я молить буду о счастливомъ царствованіи вашего цес. величества и на всякомъ мѣстѣ возславлять доброту, человѣчность и справедливость. Писана въ городѣ Москвѣ, въ Волошскомъ дворѣ, дня XI-го мѣсяца августа, лѣта отъ Рождества Христова 1606-го.

Вашего цесарскаго величества изстрадавшійся невинный узникъ и покорный слуга Ст. Немоевскій".

На эту просьбу, какъ и на первую, я не получилъ никакого отвѣта, хотя и горячо чрезъ приставовъ сгарался, чтобы было мнѣ что-либо отвѣчено. Но хуже чѣмъ со скотиною дѣло: та, будучи безгласной, по крайней мѣрѣ промычитъ.

Виленская рукопись.	Львовская рукопись.
Дня XIV-го августа.	Дня XIV-го, того-же.
Накануиѣ Успенія Богородицы мы ожидали за городомъ тѣхъ, которыхъ присоединили къ нашей компаніи изъ разныхъ дворовъ, какъ-то: его	Выслали насъ изъ Москвы съ обоими Стадницкими, присоединивши къ намъ г. Слоньскаго, который былъ съ женою, дочерью и г-жею Свержбистою,

м. г. Немоевскаго, его м. г. Вольскаго [1]), его м. г. Корытку [2]), его м. г. старосты луковскаго слугъ, его м. г. Слоньскаго [3]), его м. г. Тызенгауза и другихъ.

Соединившись со всѣми этими, мы двинулись изъ города въ два часа пополудни; отсюда мы прибыли въ первое село, въ двѣ съ половиною мили отъ города, называющееся Янинское [4]), гдѣ новопостроенный въ царствованіе Димитрія Ивановича дворецъ. Здѣсь обыкновенно цари развлекались охотой на лосей и убіеніемъ ихъ: стрѣльцы загоняютъ ихъ изъ далекихъ лѣсовъ, равно какъ медвѣдей, которыхъ для той цѣли здѣсь очень много содержатъ.

Въ двухъ миляхъ отъ этого царскаго дворца мы имѣли первый ночлегъ — *sub divo*, какъ и всѣ прочіе, тѣмъ-же способомъ.

Дня XV-го августа.

Двинулись мы въ предпринятый (или вынужденный) путь: не доѣзжая до села московскаго патріарха—Росѣкеры [5])......

Пасли на лугахъ подъ селомъ Братошиномъ [6]), гдѣ счетомъ второй царскій дворецъ отъ Москвы, отъ ночлега около 4 миль.

г. Косецкаго съ женою, челядь г. Мнишка, старосты луковскаго, г. Ратомскаго [7]), челядь старосты остерскаго, гг. Казановскихъ и разныхъ другихъ, господа которыхъ перебиты. Всѣхъ насъ было 130 человѣкъ. Намъ дали двухъ старшихъ приставовъ: Григорія Потапьевича и Бориса Волошина, третьго дьяка, и другихъ, меньшихъ приставовъ — пять, двухъ сотниковъ, начальниковъ стрѣльцовъ, а послѣднихъ было столько-же, сколько и насъ, чтобы каждый караулилъ своего. Не останавливались съ нами ни въ селѣ, ни въ мѣстечкѣ, только въ полѣ, облегая насъ кругомъ. Шатры наши—небо, а временами мы обставляли себя немного хворостомъ, отъ вѣтра. На счастье, перепала хорошая погода.

Дня XVI-го, того-же.

Ѣхали около монастыря Св. Троицы, который — первый въ этомъ знаменитомъ цесарствѣ. Хорошо отстроенъ, нѣсколько десятковъ черныхъ избъ или клѣтей, пространство около каменной церкви (на ней позолоченный куполъ, а въ ней лежитъ чудотворецъ Сергій (Sergij) обведено стѣною; въ 12 миляхъ отъ города Москвы.

[1]) Адамъ Вольскій.
[2]) Станиславъ Корытко.
[3]) Станиславъ Слоньскій, одинъ изъ секретарей Димитрія.
[4]) Вѣроятно, ошибка у автора, и надо читать—*Ильинское*. Здѣсь, вѣроятно, Димитрій показывалъ свою удаль предъ воеводою сендомірскимъ.
[5]) Вѣроятно, надо дополнить: остановились. Настоящее-ли это названіе патріаршаго села—не знаемъ. Въ доступныхъ намъ картахъ мы этого названія не нашли. На пути лежало большое патріаршее село Пушкино.
[6]) Теперь—Братовщина. Но, вѣроятно, у автора неточность въ правописаніи—*Bratoszyno*.
[7]) Михайло Ратомскій, староста остерскій и бобровницкій.

Въ этотъ день мы сдѣлали 3 мили отъ паствы, почевали подъ Душеневымъ (*Zdunczynskiem*) селомъ, гдѣ третій царскій дворецъ.

Въ этихъ дворцахъ цари обыкновенно имѣютъ свои стоянки (statywy), когда ѣздятъ въ монастырь Св. Троицы отправлять богомолье.

Дня XVI-го августа.

Минули монастырь Св. Троицы, миль 12 отъ Москвы, гдѣ кремль (zamek), окруженный стѣною, на немаломъ пространствѣ; въ немъ церкви, построенныя во славу Св. Троицы отъ прошлыхъ царей; здѣсь-же, по ихъ словамъ, лежитъ ихъ великій чудотворецъ, по имени преподобный Сергій (Sierhiej), лѣтъ 100 и больше. Онъ-же и монастырь основалъ, будучи монахомъ. Говорятъ, что этотъ монастырь — казна этого царства, т. е. богатый деньгами сундукъ. На разстояніи около 2 миль отъ этого монастыря мы пасли, подъ деревней Святковой (derewnią Swatkową). Ночевали на лугахъ подъ селомъ Дубенскимъ, около 3 миль[7]).

Дня XX-го, того-же.

Пріѣхали въ Ростовъ, въ тоскливую нашу резиденцію, иначе, въ тюрьму. Насъ размѣстили въ четырехъ смежныхъ дворахъ; нашихъ лошадей приказали намъ поставить въ государеву конюшню — просторный сарай, а „кормъ на коней будетъ даваться обыкновенный, какъ и въ Москвѣ“! Наши повѣрили, торопясь по квартирамъ. Но я и г. Вольскій, имѣя нѣсколько мѣста въ своемъ дворѣ, не захотѣли отослать отъ себя своихъ лошадей. Пріѣзжали нѣсколько разъ пристава, убѣждая насъ отослать ихъ къ другимъ; мы не хотѣли. Насильно-же забрать у насъ они не посмѣли, опасаясь вызвать среди насъ какое-либо движеніе, но употребили уловку. Сейчасъ-же воспретили, подъ страхомъ большаго наказанія, продавать намъ овесъ и сѣно. Не будучи въ состояніи ничего достать и не зная, что дѣлать, мы отослали своихъ лошадей къ другимъ, на ту государеву конюшню. Какъ скоро пришли, они приказали сейчасъ-же стрѣльцамъ отправить всѣхъ нашихъ кучеровъ въ наши дворы и, захвативъ коней, выслали тѣхъ прочь. Когда-же потомъ мы съ ними говорили—„зачѣмъ же это насиліе чинится намъ отъ васъ, къ чему такъ обманно съ нами поступаете“, они отвѣчали: „такой указъ имѣемъ отъ государя; мы должны дѣлать, что намъ приказываютъ“.

---

[1]) Святковъ и сейчасъ на трактѣ отъ Сергіевскаго посада въ Переяславль-Залѣсскій. Дубенское—теперь Дубинская.

Этотъ глупый и трусливый народъ опасался, чтобы мы, имѣя лошадей, не ушли, хотя до границы было болѣе чѣмъ 100 миль.

Дня XXI-го, того-же.

На другой день по пріѣздѣ пришли къ намъ пристава и вызвали всѣхъ. Читаютъ по списку—не погибъ-ли кто въ пути; приказали каждому представиться и отзываться, когда его называли. Должны мы были дѣлать, что приказывали, сильнѣе встревоженные, чѣмъ когда насъ дѣтьми въ школѣ перекликали, потому что кто-бы не откликнулся, тому не давали ѣсть. Такую провѣрку дѣлали каждыя двѣ недѣли, да и чаще.

Дозволили также намъ ходить по посаду, время отъ времени, но однако никогда безъ пристава.

Городо́къ этотъ принадлежитъ митрополиту, который по этому мѣсту и называется ростовскимъ. Епархія его обширна: въ длину около 200 миль. Послѣ московскаго патріарха, онъ первый среди духовенства. Ежегоднаго дохода можетъ имѣть въ 5000 нашихъ польскихъ золотыхъ. Усадебная осѣдлость городка 400 дворовъ, и всѣ они, по мѣстному обычаю, съ черными избами. Церквей въ немъ 70, изъ нихъ одна каменная; но только въ половинѣ ихъ, лѣтомъ, отправляется богослуженіе, которое уже болѣе изящно, украшенное образами. Въ другой половинѣ оно зимой: въ нихъ топятъ,—печи черныя, закоптѣлыя—иначе не выдержали бы ни священники, ни люди, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, хотя простого человѣка бываетъ мало, женщинъ еще меньше, а женская молодежь рѣдка. Когда мы ихъ спрашивали, почему-бы этой молодежи не ходить-бы въ церковь, они объяснили: „а зачѣмъ имъ, когда еще онѣ молоды". По той-же причинѣ и таинства не принимаютъ; развѣ въ дряхломъ возрастѣ. Всѣ священники женаты; а когда у него умретъ жена, онъ перестаетъ быть священникомъ и обращается въ простаго крестьянина (chłopa), какъ будто ordo и достоинство священническое дѣлаетъ жена. Равнымъ образомъ, когда мірянинъ женится въ третій разъ, его уже не допускаютъ до принятія св. причастія, а только къ исповѣди, какъ такого, который тѣмъ самымъ становится недостойнымъ Господней любви. Когда женщина родитъ въ домѣ, то говорятъ, что этимъ и домъ и всѣ живущіе въ немъ опоганились (spoganili), и сейчасъ же приходитъ священникъ — примирить ихъ съ церковью; роженица обязана, также какъ можно скорѣе—въ тотъ же, на другой или третій день—итти съ ребенкомъ въ баню, для смытія съ себя грѣха

и той скверноты, въ которую впала [1]). Такихъ и иныхъ заблужденій масса у этихъ глупцовъ и выродковъ давней святой греческой церкви, которые, по непослушанію, какъ отпали отъ единства, такъ, не имѣя пастыря и руководителя, и святую вѣру и церковные обряды обратили въ суевѣріе; такъ какъ объ этомъ много ученыхъ и искусныхъ людей писало (изъ нихъ крупныя заблужденія: о святой Троицѣ, *de primatu ecclesiae*, *purgatorio*, и массу иныхъ заблужденій осудили святые вселенскіе *concilia*), то намъ казалось достаточнымъ лишь слегка коснуться, чтобы ясно представить себѣ всю неотесанность и грубость ихъ, впадшихъ въ такое заблужденіе, что ни одной религіей они такъ не брезгаютъ, какъ святой, соборной, католической, и когда они хотятъ предать кого наибольшему проклятію, то проклинаютъ его такъ: „да будешь ты латынникомъ“.

Этотъ городокъ Ростовъ лежитъ въ низменности (впрочемъ въ цѣлой Москвѣ горъ нѣтъ) надъ озеромъ, которое 6 миль въ длину и 4 въ ширину.

Дня 1-го сентября.

Въ теченіе всего этого времени мы не могли ничего знать, что дѣлается съ другими изъ нашихъ, которые остались въ Москвѣ, т. е. съ г.г. послами и съ г. воеводою. Но вотъ 1-го сентября гляжу я въ поле и вижу, что провозятъ вокругъ города г. воеводу, великую княгиню, г.г. старостъ красноставскаго, саноцкаго и луковскаго, по пути въ Ярославль, другой городокъ за рѣкою (!) Волгою, миль на 15 далѣе отъ насъ. Всячески хлопотали мы предъ нашими приставами, чтобы дозволили видѣться съ ними. Не только видѣть, но ни послать, ни выпустить кого-либо изъ дворовъ нашихъ не хотѣли; только влѣзши на дома, мы сдалека махали другъ другу шапками, черезъ трубача давши знать о себѣ; не безъ большой досады терпѣли мы подобное стѣсненіе и неволю отъ варваровъ, безъ всякой вины отъ насъ.

Вскорѣ послѣ высылки его м. г. воеводы изъ Москвы въ Ярославль, вывезли и его м. г. Тарла, хорунжаго перемышльскаго, съ ея м. г-жею старостихой сохачевской, г-жу Гербултову, г. Тарла, старостича сохачевскаго, г. Любомірскаго въ городокъ Тверь, миль 50 отъ города Москвы [2]).

---

[1]) Даже въ современномъ быту серба (имѣемъ въ виду знакомое намъ королевство) женщина, при приближеніи родовъ, спѣшитъ куда-нибудь въ сарай, на сторону, стыдится самое себя, какъ еслибы была опоганена. Но на югѣ можно предполагать отголосокъ давняго богомильства. А на сѣверѣ?

[2]) Эту партію узниковъ отправили изъ Москвы 18 августа, слѣдов., ранѣе воеводы сендомірскаго, который оставилъ столицу 26 числа (Turgeniew, Hist. Russiae Monum., II, 184).

Въ Москвѣ остались одни г.г. послы, но никогда ни отъ нихъ, ни къ нимъ никого не пускали, кромѣ что слугу на время на рынокъ, и то всегда вмѣстѣ съ приставомъ, чтобы ни съ кѣмъ не могъ говорить. .

Дня VII-го, того-же.

Пособиравши здѣсь и тамъ остатки челяди различныхъ перебитыхъ господъ—однихъ, что уже вылѣчились отъ ранъ, другихъ еще слабыхъ, которые только едва стали приходить въ себя, прислали ихъ къ намъ въ Ростовъ съ обоими Сверскими, человѣкъ 30. Поставили ихъ въ особенномъ дворѣ, но однако не препятствовали намъ видѣться съ ними.

Дня XII-го, того-же.

Прислали къ намъ пристава, чтобы мы сошлись на одномъ дворѣ, съ объявленіемъ, что они имѣютъ сообщить намъ пожалованіе государя великаго князя. Сошлись мы, въ надеждѣ, что намъ имѣютъ прибавить кормовъ, такъ какъ давалось ихъ теперь много меньше половины, чѣмъ раньше; слушаемъ, что за утѣшеніе будетъ намъ. Началъ дьякъ читать государеву грамоту, прежде всего перечисливъ всѣ титулы. Онъ началъ: „по милосердію своему, какъ государь добродушный и милосердный, позволяетъ вамъ, господамъ Литвѣ, „платье" свое (т. е. одежду) продавать, а кто имѣетъ соболя, то и ихъ вольно". Спрашиваемъ мы ихъ: не имѣютъ-ли еще что поручить; говорятъ, что больше ничего. Изумившись сначала, откуда это такая милость къ намъ, мы засимъ отвѣчали:

— А вашему государю что за дѣло до нашего платья? Отпишите ему, что мы не нуждаемся въ такомъ его пожалованіи, а нуждаемся въ одномъ — пусть пуститъ онъ насъ въ Польшу, тѣхъ, которыхъ онъ держитъ помимо всякой справедливости. Что-же касается платья, то и безъ дозволенія вашего князя вольно намъ поступать съ нимъ, какъ хотимъ: это въ нашей власти.

Подивились пристава такому нашему опасному отвѣту и пренебреженію столь значительной милостью великаго князя, царя, государя всея Руси.

Дня XV-го, того-же.

Такъ какъ пристава разрѣшали намъ прогулки по городу, то вышелъ какъ-то я межъ огороды. Повстрѣчался со мной пьяный сотникъ и съ наглостью приказалъ мнѣ воротиться во дворъ; но такъ какъ слушали его въ этомъ не съ такою охотою,

какъ этого онъ желалъ, то съ тѣмъ большей рѣзкостью онъ сталъ употреблять оскорбительныя слова, и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большимъ бѣшенствомъ; желая оказать какой-либо отпоръ противъ этого, я и мой слуга, который былъ при мнѣ, мы вырвали по тростинѣ изъ плетня, такъ какъ оружія намъ нельзя было носить. Тогда онъ сейчасъ же окликнулъ крестьянъ, которые работали на огородахъ. Увидѣвъ, что крестьяне бѣгутъ на насъ съ топорами и дубинами, мы начали отступать къ нашему жилищу, а крестьяне все болѣе и болѣе собираться, а затѣмъ ударили въ колокола, въ набатъ. Видя, что дѣло идетъ не на шутку, мы изготовились къ оборонѣ, какъ только можно лучше, чтобы не погибнуть безъ отместки. Но явились наши старшіе пристава съ слугами митрополита, стали сдерживать и разгонять народъ отъ нашихъ дворовъ, и такимъ путемъ утишилась та суматоха.

На другой день все правосудіе за то, что едва не случилось большое кровопролитіе, исчерпалось тѣмъ, что сотникъ извинился предо мною, и изъ ск試скверпаго дѣла одна польза: предостереженіе, *ut generositas necessitati pro tempore serviat*[1]).

Сейчасъ послѣ этого волненія населеніе дало знать государю, что „Литва дуритъ; имѣетъ массу самопаловъ и иного оружія; мы не безопасны жизнью въ нашихъ домахъ; бьемъ тебѣ челомъ, пресвѣтлый государь—предохрани насъ, чтобы мы безопасны были“.

Этотъ грубый народъ называетъ насъ Литвою, разсуждая, что только и есть три народа въ христіанскомъ мірѣ: первѣйшій народъ, это—Русь, а ею они называютъ самихъ себя; далѣе—Литва и подъ тѣмъ же названіемъ слывутъ и поляки; третій—Нѣмечина, включая въ это названіе и всѣ остальные народы, которые ходятъ въ штанахъ (w plundrach), различая среди нихъ: нѣмечину французскую, нѣмечину датскую, шведскую, брабантскую. Объ этихъ только народахъ они нѣчто знаютъ, ведя съ ними *commercia*; о другихъ-же народахъ я очень рѣдко что слышалъ.

Дня XVIII-го, того-же.

На этихъ дняхъ умерло двое изъ нашихъ: одинъ изъ челяди г. старосты луковскаго, другой—г. Слоньскаго. Съ разрѣшенія священниковъ наши погребли ихъ при церкви, гдѣ хоронятъ схизматиковъ; но потомъ, чрезъ нѣсколько дней, они раздумали, тайно, безъ вѣдома нашего, опасаясь, чтобы мы не воспротивились, выкопали тѣ тѣла и похоронили въ полѣ; но объ этомъ и мы не сожалѣли, такъ какъ справедливѣе было

---

1) Т.-е., что временами великодушіе имѣетъ уступать необходимости.

отъ разу похоронить католиковъ въ полѣ, чѣмъ между проклятыми (wyklętych) отъ церкви.

Дня XXI-го, того-же.

Выпалъ первый снѣгъ въ этомъ сѣверномъ краѣ; съ этого времени наступила зима и начались морозы. Впрочемъ, потомъ было нѣсколько дней и мягкихъ; хотя вся зима была гнилая, но временами съ большими морозами и снѣгами, какихъ у насъ не бываетъ, и продолжалась вплоть до 2 іюня, когда Бѣлозерское озеро очистилось ото льда.

Старики разсказывали намъ, что такой мягкой зимы и чтобы такое короткое время продолжалась—не было лѣтъ шестьдесятъ, и удивлялись: они разсуждали, что такою ласковой она пришла вмѣстѣ съ Литвою.

Дня XXIX-го, того-же.

Прислалъ пресвѣтлѣйшій грамоту приставамъ нашимъ, чтобы отобрали отъ насъ оружіе. Когда они пришли къ намъ съ нею, мы объявили имъ, что „это исполнить мы не можемъ; намъ людямъ-рыцарямъ неприлично отдавать оружіе; съ нимъ мы готовы скорѣй умереть, потому что у насъ нѣтъ большаго срама, какъ отдалить отъ себя оружіе у насъ, у людей рыцарей. Мы просимъ потому государя не чинить намъ такого безчестья, пусть больше страданія намъ онъ не придаетъ; пусть удовольствуется тѣмъ, что насъ держитъ въ неволѣ, вопреки всякой справедливости, а безчестьемъ пусть насъ не кормитъ, о чемъ и напишемъ мы государю челобитную, прося его—не чинить намъ этого безчестья и беззаконья; а васъ просимъ ее отослать“.

Отошли отъ насъ пристава, объявивши намъ, что „объ этомъ извѣстимъ государя и челобитную отъ васъ отошлемъ“. Ее мы написали такъ:

Дня I-го октября.

„Царю, государю и великому князю Василію Ивановичу всея Руси и пр. и пр.

„Бьютъ челомъ тебѣ царю, государю, великому князю, Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Андрей Стадницкій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Станиславъ Слоньскій, Щенсны Сверскій и иные люди польскаго народа, въ Ростовъ съ ними сосланные.

„Ясна несправедливость по отношенію къ намъ; поэтому полагаемъ, что вѣдома она и всѣмъ народамъ христіанскимъ и поганымъ, несправедливость, которую сносимъ мы подъ твоею

властью, царь-государь, въ государствѣ твоемъ, въ Московской землѣ. Какъ вольные люди, пріѣхали мы сюда по своей волѣ, не на-авось, но по грамотѣ самого царя, въ то время бывшаго, даже по просьбамъ и по грамотѣ знатнѣйшихъ бояръ вашихъ, между которыми и твое цесарское величество о ту пору въ Думѣ засѣдалъ,—которую[1] посылали было къ его в-ву нашему королю и къ извѣстнымъ лицамъ,—вотъ и явились мы сюда съ добрыми христіанскими чувствами на бракъ, и на общее удовольствіе, а не на скорбь и страданіе, которыя несемъ. Мы люди, которые въ вольностяхъ не знаютъ ровнаго себѣ ни одного народа, прибывши сюда, потеряли все то, болѣе чего на свѣтѣ человѣкъ уже потерять не можетъ. Господь Богъ, создатель всѣхъ королей и монарховъ, глядитъ на невинность нашу и на несправедливость къ намъ. Но такъ какъ Тотъ все это лучше вѣдаетъ и видитъ, то на Него придется менѣе жаловаться, чѣмъ на тебя, царь-государь, въ зависимости отъ котораго досаждаетъ насъ и это утѣсненіе, и эта неволя. Меньшая бѣда, что нѣкоторые изъ насъ видимо лишены всего и ограблены, хотя при этомъ то больно, что невинная христіанская кровь братій нашихъ, людей великихъ и достойныхъ, безжалостно пролита, а она вопіетъ къ Господу Богу объ отмщеніи; но — въ томъ скорбь, что мы, та горстка людей, что еще осталась, выносимъ то, что только люди, въ плѣнъ взятые на войнѣ, имѣли-бы выносить. Мало того, что мы томимся въ несправедливомъ заключеніи, въ которомъ голодъ и скудость насъ удручаютъ, содержаніе дурное и тяжелое; но, отобравши у насъ свободу, хотятъ отобрать у насъ то, что мы носимъ при нашемъ боку для защиты и славы, чѣмъ предки наши и мы сами привыкли пріобрѣтать славу—на безчестіе наше предъ всѣми народами, такъ какъ большаго посрамленія у насъ быть не можетъ. Итакъ, мы не имѣемъ жаловаться никому иному, какъ только едино вашему государскому величеству, на то, что пристава наши хотятъ отобрать у насъ наше оружіе, которое мы содержимъ въ тишинѣ и никому не вредимъ, но его отдавать мы не обязаны, какъ и не возможно, чтобы храбрый человѣкъ добровольно отдалъ свое оружіе, и ни у кого, ни у христіанскихъ государей, ни у поганныхъ, не дѣлалось это и не дѣлается, развѣ что у плѣннаго, взятаго на войнѣ; но плѣнными мы себя не чувствуемъ; достаточно того, что мы оружія не употребляемъ и не носимъ при себѣ. Потому и просимъ мы тебя, государь, великій князь, не чини намъ той срамоты, которая какъ въ коронѣ нашей, у народа нашего, такъ и въ другихъ королевствахъ, приносила бы намъ извѣстное

---

[1]) Т. е. грамоту.

обезславленье, ибо мы, какъ вольные люди, проѣзжая чрезъ разныя королевства, привыкли употреблять оружіе, и никто нигдѣ намъ этого не запрещалъ.

„Не менѣе и то объявляемъ тебѣ, царь-государь, что и помѣщены мы дурно, избъ у насъ мало и на нихъ дровъ мало даютъ. То, что желаютъ, чтобы стало на недѣлю, выходитъ въ одинъ день. При выпровожденіи насъ въ Москвѣ изъ нашего помѣщенія въ другіе дворы, кормы были уменьшены; живя тамъ, мы покупали и себѣ, и лошадямъ припасы, что знаютъ наши пристава.

„Потомъ мы издержали на себя то, что тутъ продали, такъ что теперь намъ не стаетъ чѣмъ жить. Тутъ-же, въ Ростовѣ, даютъ еще меньше корму и не на всю челядь, хотя въ реэстрѣ у приставовъ она вся. Пищи намъ даютъ на недѣлю, а этимъ мы едва могли бы обойтись въ два дня, и тѣже пристава знаютъ, какъ все мы покупаемъ. Свинаго мяса, гороха, свѣчей перестали давать; давали только по одной курицѣ на день, а теперь и того не хотятъ давать; даютъ вмѣсто нея деньгами (dzięgami), но мы ихъ не беремъ, такъ какъ на рынкѣ не всегда можно достать. Рыбы даютъ очень мало и дурной, именно такой, какой у насъ и мужики (mużykowie) съ трудомъ ѣдятъ, а не то, чтобы люди съ извѣстнымъ значеніемъ.

„Хотя между нами есть люди ограбленные, лишенные всего, такъ что не имѣютъ въ чемъ ходить и двое, отъ нужды и большаго утѣсненія, холода и голода, уже и умерли; но и тѣ, что не ограблены, сровнялись съ ними, покупая на себя всякіе предметы необходимости въ теченіе двадцати одной недѣли, что мы живемъ [1]), такъ какъ мы не въ состояніи содержать себя на то, что намъ даютъ съ пожалованія твоего государскаго, и такъ всѣ мы уже ничего не имѣемъ. Кромѣ того, въ усадьбѣ, въ которой насъ поставили, нѣтъ поварни, такъ что принуждены приготовлять намъ ѣсть во дворѣ, на большомъ холодѣ. Итакъ, просимъ твое царское величество: если невозможенъ скорый, какъ мы этого желаемъ, отпускъ насъ въ Польшу, то чтобы была поправка въ кормахъ, а въ предположеніи отобранія отъ насъ оружія пусть бы пристава оставили насъ въ покоѣ, да и оружія среди насъ найдется немного, потому что одни еще въ Москвѣ, съ твоего приказанія, поотдали въ твою казну, другіе попродали на припасы, третьи отправили съ людьми своими въ Польшу (всему этому есть реэстръ, у твоихъ дьяковъ), а иные—совсѣмъ ограблены, что ничего не имѣютъ. Не менѣе просимъ и о томъ, чтобы было дозволено одного

---

[1]) Т. е. въ Россіи.

изъ насъ отправить въ нашу землю, именно г. Андрея Стадницкаго, у котораго тамъ большія и хлопотливыя дѣла, чтобы онъ могъ привести ихъ въ порядокъ, не теряя всего своего земельнаго имущества, за котораго мы ручаемся и обѣщаемъ, и самъ онъ учинитъ присягу, что возвратится въ срокъ, назначенный отъ тебя, царь-государь. Вѣдь ты намъ обѣщалъ во дворѣ Булакова и Степана Годунова (Hodonowa), что сейчасъ же отпустишь насъ въ нашу землю, и зналъ о томъ, что мы уже во вторникъ имѣли отъѣхать къ себѣ домой, если бы не случилась та перемѣна. Тамъ-же и то ты намъ обѣщалъ, когда мы тебя просили, что ты, когда сдѣлаешься царемъ, исполнишь—отпустишь насъ добровольно, а если бы царство досталось кому другому, то твое царское величество обѣщалъ, какъ большой думный бояринъ, стараться, чтобы насъ отпустили. Итакъ, теперь смилуйся, и слово твое додержи. Но если бы ты пожаловать насъ этимъ не хотѣлъ, и не отпустилъ бы Андрея Стадницкаго для улаженья его трудныхъ обстоятельствъ, то, по меньшей мѣрѣ, просимъ тебя о дозволеніи отправить въ Польшу по одному изъ нашихъ слугъ. Но такъ какъ намъ, христіанамъ, не годится жить безъ священника, то просимъ тебя, чтобы ты приказалъ изъ Ярославля, отъ г. воеводы сендомірскаго, прислать намъ ксендза.

„Но такъ какъ гнететъ насъ нужда, и на-столько, что не только мы лично испытываемъ лишенія, но не имѣемъ во что одѣть нашихъ слугъ въ виду суровой зимы, то у насъ остается одна надежда на тѣхъ нашихъ лошадей (w loszadach), что въ Ростовѣ у насъ заграбили. Поэтому просимъ ваше государское величество—приказавши возвратить намъ тѣхъ лошадей, дозволить намъ послать въ Москву съ ними одного или двухъ слугъ нашихъ, для продажи, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность пособить себѣ въ нашихъ лишеніяхъ и челядь нашу къ зимѣ пріодѣть. Наши пристава передаютъ намъ, что лошадей отослали на твою конюшню, царь-государь; если бы возвратить ихъ теперь ты не могъ, то мы просимъ о разрѣшеніи, чтобы двое или трое изъ слугъ нашихъ могли-быть при нихъ, или же наѣзжать отсюда для присмотра за ними, такъ какъ онѣ, не привыкнія къ такой нуждѣ, отъ плохого присмотра должны будутъ обратиться въ ничто. Писана въ Ростовѣ, октября 1-го дня 1606 года.

„Изстрадавшіеся узники, сосланные въ Ростовъ“.

Дня XVI-го мѣсяца ноября.

Прислалъ пресвѣтлѣйшій бояринa съ грамотой къ приставамъ нашимъ. Весь народъ, съ топорами, дубьемъ, рогатинами

проводили его въ наши дворы. Выходимъ, не знаемъ что будетъ, озабоченные. Приставъ объявилъ намъ, что „государь, царь, великій князь всея Руси приказалъ выдать оружіе, такъ какъ населеніе не безопасно отъ васъ въ своихъ животѣхъ“.

Мы отвѣчали, что держимъ себя скромно, никому никакой несправедливости отъ насъ не чинится, потому и просимъ, чтобы мы могли быть оставлены въ покоѣ до прибытія посла его королевскаго величества, который отсюда насъ освободитъ. „Послушайте, мы не понимаемъ, къ чему вы навели на насъ народъ. Объясните, чѣмъ мы провинились предъ вами“?

На это они:

— Народъ собрался безъ нашего приказанія, и уйдетъ, только вы оружіе отдайте, потому что такъ велѣло пресвѣтлое государское величество, а иначе никакъ.

Отошли мы въ сторону, посовѣщаться, что отвѣчать. Видя, что трудно возражать, что должно учинить то, что приказано, мы на государево приказаніе такъ отвѣчали:

— Во всемъ творится съ нами великое безправіе, но для котораго вы не имѣете ни малѣйшаго повода съ нашей стороны; но такъ какъ мы въ вашихъ рукахъ, то должны дѣлать то, чего хочетъ вашъ государь. Оружіе отдаемъ, но чтобы вы не думали, что это мы дѣлаемъ изъ какого-либо страха, который не можетъ напасть на насъ по-пустяку, прикажите прежде всего этому народу отступить, а затѣмъ не собирайте его на насъ безъ причины.

Они приказали той подлой толпѣ разойтись, а мы указали нѣкоторымъ изъ нашихъ рабочихъ и конюшенной челяди снести что было худшаго изъ оружія. Мы отдали стволы ружей, или одни только замки. Что-же было лучшаго оружія, мы его попрятали по сундукамъ и чемоданамъ, гдѣ только намъ казалось удобнѣе; но такъ какъ мы отдали немного, то объяснили это тѣмъ, что одно оружіе у насъ захвачено было еще въ Москвѣ, а другое мы продали на припасы. Легко повѣрила этому сволочь, полагая, что у насъ рѣдко кто оружіе носитъ — она мѣрила по себѣ, такъ какъ у нихъ никто не носитъ, развѣ что во время войны; но и на войнѣ большая половина у нихъ съ дубьемъ, съ вбитыми въ наконечникъ желѣзными гвоздями, или съ самострѣлами — продолговатый прутъ, обкутанный въ березовую кожицу и согнутый веревочкой; другіе же носятъ на плечахъ на привязи кусокъ кости или желѣза[1]).

[1]) Этотъ самострѣлъ, „samiostrzał“, попросту, примитивный лукъ, почему и отличается отъ самострѣла, описуемаго П. Саввантовымъ въ его „Описаніи старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія и пр.“. (Спб. 1896, стр. 123).

Дня XVII, того-же.

Въ предположеніи, что, по отобраніи у насъ оружія, мы нашею уступчивостью должны были пріобрѣсти къ себѣ нѣкорое вниманіе у государя, мы написали къ нему прошеніе, объясняя ему нашу нужду и прося объ улучшеніи кормовъ.

Копія челобитной.

„Царю, государю, великому князю Василію Ивановичу всея Руси и пр. и пр.

„Бьютъ челомъ Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Станиславъ Слоньскій, Щенсны Сверскій и съ тѣми людьми, которые съ ними соединены и въ Ростовъ сосланы.

„По волѣ всемогущаго Бога, Который поставляетъ и проводитъ по промыслу Своему дѣла какъ монарховъ христіанскаго міра и поганскихъ, такъ и людей разныхъ состояній, подпадши теперь подъ власть вашего царскаго величества, добровольно, не по принужденію, съ вѣдома всѣхъ, не только короны Польской, но и разныхъ народовъ христіанскихъ и поганскихъ—мы не будемъ уже писать, какія страданія мы вынесли подъ властью вашего царскаго величества, такъ какъ все дѣлалось съ приказанія вашего государскаго в-ва. Къ тому-же мы многократными нашими челобитными давали знать вашему царскому величеству о томъ, что выносимъ мы лично отъ твоего царскаго величества, будучи сосланы въ твои отдаленныя земли; но на нихъ никакого въ теченіе столь долгаго времени пребыванія нашего здѣсь, въ Ростовѣ, не имѣемъ отвѣта или вѣсточки; при большомъ страданіи и нуждѣ, скорбь наша становится тѣмъ большей, что мы и знать не можемъ, доходятъ-ли до слуха твоего царскаго величества наши испытанія, и намъ было бы менѣе горько, если бы мы всегда имѣли какія-либо свѣдѣнія о томъ. Итакъ, не видя улучшенія, не видя утѣшенія ни отъ твоего царскаго величества, ни изъ земли нашей, претерпѣвая частыя скорби нашего сердца, мы наносимъ крупный изъянъ нашему здоровью. Полагаемъ, что была-бы болѣе счастливой просьба узника, предавшагося съ саблею въ рукѣ болѣе сильному, чѣмъ наша, людей свободныхъ и безъ вины задержанныхъ. Въ своихъ челобитныхъ мы твоему царскому величеству писали, чтобы ты не желалъ намъ гибели нашихъ душъ, такъ какъ для каждаго человѣка-христіанина обязательное дѣло — давать и духовную пищу, то мы и писали о дозволеніи отъ тебя— отъ воеводы сендомірскаго, изъ Ярославля, взять ксендза сюда, въ Ростовъ, а сендомірскій пожелаетъ къ намъ прислать, разъ только послѣдуетъ соизволеніе твоего величества. Били мы че-

ломъ вашему царскому величеству и о томъ, что кормовъ намъ и питей даютъ мало и дурныхъ. По сю пору ни въ Москвѣ, ни въ Ростовѣ мы не докучали о томъ твоему царскому величеству, покуда у насъ самихъ или у товарищей нашихъ хватало денегъ или какого платья; но теперь, благодаря столь долгому уже задержанію, исхарчивши и деньги и все, что было, не можемъ никуда обратиться, развѣ только къ единой милости твоего величества; мы уже не имѣемъ что продать, такъ какъ раньше, съ приказанія твоего, коней, а теперь и остатки нашего оружія, — противъ обычая людей храбрыхъ и также съ приказанія вашего царскаго величества,—позабирали. Просимъ потому, чтобы ты, воззрѣвши своимъ государевымъ окомъ на столь нищенское содержаніе наше—людей, не привыкшихъ къ такимъ кормамъ и питью, приказалъ или давать больше кормовъ и питей, и хорошихъ, или давать прямо зерномъ и медомъ, чтобы мы могли сами варить себѣ лучшій напитокъ. Писали также мы и о томъ, что намъ не даютъ солонины, масла, гороха, какъ и свѣчей, а это все покупать намъ теперь уже не за что; но еще бо́льшая бѣда выходитъ отъ недостаточности избъ, при столь сильныхъ холодахъ и особенно людямъ, недостаточно прикрытымъ: болѣе чѣмъ на 60 особъ дано три избы, гдѣ и третья часть помѣститься не можетъ, почему бо́льшая часть ихъ должна терпѣть холодъ, такъ какъ дровъ даютъ мало. Даютъ на недѣлю, а этимъ мы не можемъ обойтись въ теченіе трехъ или двухъ дней. Отъ такой скудости уже умерло двое изъ нашихъ слугъ, другіе повергаются въ болѣзни, а что будетъ далѣе—Богъ вѣсть. Били мы уже нѣсколько разъ челомъ твоему царскому величеству, чтобы ты, для болѣе быстраго окончанія дѣлъ между государствомъ твоего царскаго величества и нашею короною, отправилъ кого-либо изъ насъ въ нашу землю, за котораго мы охотно ручаемся; но объ этомъ мы о сю пору не имѣемъ никакого свѣдѣнія отъ твоего величества. Усердно просимъ мы объ этомъ снова, да благоволитъ твое царское величества отправить именно Андрея Стадницкаго, способнаго на тѣ дѣла: онъ имѣетъ и свои большія дѣла и не умедлитъ возвратиться въ назначенный срокъ. А если-бы ты и въ этомъ пожаловать не захотѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, прикажи намъ отпустить нѣсколько изъ слугъ нашихъ для нашихъ дѣлъ, а ихъ у насъ, въ нашей землѣ, много.

„До сихъ поръ мы въ невѣдѣніи, какъ содержатся наши лошади, которыя взяты у насъ по нашемъ прибытіи въ Ростовъ; такъ какъ онѣ не привыкли къ такимъ лишеніямъ, то мы опасаемся, чтобы онѣ не обратились въ ничто: имъ необходимо теперь подковы снять и перековать на зиму, а безъ твоего при-

казанія наши пристава не хотять допустить къ нимъ ни одного конюха изъ нашихъ. Вотъ почему, какъ раньше, такъ и теперь бьемъ челомъ—милостиво пожалуй насъ и прикажи приставамъ, чтобы наши кучера́ смѣли иногда поблюсти за ними, для осмотра и перековки, да и прикажи давать имъ побольше (po bulszy) корма.

„Такъ какъ въ этихъ скорбяхъ нашихъ мы не можемъ имѣть никакого утѣшенія, то, по крайней мѣрѣ, просимъ о томъ, чтобы намъ свободно было временами съ приставами гулять (gulacé) по полю, то съ собаками (z sobakami), то безъ собакъ. Милосердый царь-государь, пожалуй насъ, смилуйся. Писана въ Ростовѣ, 18-го ноября, отъ рождества Спасителя нашего 1606 года. Изстрадавшіеся узники, сосланные въ Ростовъ".

Дня XXI-го, того-же.

Принесли грамоту отъ пресвѣтлѣйшаго къ гг. Стадницкимъ, чтобы г. Андрей Стадницкій ѣхалъ къ нему. Намъ кажется у мѣста вписать копію съ нея, для понятія о канцелярскомъ *stylum* этихъ затѣйливыхъ риторовъ.

Титулъ наверху листа, сложеннаго безъ вниманія (bez kustodyi) [1]):

„Паномъ Мартыну и Андрею Станиславовичомъ Стадницкимъ.

„Божьею милостію отъ великаго государя, царя и великаго князя Василія Ивановича, всея Руси самодержца, Мартыну и Андрею Станиславовичомъ Стадницкимъ.

„Писали к' намъ всей (!) приставове (!) Григорей Викентьевъ, также и дьякъ нашъ Бей Чечетовъ. Молвили вы имъ, штобы мы приказали быти тобѣ, Андрею, у насъ на Москвѣ, да наши царскіе глазы видѣти [2]), да хочешь намъ службу твою показати и такое дѣло объявити, што годно будетъ намъ и всему государству. А мы васъ пожаловали, росказали тебѣ, Андрею, ѣхати до насъ на Москву и для того послали мы к' тобѣ дворянина нашего Игнатія Андреевича Измайлова, да подводы подъ тебя и подъ люди твои розсказали есмо дати, да какъ сія к' вамъ наша грамота придетъ, штобы ты, Андрей, поѣ(ха)лъ к' намъ не мѣшкаючи, да людей твоихъ штобы ты взялъ съ собою, человѣка трехъ любо четырехъ, которыи тобѣ угодни, да какъ у насъ на Москвѣ будешь, и мы тебѣ пожалуемъ, дабы свои

---

[1]) Копія сдѣлана довольно дурно, отсюда мѣстами и смыслъ по догадкѣ; мѣстное знаніе русскаго языка у переписчика обнаруживается въ передачѣ мягкаго звука р—звукомъ р твердымъ (Цар и пр.).

[2]) Едва-ли въ подлинникѣ такъ стояло! Всегда говорилось „очи", какъ и въ народной пѣсни сейчасъ.

царскіе глазы видѣти и смотрѣти, по твою службу пожалуемъ тебе своимъ царскимъ великимъ пожалованіемъ. А какъ ты, Андрей, будешь у насъ на Москвѣ и наши царскіи глазы зобачишь (!), да теперь мы и тебе, Мартыне, пожалуемъ. Писанъ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта седмь тысячъ пятпадцатого году (!), ноября дня девятого".

На этой грамотѣ не было никакой подписи, только наверху прилѣплено немного зеленаго воска, на которомъ оттиснута печать великаго князя, величиною въ грошъ.

Въ ту-же ночь на подводахъ отъѣхалъ г. Андрей Стадницкій, полагая, что его имѣютъ отправить въ Польшу. Всѣ мы радуемся, расчитывая на недалекое разстаніе съ варварами; такъ какъ встрѣтилась оказія для отправки писемъ, то мы всѣ и отягчили его ими.

Какъ скоро пріѣхалъ Андрей въ Москву, въ тотъ-же вечеръ послалъ за нимъ Димитрій Шуйскій, родственникъ великаго князя, что онъ желаетъ дозволить ему очи свои видѣть и чтобы сегодня-же вечеромъ онъ былъ у него. При входѣ, тотъ вышелъ къ нему на встрѣчу до половины избы, и, послѣ привѣта, посадивши его за столъ около себя, сказалъ ему:

— Нельзя, чтобы ты могъ видѣть государевы очи (glazy); но если что знаешь, что ко благу государства, то сообщи, а я уже передамъ пресвѣтлому величеству; а онъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ пожалуетъ.

Г. Стадницкій началъ говорить:

„Вижу, что это государство въ большомъ замѣшательствѣ и скорѣй всего по той причинѣ, что не стало потомка наслѣдственныхъ вашихъ государей. А потому, желаете-ли умирить государство и предотвратить то, чтобы въ будущемъ не было такихъ заговоровъ, бунтовъ и мятежей, сверхъ того, чтобы государь-царь, великій князь держалъ въ повиновеніи и вѣрности къ себѣ и своему дому подданныхъ, а въ будущемъ чтобы это царство не выходило изъ достойнаго дома Шуйскихъ, пока на лицо его члены, для всего этого есть много способовъ; но еслибы царь-великій князь пожелалъ узнать ихъ отъ меня, то я могъ бы сообщить о нихъ только ему одному, о чемъ и прошу тебя, князь Димитрій, передать великому князю".

Тотъ отвѣчалъ ему, что вещь невозможная, „какъ я тебѣ и раньше объяснилъ, чтобы ты могъ видѣть очи (glazy) великаго князя; но чтобы ты зналъ, довѣрь мнѣ, а я, понявши тебя, сообщу ему. Будетъ ли что достойное великаго князя, онъ пожалуетъ тебя своимъ царскимъ большимъ пожалованіемъ. Дозволь-же мнѣ услышать тѣ способы, о которыхъ ты вспоминалъ".

Остановился немного г. Стадницкій, желая именно того, чтобы лично говорить съ тѣмъ *idolum*; но такъ какъ и на очи его нельзя взглянуть, а болѣе всего по той причинѣ, что не могъ достичь того, чтобы его убѣдить послать его въ Польшу, онъ сказалъ:

— Довольно я буду имѣть пожалованья, если нѣчто будетъ дѣлаться въ согласіи и любви, для славы обоихъ этихъ народовъ, Рѣчи-Посполитой, моей отчизны, и здѣшняго государства, и приступилъ къ самому дѣлу.

— Я-бы началъ свою рѣчь съ управленія и учрежденія Рѣчи Посполитой вначалѣ, желая тебѣ все основательно изложить и приводя примѣры, чтобы ты могъ лучше понять; но это отняло бы массу времени, да и все-таки, вѣроятно, ты съ трудомъ бы понималъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Однако, ты умѣешь говорить по-русски; по-русски я тебя пойму, вѣдь я тебя и пригласилъ затѣмъ, чтобы слушать.

На это г. Стадницкій:

— Дѣло идетъ не столько о пониманіи словъ, сколько о понятіи самой вещи. Итакъ, я буду говорить поверхностно, опуская примѣры и рѣчь о первыхъ причинахъ образованія общества и соединенія людей.

Замѣтилъ на это варваръ:

— А по што-бы ты сюда пришелъ, еслибы не все сказалъ? Только ты скажи все, что знаешь; я тебя буду слушать, и не пропускай ничего, потому что великій князь, какъ я тебѣ сказалъ, повелѣлъ передать все, что услышу отъ тебя![1]).

Г. Стадницкій сказалъ:

— Ты требуешь; мнѣ же говорить не трудно, только бы ты понять могъ.

Но желая показать, что политика не дѣло ихъ головы, не ихъ дѣло о ней говорить, онъ, чтобы привести въ смущеніе варвара, началъ свою рѣчь о человѣческомъ обществѣ, примѣрно въ такомъ смыслѣ:

„Правда, каждому творенью природа дала хотѣніе и какое-то внутреннее стремленіе къ общественности, жизни и къ взаимному общенію въ своей средѣ; но особенно-же она это дала человѣку, который не можетъ жить безъ себѣ подобнаго, и выше иныхъ, противныхъ природѣ, удрученій то его наиболѣе мучитъ, когда онъ бываетъ отлученъ отъ общества и отъ людского общенія и содержится въ отдѣльности. Самыя большія

---

[1]) Вѣчная путаница русскихъ словъ съ польскими, въ передачѣ русскаго разговора: штобы, всё, скажи и пр.

средства для него ничто, если онъ не пользуется ими въ обществѣ, не дѣлится ими съ другими, ибо между иныхъ особенностей человѣческой натуры двѣ ему прирождены: общественность въ общеніи и помогать, дѣлать добро ближнему. Природой или натурой здѣсь называется Богъ, ею управляющій, который удѣлилъ намъ нѣкоторую крупицу своей собственной природы, ничего для того изъ своей особенности не взявши, такъ какъ Онъ Самъ въ себѣ нераздѣльный. Напримѣръ, какъ солнце, само ничего не теряя, удѣляетъ намъ тепло, отъ котораго мы рождаемся и живемъ, такъ и Онъ, будучи вѣчнымъ, далъ пониманіе вѣчности, или, какъ называемъ обыкновенно, души, а потому, будучи Самъ совершенною добротою, и творенью своему далъ творить добро, дабы мы, слѣдуя Ему, другимъ творили добро, пособляя одинъ другому въ его нуждахъ.

„Пока люди не размножались, будучи изгнанниками на свѣтѣ, они, разнесенные, шатались съ мѣста на мѣсто, и искали естественной пищи, по обычаю каждаго другого звѣря.

„Еще не зная заповѣди Божьей, не исполняя обязанностей относительно ближняго, не зная брачнаго союза, не увѣренные въ отдѣльности собственнаго дорогаго потомства, не цѣня ни утѣшенія, ни пользы отъ присмотра за ними въ старости при воспитаніи его, они подчинялись однимъ плотскимъ побужденіямъ, выполняя дѣйствія ихъ силою естества. Но позже, съ размноженіемъ людей, болѣе разсудительные изъ нихъ замѣтили, что трудно было жить въ отдѣльности, безъ общественной взаимной помощи, и начали соединяться съ обязательствомъ помогать другъ другу и ничего не имѣя отдѣльнаго, и такимъ путемъ, благодаря этой общности, изъ дикихъ они стали ласковыми, изъ скоро рѣшающихъ—разсудительными, изъ вспыльчивыхъ—стойкими, изъ развратныхъ и невоздержанныхъ—стыдливыми; хватались и за иныя добродѣтели, которыя препоручили имъ тѣ, болѣе разсудительные, и руководствуясь прирожденнымъ соображеніемъ, что младшій слушаетъ старшаго, менѣе разумный—болѣе мудраго,—пребывали не малое время въ такомъ состояніи. Но, вслѣдствіе скорости сужденія, людской спѣсивости и самомнѣнія, каждый считалъ себя болѣе умнымъ, явилось множество желающихъ приказывать, и мало повиноваться; поэтому, желая установить между собою порядокъ, ввѣрились одному, который управлялъ бы всѣмъ и завѣдывалъ бы общимъ всѣхъ благополучіемъ, унимая насиліе и обиды, хранилъ бы права и законы, разбиралъ тяжбы (но которыхъ было еще мало), не имѣя ничего отдѣльнаго и ни къ чему особенной любви. Они, подчиняясь его управленію и желая быть послушными его приказаніямъ, ограничивались только тѣмъ, чего требовала при-

рода для жизни, что защитило бы тѣло отъ вреднаго дѣйствія климата. Но для того, чтобы онъ могъ быть болѣе способенъ на это и помыслы свои обращалъ бы исключительно на это, чтобы не явилось у него никакого отвращенія отъ этого нечалованія обо всѣхъ,—снабдили его всякими достатками, имѣя и уважая его въ отца мѣсто. Однако, разныя установили у себя формы этого управленія и разное завѣдываніе общественнымъ благополучіемъ.

„Греки, поднявшись надъ всѣми другими болѣе тонкимъ умомъ, это управленіе человѣческимъ обществомъ описали въ нѣсколькихъ формахъ и каждой дали особенное, ей надлежащее, названіе; но такъ какъ потребовалось бы много времени, чтобы обозначить ихъ на вашемъ русскомъ языкѣ, поэтому, избѣгая этого, приходится опустить; но формы и названія ихъ, такъ какъ ты этого хочешь, князь Димитрій, я вкратцѣ тебѣ отмѣчу.

„Единовластное повелѣваніе они называли монархіей, какое было у ассиріянъ, въ теченіе 1239 лѣтъ, начиная отъ перваго Нина. а по немъ послѣ 36 лицъ, до послѣдняго Сарданапала; у мидійцевъ—въ теченіе 308 лѣтъ, начиная отъ перваго Арбанеса, по немъ послѣ девяти лицъ, до послѣдняго Астіага; у персовъ—въ теченіе 230 лѣтъ, начиная отъ Кира перваго, а по немъ послѣ 13 лицъ, до послѣдняго Аспеса. Эти три монархіи дольше всего существовали; четвертая-же, македонская—только двѣнадцать лѣтъ, время Александра Великаго, а послѣ него 15 королей, начиная отъ перваго Аридея и до послѣдняго Персея.

„У другихъ—нѣсколько лицъ, добрыхъ, честныхъ, мудрыхъ, мужественныхъ, обращая свое управленіе и совѣты на общее благо, совмѣстно владычествовали, какъ напримѣръ, эфоры у лакедемонянъ, или сенатъ, а по-вашему дума, у римлянъ, или у поляковъ въ оно-время двѣнадцать воеводъ. Такое управленіе называли „аристократіей“.

„Но гдѣ общество управлялось добрыми, мудрыми и внимательными вождями или старостами, избирая ихъ ежегодно на эту должность, передавши имъ полную мочь повелѣванія и управленія во всемъ, какихъ въ Римѣ было двое и назывались consules (но не довѣряя имъ, чтобы вмѣстѣ съ властью чѣмъ либо тѣ не увлеклись, общество придало имъ позже другихъ, также избранныхъ среди себя—ихъ называли tribunos populi: обязанность ихъ—наблюдать, чтобы не учинилось народу отъ тѣхъ старостъ какое-либо безправіе, отягченіе въ налогахъ или въ чемъ иномъ, а равнымъ образомъ, чтобы именемъ народа они протестовали, если бы замѣтили нѣкое постановленіе не въ пользу общественнаго блага),—тамъ такой способъ управленія государствомъ они называли демократіей.

Гдѣ-же, затѣмъ, нѣсколько лицъ, злыхъ и безразсудныхъ, поднявшись надъ другими мощью, родовитостью и достатками, принуждали насильственно другихъ къ повиновенію себѣ, повелѣвая отяготительно и преступно на свою выгоду, не для общественнаго блага, какими были у тѣхъ же римлянъ, по смерти Юлія Цесаря, *triumviri*: Октавій, Антоній и Лепидъ, то такой порядокъ называли олигархіей; и тимократіей, гдѣ народъ дурно управляетъ, гдѣ каждый каждую выгоду клонитъ болѣе на свою сторону, а не на управленіе общественнымъ благомъ, какими были *Megarenses*.

„Противъ такихъ, которые, въ силу своихъ частныхъ достатковъ и богатствъ, присваивали себѣ верховенство надъ другими и власть, подымаясь надъ болѣе убогими (эти же болѣе убогіе, выхвалясь вольностью, ставили себя равными съ богатыми въ вольностяхъ, а изъ-за нихъ-же между людьми обыкновенно бываютъ смятенія и споры) аѳиняне, въ предупрежденіе этого, употребляли особый пріемъ, который они называли остракизмомъ. Они высылали ихъ на время изъ республики или государства, принижая и ускромняя слишкомъ воспарившихъ, и до извѣстнаго числа лѣтъ воспрещали возвратъ въ отечество. Они употребили также хитрость съ самосцами, хіосцами и лесбосцами, своими сосѣдями, съ которыми бывали въ союзѣ противъ своихъ непріятелей: но, замѣтивъ, что подъ крыломъ ихъ помощи они начали крѣпнуть и приходить въ силу, а усиленіе сосѣдей всегда бываетъ тяжелымъ для болѣе слабаго, они, не додержавъ уговора, который они имѣли съ ними, начали по немногу ихъ уничтожать и сокращать.

„Король персидскій, котораго вы называете „козульбаскимъ“ [1]), многократно сокращалъ мощь воинственныхъ мидійцевъ, храбрыхъ вавилонянъ и другихъ, которые отдѣльно долго держались; знатнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ среди нихъ и тѣхъ, которые превосходили другихъ умомъ, ссылалъ въ различные далекіе края, чтобы, будучи вмѣстѣ, не бунтовали и не возставали противъ него.

„Всѣ эти давнія государства и монархіи, въ тѣ времена самыя могущественныя, которыя назывались: ассирійской, мидійской, персидской, македонской, славившіяся богатствами, силою, мужествомъ и храбростью; далѣе, республики; аѳинская,

---

[1]) Конечно, надо читать—*Кизиль-башскимъ*. Баронъ Герберштейнъ въ своихъ „Запискахъ о Московіи“ говоритъ: „я увѣренъ, что московскихъ князей называютъ бѣлыми царями отъ бѣлыхъ шапокъ, какъ теперь персидскій шахъ называется *Кизиль-башей*, т. е. красной головой (русск. перев., Спб. 1866, 29). Ср. въ одной описи 1608 года: „хонжаръ *Кизылбашкой* булатенъ“ (Савваитовъ П. Описаніе и пр., стр. 61). Тотъ-же терминъ Немоевскій употребляетъ еще одинъ разъ, въ концѣ.

лакедемонская, өивская, наиболѣе осторожныя и наиболѣе основательныя въ свое время, защищаемыя уложеніями и законами, управляемыя самыми мудрыми и искусными совѣтниками на свѣтѣ въ то время—Мильтіадомъ, Ефіальтомъ (!), Кимономъ, Өемистокломъ, Аристидомъ и иными, предводительствуемыя энергическими и храбрыми вождями, какими были: Пизистратъ, Павзаній, Архидамъ, Епаминондъ и другіе—всѣ онѣ погибли; повидимому, и знаковъ отъ нихъ не осталось, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы находимъ у историковъ, а по вашему у лѣтописцевъ (latopisów).

„Затѣмъ появилась римская республика, которая превосходила всѣ другія и мудрыми въ управленіи начальниками, и энергическими, храбрыми вождями, неисчетной казной, неодолимою мощью своихъ мужественныхъ гражданъ и непобѣдимыхъ героевъ, которая повелѣвала тремъ частямъ свѣта: Европѣ, Азіи и Африкѣ, всѣмъ народамъ въ нихъ, которые только были извѣстны людямъ, и нигдѣ и ни въ комъ не имѣла себѣ ровни; но и она также погибла и не отъ чего иного, какъ отъ неповиновенія, несогласія, жестокости, зависти, отъ алчнаго стремленія къ личному обогащенію; спѣсивясь одинъ передъ другимъ, почти каждый сталъ наблюдать и заботиться о своей отдѣльной пользѣ, пренебрегая общественнымъ благомъ, заботиться о неприличномъ занятіи высокихъ мѣстъ и должностей, вопреки справедливости, уложенію и общенародному запрещенію, всѣми одобренному и поставленному, и которое они называли „*de ambitu*“.

„Монархи, въ свою очередь, не твердо сидятъ въ своихъ государствахъ и не обезопашены въ своей жизни, если не пользуются любовью своихъ подданныхъ (ибо подобная стража надежнѣе всякой другой), или если сами не удерживали власти собою, своею собственною силою или при помощи пріязненныхъ отношеній къ сосѣдямъ, которыхъ подданные могли бы или должны бы были уважать.

Но, замѣтивъ, что мой мужчина (chłop) смѣшался, я остановился и сказалъ:

„Надо было нѣсколько болѣе затянуть, чѣмъ какъ я предполагалъ, хотя я многое и пропустилъ; но ты самъ такъ хотѣлъ, чтобы я упомянулъ объ управленіи другихъ государствъ и о примѣрахъ, а столь обширные и важные вопросы изъ человѣческой дѣятельности на свѣтѣ трудно бы короче изложить.

„Теперь, переходя къ вашимъ дѣламъ, я вижу, что здѣшнее государство зависитъ отъ власти и управленія единаго человѣка, что всѣ приказанія великаго князя вы обязаны исполнять, по которому теперь, при этой розни между васъ, многіе изъ васъ перечатъ, силясь высвободиться изъ подъ повиновенія.

Масса есть людей, не желающихъ добра вашему дому; все полно ненависти, зависти и раздора, а любви мало. Почему и тѣмъ, которые стоятъ поближе, довѣрять вполнѣ нельзя, такъ какъ у нихъ и родственники и обязанные пріязнью на сторонѣ, что̀ противно великому князю. Они являютъ доброхотство, любовь; но кто можетъ знать — не есть ли это скорѣй результатъ боязни, или притворство, до поры-до времени? Каждый корыстолюбецъ радъ замѣшательству, жаждетъ новыхъ дѣлъ, требуетъ для себя отплаты, домогаясь новыхъ интересовъ. Необходимо потомъ отъ основанія предупреждать такія условія и во̀ время, напримѣръ, такъ: пока сторона, противная вашему дому, не пріобрѣла еще большой силы, необходимо, чтобы всѣ:—большіе и меньшіе князья и думные, боярскіе сыны и купцы, горожане и сельчане, простой и свободный (Ioźny) человѣкъ, не исключая никого, кто только достигъ совершеннолѣтія,—обязались присягой, а по вашему цѣловали-бы крестъ, на повиновеніе и вѣрность великому князю и всему его дому. Это въ виду того, что у васъ такой обычай—его вы почитаете закономъ,—что по смерти великаго князя наслѣдуетъ старшій сынъ, а если-бы не было мужскаго потомства, то ближайшій по крови государевъ племянникъ, какъ это и сейчасъ, что въ виду того, что домъ вашъ одного рода съ вымершими великими князьями, избрали нынѣшняго великаго князя на царство, минуя первыхъ предъ ними въ Думѣ".

Сильно вертѣлся варваръ при первой рѣчи, какъ и при послѣдующей, не понимая, къ чему клонилось дѣло, и сожалѣя о томъ, что онъ указалъ ничего не пропускать; однако продолжалъ сидѣть, такъ какъ сѣлъ, чтобы слушать. Но будучи не въ состояніи далѣе удержаться, онъ прервалъ рѣчь и замѣтилъ:

— Что-же говорить?! Все то уже было. Или имѣешь что больше (po buli) сказать?

Стадницкій отвѣчалъ ему:

— Будь терпѣливъ. Если ты хочешь понять, что тебѣ далѣе будетъ сообщено, необходимо, чтобы ты понялъ дѣло отъ его основанія. Одной присяги недостаточно, потому что одинаково присягали Өеодору, Борису Годунову, сына его вѣнчали, тѣмъ не менѣе вѣрности имъ не сдержали.

На это онъ:

— Ну, когда еще неполно, говори далѣе.

„Думаю, ты помнишь, какъ я тебѣ говорилъ, что, вслѣдствіе вашего разъединенія, вашъ домъ долженъ возбуждать массу зависти и мало любви. Такимъ образомъ, уже сами черезъ себя вы должны быть менѣе сильны и въ борьбѣ съ противни-

ками опираться на свою силу и энергію, при крупномъ вредѣ для себя отъ пролитія христіанской крови, при оскорбленіи Господа Бога, при уничтоженіи могущества всей вашей земли, такъ какъ и самый грозный внѣшній непріятель не доводитъ государства къ столь быстрому паденію, какъ внутренняя война. Теперь, когда дѣла зашли такъ далеко, то хотя-бы вы́ пришли между себя къ какому-либо примиренію, такъ какъ вашему дому трудно полагаться на нихъ; а они на васъ—никогда; ибо знаю, что крупный вредъ и низкая степень въ дружбѣ — примиреніе и тѣмъ больше, если оно совершается при разлитіи крови и при потерѣ личныхъ средствъ. Обѣ эти крупныя язвы возбуждаютъ теперь одно желаніе — отместки: люди, тая это чувство въ себѣ, на время прикрываютъ его притворною пріязнью; но— при малѣйшемъ поводѣ и удобномъ случаѣ, изъ-подъ прикрытаго и тлѣющаго огня возникнетъ огромное пламя. Такимъ образомъ, кромѣ присяги отъ подданныхъ, о которой ты говоришь, что она-де учинена вашему роду, необходимо употребить и другой способъ, чтобы тѣ, которые не твердо помнили бы о ней или легко бы къ ней относились, имѣли бы обращать вниманіе и на нѣчто иное. Такимъ пріемомъ могъ бы быть одинъ—сдерживать ихъ въ повиновеніи при помощи дружескаго союза съ сосѣдней державой, такъ какъ мощи вашей они не боятся, а присяга у нихъ безъ значенія.

„Итакъ, пусть прежде всего великій князь заключитъ вѣчный миръ съ его величествомъ королемъ, нашею польскою Рѣчью-Посполитою и великимъ княжествомъ Литовскимъ, а затѣмъ — тѣсный союзъ противъ каждаго взаимнаго непріятеля, а также противъ непріятелей дома князей Шуйскихъ, и если бы кто, сейчасъ или позже, захотѣлъ отстранить отъ престола котораго-либо изъ нихъ, то его в-во король и Рѣчь-Посполитая должны будутъ помогать ему и защищать.

„Съ своей стороны, домъ князей Шуйскихъ и Земля обязаны были бы за это Рѣчи-Посполитой такой благодарностью, что были бы повинны, на случай угашенія дома Шуйскихъ въ прямой линіи, принять и признавать своимъ государемъ того, кто былъ бы тогда королемъ польскимъ и нераздѣльно великимъ княземъ литовскимъ, и быть затѣмъ нераздѣльною Рѣчью Посполитою, но всецѣло оставаясь при тѣхъ обычаяхъ, при которыхъ они теперь живутъ.

„Чтобы такой союзъ и *pacta conventa* были тверды и неотмѣнны, надо, чтобы, по утвержденіи и укрѣпленіи его на письмѣ между собою, присягнули на него сначала великій князь со своею семьей, а потомъ всѣ сословія и всякаго положенія люди въ этомъ государствѣ, и не только одинъ разъ, но съ каждымъ

отходомъ въ вѣчность польскихъ королей и московскихъ великихъ князей, при обновленіи условій (pakt), чтобы они были въ памяти у всѣхъ чередующихся поколѣній. Такимъ способомъ вы укротите своихъ *rebelles*, подрѣжите у нихъ всякую надежду, и они, опасаясь вашей мощи и помощи отъ Рѣчи-Посполитой, должны будутъ всѣ защищать васъ и быть въ повиновеніи, не безъ того разсчета, чтобы не быть присоединенну къ чужому государству. Послѣ этого уже престанутъ всѣ волненія, бунты и заговоры на жизнь государя, и на престолѣ вы будете безопасны, пока не прекратится ваша семья. Даже и Сѣверская земля, которая принадлежитъ нашей Рѣчи-Посполитой, останется у васъ, а корона и великое княжество Литовское будутъ вступаться за ваше семейство и помогать вамъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

„А вамъ собственно что убудетъ на томъ, что король польскій станетъ московскимъ великимъ княземъ, когда вы лично и ваше потомство (насколько послѣдняго хватитъ) спокойно процарствуете. Хуже, что вы всегда въ опасности, какъ, напримѣръ, теперь эти хлопоты съ „ворами“. Но и онѣ должны бы были тотчасъ-же прекратиться послѣ такого союза и такого вашего усиленія“.

Здѣсь остановившись, г. Стадницкій спросилъ Шуйскаго— понялъ ли онъ его языкъ?

Тотъ отвѣчалъ:

— Понялъ, только ты долго говорилъ. Но если имѣешь еще сказать что, говори.

На это г. Стадницкій:

„Могутъ найтись и иные пріемы, когда услышу, какъ великій князь приметъ то, что было сказано.

„А теперь только это прибавлю: такъ какъ вы насъ задержали, то полагаю—для болѣе прочнаго постановленія перемирія и заключенія мира съ его величествомъ королемъ и нашею Рѣчью-Посполитою (впрочемъ, ему еще срокъ не истекъ), и что только потребовали вы отъ его в-ва короля и нашей Рѣчи-Посполитой, пошлите меня, и я уже принимаю на себя сдѣлать то, чего бы вы только домогались, въ предѣлахъ приличія. А братъ мой и другіе, которые здѣсь останутся, будутъ за меня порукою, что я возвращусь сюда назадъ въ назначенный мнѣ вами срокъ, хотя бы я и ни въ чемъ не успѣлъ, чего не допускаю. А такъ какъ столь долго уже задержанный здѣсь братъ и многіе другіе, которыхъ великій князь сослалъ въ Ростовъ, живутъ, противъ христіанскато приличія, безъ ксендза, то они черезъ меня просятъ великаго князя, чтобы имъ дозволилъ получить ксендза отъ его милости г. воеводы сендомірскаго“.

Онъ отвѣчалъ на это:

— Я сообщу царю, великому князю всея Руси, о посылкѣ тебя въ Польшу. Что до попа отъ Юрія (Jorgieho) сендомірскаго, это можно.

Засимъ, онъ сталъ сейчасъ же говорить, крестясь подъ присягой, что Димитрій не былъ настоящій царевичъ, но разстрига, сынъ Гришки Отрепьева (Otropieja), что на свѣтѣ всѣ земли запечалились: въ Польшѣ междоусобіе, Жолкевскій съ войскомъ пошелъ противъ Нѣмцевъ, госпожа воеводина сендомірская умерла. Это онъ говорилъ, чтобы показать, какъ они внимательны и знаютъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Послѣ этого онъ указалъ ему отправиться на подворье, а приставамъ внимательно смотрѣть, чтобъ онъ не могъ ни съ кѣмъ говорить и никого никуда не выпускать, кромѣ слуги на рынокъ съ приставомъ. А такъ какъ былъ постъ, то приказали кормить его исключительно рыбою. Онъ просилъ мяса, говоря: „я боленъ". Ничего не помогло.

Та рѣчь его нашла мало вниманія: его отослали снова въ Ростовъ, въ ссылку, отправивши насъ впередъ на сто миль далѣе, на Бѣло-озеро (Białe Jezioro).

Дня XXV-го, того-же.

Сообщили намъ наши пристава, что „пришелъ указъ отъ государя, царя, великаго князя, чтобы мы съ вами отсюда ѣхали на Бѣло-озеро, и это потому, что припасы здѣсь выбраны, край истощенъ, а тамъ все дешево: что тутъ покупаешь за пять грошей, тамъ можно достать за два; итакъ, будьте готовы — въ будущій понедѣльникъ ѣдемъ". Просили мы задержаться, что напишемъ челобитную государю, чтобы онъ насъ отсюда не трогалъ. Если идетъ рѣчь о дороговизнѣ, то мы охотнѣе сами будемъ докладывать къ припасамъ, какъ это дѣлаемъ и теперь. Они намъ отвѣчали: „мы ничего не можемъ сдѣлать противъ приказанія—въ томъ наши головы; но вы напишите, а мы челобитную отошлемъ; нагонятъ насъ съ грамотою, воротимся. Можетъ быть, что государь васъ пожалуетъ; дай Господи — да будетъ онъ здоровъ"!

Мы напомнили, чтобы намъ воротили нашихъ лошадей, когда не можетъ быть иначе и мы должны ѣхать.

Отвѣчали:

— Каждый изъ васъ будетъ имѣть подводу подъ себя, а для вещей столько, сколько кто потребуетъ; лошади же ваши будутъ здѣсь васъ ожидать—для васъ-же ихъ хорошо (choroszo) выкормятъ. Ваши колымаги и другія ваши вещи вы застанете въ цѣлости.

Съ горечью должны мы были слушать этихъ нашихъ конюховъ, хотя мы имъ этого дѣла и не поручали. Но на всякій случай мы написали такую просьбу къ пресвѣтлому:

Просьба къ великому князю при выѣздѣ изъ Ростова на Бѣло-озеро, дня XXV-го ноября.

„Свѣтлѣйшій, милостивый царь монархіи Московской, всея Руси и царствъ, къ ней принадлежащихъ, государь, и пр. и пр.

„Мы, изстрадавшіеся узники, хотя не на войнѣ схваченные, или застигнутые при какомъ-либо непристойномъ поступкѣ, но вызванные пріятельскими письмами и частными посылками отъ г.г. думныхъ бояръ (мы полагали, по обычаю всѣхъ монарховъ и государствъ, и особенно христіанскихъ, что выше этого не существуетъ ничего, болѣе обезпечивающаго), и вотъ, не смотря на такую гарантію, мы задержаны здѣсь уже столь долгое время и отправлены въ ссылку въ Ростовъ, гдѣ, вынося это Господне наказаніе, несемъ его скромно, ведемъ себя спокойно, ожидая своего избавленія отъ пословъ его в-ва короля, нашего государя. Но теперь уже не знаемъ, по какой причинѣ наши пристава хотятъ завести насъ куда-то далѣе, на Бѣло-озеро, и на подводахъ, какъ какихъ-то мужиковъ, забравши у насъ нашихъ лошадей. Мы просимъ тебя, милостивый государь, великій князь, какъ христіанскаго государя—смилуйся надъ нами, изстрадавшимися людьми, прикажи не трогать насъ изъ Ростова до того времени, когда Господь Богъ покажетъ надъ нами свое милосердіе и освободитъ насъ отсюда. А такъ какъ мы люди христіанскіе, не привыкли жить безъ духовнаго пастыря, то просимъ тебя—дозволь намъ взять попа (popu) отъ его м. г. воеводы сендоморскаго, а получивши его мы будемъ всюду возславлять человѣчность вашего царскаго величества. Дана въ Ростовѣ, 25 ноября 1606 года.

„Изстрадавшіеся узники, держимые въ Ростовѣ".

Мы не получили никакого отвѣта на эту нашу просьбу. Отправились съ нами на Бѣло-озеро, на сто миль далѣе къ сѣверу, бросивши тѣмъ голякамъ, которые были ободраны въ Москвѣ, старые бараньи тулупчики; но, прибывъ на мѣсто, и тѣ отобрали назадъ, говоря: „вамъ ни къ чему они, вамъ будутъ давать дрова, чтобы вы топили себѣ въ избахъ; прогулками также не надо забавляться, чтобы не произошелъ какой шумъ между вами и мужиками — здѣсь мужики бѣдовые, дуруютъ (durują)". — И это скоты говорили, желая напустить на насъ страхъ; но напали не на слишкомъ боязливыхъ и удивлялись, когда мы ихъ рѣчь обращали на смѣхъ.

10*

Дня XXVII-го, того-же. Отъѣздъ изъ Ростова на Бѣло-озеро.

Пустившись въ путь, мы разныя помѣщенія имѣли у крестьянъ, и по десяти, и по нѣскольку десятку человѣкъ, такъ какъ по всей Москвѣ село рѣдко, только то здѣсь, то тамъ, среди заросли, избенки. Однако, всегда при насъ стрѣльцы стояли, а тѣ крестьяне, что насъ везли, каждый стерегъ своего. Проѣзжали съ нами отъ 6 до 7 миль, иногда больше, иногда меньше.

Дня XXX-го, того-же.

При описаніи рѣки Волги и другихъ была тогда-же рѣчь и о положеніи земли, и о нѣкоторыхъ обычаяхъ и привычкахъ народовъ, живущихъ на нихъ.

Къ четвертому ночлегу сдѣлавши 27 миль, мы подъ Романовомъ переѣхали Волгу, называвщуюся *antiquitus Rha*, которая, по представленію древнихъ геометровъ, дѣлитъ Азію и Европу. Рѣка большая, глубокая, съ берегами, каменистая, шире, чѣмъ *ordinarie* Висла подъ Варшавою, но не такъ быстра. Богата рыбою и всякая рыба въ ней: много осетра, стерляди, бѣлуги—послѣдняя встрѣчается длиною болѣе 30 футовъ, но не очень вкусна, одинъ только языкъ ея считаютъ *pro deliciis*. Коропа и лосося въ ней нѣтъ, но вмѣсто него есть бѣлга (?bielha), ряпуха, и вкусомъ похожа на лосось, но не такъ вкусна. Есть еще одна рыба, которую они называютъ семгой (siemqa): она, наоборотъ, менѣе напоминаетъ лосося вкусомъ, но скорѣй собою.

Волга течетъ почти что срединою Московской земли, судоходная; большія суда ходятъ по ней съ солью и просомъ за Казань и Астрахань, до моря *Hyrcanum seu Caspium*; другого товара мало. Начиная отъ литовской границы, откуда она вытекаетъ, на ней 27 городковъ: Ржевъ (Rżowa Włodomirowa), Зубцовъ, Старица, Тверь, Бѣлый городокъ[1]), Угличъ, Романовъ, Ярославль, Кострома, Плоза,[2]), Кинешма, Повольскъ, Юрьевецъ[3]), Болохна, Нижній - Новгородъ, Козмодемьянскъ (Kuzmyderman),

---

[1]) Теперь село Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи.

[2]) Полагаю, ошибочно „Płoza“, вм. Плесъ или Плесо, какъ разъ между Костромой и Кинешмой.

[3]) Въ оригиналѣ между Кинешмой и Юрьевцемъ (Iurgiowicz) стоитъ еще „Powolskie“. Ученый издатель, тщательно отмѣчая — гдѣ лежатъ и подъ какими именами эти поволжскія пристани нач. XVII в. извѣстны въ настоящее время (эти отмѣтки, какъ лишнія для русскаго читателя, мы опускаемъ), для имени „Powolskie“ не даетъ аналогической отмѣтки, пропускаетъ. Мы тщательно прошли мѣста по Волгѣ отъ Кинешмы до Юрьевца по большой картѣ Россіи 1890 года и ничего подходящаго не нашли. Но, кажется, дѣло объясняется тѣмъ, что и нынѣ городъ Юрьевецъ носитъ двойное имя: Юрьевецъ—*Повольскъ*, а потому или авторъ, или издатель изъ одного города о двухъ именахъ сдѣлалъ два города. Послѣ „Powolskie“ стоитъ запятая въ текстѣ.

Васиљ-Сурскъ (Wasyl Horod), Чебоксары (Czabaksan), Кокшайскъ[1]), Свіяжскъ, Казань, Астрахань, Тетюши, Самара, Уфа, Царицынъ (Czarazyn). Между ними три наиболѣе значительныхъ: Тверь, Ярославль и Кострома. Волга начинается у Велижа, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, изъ тѣхъ-же болотъ, что и Днѣпръ, называвшійся olim Borysthenes, и Двина, которую также называютъ и Диной. Всѣ эти три рѣки—большія и судоходныя, расходятся на три страны свѣта и впадаютъ въ разныя моря. Волга идетъ на востокъ солнца *in mare Caspium seu Hyrcanum*, отъ указаннаго Романова на разстояніи ста и нѣсколькихъ десятковъ миль, проходя два царства: Казанское и Астраханское, и раздѣляясь на 77 устьевъ, какъ намъ передавали тамошніе люди, но только пятью или шестью изъ нихъ суда могутъ проходить въ море.

Изъ упомянутыхъ Казани и Астрахани великій князь получаетъ самый главный доходъ, который, едва-ли не весь, идетъ отъ варки пива и куренья водки, а это, кромѣ великаго князя, никому не дозволено, и такъ по цѣлому государству, какъ было выше упомянуто. Эти пивоварни они называютъ кабаками или корчмами; ими завѣдываютъ дьяки или цѣловальники (przysięgli) великаго князя. Въ Казанскомъ царствѣ ихъ только 6, въ Астраханскомъ 10, да въ Нижнемъ Новгородѣ и близь Волги 7. Каждая изъ этихъ пивоваренъ даетъ въ годъ до 1000 рублей дохода, и постояннаго, что бы составило нашихъ около 80 тысячъ золотыхъ. Когда мы распрашивали, гдѣ болѣе всего кабаковъ, намъ отвѣчали, что у донскихъ казаковъ; но это мало вѣроятно, такъ какъ этотъ сбродъ живетъ одною кражей у другого, такого-же нищенскаго сброда.

Оттуда-же получается доходъ великому князю и отъ рѣчной пошлины; но эта пошлина давать много не можетъ, такъ какъ другого товара, помимо соли и проса, идетъ мало, а соль имѣютъ и на мѣстѣ и изъ иныхъ мѣстъ — отъ Великаго океана, отъ моря Скиѳскаго (Чернаго) и изъ Великаго Новгорода, изъ садковъ при рѣкѣ, также изъ Сибири, о которой упоминается при рѣкѣ Оби. Болѣе получаетъ отъ росписокъ, когда кто что кому продаетъ или когда кто на кого жалуется, что они называютъ „terkwami" (?), равно какъ и отъ указовъ. Впрочемъ и этого не можетъ быть много, такъ какъ это не парижскій парламентъ, и при тяжбахъ не ссылаются на *Cujacii quaestiones et casus juridicos*[2]).

[1]) Kakszaski, теперь село Кокшайское, на лѣвой сторонѣ Волги, при впаденіи въ нее притока Кокшая, между Чебоксарами и Свіяжскомъ, въ Казанской губерніи.

[2]) Cujacius, собственно Iacques Cujas (1522—1590), былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ французскихъ законовѣдовъ.

Одинаковый доходъ полагають и отъ повѣтовъ (ихъ они называютъ уѣздами) Великаго Новгорода и Пскова.

Третій доходъ отъ уѣзда Вологодскаго съ Архангелогородскимъ портомъ, Бѣлозерскаго и Каргопольскаго, хотя и эти три уѣзда нѣкогда принадлежали Новгороду Великому.

Четвертый доходъ—отъ уѣздовъ Ярославскаго, Костромскаго, Углицкаго, Тверского, Старицкаго.

Пятый — отъ Сѣверской земли, которая самая богатая и самая населенная въ государствѣ и какъ-бы кухня великаго князя, ибо отсюда доставляется къ нему всякая живность: хлѣбъ, коровы, бараны, медъ, овощи, которыя хотя и съ трудомъ, но въ другихъ мѣстахъ у нихъ не родятся, только тамъ. Деньгами меньше. И городъ Москва получаетъ оттуда же всякую живность. Здѣсь 48 городовъ. Главнѣйшіе: Путивль, Черниговъ, Брянскъ, Почепы, Болоховъ (Belhów), Орелъ, Кромы, Новгородъ, Бѣлевъ, Тула, Стародубъ, Калуга, Карачевъ, Рыльскъ, Елецъ, Курскъ, Бѣлгородъ, Carogród (?), Осколъ (Askolski-gród), Wolowkaqrod (Волуйки?), Борисовъ и иные, по другой сторонѣ Оки, къ Москвѣ. Самое большее поселеніе и крѣпость, это—Смоленскъ, митрополія (metropolis) этой области; Москва хорошо понимаетъ значеніе его, и по оборонѣ онъ почти равенъ Варшавѣ. Пусть никто не надѣется, что область эта когда-либо можетъ быть возвращена намъ путемъ договоровъ, если отсюда и лучшіе припасы, и первые люди на войну. Но войною—весьма легко возвратить край.

Въ самой Москвѣ самый большой доходъ, это отъ судовъ: въ Москву, какъ у насъ въ трибуналъ, идутъ аппеляціи изъ всѣхъ земель, которыя имѣютъ свои уѣздныя палаты. Въ судахъ засѣдаютъ бояре съ дьяками, назначенные затѣмъ отъ великаго князя, и отъ указа берутъ на государя десятую часть того, во что оцѣнена тяжба. Вольно по челобитной жаловаться и на этихъ бояръ великому князю: вписавши въ нее свою тяжбу, тотъ, кто получилъ аппеляцію, передаетъ ее затѣмъ великому князю. Если великому князю не понравится рѣшеніе, онъ наказываетъ судью кнутомъ и тюрьмой, или рваньемъ бороды: если похвалитъ, тогда наказываютъ того, что аппелировалъ.

Изъ Сибири не получается денегъ—лишь одинъ мѣховой товаръ, и то не каждый годъ въ одномъ количествѣ; когда его привезутъ въ казну, то присяжные, оцѣнивши его, раздаютъ затѣмъ между купцовъ. Купцы-же, прежде чѣмъ не продадутъ товаръ великаго князя, не смѣютъ продавать своего. Когда-же пріѣзжаютъ купцы отъ насъ, то мѣняются съ ними—товаръ изъ казны мѣняютъ на товаръ шелковыхъ матерій и суконъ, который также раздаютъ потомъ купцамъ для продажи.

Итакъ, всѣ доходы великаго князя можно полагать въ 500.000 нашихъ золотыхъ[1]). Расходы же его таковы:

На кормы самого великаго князя идетъ мало, такъ какъ со станціи ему постоянно привозятъ, особенно изъ Сѣверской земли и иныхъ уѣздовъ, зерно, изъ заповѣдной рѣки Шексны (Szoksna) соленую рыбу, какъ и изъ всѣхъ большихъ озеръ, которыхъ въ странѣ много. Этимъ онъ питается большую половину года, остатокъ продаютъ, хотя не мало выходитъ, такъ какъ изъ кухни великаго князя каждый день даютъ всѣмъ боярамъ и главнымъ придворнымъ чиновникамъ по нѣсколько кушаньевъ, а другимъ по одному (если ихъ такъ можно назвать), равно какъ и напитковъ по нѣсколько чарокъ, а другимъ лишь по одной. Наибольшій расходъ на годовую плату или, какъ они называютъ, на пожалованье думнымъ боярамъ и другимъ въ цѣломъ государствѣ; хотя пожалованье, въ отдѣльности, и не велико, но такъ какъ тѣхъ много, то и образуетъ немалую сумму. Самому большому господину и знатнѣйшему своему[2]) думному, Мстиславскому, дается въ годъ всего 700 рублей и 6 кушаньевъ въ день; Шуйскимъ: первому—Михаилу Скопину—600, Василію—600, Димитрію—600, Ивану—500; Татищеву—300, Воротынскому — 300, тремъ Голицынымъ по 120, старшему дьяку, котораго называютъ посольскимъ, какъ у насъ канцлеръ, 300, другимъ — меньше, и такъ доходитъ до нѣсколькихъ рублей. А шляхтѣ, которую они называютъ боярскими дѣтьми (synmi), и по 3 рубля въ годъ. Есть также и извѣстныя имѣнья (они это называютъ помѣстьемъ), которыя соединены съ должностями, какъ-то: конюшаго (онъ самый первый чиновникъ), дворецкаго, стрѣлецкаго, кравчаго. Послѣдній, когда подаетъ государю кушанье, то каждый разъ его оглашаетъ, и именно такими словами: „Вотъ тебѣ, царь-государь, великій князь, колѣно пѣтуха, вотъ тебѣ задница лебяжья“ [3]).

Мало такихъ въ цѣломъ государствѣ, которые не имѣли бы изъ казны великаго князя какой-либо ежегодной платы.

На ежегодные подарки перекопскимъ татарамъ, которыхъ они называютъ крымскими, для купли спокойствія отъ нихъ, у великаго князя выходитъ 40.000 рублей. Но когда у нихъ царя въ извѣстномъ году прибавятся жены или родится нѣсколько дѣтей, тогда не отдѣлается и 50.000, что составляетъ нашихъ

---

[1]) Польскій золотой, złoty, это какъ бы переводъ русскаго (турецкаго) *алтынъ*, буквально, тоже золотой, но на дѣлѣ мелкая монета, 15 копѣекъ, какъ и у насъ.

[2]) Авторъ имѣетъ въ виду здѣсь царя Димитрія I.

[3]) Передача якобы русской рѣчи: слова „kolieno“ въ польскомъ нѣтъ; но далѣе—„huzno łabędzie“—чисто по-польски.

около 170.000 золотыхъ. Посолъ великаго князя живетъ въ Крыму такъ долго, пока тамошній царь не пошлетъ съ нимъ своего; этотъ, въ свою очередь, у великаго князя такъ долго, пока не захватитъ съ собою московскаго къ себѣ, татарамъ.

Самый малый расходъ у великаго князя на жалованье стрѣльцамъ, которые заведены въ недавнее время.

По этому поводу казалось намъ у мѣста упомянуть здѣсь, какъ можно кратче (какъ и о всѣхъ другихъ вопросахъ), о веденіи войны у этого народа, такъ какъ ничего не пишется и не писалось намѣренно, а потому и менѣе обстоятельно,—а такъ, лишь случайно, что въ какой день можно было увидѣть или узнать, чтобы человѣкъ, находясь и въ этомъ изгнаніи, всегда могъ имѣть нѣкоторую пользу отъ свѣдѣній.

По всей землѣ всѣ думные и иные бояре обязаны личною военною службою и на конѣ, хотя бы были и въ старческомъ возрастѣ, и опредѣленною поставкою людей, и съ припасами, сообразно своей осѣдлости, которая у нихъ называется помѣстьемъ (pomieściem), безъ жалованья. Каждый уѣздъ или область стягивается къ своему полку. Если бы кто въ походѣ насильственно взялъ что либо изъ припасовъ, хотя бы только сѣна, суровое наказаніе. Каждый везетъ припасы на томъ-же конѣ, на которомъ имѣетъ и сражаться, и везетъ очень далеко: для себя — сухари и овсяную муку на толокно (tołokno), а для лошади—зимою—сѣно. Такихъ мы массу встрѣчали.

Пѣхоту поставляютъ города (miasteczka) отъ сохи (это опредѣленная мѣра земли или осѣдлости), сколько имъ прикажутъ. Подъ одну часть ея великій князь даетъ своихъ коней; другіе-же тянутъ орудія: орудія никогда не везутъ лошадьми, но исключительно людьми—на что пожалованы уже нѣкоторыя села; въ орудіяхъ наибольшая сила великаго князя, такъ какъ не мало ихъ хорошихъ; но колеса у нихъ вообще ободьевыя, неокованныя. Селитры въ своей землѣ не имѣютъ; пороха и олова только то, что̀ имъ моремъ изъ Германіи привезутъ, при чемъ одно называютъ зельемъ, а другое свинцомъ (świńcem).

Другія волости, въ которыхъ крестьяне сидятъ на оброкахъ (czynszach), выставляютъ, согласно приказанію великаго князя, конницу. Въ бытность нашу, на войну съ ворами (z wormi) отъ десяти вытей (wici) ставился одинъ казакъ и ему платили по 7 рублей въ мѣсяцъ; другіе менѣе, какъ кто могъ нанять. Эта выть—какъ бы у насъ волокъ (włoka): на нее высѣваютъ на зиму 3 бочки жита; платятъ съ нея по 3 рубля въ годъ, а во время войны военную поставку и налогъ, какой прикажутъ[1]).

[1]) *Włoka* — полоса земли въ 30 морговъ, какъ и *łan* — полевая мѣра. Въ западно-русскихъ актахъ—*волока*, *уволока*; каждый моргъ—въ 30 „прентовъ“, т. е.

До этого времени пріемъ на войнѣ у этого народа былъ одинъ — всѣ на коняхъ, по обычаю татаръ: одни съ луками, другіе съ рогатинами, а третьи — привязавши къ нагайкѣ кусокъ желѣза или кости. Люди безъ оружія, рѣдко у кого сабля. Но теперь уже нѣкоторые, хотя и очень рѣдко, имѣютъ кирасы, панцыри и забрала, найдется кое у кого и оружіе; они ихъ называютъ „platami" — что достали отъ нашихъ; но такихъ еще мало[1]).

Сраженіе у нихъ идетъ также татарскимъ пріемомъ: или гонятся, если кто предъ ними уходитъ, или уходятъ, стрѣляя изъ луковъ.

. Относительно нашихъ признаютъ, что имъ трудно противустать; но какъ скоро у нихъ нога захромаетъ, то не надо опасаться, что они повернутъ назадъ; себя-же хвалятъ, что бьются и нападая, и убѣгая.

Лошади у всѣхъ негодныя, но тѣло держатъ, хотя кормятъ ихъ чѣмъ попало; жеребца въ войскѣ не найдешь, или рѣдко.

Что остается отъ пѣхоты за вычетомъ тѣхъ, что на танценіе орудій, т. е. отъ крестьянъ, черни, сельчанъ, а иной пѣхоты у нихъ нѣтъ, то они идутъ за конницей съ бердышами, или съ дубинами, вбивши на конецъ ея какое-либо остріе или гвоздь, а когда доходитъ до дѣла, то становятся позади, для того только, чтобы войско казалось большимъ.

Иванъ Васильевичъ, отецъ злополучнаго для насъ и для себя Димитрія, во время войны съ королемъ Стефаномъ, убѣдившись *suo malo*, что значитъ ручная стрѣльба и пѣхота, какъ въ битвахъ, такъ и при взятіи замковъ, установилъ во всѣхъ пограничныхъ городахъ стрѣльцовъ съ ружьями, которые хотя на войну выѣзжаютъ на коняхъ, но, при необходимости, ссѣдаютъ съ коней и, оставивши лошадей, пѣшіе становятся впереди конницы съ ружьями, изъ которыхъ болѣе длинные они называютъ пищалями, а бомбары (мушкеты) самопалами (samopalmi). Ни въ одномъ полку не имѣется ни знамени, ни барабана, ни какой-либо военной музыки, но каждый изъ знатнѣйшихъ бояръ возитъ у сѣдла бубенъ, который они называютъ толембасомъ[2]). Колотя по немъ нагайкой, они даютъ знакъ и къ маршу, и къ остановкѣ, равно и наклоненіемъ нагайки.

прутьевъ, а каждый прентъ въ $7\frac{1}{2}$ локтей. (См. Горбачевскій Н., Словарь древняго актоваго языка С. Зап. края и царства Польскаго, Вильна, 1874).

[1]) Слово неясное, кажется, надо читать — „латами". Ср. ниже, подъ XIII марта 1608 года.

[2]) „Тулумбазъ и тулунбазъ — небольшой бубенъ... Названіе турецкое — мѣхъ... Пѣшіе носили въ лѣвой рукѣ, а конные привязывали съ правой стороны къ лукѣ сѣдла". (Саввантовъ, 151).

Только у одного великаго князя впереди басовая сурма (труба), затѣмъ трубачи, затѣмъ 7 барабановъ, величиною въ винную бочку (они ихъ называютъ набатами), которые везутъ клонья на коняхъ при себѣ. Въ нихъ колотятъ, когда впереди, но только одной рукой, другіе-же бьютъ въ мѣдныя части [1]).

Эту стрѣлецкую службу обязаны отправлять, какъ было упомянуто, въ пограничныхъ городахъ ремесленники и иные городскіе люди, кромѣ священниковъ, ихъ дѣтей и торговыхъ людей (ихъ они называютъ гостями). Эти платятъ деньгами, съ приказанія великаго князя, по оцѣнкѣ имущества. Жалованье стрѣльцамъ идетъ теперь, во время войны и мира, въ годъ по 6 золотыхъ и 70 грошей, да ржи и овса по 2 бочки. Тѣ же, которые въ городѣ Москвѣ и лично при великомъ князѣ (ихъ называютъ стремянными) получаютъ вдвое (in duplo), потому что имѣютъ больше работы и издержекъ, оберегая великаго князя и чужеземныхъ пословъ, да и на то-же жалованье они обязаны сдѣлать себѣ, въ угоду великому князю, опрятный червленный жупанъ съ нетлицами до пояса, прожить цѣлый годъ, сдѣлать ложе для ружья и пороховницы, потому что отъ великаго князя имъ даютъ лишь стволы и замки съ крѣсивомъ, какіе бываютъ у шотландскихъ ружей. Сабля не у каждаго, но деревянный топоръ на темлякѣ.

Когда нѣтъ войны, тогда ихъ жалованіе и до третьяго лѣта не доходитъ, особенно же деньги, за что они тѣмъ наказываютъ, что ходятъ вмѣсто червоныхъ жупановъ въ самодѣлкахъ и въ лычныхъ сапогахъ. Какъ у насъ на роты, такъ у нихъ стрѣльцы дѣлятся на приказы; въ каждомъ приказѣ по 500 человѣкъ, у каждой сотни сотникъ, пятидесятникъ и, наконецъ, десятникъ.

Въ пограничныхъ городахъ, т. е. посадахъ, число стрѣльцовъ зависитъ отъ того, какъ велико число жителей. Въ Москвѣ болѣе всего—ихъ 9 приказовъ. Они имѣютъ за рѣкою свою особую слободу (miasto), которую и называютъ Стрѣлецкой слободой, но теперь ихъ осталось мало: они перебиты въ нынѣшнюю войну, послѣ смерти Димитрія. Въ Смоленскѣ, Псковѣ и Великомъ Новгородѣ (гдѣ такъ заразителенъ воздухъ, что не было примѣра, чтобы въ теченіи пяти лѣтъ не было чумы) ихъ можетъ быть по 600 человѣкъ. Въ Орѣшкѣ [2]) 100, а городъ въ двадцати съ лишнимъ миляхъ отъ Великаго Новгорода по направленію къ Финляндіи, обведенъ стѣной, на большомъ озерѣ, которое, какъ сообщали намъ тамошніе люди, въ длину 100

[1]) Ср. тамъ-же, 80.

[2]) Orzeszek, собственно Орѣшекъ, старое названіе нынѣшняго Шлиссельбурга.

миль, въ ширину 60. Рѣка Ева (Iewa)[1]) такъ быстро изъ него вытекаетъ, что ее нельзя переѣхать въ лодкѣ. Въ пограничныхъ сѣверскихъ городахъ ихъ также по 100 человѣкъ, а можетъ быть и нѣсколько больше этихъ богатырей.

У нихъ войско никогда не ставятъ обозомъ, а только полками: обычая у нихъ нѣтъ обносить лагерь телѣгами или окопомъ.

Стражу употребляютъ на дозоръ, а ночью въ каждомъ полку на передовомъ посту крестьяне окликаютъ и колотятъ въ доски, какъ это у насъ въ городахъ на башняхъ.

Когда великій князь отправляется на войну, а случается рѣдко, чтобы онъ своею особою не отправлялся,—то его дворъ идетъ въ такомъ порядкѣ: напередъ нѣсколько десятковъ конныхъ стрѣльцовъ, за ними заводные кони, затѣмъ голова трубачей впереди семи барабановъ, величиною въ бочку, которые, какъ упомянуто выше, называютъ набатами; далѣе колымага великаго князя, за ней ведутъ пару иноходцевъ; засимъ, сыновья знатнѣйшихъ бояръ, по нихъ рынды, несутъ разное оружіе; впереди идетъ тотъ, которому ввѣряется большой сайдакъ и булава (czekan), за нимъ пять стольниковъ, приданныхъ ему: они на перемѣну несутъ въ рукахъ то оружіе; за нимъ тотъ, которому вручается меньшій сайдакъ, а для несенья придается ему четыре стольника: третій съ рогатиной, за нимъ три стольника; четвертый съ древкомъ, за нимъ два стольника; пятый съ булавой, за нимъ одинъ стольникъ. Теперь только самъ великій князь, за нимъ думные бояре и другіе придворные и, наконецъ, часть войска.

Подойдя къ городу, который надлежитъ взять, ставятъ образъ Богоматери съ Младенцемъ, предъ которымъ священники начинаютъ пѣть „Господи, помилуй", а потомъ всѣ, крестясь, бьютъ челомъ предъ образомъ. Послѣ церковной службы играютъ въ басовую сурму, затѣмъ трубачи и барабанщики, и наконецъ стрѣльбой салютуютъ городъ.

Боевой порядокъ у нихъ всегда одинъ: строятся по уѣздамъ; они знаютъ напередъ, кто обязанъ держать правое крыло, кто—лѣвое, равно какъ и то, кто имѣетъ стать въ головѣ, кто позади, такъ что они всегда готовы безъ построенія.

Сраженіе у нихъ татарскимъ обычаемъ: убѣгая или уходя, они стрѣляютъ.

Лагеремъ войска никогда не держатъ; или сейчасъ-же распускаютъ по домамъ, или если и задержатъ, то войска располагаютъ полками на поляхъ, гдѣ бы они не могли никому сдѣлать никакого вреда, занимаясь торговлей.

---

[1]) Т. е., Нева, съ ошибочнымъ написаніемъ.

Не казалось мнѣ умѣстнымъ описывать оборону или укрѣпленія ихъ городовъ, но припомнимъ только два главнѣйшихъ—Москву и Смоленскъ: по нимъ можно дѣлать заключенія и о другихъ. Около этихъ городовъ, какъ выше было упомянуто, только отчасти каменныя стѣны, но безъ рвовъ и валовъ. Тоже относится ко Пскову, Казани и Астрахани. Всѣ остальные даже безъ деревяннаго забора и вообще какого-либо огороженія, за исключеніемъ тѣхъ, которые по границѣ. У этихъ есть немного деревянныхъ срубовъ, обмазанныхъ противу огня глиною; другіе засыпаны землею; часть ихъ защищаютъ, вмѣсто валовъ и рвовъ, болóта; впрочемъ, вокругъ другихъ дубовые остроги.

Если всегда, то особенно на войнѣ дисциплина у нихъ большая: они считаютъ для себя за одно — быть наказану вѣчной ссылкой и лишиться жизни отъ кнута, или принять смерть отъ непріятеля, а по этому самому они такъ упорны въ оборонѣ крѣпостей.

Кто добудетъ языка, тотъ получаетъ въ награду 17 золотыхъ безъ 10 грошей.

Если кого въ сраженіи ранятъ или подстрѣлятъ и эти раны оффиціально тотъ дастъ записать, то великій князь заступаетъ хирурга. Если-же въ какомъ либо доблестномъ дѣлѣ онъ потеритъ ущербъ, князь возмѣститъ его какимъ нибудь рублемъ ежегоднаго пожалованья, т. е. "jurgeet'омъ. [1]).

При осадѣ оповѣщается о томъ населеніе не трубой, не барабаномъ, но крестьяне бѣгаютъ по улицамъ и кричатъ, чтобы бояре шли въ свои полки, посадскіе-же на стѣны, а когда уже бѣда (gwalt), то звонятъ въ колокола.

Какъ при военныхъ, такъ и при мирныхъ рѣшеніяхъ, великій князь никогда не бываетъ; засѣдаютъ одни бояре, и на чемъ согласятся или въ чемъ разойдутся, докладываютъ великому князю. Онъ потомъ рѣшаетъ по своей волѣ, а они челомъ бьютъ, говоря: „воленъ Богъ да ты, государь — царь, великій князь всея Руси“ [2]).

У того-же Романова за Волгой, по селамъ, поселилъ было великій князь Иванъ Васильевичъ 700 луковъ нагайскихъ татаръ, которые прибыли къ нему съ 4 мурзами, за счастьемъ, которое имѣли отъ него иные. Теперь ихъ только 300 луковъ; другіе перебиты на войнѣ въ Инфлянтахъ [3]). Старшій между ними—мурза Зыль (Zyll). Когда однажды мы послали къ нему

[1]) Буквально—жалованье, но съ оттѣнкомъ презрѣнія.

[2]) Довольно правильно передано русское выраженіе авторомъ, но вм. „Государь“ - по своему обычаю – „Hospodaru“.

[3]) Т. е., въ Ливоніи.

продать нѣкоторыя вещи для съѣстныхъ припасовъ, онъ, мужчина уже лѣтъ 60, съ горестью сказалъ нашимъ:

— Вы еще можете вскорѣ отсюда выѣхать, по окончаніи настоящей войны, на которой у меня, у несчастнаго, убили сына, но я, прибывши сюда добровольно лѣтъ 40 назадъ, Богъ вѣсть, увижу ли еще свою отчизну.

Онъ желалъ было и далѣе говорить, но приставъ, что былъ съ нами, приказалъ ему молчать. Этотъ старшій получилъ отъ великаго князя половину городка Романова. Они получаютъ и изъ казны въ годъ 933 нашихъ золотыхъ. Кромѣ той осѣдлости, гдѣ они сидятъ, они имѣютъ подъ собою и нѣкоторыя христіанскія села; когда намъ приходилось останавливаться въ нихъ, то крестьяне намъ говорили, что эта погань обращается съ ними ласково.

И это не удивительно, потому что во всемъ государствѣ каждый изъ за государя долженъ угождать крестьянамъ, такъ какъ хотя крестьянинъ работаетъ на боярина и сидитъ подъ нимъ, тѣмъ не менѣе онъ не его собственность, а великаго князя и кромѣ работы ничѣмъ не обязанъ боярину. Оброки и иныя подати идутъ отъ нихъ на великаго князя, равно какъ и корчмы. Эта особенная милость, если великій князь дозволитъ кому корчму въ его собственной деревнѣ. Итакъ все и по всей землѣ идетъ на великаго князя, и однако онъ имѣетъ немного: для другихъ нужда, но они удовольствуются, ибо *ignoti nulla cupido.*

Обязанность всѣхъ думныхъ и иныхъ знатнѣйшихъ, которыхъ они называютъ по отчеству (ocieckiemi synami)—великая честь если кому такъ говорятъ, словно кто либо безъ отца могъ быть, а немного меньшая честь, если кому „вичъ" приложатъ къ отцовскому имени, напримѣръ: Федоръ Васильевичъ, или Глѣбъ Борисовичъ [1]),—всегда жить при великомъ князѣ въ Москвѣ, а такъ какъ великій князь иного пребыванія, какъ въ Москвѣ, не имѣетъ, то тамъ, гдѣ всегда жительствуетъ. Никто безъ его дозволенія не можетъ отъѣхать и въ свое село. Когда же отпросится, то сейчасъ-же записываютъ, въ который день приказано ему возвратиться. Пріѣхавши назадъ, онъ повиненъ явиться туда, гдѣ его записывали, съ объявленіемъ, что онъ удовлетворилъ приказанію великаго князя. Если-же опоздалъ, то съ нимъ отправляется дворецкій, по нашему маршалокъ, въ особую комнату, гдѣ судитъ онъ придворныхъ людей, и сейчасъ-же чинитъ экзекуцію: онъ приказываетъ другимъ дво-

[1]) Для иностранца извѣстный русскій пріемъ не вполнѣ ясенъ и авторъ путаетъ.

рянамъ его растянуть, а трое розгами (palcatami) его сѣкуть. Такое-же наказаніе и за другіе проступки, а за большіе и въ тюрьму.

Когда же думный бояринъ учинитъ какое-либо преступленіе, какъ то: если бы онъ напалъ на другого боярина, учинилъ насиліе женѣ его или дочери. или еслибы пошли обвиненія на одного изъ тѣхъ, которые сидятъ въ судахъ, что онъ осудилъ несправедливо, благодаря подкупу подарками, которые они называютъ посулами, то великій князь, сѣвши вмѣстѣ съ другими думными, приказываетъ ему стать предъ себя. Тогда старшій дьякъ докладываетъ, что тотъ сдѣлалъ, а затѣмъ препровождаетъ его къ великому князю, который ладонью бьетъ его въ губу съ обѣихъ сторонъ. Послѣ этого тотъ-же дьякъ, поставивши его по серединѣ комнаты, начинаетъ выщипывать у него пальцами бороду, а засимъ всѣ думные бранятъ его: „што это ты, мерзавецъ, бездѣльникъ, сдѣлалъ? Мать твою, какъ у тебя и соромъ пропалъ!“ [1]). Наконецъ, дьякъ объявляетъ, что великій князь всея Руси налагаетъ на него опалу: онъ обязанъ каждый день бывать въ Кремлѣ и ѣздить по городу въ черномъ кафтанѣ, черной шапкѣ и черныхъ сапогахъ; онъ предъ каждымъ, но предъ нимъ никто, подъ угрозой кары, не снимаетъ шапки. Это продолжается до возвращенія милости великаго князя, но рѣдко долѣе двухъ мѣсяцевъ. Когда подходитъ то время, онъ является предъ великимъ княземъ, бьетъ челомъ въ землю, говоря:

— Помилосердствуй, царь-государь, великій князь всея Руси, надо мною, мерзавцемъ (stradnikiem), объяви милость.

Послѣ этого встаютъ всѣ бояре и, ходатайствуя за него, бьютъ челомъ великому князю въ землю.

Засимъ объявляетъ дьякъ:

— Царь, великій князь всея Руси, умилосердился и пожаловалъ тебя.

Тамъ онъ сейчасъ-же сброситъ съ себя черную опалу, облекается въ красный кафтанъ и идетъ сѣсть на свое мѣсто, между думными боярами.

Бьютъ ихъ также и кнутомъ, но вмѣстѣ съ этимъ уже и изъ Думы выбрасываютъ.

Если, въ свою очередь, великій князь оскорбится чѣмъ въ рѣчи думнаго, — на мѣстѣ безотлагательное правосудіе: онъ тутъ же бьетъ его палицей (съ нею великій князь обязанъ теперь ходить — они называютъ ее посохомъ) по лбу, по

---

[1]) Опять полу-русски: Sztożeś ty stradniku, bezdzielniku zdziełał? Mater twoju, kak tobie sorom prepad!“

спинѣ: тотъ-же повиненъ не увертываться, ниже молить, но говорить:

— Царь-государь, великій князь, пожалѣй своихъ ручекъ, которыя ты утомишь, расправляясь со мной, холопомъ твоимъ, имѣй уваженіе къ самому себѣ.

Но если бы посохъ выпалъ изъ рукъ раньше, чѣмъ натѣшился великій князь, то, взявши другой большій, князь идетъ къ нему въ домъ, въ городъ, поправляется и тутъ уже потѣшается всласть. Такъ это случилось у Ивана Васильевича, не задолго предъ его смертью, съ первымъ княземъ въ государствѣ и первымъ сенаторомъ, Мстиславскимъ.

Когда Телятинскій [1]), также думный, поставленный въ Полоцкъ, не могъ противустать королю Стефану, то въ договорѣ выговорилъ для себя свободный отъѣздъ къ великому князю; явившись предъ нимъ, онъ объяснилъ, что навалила огромная литовская сила, кремль зажгли, нельзя было обороняться.

Тотъ ему отвѣчалъ:

— Когда ты запотѣлъ тамъ при томъ огнѣ, то здѣсь охладись, и приказалъ его утопить.

Также двоихъ думныхъ, Воротынскаго и Хворостина, послалъ было противъ черемисовъ, съ людьми, но которые, вслѣдствіе большихъ снѣговъ, не могли пройти и задержались въ Нижнемъ Новгородѣ. Они дали знать великому князю о трудности, почти невозможности пробраться, освѣдомляясь, что онъ указалъ бы дѣлать. Онъ указалъ явиться къ себѣ. Какъ только они прибыли, онъ сѣлъ въ Думѣ со всѣми остальными, а тѣмъ двумъ воеводамъ приказалъ, ставши на серединѣ палаты, раздѣться до-нага: послѣ этого побросали на нихъ женскія рубахи и чепцы (они ихъ называютъ сорочками [2]) на головы, и въ такомъ нарядѣ отправили ихъ ворочать жернова и молоть муку. На счастье ихъ, случилась тогда годовщина дня рожденія сына его, Ивана, и этотъ праздникъ защитилъ ихъ, такъ что они только до ночи занимались тѣмъ препровожденіемъ времени. Другимъ-же, по изволенію, рубятъ головы, топятъ, давятъ, при чемъ поясняется, что „мы, монархи, божьи ключники: что Господь Богъ положитъ намъ на сердце, то и должно быть, хотя бы кто и виновенъ не былъ“. Первый былъ Димитрій, который желалъ было ласково обходиться съ ними, за что и заплатилъ.

---

1) Князь Василій Телятевскій.

2) „.... i czepce (zrokami zowią)...“. Авторъ перепуталъ: zroka, т. е. сорочка, должно относится къ предшествующему слову, а не къ „czepce“.

Мелкіе бояре, или боярскіе сыновья[1]), какъ они ихъ называютъ, не могутъ жить ближе 60 миль отъ нашей границы, изъ опасенія, чтобы не имѣли какого соглашенія съ нашими или, пожалуй, чтобы вслѣдствіе общенія, не надулись отъ своеволія нашихъ.

Отбросамъ нашего народа, которые передаются имъ, даютъ осѣдлости въ полуторастахъ миляхъ отъ границы, также и за Волгой. Такихъ несчастныхъ не мало, хотя, кромѣ измѣнниковъ нашего отечества, сейчасъ-же послѣ псковской войны при королѣ Стефанѣ, они подговорили къ себѣ 1.700 человѣкъ на войну противъ перекопскихъ татаръ, обѣщая имъ и хорошее жалованье и свободный отъѣздъ изъ земли, по желанію. Наши повѣрили лживому народу. Когда дошло до дѣла, то, не цѣня ихъ, приказали имъ броситься впередъ. Наши, по своему обычаю, давши волю конямъ, ударили на татаръ (не „танцемъ“—пріемомъ москвитянъ и татаръ), которыхъ было 80.000 и скрылись между нихъ; москвитяне, которые имѣли ихъ поддержать, видя это и предполагая, что Литва измѣнила, начали отступать назадъ. Однако татары не посмѣли за ними, опасаясь наткнуться на орудія или какой иной хитрости, и занялись нашими. Изъ тѣхъ нашихъ, осужденныхъ на смерть, погибло 700 человѣкъ, но 1000 все-же съ оружіемъ въ рукахъ ушли назадъ къ москвитянамъ. Когда же они стали укорять тѣхъ въ выдачѣ головой и неподдержкѣ, тѣ еще выговаривали имъ, указывая на глупость де нашихъ: „а кто-же это видѣлъ такую безсмыслицу—бѣжать къ непріятелю, какъ будто кто у васъ глаза повынималъ, какъ это вы сдѣлали? Бросаться на него, а онъ на тебя палитъ изъ пищали? Мы поняли, что вы не сдержали намъ вѣры и слова“. Послѣ этого сраженія наши просили о свободномъ отъѣздѣ изъ земли. Обѣщая и дѣлая проволочку, они разослали ихъ на разныя мѣста, а знатнѣйшихъ надѣлили немалой землей—ее они имѣютъ много, безъ всякой пользы.

Такое снабдѣніе у нихъ легко, а наши на него лакомы, полагая, что такимъ путемъ они употребятъ это въ дѣло такъ, какъ у насъ, и масса этихъ бѣдняковъ дозволяетъ себя обольстить; но прежде всего они продаютъ души свои дьяволу, становясь отщепенцами отъ католической церкви, а затѣмъ себя—въ вѣчную неволю, о чемъ со временемъ и сожалѣютъ. Изъ тѣхъ, съ которыми намъ доводилось украдкою говорить, не было ни одного, который и въ свои старые годы не былъ-бы радъ назадъ. Но выходъ труденъ: какъ скоро кто прибываетъ въ какой-либо городокъ, его тотчасъ-же спрашиваютъ—кто онъ и за-

[1]) „Дѣти“? По автору, это въ родѣ мелкой шляхты.

чѣмъ, а замѣтивши что-либо за нимъ, сейчасъ-же осуждаютъ его, какъ измѣнника, на пытки (такъ они называютъ истязанія), а потомъ подвергаютъ крупному наказанію или продолжительному и тяжелому тюремному заключенію.

Всѣ, и туземцы и пришлые, живутъ въ величайшемъ рабствѣ (*in summa indigenae i advenae in servitute*); у великаго князя *pro ratione voluntas*; никто ни въ чемъ ему не противорѣчитъ. На каждое его приказаніе у нихъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „воленъ Богъ да государь царь, великій князь всея Руси“[1]).

Jus scriptum или *leges* они не имѣютъ никакихъ; судятъ по обычаямъ, которые судьи поручаютъ записать для себя въ судебныя палаты. За убійство смертью не наказываютъ, а только выплатой въ пользу великаго князя, сколько прикажетъ, и продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Но если бы убитый былъ долженъ что либо, то всѣ долги его обязанъ заплатить не наслѣдникъ, а убійца. За простого человѣка: четыре гривны пени (winy), платитъ также его долги и сидитъ въ тюрьмѣ до княжескаго помилованія. Когда мать убьетъ ребенка, то суда нѣтъ, только митрополитъ или владыка налагаетъ епитимію на 9 лѣтъ: въ каждую недѣлю два дня поститься — на хлѣбѣ и водѣ. Таже епитимія, если бы тоже сдѣлали во второй и третій разъ. Мужу вольно убить жену по такому соображенію: если бы была она доброй, то онъ не убивалъ бы; когда же жена убьетъ мужа, то ее закапываютъ живьемъ, по той причинѣ, что нужный землѣ упалъ съ коня, и жена должна слушаться его.

Поймапнаго на воровствѣ наказываютъ кнутомъ и заключеніемъ въ тюрьму, если на пыткахъ не признается, что это была вторая кража. При второй поимкѣ и признаніи рубятъ руку, при третьей — вѣшаютъ, но при условіи, если отъ этой кражи пострадала въ чемъ-либо казна великаго князя; если кто другой, вознаграждаютъ однимъ кнутомъ.

Свободъ никакихъ *nie ambiunt*, да и не знаютъ, что это такое. Когда мы имъ разсказывали о нашихъ свободахъ, что у насъ никто не можетъ быть схваченъ, пока не будетъ изобличенъ по суду, что король не можетъ никакого налога установить, ни начать войну съ кѣмъ-либо, пока мы не дозволимъ, они съ удивленіемъ отвѣчали намъ: „хорошо это такъ у васъ; но мы покорностью нашею тѣмъ бо́льшую заслугу имѣемъ на небѣ[2]), а къ нему они рачительно стремятся частыми постами (половина года идетъ на нихъ), поклоненіемъ образамъ (о которыхъ

[1]) Довольно правильно по-русски, но безъ мягкаго „р“.
[2]) По-русски: „horoszo to tak u was“.

говорятъ, что самъ Богъ, будучи на небѣ, на землѣ оставилъ имъ образа на свое мѣсто, чтобы и поклонялись имъ) и частымъ крестнымъ знаменіемъ, съ немалымъ истязаніемъ изъ-за самообмана. Ибо никто не выйдетъ и не войдетъ въ домъ, не съѣстъ и не выпьетъ, не перекрестившись. Равнымъ образомъ когда москвитянинъ увидитъ церковь, онъ много и много разъ будетъ креститься. Выйдя утромъ изъ дому, многіе обращаются на всѣ стороны, много разъ крестятся и маваютъ головами; при грубой простотѣ, они въ этомъ полагаютъ тройную надежду своего искупленія.

И это не удивительно: помимо того, у нихъ нѣтъ ни изученія, ни упражненія въ законѣ Божіемъ, нѣтъ никакой проповѣди, не объясняютъ имъ ни слова Божія, ни Божіей воли. Къ тому-же никому не дозволено читать книгъ и имѣть ихъ въ дому, кромѣ псалтыри и гомилій св. Іоанна Златоустаго; иначе былъ бы въ подозрѣніи, что желаетъ быть мудрѣе самого великаго князя, а это есть *capitale*. Одинаково невольно никому разговаривать съ иноземцемъ или спрашивать его о чемъ, даже просто говорить, если только не присутствуетъ при этомъ приставъ отъ великаго князя. Если кто изъ чужихъ спроситъ когольбо о причинѣ чего-либо, онъ получитъ въ отвѣтъ: „не вѣдаю, не понимаю; но царь, великій князь всея Руси, — дай, Господи, чтобы государь здоровъ былъ!—знаетъ и понимаетъ все“.

У нихъ ни въ чемъ не имѣется *luxus*, безъ порядочности въ жизни (bez pragmatiku); (всякъ) довольствуется тѣмъ, что въ субботу сваритъ себѣ на цѣлую недѣлю. Теленкомъ брезгаютъ и тѣ, которые полагаютъ, что они не должны питаться отъ него или не желаютъ вскармливать для употребленія молока, выбрасываютъ его псамъ, но оскобивши шкуру на пленки у оконъ. Нѣтъ обычая вскармливать и вола. Коровъ всѣ ѣдятъ. Нѣтъ дикаго звѣря: серны, оленя, зубра, одинъ волкъ да медвѣдь; для забавы великому князю на одномъ мѣстѣ есть немного лоси; за-то масса зайцевъ, и все бѣлыхъ, особенно около Бѣлаозера, за мясо его грошъ, за шкурку полъ-гроша: этотъ мѣхъ и бараній они наиболѣе употребляютъ. Рысь очень рѣдка, соболь только изъ Сибири; чаще куница и бѣлка; послѣдняя зимою становится пепельною.

Птицъ: тетеревей, рябчиковъ и глухарей довольно; не мало лебедей и бекасовъ на сѣвѣрѣ, у Скиѳскаго моря; ложится масса журавлей; но мелкой птицы мало; соловью какъ-будто кто связалъ губу; нѣтъ куропатокъ, перепелокъ, куликовъ, дрофъ.

Рыбы много, хорошей и крупной, но нѣтъ коропа, миропа, харіуса.

Первый напитокъ у нихъ горѣлка, которой уже слишкомъ обжираются не только мужчины, но и женщины. Употребляютъ и меды, но чаще всего квасъ, который варятъ изъ ячменнаго солоду безъ хмѣля или изъ лѣсныхъ ягодъ; пива меньше и очень скверное.

Хрустальныхъ сосудовъ для напитковъ не найдешь, стекло очень рѣдко. Серебряная чарка у самыхъ знатныхъ, но обыкновенно употребляютъ деревянныя, а если чарка выточена изъ березовой шишки (такія они называютъ каповыми—kapowemi), то это ужъ боярская штука [1]).

Недавно наступила перемѣна, что у нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ бояръ появилось по нѣскольку серебряныхъ мисокъ. Тарелокъ не употребляютъ; изъ миски берутъ горстью, а кости бросаютъ подъ столъ или опять въ миску. О кушаньяхъ можно судить изъ банкета великаго князя.

Что касается одежды, то наибольшій баринъ тотъ, кто обладаетъ армякомъ изъ золотой парчи: такой армякъ переходитъ чрезъ нѣсколько поколѣній. Онъ такъ искусно сдѣланъ, что на каждаго годится — его не передѣлываютъ, и его употребляютъ не иначе, какъ только утромъ *in solennitatibus*, а къ обѣду снимаютъ, чтобы не забрызгать его; тоже и относительно шлыка изъ чернобурой лисицы. Обыкновенно же употребляютъ дрянное суконце, камлотъ и ситецъ.

Нѣтъ дорогихъ шубъ: не срамъ къ бараньему тулупу пришить соболій воротникъ, къ бумазейному или ситцевому кафтану—парчевой или бархатный. Очень многіе ходятъ безъ обуви, а нѣкоторые только въ чулкахъ.

Сафьяновые сапоги очень рѣдко кто употребляетъ—какой нибудь великій господинъ или бояринъ, и то развѣ въ какой праздникъ; все юхтовые, красные. Если кто носитъ башмаки (baszmagi), тѣмъ не менѣе красныя юхтовыя голенища на ногахъ, съ ними онъ надѣваетъ башмаки.

Сабель, украшенныхъ збруй, ковровъ съ трудомъ найдешь какой нибудь десятокъ - другой въ цѣлой землѣ, кромѣ тѣхъ, которые они позабирали теперь у нашихъ.

Ни у кого какого либо собственнаго небольшаго замка; одни деревянные дворцы, изъ круглаго нетесаннаго дерева, но въ которыхъ рѣдкость свѣтлая горница; обыкновенно курныя избы; объ обояхъ не спрашивай. [2]).

---

[1]) „Капъ—березовый выплавокъ, наростъ на березѣ. Употреблялся на разныя подѣлки“... (Савваитовъ П., op. c., 51).

[2]) О замкахъ и дворахъ современной Москвы пишетъ Немоевскій въ первой редакціи своего Дневника: „Великій князь внѣ Москвы жилища не имѣетъ и въ тѣхъ покояхъ, въ которыхъ жилъ одинъ великій князь, рѣдко кто живетъ, но строитъ новые; все годуновское разметано. Въ нѣсколькихъ миляхъ около Мос-

Никому не дозволенно строить себѣ избы изъ тесаннаго дерева. При великомъ князѣ Иванѣ, одинъ бояринъ, будучи посломъ въ Польшѣ, присмотрѣлся тамъ къ нашимъ постройкамъ и по возвращеніи приказалъ было ставить избу изъ тесаннаго дерева. Когда узналъ объ этомъ великій князь, онъ приказалъ народу весь этотъ домъ резметать, предварительно вымазавши его грязью: онъ говорилъ, что ему хочется сравняться съ простымъ человѣкомъ. Въ мѣстечкахъ и крестьянамъ не дозволено строить для себя горницъ, какъ объ этомъ упоминалось на другомъ мѣстѣ.

Иныхъ коней не употребляютъ, какъ только тѣхъ, что родятся дома. Что касается украшеній на нихъ, то тотъ уже ве-

---

квы есть нѣсколько дворцовъ великаго князя, куда временами онъ ѣздитъ на прогулку для забавы или для остановки, когда ѣдетъ въ монастырь; все какъ у другихъ бояръ; въ томъ только разница, что нѣсколько обширнѣе и выше. Communiter строятъ себѣ жилище посреди двора; внизу пекарни изъ круглаго дерева, одна около другой; иногда подлѣ пекарни кладовая. На этомъ ставятъ свѣтлички, а на „tyble“ (?тло)? обыкновенно изъ круглаго, рѣдко изъ тесаннаго дерева изба, длиною въ $3^1/_2$ сажени; въ углахъ крошечныя окна, съ засовами по серединѣ, такова пропорція. Двери малы, надо очень наклоняться, съ внуренней стороны обиты сукномъ. Когда ставятъ печь изъ кафлей, то, поставивши нѣсколько рядовъ кафлей, къ верху ведутъ ее кругомъ; у угла, когда начинаютъ класть круглый кафель, то обыкновенно оставляютъ немалый просторъ: отсюда идетъ тепло въ избу. Предъ горницей имѣются небольшія залы, столь же широкія, какъ и свѣтлицы; но уклоненіе въ селѣ великаго князя Язьмѣ (! конечно, Вяземахъ, см. выше); у бояръ она величиной въ 5 саженъ. Изъ такой залы ступеньки внизъ, по которымъ ходятъ самъ хозяинъ и гость; другія ступеньки съ другой стороны. Изъ этой горницы идетъ ходъ въ другую, третью, и все это на верху; только изъ послѣдней горницы идетъ выходъ въ другія сѣни, и изъ этихъ въ третьи, и сходъ внизъ. Временами бываетъ сходовъ и больше, но менѣе трехъ у тѣхъ большихъ я не видѣлъ, тѣми ходятъ женщины. Тутъ-же сейчасъ и баня; часто ставятъ ее на верху, вмѣстѣ съ тѣми сѣнцами. Болѣе зажиточные купцы въ Москвѣ имѣютъ башенки вверхъ, въ ширину $2^1/_2$ сажени, столько-же въ длину, крошечныя оконца. Тамъ лѣтомъ отдыхаютъ женщины; для челяди крошечныя пекарни. И у крестьянъ дворы съ замками и сразу не отопрешь. Гонты не имѣютъ, но дома покрываютъ березовой корой, а затѣмъ строгаными досками. Называютъ деревнями, если 4—5 избъ вмѣстѣ; такъ всюду. Рѣдко поселеніе въ десятокъ или въ нѣсколько десятковъ избъ; тогда оно называется селомъ. И у крестьянъ пекарни строятся въ вышину. Равно не мало бываетъ поселеній около тѣхъ деревень; отъ нихъ получаютъ подводы и ихъ называютъ ямами (iamami).

Современный способъ хозяйничанья тотъ же авторъ на другомъ мѣстѣ рисуетъ такими словами: „Скотный дворъ построенъ довольно скверно; какъ скоро отелится корова, теленку не даютъ сосать, только выдоивши корову, поятъ молокомъ того теленка, котораго желаютъ вскормить. Но обыкновенно телятъ продаютъ за что ни попало — за грошъ, за два; ихъ покупаютъ для кожъ, которыя приготовляются какъ у насъ на бубенъ, такъ у нихъ на „olina“ (?окна). Поэтому теленокъ смолода изнуренъ, и скотъ нѣсколько мелокъ, какъ это хорошо видно на юхтовыхъ шкурахъ. Скотину мало кто выращаетъ и у бояръ, и у крестьянъ: зима дѣйствительно длинная и $^3/_4$ года надо скотъ кормить въ скотномъ дворѣ; только на Вознесенье начинаютъ выгонять въ поле. Масла не умѣютъ дѣлать, сметаны не собираютъ, она горкнетъ; какъ скоро масло приготовятъ, его топятъ; другаго не имѣютъ, и потому каждое воняетъ. Есть сыры, но очень плохіе, вродѣ мѣла и продаютъ какъ творогъ; новый сыръ сухой. Коровъ лѣтомъ и зимой только два раза въ день доятъ. Гусей очень мало разводятъ и у нихъ они очень дороги; крестьянинъ не стыдится запросить за 4 нетолстыхъ гусей 50 грошей, хотя потрошеныхъ мы покупали по 8 и по 10 грошей. О пѣтухахъ-каплунахъ не знаютъ, что это такое. Огородины, кромѣ чеснока и огурцовъ, мало сѣютъ и обходиться съ нею не умѣютъ; капусту никогда не окапываютъ и она дурно развивается“.

ликій баринъ, кто какую-нибудь серебряную штучку помѣститъ на уздечкѣ.

Покроевъ платья не изобрѣтаютъ; какое платье переняли отъ татаръ, того и держатся, развѣ что теперь взяли отъ нашихъ высокіе воротники, которые пришиваютъ себѣ къ кафтанамъ, и столь высокіе, что почти на уровнѣ со лбомъ.

Знатнѣйшіе женъ своихъ обыкновенно не показываютъ, а когда жена выходитъ, то на ней не увидишь ни цѣпки, ни какой либо драгоцѣнности, развѣ что на верхушкѣ парчевой шапки, красной или голубой, у менѣе знатной—шелковой, опушенной бобровой каймой, на крестъ тканной матеріи съ жемчугомъ и такой-же на шеѣ, вмѣсто кружевъ, широкой и просторной, которая спускается къ грудямъ. Въ ушахъ подвѣски (что они называютъ „сергами“), которыя висятъ до самаго пояса, у большихъ боярынь—жемчужныя, у меньшихъ—серебряныя, позолоченныя, съ чернымъ янтаремъ. У простого человѣка онѣ короче, однако шею переходятъ, да и по трое серегъ протыкаютъ уши; ни одна женщина, даже старая баба не ходитъ безъ колецъ, кромѣ вдовъ. Раньше чѣмъ дѣвочкѣ исполняется годъ, ей въ банѣ прокалываютъ уши.

Рѣдко употребляютъ верхнее шелковое платье, одно суконное, длинное по ладыжки, и сшитое на подобіе ризы (komży), съ рукавами также широкими; по краю ихъ сверху пришивается какой-либо парчевый или шелковый платокъ кисточкой или возможно болѣе широкій. Подъ этою ризою носятъ китайчатый ситцевый кафтанъ, но который не опоясывается, а только рубаха. Люди-же съ меньшимъ общественнымъ положеніемъ употребляютъ армяки, съ петлями и серебряными запонками, вплоть до земли, съ галуномъ (z sroką) вокругъ, а руки въ рукавахъ. Совсѣмъ какъ мужики, всегда ходятъ они въ подкованныхъ красныхъ сапогахъ.

Виленская рукопись.

Дѣвушкамъ брѣютъ головы, только надъ ушами оставляютъ длинныя космы. Вообще всѣ бѣлятся и румянятся, но что удивительнѣе — глаза, зрачки чернятъ, природныя брови сбриваютъ и лѣпятъ другія, повыше. Тутъ въ Москвѣ любопытно, когда женщины посѣщаютъ другъ друга: она ѣдетъ въ

Львовская рукопись.

Если ѣдетъ куда-нибудь боярыня, то въ небольшемъ рыдванѣ, покрытомъ простымъ краснымъ сукномъ. Сидѣнья въ немъ не дѣлаютъ, а такъ только на доскахъ сидятъ; нѣкоторымъ, любящимъ удобства, кладутъ подушки. У многихъ колеса не окованы. Только самыя большія барыни ѣздятъ парою лошадей;

экипажѣ, ящикъ котораго виситъ на цѣпяхъ, какъ у насъ коляски, только что на передкѣ нѣтъ козелъ, но дѣлаютъ такую дрогу — саморослое дерево съ кривымъ носомъ впередъ, подобно тому, какъ въ баркѣ; рѣдко — рѣдко такого носа не найдешь впереди ящика. Самый-же ящикъ, въ которомъ сидятъ, изъ досокъ; полъ у него такой, какой у насъ въ казенныхъ возахъ; парусинная покрышка по состоянію; окна нѣтъ, но есть веревочка, обшитая сукномъ, и эту веревочку такъ переводятъ, что она подымаетъ на верху покрышку. Двѣ лошади въ оглобляхъ; къ хомуту навяжутъ лисьихъ хвостовъ; колеса рѣдко окованныя; возница идетъ пѣшій у лошадей. Когда въѣдетъ во дворъ, тотчасъ же выбѣгаютъ двѣ женщины отъ хозяйки, челомъ бьютъ той, что пріѣхала, и высаживаютъ изъ экипажа. Другія двѣ привѣтствуютъ на лѣстницѣ, пока, наконецъ, не выйдетъ сама хозяйка и тогда уже взаимно бьютъ челомъ. Слуги остаются внизу. Та-же церемонія и между мужчинами.

возница идетъ пѣшкомъ и провожаетъ ихъ въ оглобляхъ и хомутахъ. Никакого вниманія не обращаютъ на то—одной-ли масти лошади. Наивысшее чванство, если дуга расписана золотомъ и къ ней навязаны лисьи хвосты. Они называютъ эти свои коляски колымагами. Женская прислуга идетъ за ними пѣшкомъ за экипажемъ, въ армякахъ. Но старшія боярыни ѣздятъ на коняхъ въ татарскихъ сѣдлахъ.

Боярышенъ изъ знатнѣйшихъ семей не показываютъ, но не всѣ; онѣ одѣваются также, какъ и женщины, только что дѣвицы болѣе зажиточныхъ ходятъ въ шлыкахъ, брѣютъ себѣ головы, оставивши только космы на вискахъ у ушей, и ходятъ распустивши ихъ, а болѣе низкаго положенія — безъ шлыковъ. Но разъ она женщина, то грѣхъ смертельный подстричь какой нибудь волосокъ или показать хоть чуточку головы; поэтому обвиваютъ голову платками и затѣмъ покрываютъ шапкой. Когда молодой человѣкъ ухаживаетъ за дѣвицей, онъ долженъ вѣрить разсказамъ другихъ женщинъ, ему-же ее не показываютъ. До вѣнца завязываютъ ей лицо китайкой, а на утро отправляютъ обоихъ въ баню, гдѣ они только впервые достаточно знакомяться друъ съ другомъ [1]).

На свадьбахъ никакого веселья, нѣтъ музыки, танцевъ — одно только пьянство, хотя вливать въ себя не въ обычаѣ у нихъ: выпивши, онъ поставитъ или подаетъ тому, что сидитъ подлѣ

[1]) Ср. Herberstein, Rerum Moscoviticarum Commentarii (Anvergiae, 1555), R. 50 a и 51 a. Русскій переводъ „Записки о Московіи", И. Анонимова, Спб. 1866, стр. 73—75.

него, однако не слѣдуетъ опасаться, чтобы онъ не наполнилъ. Когда имѣютъ расходиться, тогда только хозяинъ, вставши, подаетъ большую чарку, сначала за здоровье великаго князя, затѣмъ за здоровье патріарха, митрополита, хозяина, отца (bajtka), молодого, дѣтушекъ, и такъ долго, пока не перепьются, мѣшая, то медъ, то горѣлку, то пиво. А кто бы захотѣлъ уклониться отъ этой поочерёдной, былъ бы въ подозрѣніи. При ѣдѣ также мѣшаютъ -то чарку горѣлки, то другого напитка. Послѣ каждаго пріема они отрыгаются и гладятъ себя по брюху. Женщины съ молодой сидятъ въ другой комнатѣ, отдѣльно отъ мужчинъ, и ѣдятъ, и такъ разъѣжаются, не видясь съ мужчинами, но усладивши себя горѣлкою [1]).

Эти обычаи, какъ и пріемы войны, они переняли отъ татаръ, своихъ владыкъ, въ неволѣ у которыхъ они были болѣе 400 лѣтъ, и изъ которой выбился лишь сто лѣтъ назадъ Димитріевъ прадѣдъ, Иванъ Васильевичъ, человѣкъ возвышеннаго духа, не могшій выносить гордаго приказыванья Бода, царя заволжскихъ татаръ (zawołoskich), и жестокаго владычества поганыхъ надъ собой. Признавая подданство того, великій князь, помимо ежегодной дани и участія въ войнѣ, обязанъ былъ: въ знакъ зависимости, на встрѣчу каждому послу или посланнику, пріѣзжающему на конѣ, выходить съ боярами пѣшкомъ за городъ, неся для него въ рукахъ чарку кобыльяго молока (напитокъ, столь пріятный тому народу), и если бы у посла при питіи капнуло что либо на гриву коня или онъ бы нарочно

---

[1]) О современныхъ обычаяхъ въ Москвѣ тотъ-же авторъ въ первой редакціи своихъ „Записокъ“ пишетъ еще слѣдующее:

„Великому князю всѣ оказываютъ такое почтеніе: коснувшись рукою земли, челомъ бьютъ въ землю, а иногда, особенно господа, только наклоняютъ голову; тоже дѣлаютъ и сами между собою. *Principis metu in proelio, non gloria ver virtute pugnant*, и потому легко убѣгаютъ. Въ Кремль, помимо опредѣленнаго мѣста, равно и въ жилище великаго князя никому неприлично въѣзжать на конѣ—большой срамъ; даже и въ дворъ къ большимъ боярамъ не годится на конѣ. Обыкновенно всѣ ѣздятъ на коняхъ. Для боярина срамно ходить по городу пѣшкомъ—разъ пѣшкомъ на рынокъ, это уже не бояринъ. Когда меньшій встрѣчаетъ большаго на улицѣ или гдѣ бы то нибыло, онъ уклоняется съ дороги, просто направивъ коня и, снявши шапку, бьетъ челомъ и стоитъ такъ долго, пока его не потеряетъ съ глазъ. Когда бояринъ выѣзжаетъ изъ своего двора, его провожаютъ всѣ слуги до воротъ, отъ воротъ всѣ возвращаются, за нимъ слѣдуетъ ужъ одинъ слуга и конюхъ. Когда ѣдутъ къ вѣнцу или отъ вѣнца, молодой или молодая идутъ или ѣдутъ и кого либо изъ знатныхъ встрѣтятъ, то говорятъ: бьетъ тебѣ челомъ князь (называетъ молодого) хлѣбомъ, солью, медомъ. У другого хорошо если и квасъ будетъ на свадьбѣ, а если бы захотѣлъ войти, не пустятъ тебя въ домъ; это испытали наши на Бѣломъ—озерѣ. Послѣ родовъ, на третій, далѣе всего, на четвертый день родильница съ дитятей идетъ въ баню, чтобы париться тамъ вѣниками, т. е. навяжетъ березовыхъ прутьевъ, съ листьями, сѣчетъ себя и дитя, такъ что дитя едва избѣгаетъ смерти. По большей части дѣти такъ выкармливаются, что дитя ничего не сосетъ ни у матери, ни у другой женщины, но когда бьютъ телушку, то покупаютъ сосцы, привязываютъ къ рожку и вольютъ туда коровьяго молока. Такъ ребенокъ выкармливается на скотской пищѣ, а потому обыкновенно и скотская острота ума“.

разлилъ, то великій князь обязанъ былъ слизать; толмачу, когда тотъ читалъ ханскія грамоты, обязанъ былъ послать подъ ноги соболью шубу, а самъ, ставши на колѣни съ боярами своими, слушать ханскіе указы [1]).

Испугался счастья этого Ивана Новгородъ-Великій, городъ въ то время съ огромнымъ населеніемъ, для торговли и купли всѣхъ сѣверныхъ краевъ первый складъ; городъ, ежегодно (платившій) великому князю литовскому 100.000 червонныхъ золотыхъ, поддался ему (т. е. Ивану) и призналъ своимъ государемъ; Иванъ-же, опасаясь, чтобы Новгородъ опять не забунтовалъ или снова не предался великому князю литовскому, приказалъ переказнить 300 лучшихъ людей, забравши у нихъ ихъ имущества, а меньшимъ—оставивши только треть того, что имѣли. Пишутъ и наши историки (*et penes illos fides*), что изъ сокровищъ тамошняго архіепископа одного серебра, золота и драгоцѣнностей вывезено въ Москву 300 возовъ, а иныхъ украшеній и домашней утвари—безъ числа возовъ.

Нашъ король Александръ, будучи тогда еще только великимъ княземъ литовскимъ, желая возмѣстить такую потерю скорѣе дружбою, чѣмъ войною, взялъ за себя его дочь Елену. Но вѣроломный москвитинъ, подобно зайцу, надѣясь на его дружбу, собралъ немалое войско, вмѣсто возврата отнялъ у короля нѣсколько уѣздовъ вплоть по Березину, и ихъ этотъ жалкій (blahy) народъ держитъ до настоящаго времени во владѣніи, вслѣдствіе нашей безпечности и къ большему нашему сраму.

Другая рѣка, Днѣпръ, которая также начинается въ тѣхъ-же велижскихъ болотахъ, и впадаетъ на югѣ, соединяясь тамъ съ немалою рѣкою Бугомъ (Bohem), *olim* называвшеюся Hypalis [2]); о ея странной перемѣнчивости Плиній такъ вспоминаетъ: Hypalis, у Скиѳовъ первая межь рѣкъ; вода въ ней сама по себѣ прозрачная и сладкая, но потомъ *circa Callipidos*, *exempto fonte*, становится очень горькой и столь разнящаяся, далеко отъ истоковъ, гибнетъ въ морѣ. Онѣ впадаютъ *ad sinum Carcinitum in Pontum Eutinum*, подъ Очаковомъ, замкомъ и городомъ со окружною стѣною, который тотъ-же Плиній называетъ *oebiopolis*, *quasi beata civitas*.

Третья—Двина, изъ тѣхъ-же болотъ, къ западу солнца, Москву задѣваетъ мало и, идя чрезъ Лифляндію, у Риги впадаетъ въ третье море, *in mare Balticum*. Всѣ три—большія и *navigabiles*, и, кромѣ Дуная, не имѣютъ себѣ ровныхъ въ Европѣ.

---

[1]) Память объ этомъ историческомъ мѣстѣ въ Москвѣ хранится и до сихъ поръ въ названіи церкви Спаса на *Болвановкѣ*, на Пятницкой.

[2]) Собственно Hypanis.

Есть и четвертая — Донъ *seu Tanaïs*, равная тѣмъ. Она течетъ пустынями между Волгою и Днѣпромъ и начинается въ Сѣверской землѣ, у Ельца. По Дону нѣтъ значительнѣйшихъ мѣстечекъ или городовъ около нихъ, кромѣ этихъ трехъ: Епифаніи, Данкова и Воронежа. О городѣ Александріи, о которомъ Курцій пишетъ, якобы Александръ Великій имѣлъ его на Дону построить и его стѣною въ 9 стадій кругомъ обвести (и все это должно было быть исполнено въ 17 дней), мы не могли ничего узнать, ни о слѣдахъ развалинъ, ни о его названіи.

Выйдя изъ Московіи, рѣка течетъ чрезъ поля оссовскихъ татаръ, которые, не любя строенія, живутъ только кочевьями, и впадаетъ *in Palum* (!) *Mocotim*; у устья Дона—Оссовъ [1]), замокъ и городъ татарскій, но *praesidia* въ немъ турецкія. Одинъ этотъ замокъ удерживаетъ *in officio* на одной сторонѣ Дона оссовскихъ татаръ, на другой — нагайскихъ, сосѣдей пятигорскимъ татарамъ, живущимъ вдоль моря *ad Bosporum Cimmerium*, гдѣ сходятся *Bosporus cum Palo* (!) *Mocoti*, раздѣляя *Tauricum, Chersonesum*, татаръ перекопскихъ отъ пятигорскихъ: у тѣхъ замокъ и обнесенный стѣной городъ *Cercum* [2]); у этихъ, пятигорскихъ—по другую сторону, насупротивъ, замокъ и также городъ со стѣною *Gamanum* [3]).

Есть и другія рѣки въ этомъ государствѣ, хотя и меньшія, но все-же *navigabiles*, которыя припомнить можно при удобномъ случаѣ. Между всѣми наибольшая въ Сибири—Обь (*Obi*), которая въ ширину 8 миль; на ней острова, такъ что черезъ нея четыре дня перехода. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній, откуда она вытекаетъ. Москвитяне разсказываютъ, что до сихъ поръ еще нельзя было (nie możono) дойти, откуда она начинается. Не смотря на ширину, она очень глубока, но не быстра, такъ что едва можно замѣтить, что она течетъ впередъ въ Хвалынское море, какъ его называютъ москвитяне. На ней никакихъ *commertia*, такъ какъ по всей землѣ живетъ очень мало людей, вслѣдствіе большаго холода. Правда, земля эта велика, но пуста, удалена отъ города Москвы: до ея границы 400 миль на сѣверъ. Ее раздѣляетъ отъ Московской земли рѣка, по имени Солка, [4]) на которой, копая ямы и выбирая оттуда воду, варятъ изъ нея соль. Путь въ тотъ край идетъ на города, или лучше—на посады, потому

---

[1]) Т. е. Азовъ. Судя по имени, это первоначально былъ городъ осовъ или асовъ (ясовъ), т. е осетинъ, забитыхъ теперь далеко въ горы центральной плоскогорьи Кавказа.

[2]) Керчь.

[3]) Можетъ быть, Тамань, городъ напротивъ Керчи, на другой сторонѣ пролива того-же имени.

[4]) Солка—притокъ Сѣверной Двины. Полагаю, поясненіе ошибочное — ср. сейчасъ ниже о Камскѣ.

что они не стоятъ имени „городъ“: гдѣ только выстроится масса избъ, безъ всякаго плана, то у нихъ уже называется городомъ— (отъ этой минуты они мною будутъ называться только посадами): прежде всего изъ Москвы на Вологду, до которой около 100 миль, далѣе на Устюгъ [1]) 100 миль, до Перми 400, до Камска, который лежитъ на границѣ, на той рѣчкѣ Солкѣ, 100 миль [2]). До этихъ мѣстъ еще немного обработанной земли; но, по переѣздѣ черезъ рѣку, уже приходится только лѣсами ѣхать вплоть до Верхотурья, перваго сибирскаго посада. Далѣе только два посада: Япончинъ и Тюмень (Tuminsk), болѣе 200 миль до Тобольска, который есть *metropolis* тамошней земли. За Тобольскомъ только нѣсколько посадовъ на той-же рѣкѣ Оби, которые называются: Пелымъ, Березовъ, Томскъ (Toma), Керскъ, Сергутъ, Тагилъ. Другихъ не строятъ. Селъ здѣсь нѣтъ: живутъ въ лѣсахъ кочевьями, передвигаясь съ мѣста на мѣсто. Весь край слишкомъ гористый, на горахъ постоянно снѣга. Хлѣбъ у нихъ не растетъ; болѣе всего живутъ отъ рыбы, а потомъ отъ звѣрья, а оно представляется у нихъ однимъ оленемъ: на нихъ ѣздятъ, ихъ ѣдятъ, и въ шкурахъ ихъ ходятъ. Одинъ народъ съ лапонцами, о которыхъ было писано на другомъ мѣстѣ. Москвиты называютъ ихъ сыроядцами (serojedcy), какъ будто они ѣдятъ все сырое. Весь доходъ великаго князя оттуда—соболи и чернобурыя лисицы, или, какъ у насъ называютъ, мармурки.

Шапки, которыя мы называемъ шлыками, Москва называетъ мармурками, а такъ какъ московскіе бояре обыкновенно употребляютъ шапки изъ черной лисицы, поэтому и наши прозвали черныхъ лисицъ мармурками.

За этою Сибирью еще иная провинція, отдѣленная каналомъ или морскимъ заливомъ, который своей длинѣ не знаетъ границъ, и называемая Монгазія. Въ ней только одинъ посадъ, того же имени, какъ и весь край. Тамъ другіе люди, живутъ по лѣсамъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто. Никакихъ дорогъ у нихъ нѣтъ, только зарубки на деревьяхъ. Дрова возятъ собаки на саняхъ и ихъ самихъ, а потому и дороги не особенно исправляютъ. Затѣмъ начинается Восточная (Oryentalska) Индія, которую москвитяне называютъ Бухарою, а по сторонамъ живутъ башкирскіе (basiersсy) и нагайскіе татары.

---

[1]) Въ оригиналѣ: „до Usieh 100“, и ученый издатель справедливо ставитъ знакъ вопроса. Обыкновенно — Устюгъ Великій.

[2]) Ясно, что подъ Камскомъ надо понимать нынѣшній Соликамскъ. Слѣд., подъ „пограничной“ рѣчкой „Solka“ нельзя понимать притока Сѣверной Двины, какъ думалъ издатель, да и притока такого имени нѣтъ, есть—Сысола.

Въ виду указанія на положеніе города Камска, рѣка Солка и будетъ Кама.

Есть еще двѣ большія рѣки: Тавда (Tawda) и Малая Обь, въ томъ-же краю; но послѣдняя меньше Большой Оби.

Дня 11-го, мѣсяца декабря.

Проспавши ночь въ Романовѣ, мы на седьмой день, сдѣлавши 28 миль на подводахъ, пріѣхали въ Вологду, въ городъ немалый, но, какъ всѣ, не отстроенный, не огороженный, и большею частью, пустой, особенно въ предмѣстьяхъ. Здѣсь складъ товаровъ, которые прибываютъ *per Oceanum Hyperboreum ad Sinum Gradineum* изъ Англіи и Фландріи къ московскому порту, называемому Архангельскимъ, который лежитъ въ 10 миляхъ отъ берега Скиѳскаго моря, гдѣ впадаетъ московская Двина; здѣсь, у посада Вологды соединившись, Вологда (отъ нея названіе города) и Сухона (Sucha)—посадъ лежитъ какъ бы въ вилахъ между ними—впадаютъ въ Двину. Отъ этого посада ходятъ немалыя суда, больше нашихъ барокъ, построенныя на подобіе змѣя [1]). Между нихъ можно найти въ 70 шаговъ длиною и въ пять саженъ шириною, а въ глубину на пять локтей; но ихъ могутъ догружать только тогда, когда они войдутъ въ Двину, съ которою тѣ двѣ рѣчки сливаются въ шести миляхъ отъ Вологды. Эти суда они дѣлаютъ безъ желѣзныхъ гвоздей: они сбиты деревянными гвоздями и заткань мхомъ; суда-же болѣе мелкія сшиваютъ гибкими прутьями изъ можжевельника и, ничѣмъ не конопатя, мажутъ ихъ только сверху смолой, смѣшанной съ дегтемъ, и однако воды не пропускаютъ.

На этой Двинѣ лежатъ села, которыя обязаны доставлять великому князю, въ видѣ подати, извѣстное число кречетовъ. Птица эта заповѣдная и самый большой бояринъ не воленъ ее держать: Димитрій Шуйскій, братъ нынѣшняго великаго князя, полагаясь на свою знатность, досталъ было одного кречета; но великій князь, Борисъ Годуновъ, провѣдавши объ этомъ, послалъ его на время въ тюрьму, въ какой-то городъ; правда, потомъ онъ вскорѣ приказалъ выпустить его изъ тюрьмы; но въ томъ городѣ онъ не мало времени просидѣлъ за свое преступленіе.

Послалъ было великій князь, тотъ-же Борисъ, отъ своего стола тому-же Шуйскому жаренаго лебедя, который уже попахивалъ. А къ Шуйскому пришелъ монахъ и онъ далъ ему лебедя. Монахъ, принявъ подарокъ, поставилъ его на лавкѣ. Какъ разъ подошла собака и утащила эту милостыню, такъ что тотъ

[1]) Такъ мы переводимъ слово „szmaka“. Ср. въ чешскомъ: smaček—нѣкоторая рыба smačkavec—гигантъ змѣй. Въ Словарѣ Линде слово „szmagai“ безъ обозначенія; приведенъ одинъ примѣръ изъ памятника, и по смыслу съ значеніемъ—судна, корабля.

не замѣтилъ. Донесли великому князю, что собака ѣла того лебедя, что онъ послалъ было Шуйскому. За это одно Шуйскій былъ посланъ сейчасъ-же на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму.

Товаръ, который на тѣхъ судахъ идетъ къ морю: воскъ, сало, шкуры; меду мало—онъ рѣдко у нихъ бываетъ, за исключеніемъ Сѣверской земли, равно и пушного товара, изъ Сибири. Зернового хлѣба никакого, такъ какъ и сами едва удовольствуются тѣмъ хлѣбомъ, что у нихъ уродится, часто терпя голодъ. Озимая пшеница у нихъ не родится, а рожь не дозрѣваетъ, такъ что ее подсушиваютъ въ печахъ, называемыхъ „овинами". Лѣсного товара совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ въ цѣлой Москвѣ не найдется ни одного дерева: въ этихъ огромныхъ заросляхъ и пустыняхъ только и есть, что ель да пихта. Этотъ выше обозначенный товаръ они мѣняютъ (sztychują) съ англичанами и голландцами на сукна, красныя французскія вина (послѣднія они сами не употребляютъ или мало — только для церкви, почему и называютъ его церковнымъ виномъ), а также на нѣкоторые massaria [1]). Шелка и пахучихъ веществъ привозятъ мало: у этихъ грубыхъ людей все это не пошло бы, потому что они предпочитаютъ согрѣваться водкою и чеснокомъ. На наличныя деньги торгуютъ они между собою очень мало—большею частью мѣняютъ на товаръ. Англичане въ этомъ прекрасномъ порту имѣютъ своего торговаго агента, а другихъ въ городѣ Москвѣ. Одинъ только складъ для купли и продажи и существуетъ на всю эту столь славную имперію (cesarstwo) въ столичномъ городѣ Москвѣ, а другой — для соли, на морѣ ***Нуrсапит***, куда впадаетъ Волга—за Казанью и Астраханью.

Въ этомъ портовомъ городѣ пристава задержались съ нами три дня, для перемѣны подводъ, приказавши, чтобы ни одинъ приставъ не допускалъ купцовъ говорить съ нами, особенно-же, иноземныхъ; наконецъ, не дозволили намъ даже купить у нихъ вина; если мы и купили немного изъ винъ, въ дорогу, то украдкой, кто за что могъ, чрезъ подкупъ стрѣльцовъ, которые насъ стерегли.

Дня XI-го, того же.

Собравши подводы, они на четвертый день выѣхали съ нами изъ Вологды, разсказывая намъ объ изобиліи всего на Бѣломъ-озерѣ и о прелести города. Все-же нѣкоторое утѣшеніе для узниковъ. Везутъ насъ все зарослями, и нигдѣ ни поря-

---

[1]) Т. е. южные плоды. Латин. massaris—собственно ягоды дикаго винограда. Но у Дюканжа, Glossarium, s. v., „*masseria* -vot itulica, qua merces cujusvis generis significantur".

дочнаго лѣса, ни бора, нѣтъ и порядочнаго дерева—одна ольха, осина, береза, верба. Нѣтъ можевельника, рѣдко ель и пихта, и то невысокія: на пространствѣ 200 миль, что мы сдѣлали отъ Москвы, все ѣхали такими пустынями и краемъ, который казался скорѣй — descensus Averni, потому что чѣмъ далѣе, тѣмъ ниже, и помимо того—все по болотамъ и трясинамъ.

Дня XV-го, того-же.

На пятый день, сдѣлавши 26 миль отъ Вологды, притащили насъ на то Бѣло-озеро.

Виленская рукопись:

Жилъ я на Бѣломъ-озерѣ; городишко жалкій, убогій; во всемъ городѣ нѣтъ ни одной свѣтлой комнаты. Надъ озеромъ лежитъ крѣпость, такая, какъ и другія: насыпанъ валъ, на каждомъ углу бастіонъ; двое воротъ; совсѣмъ погнилая ограда на валу; всѣ прикрышки упали какъ на бастіонахъ, такъ и на оградѣ въ этой знаменитой крѣпости. Вмѣсто богатствъ—порядочный лѣсъ, деревья дѣйствительно большія: пихта, осина, ольха; нѣсколько малыхъ озеръ. Хлѣбопекарни одна или двѣ. Сюда ссылаетъ великій князь того, на кого разгнѣвается; при Годуновѣ тутъ удавили Петра Шуйскаго, а при Ѳедорѣ другой Шуйскій такъ долго сидѣлъ, пока не умеръ. Сама Москва это мѣсто называетъ опальнымъ: если на кого великій князь прогнѣвался, то говорятъ, что онъ въ опалѣ. Такія-то тамъ сокровища. Но бываетъ въ опалѣ и церковь, часы, колоколъ и другія, имъ подобныя вещи. Вещь, пока она въ опалѣ, употреблять не годится.

Львовская рукопись:

Мы надѣялись, что все-же что нибудь да должно бы было быть, въ виду разсказа и выхваленія предъ нами этого знаменитаго укрѣпленія и города, наконецъ, въ виду той славы, что когда король Стефанъ досадилъ великому князю Ивану Васильевичу, онъ собирался бѣжать въ эту крѣпость. Но городъ славенъ своею бѣдностью, пустое мѣсто между лѣсовъ и болотъ. Всего его населенія—300 рыбачьихъ дворовъ на берегу огромнаго озера: въ длину миль 12, въ ширину 6; оно мелко—мало гдѣ глубже 3 саженей, но очень прибыльно по улову. Въ немъ различная рыба, и каждая вкусна и очень жирна; ее ловятъ сѣтями безъ крыльевъ и матнями, какъ у насъ на Вислѣ вершовники, только что онѣ поглубже и къ берегу ихъ не тянутъ: притянувъ нижнюю часть къ вершѣ, выволакиваютъ то, что попало, и тѣмъ не менѣе всегда порядочный уловъ крупной рыбы и никогда мелкой. Зимою рѣдко ловятъ большими сѣтями, въ виду чрез-

Городъ Бѣло-озеро вокругъ безъ ограды и лежитъ между большими болотами; почва дурная, влажная; люди живутъ болѣе всего отъ рыбы.

вычайныхъ морозовъ и толстоты льда. Осетръ и стерлядь довольно часты въ немъ: онѣ приходятъ рѣкою Шексною, которая вытекаетъ изъ него въ 2 миляхъ отъ посада.

Крѣпость при посадѣ, это—гнилой срубъ на насыпанномъ возвышеніи, поросшемъ хворостомъ; въ немъ построено нѣсколько избенокъ для колодниковъ, которыхъ ссылаютъ въ это мѣсто обыкновенно на продолжительное или вѣчное заточеніе.

Когда мы прибыли въ эту, столь утѣшительную, резиденцію, мы были помѣщены въ одномъ мѣстѣ, по разнымъ дворамъ, въ черныхъ избахъ, имѣя при себѣ и днемъ и ночью постоянно стражу, при чемъ къ тѣмъ стрѣльцамъ, что прибыли съ нами, прибавили нѣсколько посадскихъ людей.

Правда, въ теченіи всего этого времени мы усматривали явное посѣщеніе Господне и Его кару надъ собою, пребывая въ такомъ утѣсненіи у этого народа, столь низкаго и грубаго, даже и въ нуждѣ, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась большею вокругъ насъ,—а тѣмъ сильнѣе, по пріѣздѣ сюда въ это, столь нищенское, мѣсто и, сверхъ того, узнавши, что этой роскошной резиденціей не пользуется никто, кромѣ тѣхъ, которые никогда или нескоро выходятъ изъ заключенія. Отъ родной границы или лучше—во всѣ стороны около 200 миль. Ниоткуда ни помощи, ни утѣшенія, ни развлеченія, пожалуй, и никакой новинки. Выпросить позволенія послать или писать на родину—дѣло несбыточное; наконецъ, нельзя писать и къ другимъ нашимъ, которыхъ отправили отдѣльно отъ насъ въ другія мѣста, или получить свѣдѣнія, что съ ними дѣлается. Безъ духовника, безъ доктора и всякой помощи, съ плохимъ здоровьемъ. Отъ дурныхъ припасовъ, а болѣе всего отъ слишкомъ дурнаго питья между нами уже умерло 4 человѣка; масса больныхъ; болѣе здоровые встревожены, ожидая, скоро-ли и у нихъ что заболитъ.

Строгіе наказы, чтобы ни одинъ посадскій человѣкъ съ нами не говорилъ, кромѣ приставовъ и стрѣльцовъ, которые насъ стерегли. Безъ пристава не пускали на рынокъ купить припасы ни кого изъ слугъ нашихъ, а приставъ смотрѣлъ, чтобы онъ скорѣе возвращался и ни съ кѣмъ не говорилъ.

При дурныхъ припасахъ, при столь тѣсномъ сожительствѣ, наступила зима, а мы безъ шубъ, потому что несчастіе загнало насъ въ этотъ край лѣтомъ, и каждый, отправляясь въ тотъ путь, расчитывалъ пріобрѣсти шубу на мѣстѣ. Челядь ободрав-

шаяся, такъ какъ платить ей мы не могли чѣмъ, и не имѣя для такой суровой зимы шубъ, съ обувью и рубахами уже поистасканными, она должна была то свое платье, которое не отнято было у нея въ Москвѣ, спускать за что-бы то ни было рыбакамъ, частью для обогрѣванія себя и на обувь, частью для припасовъ, надѣвая на себя сермягу; да и мы, старшіе, дѣлали тоже—на припасы для себя и нашей челяди. Вначалѣ мы не хотѣли было брать тѣхъ припасовъ, которые въ скромной долѣ давались намъ отъ великаго князя, пока еще хватало хоть немного своихъ средствъ, надѣясь на скорое освобожденіе, съ пріѣздомъ посла его в-ва короля, для освобожденія насъ. Но, не будучи въ состояніи его дождаться, мы, когда притиснула насъ неволя, должны были брать, что давали. На насъ, на старшихъ, давалось въ день: бѣлаго и ржаного хлѣба на 2 гроша, чахлая курица, каши на полъ-гроша, соли на полушку (kwartnik), питьевого меду 3 кварты, плохого пива 2 кварты, горѣлки на грошъ; на нашу-же челядь—яловичнаго мяса по двѣ части, хлѣба на полъ-гроша, кварту плохого пива и горѣлки на полъ-гроша.

Это количество съѣстныхъ припасовъ народу, столь нищенскому, показалось излишнимъ для насъ, и въ опасеніи, чтобы мы, въ виду такого обилія, не впали въ распущенность, позже отняли у насъ третью часть отъ всего.

Находясь въ такомъ несчастіи, мы съ разныхъ сторонъ разсматривали вопросъ, какъ бы поскорѣе могъ наступить конецъ этому нашему бѣдствію, помышляя уже и о выкупѣ. Въ надеждѣ-же, что варвары все-же дадуть понять себя, чего они отъ насъ хотятъ, мы написали такую челобитную къ государю.

Дня XVIII-го того-же.

„Пресвѣтлѣйшій и милостивый царь московскій, всея Руси и другихъ государствъ, къ ней належащихъ, государь и пр. и пр., государь, государь милостивый!

„Въ великомъ нашемъ несчастіи мы имѣли только одно это утѣшеніе — удостовѣреніе для насъ лично отъ вашего государскаго величества, сейчасъ-же послѣ грабежа, что мы вскорѣ имѣли быть отпущены къ себѣ въ Польшу. Но вмѣсто этого насъ вывезли изъ Ростова на Бѣло-озеро, въ мѣсто пустынное и голодное, куда, при прежнихъ царяхъ, ссылали лишь людей, захваченныхъ на непристойномъ поступкѣ. Бога ради, вѣдь ты, ваше государское величество, христіанскій государь, а и поганые никого не задерживаютъ внѣ справедливости. Пусть-же мы узнаемъ, въ чемъ наша вина. Выслушай насъ, пусть мы оп-

равдаемся и покажемъ нашу невинность. А если мы сами въ чемъ не удовлетворили, то дозволь послать одного изъ насъ, чтобы наша Рѣчь Посполитая удовлетворила вмѣсто насъ. Не захоти, ваше государское величество, такимъ обращеніемъ съ нами пріобрѣсти вѣчное безславіе себѣ не только у всего христіанства, но и у поганныхъ. Дай намъ возславить человѣчность вашего цесарскаго величества; пусть-же Господу Богу не останется основанія для покаранія всего царства изъ-за нашей невинности. А въ настоящемъ несчастіи пусть хоть то мы получимъ, чтобы ты, ваше государское величество, душъ нашихъ не убивалъ и дозволилъ бы намъ получить священника отъ его милости г. воеводы сендомірскаго, о чемъ мы уже раньше много разъ усердно просили, но не получили на это ни отписи, ни отвѣта. Писано на Бѣлѣ-озерѣ, 18 декабря лѣта искупленія нашего 1606.

„Истрадавшіеся узники польскаго народа, сосланные на Бѣло-озеро“.

Лѣта Господа и Спасителя нашего 1607.

Дня III-го января.

Г. Петръ Андрей Стадницкій, будучи въ городѣ Москвѣ, провѣдалъ, что посылаютъ стрѣльца на Бѣло-озеро. Приказалъ его подкупить, чтобы письма взялъ отъ него къ намъ, но такъ какъ сказано было подъ смертной казнью, чтобы никто отъ насъ писемъ не бралъ, то онъ и не смѣлъ на то рѣшиться. Но, одаривши сначала мужика, онъ просилъ его такъ:

— Дорогой пріятель, такъ какъ нельзя тебѣ взять письма, то, по крайней мѣрѣ, отдай эти книжки моему брату, чтобы онъ молился Богу: по неосторожности я завезъ ихъ съ собою отъ него.

Прибывъ на Бѣло-озеро съ посольствомъ, отдалъ мужикъ книжки Мартыну Стадницкому, чтобы онъ молился Богу. Глядимъ въ книжки и видимъ — итальянскій Петрарка. Догадавшись, нашли мы у кожи письмо, заклеенное бумагой. Въ немъ онъ намъ сообщаетъ, что дѣлается въ Москвѣ.

Копія письма г. Петра Андрея Стадницкаго, изъ города Москвы къ намъ на Бѣло-озеро писаннаго.

„Хотя я, съ завѣренія нѣкоторыхъ, былъ убѣжденъ, что васъ не думали отсылать изъ Ростова далѣе, но, когда войско противной стороны уже близко подступило къ Москвѣ, я это предположилъ; болѣе всего въ виду этого и приказали васъ

подалѣе отвезти: это-же обстоятельство и мнѣ помѣха къ отъѣзду изъ этой земли въ отечество; отпускъ я, съ помощью Божьей, могъ бы получить, если бы не то; но надежды еще не потерялъ. Всѣ дороги не безопасны отъ тѣхъ, которые добиваются къ столицѣ, въ своихъ рукахъ они имѣютъ и Можайскъ. Говорятъ, что новгородскія, псковскія и смоленскія силы тянутся на помощь государю; но по сю пору мы не слышимъ о нихъ и не видимъ; наоборотъ, къ противной сторонѣ, т. е. къ извѣстному Пашкѣ, [1]) или что называютъ его или называли Лазаремъ, прибываетъ *in-dies* (что день) войска. *Obsessi* (осажденные) терпятъ тутъ въ Москвѣ стѣсненіе отъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ какъ для людей, такъ и для животныхъ, потому что они ниоткуда не прибываютъ. Непріятель очень близко къ мѣсту, засѣлъ въ шанцахъ—немного далѣе одной мили.

„Опишу вамъ вкратцѣ, что происходило въ эти дни".

„Дня XXVI-го ноября противная сторона впустила въ городъ пятьсотъ рязанцевъ, желая испробовать своего счастья подъ мглою и непогодой, которая была въ то время. Тѣ, идя отдѣльнымъ полкомъ, при приближеніи къ городу Москвѣ, сейчасъ-же знаками объявили о своей покорности великому князю. Противная сторона, увидѣвши, что измѣна, бросилась на стражу въ шанцахъ (koszach), которая была поставлена за городомъ—у ней были и орудія. Но, кое-что отнявши у стражи, они воротились назадъ въ лагерь, который былъ немного далѣе одной мили отъ города—въ Коломенскомъ (na Kołomijskiem): такъ называютъ село и дворъ великаго князя, недалеко отъ рѣки Котла, гдѣ сожгли тѣло того покойника [2]).

„Эти рязанцы, при въѣздѣ въ городъ, учинили большую тревогу. Великій князь участилъ посѣщенія церквей, молясь предъ Богородицей и архангеломъ Гавріиломъ, съ слезами прося о помощи противъ непріятелей; но онъ успокоился по полученіи извѣстія о покорности ихъ; по случаю этой радости они, по своему обычаю, звонили въ колокола и стрѣляли изъ орудій. Получали пожалованіе въ большой палатѣ".

„Дня XXVII-го ноября. Какъ разъ за часъ предъ полуднемъ началась снова тревога, когда полки уже подступали близко къ городу, почему изъ лавокъ, а по нашему изъ крамовъ, выгоняли народъ на стѣны.

„Изъ полковъ противной стороны около 50 стрѣльцовъ передалось великому князю; они нѣсколько утѣшили простой на-

---

[1]) Истома Пашковъ, одинъ изъ предводителей стороны, боровшейся съ Василіемъ Шуйскимъ.

[2]) Теперь есть село Котлы, съ изв. живодерней. Но есть ли рѣчка этого имени? Итакъ, тѣло Лже-Димитрія І-го было сожжено въ Коломенскомъ селѣ.

родъ сообщеніемъ, что половина войска принуждена отъ болѣе сильной партіи, и она охотна къ заявленію покорности великому князю. Сообщили и то, что въ прошлую ночь всѣ телѣги и всякую сволочь (lud błahy) отправили прочь, но сами остались, намѣреваясь истомить городъ и не пропускать подвоза припасовъ.

„Когда началась эта тревога, всѣ, увѣренные о сраженіи, выѣхали изъ города. Выѣхалъ и князь Димитрій Шуйскій, князь Иванъ, князь Михайло. Была стычка, но не главная, между Чудовскимъ (!) и Семеновскимъ монастырями. Московскіе люди понесли немалую потерю въ коняхъ. Схватили знатнаго боярина противной стороны.

„Дня XXVIII-го ноября. Сообщали, что тѣ воры, какъ они ихъ называютъ, отошли отъ города; снова началась тревога. Но такъ какъ народу (mirowi) стала не въ могоготу дороговизна припасовъ, то онъ билъ челомъ великому князю, чтобы онъ двинулъ артиллерію и помѣрился съ ними. Поэтому, выѣзжали полки; но въ тотъ день ничего не сдѣлали; за ними отправили только подъѣздъ.

„Въ тотъ-же день передавали, что касимовскій царекъ идетъ на помощь великому князю, по словамъ однихъ, съ 5000 татаръ, по словамъ другихъ, съ 10000; говорили и о силахъ смоленской и новгородской, но — изъ всего этого нѣтъ ничего. За исключеніемъ 1000 пѣшихъ изъ селъ (z dymów), людей въ городѣ не прибыло.

„Дня VI-го декабря. Была стычка городскихъ съ противной стороной въ одной милѣ отъ города, близь деревни Крачоровой. Когда около 2 тысячъ пѣхотинцевъ противной стороны или воровъ перебралось черезъ рѣку Москву къ Красной слободѣ (село это лежитъ не вдалекѣ отъ города и густо населено), они были тотчасъ-же открыты „подъѣздниками“ (od podjeżników), или, по нашему, стражею великаго князя; за ними были отправлены два или три полка, которые и поддержали ихъ. Передаютъ, что тѣхъ изъ противной стороны легло не мало, между нихъ и Кохановскій, который былъ воеводою въ Ельцѣ, а потомъ отъ нынѣшняго великаго князя былъ поставленъ воеводою въ Коломнѣ. Онъ, увидя силу противной стороны, передался ей; когда-же, будучи въ тотъ день въ стычкѣ, онъ не могъ уже къ своимъ, то, при подмогѣ въ 50 человѣкъ, бросился въ одинъ изъ дворовъ въ Крачоровѣ, но такъ какъ его, при наличности серьезной обороны, нельзя было достать живьемъ, то вокругъ того двора развели огонь и сожгли въ немъ всѣхъ[1]).

---

[1]) Этотъ Кохановскій прибылъ въ Москву въ 1600 г. вмѣстѣ со Львомъ Сапѣгой и тогда, какъ сейчасъ сказано, „предался“ на сторону Бориса. Онъ

„Въ тотъ день привели около ста языковъ, всѣхъ въ Кремль; изъ нихъ, вѣроятно, половина отъ стужи померла до утра— всякая одежда была отнята; сказывали, что безъ вѣдома великаго князя, какъ они передаютъ".

„Дня VII-го декабря. Самъ великій князь выходилъ изъ города съ образами, передъ которыми пѣлись молитвы. Затѣмъ, люди съѣзжались въ полки, предводителями которыхъ — князь Мстиславскій и князь Воротынскій. Подтянулось около 20.000 войска противной стороны. Стали также войска великаго князя. Потомъ, уже въ самой вечеръ, они схватились другъ съ другомъ. Когда наступилъ вечеръ, то конныхъ уже не хотѣли впускать въ городъ съ поля или не приказали; кто-же желалъ изъ города, того выпускали. Городскіе не безъ ущерба — въ возмездіе языковъ отъ противной стороны. Въ эту ночь всѣ войска великаго князя стояли въ полѣ и съ орудіями.

„Дано въ городѣ Москвѣ, дня XII-го декабря, anno Domini 1606.

„Петръ Андрей Стадницкій изъ Жмигрода, manu propria.

На отдѣльной записочкѣ:

„Братъ! Юрій въ Москвѣ. Его довольствуютъ постомъ: гнилою рыбою, пива понемногу и къ тому-же прескверннаго; тѣмъ и живъ, что себѣ купитъ. Челобитной не желаютъ отъ него принимать; очень жалокъ, исхудалъ и его уже никуда изъ Москвы не двинутъ. Но его никуда не выпускаютъ и къ нему никого. И я самъ чувствую себя глупо—мнѣ приказываютъ насильственно поститься; равно и кормовъ не даютъ больше, чѣмъ въ Ростовѣ. Обѣщали мнѣ давать мясо; но про то Богъ вѣсть".

Дня XII-го, мѣсяца января.

Не имѣя возможности дождаться какого-либо отвѣта на ту массу нашихъ писемъ, что мы писали къ великому князю, удовлетворяя тѣмъ самихъ себя, хотя и знали, что никакіе доводы у варваровъ значенія не имѣютъ, помня однако и то, что толкущему отверзется, и полагая также упованіе на Господа Бога,— что Онъ въ этомъ новомъ году, по умиреніи Его гнѣва на насъ, какъ милосердный отецъ, который обыкновенно показывалъ любовь свою къ опечаленнымъ, послѣ смиренія ихъ, подастъ намъ лучшую судьбу,—послали мы снова къ пресвѣтлѣйшему величеству, проклятому измѣннику своего государя, второе письмо или, скорѣй, просьбу, такого содержанія:

былъ однимъ изъ главныхъ вождей въ войскѣ партіи, боровшейся противъ Василія Шуйскаго (см. письмо Ник. Олесьницкаго къ Сигизмунду III-му, отъ 8 августа 1607 г., въ рукописяхъ библіотеки Оссолинскихъ, 168, л. 555 и сл.).

„Милостивый, пресвѣтлѣйшій царь московскій, всея Руси и иныхъ, къ ней належащихъ, царствъ государь и пр. и пр., государь, государь милостивый.

„Какъ долго ты, царь-государь, желаешь переиспытывать насъ, въ убожество приведенныхъ и измученныхъ? Долго ли еще ты будешь истязать тѣхъ, которые отъ всяческой скорби и печали не живы и не мертвы? Вспомни, ваше царское величество, и воззри на то, какъ Господь Богъ благоволилъ вознести тебя на этомъ свѣтѣ—на самый престолъ, который и при суровости требуетъ милосердія.

„Велико наказаніе—невинныхъ людей уже около года мучить такою тюрьмой. Пожалѣй и смилуйся—отстрани отъ насъ, невинныхъ, это мученіе, которое и самъ Господь Богъ не охотно видитъ. Помни, ваше царское величество, о перемѣнѣ дѣлъ на свѣтѣ, что Господь Богъ въ мгновенье ока можетъ сдѣлать, что пожелаетъ; почему для того, чтобы Онъ ваше царское величество сохранилъ на многія и счастливыя лѣта въ этомъ царствѣ, будь милосерденъ и не обходись такъ жестоко съ нами. Господу Богу будетъ пріятнѣе, если ты насъ освободишь, чѣмъ когда Онъ будетъ видѣть одинъ плачъ и жалостное стенаніе невинно мучимыхъ узниковъ. И самъ Онъ такъ глаголетъ чрезъ пророка: „Возстану на спасеніе скорбящихъ и исторгну невинныхъ изъ рукъ мучащаго“. Но еслибы даже мы и виновны были, ты, ваше царское величество, будучи христіанскимъ государемъ, имѣешь относиться къ намъ иначе, такъ какъ у всѣхъ христіанскихъ монарховъ есть одна особенность—оказывать любовь и къ врагу, по времени.

„Мы прибыли въ это государство съ указанія дружбы, къ красѣ и славѣ всего царства, при обнадеживаніи отъ всей земли и грамотами и послами, при утвержденныхъ присягою договорахъ и союзѣ между его в-вомъ королемъ, милостивымъ нашимъ государемъ, нашею Рѣчью-Посполитою короны Польской и великаго княжества Литовскаго и здѣшнимъ Государствомъ, а на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего, что было бы между людьми болѣе крѣпко и болѣе основательно.

„Теперь-же, помимо всѣхъ этихъ условій, которыми мы и наша Рѣчь-Посполитая были обнадежены, въ противность всякой справедливости, ты, ваше государское величество, держишь въ узахъ насъ, людей свободнаго народа, которыхъ на полѣ брани трудно бы было одолѣть.

„Да что-же послѣ этого можетъ быть въ будущемъ прочное, если и на такія условія люди не обращаютъ вниманія? Не обращаютъ вниманія на то, что и имъ отъ другихъ тоже можетъ, по всей справедливости, безъ всякаго оскорбленія совѣсти, статься,

если не держатъ данной предъ Богомъ присяги, предъ людьми слова, утвержденнаго письмомъ и печатями, а это, отъ времени, какъ человѣческое общество образовалось и по настоящей день, соблюдалось даже и самыми дикими народами на свѣтѣ. Благоволи-же, ваше царское величество, отъ мудрости своей обсудить наше положеніе внѣ закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ остановиться вниманіемъ на непостоянствѣ и быстрой перемѣнѣ дѣлъ на свѣтѣ. Какое, напримѣръ, въ настоящее время чудное дѣло Господь Богъ устроилъ въ этомъ государствѣ, и мы можемъ, такъ сказать, признать, что, послѣ столь быстрыхъ и крупныхъ перемѣнъ, послѣ такихъ смятеній, ты чрезъ посредство наше отъ Бога предъуставленный царь для этого престола, съ котораго управляя по справедливости этимъ народомъ, преданнымъ отъ Господа Бога вашему царскому величеству, ты равно долженъ съ милосердіемъ обходиться съ тѣми, которые невинно и столь долгое уже время удручаемы заключеніемъ, и, давши мѣсто справедливости и не мѣшкая далѣе, отпустить насъ въ нашу землю: объ этомъ униженно и покорно мы и просимъ. Когда же мы удовлетворимся въ этомъ, то человѣчность, справедливость и доброту вашего царскаго величества возславлять будемъ, у всѣхъ народовъ распространиться слава о тебѣ, а ваше славы люди по цѣлому свѣту ничего не ставятъ; для снискапія ея они не щадятъ ни средствъ, ни богатствъ, ни жизни; ваше-же царское величество можешь снискать себѣ безсмертную славу у всѣхъ однимъ милосерднымъ обращеніемъ съ нами.

„Но если-бы несчастіе наше принесло намъ то, чего мы не ожидаемъ, и отъ того, о добротѣ и милосердіи котораго масса людей удостовѣряла и удостовѣряетъ,—то мы просимъ у вашего царскаго величества одного, чтобы мы могли жить вмѣстѣ съ его милостью г. сендомірскимъ воеводой изъ-за священника и вѣроисповѣданія нашего, и мы ни малѣйше не сомнѣваемся, что ты, будучи христіанскимъ государемъ, для насъ, по крайней мѣрѣ, этотъ актъ милосердія учинишь и не возбранишь намъ духовной пищи, чего даже поганые не возбраняютъ тѣмъ изъ христіанъ, которые на войнѣ попались къ нимъ въ плѣнъ. Довольно и того, что мы безвинно выносимъ тѣлесныя страданія въ узахъ. Душъ нашихъ не убивай.

„Думаемъ, что эти, столь справедливыя, просьбы наши найдутъ для себя мѣсто у вашего царскаго величества. Но, въ заключеніе, еще одно присоединяемъ: мы всѣ просимъ тебя о Станиславѣ Немоевскомъ, чтобы онъ былъ отосланъ къ г. воеводѣ сендомірскому, къ доктору, для поправленія его плохого здоровья: если ваше царское величество не пожалуешь его, то

здоровье его не можетъ быть у него безъ опасности. Прибѣгая вторично съ покорностью о пожалованіи къ вашему царскому величеству, униженно бьемъ челомъ: царь-государь, смилуйся, пожалуй. Писано на Бѣломъ-озерѣ, 12-го января лѣта отъ рожденія Спасителя нашего 1607.

„Изстрадавшіеся узники, сосланные на Бѣлое-озеро“.

Дня X-го мѣсяца февраля.

Начали учащать насъ своими посѣщеніями пристава, выхваляя предъ нами государя, какъ онъ добръ, богобоязненъ, милосердъ и щедръ. Не понимая, куда-бы клонились эти ихъ заигрыванья, мы отдѣлывались отъ нихъ такими словами: „вамъ мы не завидуемъ, но этихъ достоинствъ мы въ немъ не видимъ и трудно намъ ихъ признать, пока насъ не выпуститъ. Тогда и мы можемъ его восхвалить“. Сволочь эта, видя, что съ нами ничего не подѣлаетъ, не объяснивши намъ, на что ей это выхваленье, и опасаясь, чтобы, вмѣсто достиженія чего, не вытолкали мы ее изъ избъ, обратилась, чтобы только послѣднее съ нею не случилось, къ нашимъ слугамъ и, препоручая имъ государя, объявляли его предъ ними настолько щедрымъ, что каждаго, кто бы только обратился къ нему, онъ пожалуетъ помѣстьемъ, т. е. дастъ ему призрѣніе, кусокъ поля, на которомъ онъ будетъ мочь орать себѣ и сѣять. Пристава увидѣли, что наши обращали въ смѣхъ эти ихъ рѣчи и позже оставили свои подговоры; но мы, узнавши объ этомъ и изъ ничтожнѣйшаго случая выводя для себя надежду на добрый исходъ, протолковали себѣ такъ: навѣрное (wiera), уже вскорѣ мы имѣемъ отъѣхать, а тѣ животныя (bydło) охотно уловили-бы кого-нибудь своими обѣщаніями. Но какъ они въ подговорѣ, такъ и мы въ скоромъ отъѣздѣ сильно ошиблись.

Дня XII-го, того-же.

Отъ сквернаго корма и слишкомъ дурнаго питья чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе среди нашихъ больныхъ. Однако, нѣкоторые приходили въ себя. Г. Залѣскій, слуга г. старосты луковскаго, не могъ, къ великой скорби всѣхъ насъ, выйти изъ болѣзни: жалко было видѣть умирающаго, которому по недостатку средствъ нельзя было оказать никакой помощи въ болѣзни и который оставлялъ свѣтъ безъ святыхъ таинствъ, видѣть его, католика, среди заядлыхъ враговъ церкви Божьей. Всѣ мы, встревоженные, думали про себя: сегодня тебѣ, завтра мнѣ.

Дня XV-го, того-же.

Всѣ мы, сойдясь, проводили тѣло покойнаго за городъ и похоронили у лѣса. Каждый изъ насъ, подвинутый скорбью, вздыхалъ: „Господи, не карай насъ въ гнѣвѣ своемъ, дай намъ время покаянія, пусть смерть не сожретъ насъ безъ сердечнаго сокрушенія и безъ принятія святыхъ Таинствъ, да не рекутъ непріятели Твоей церкви: гдѣ-же теперь ихъ Богъ католическій, который вырвалъ-бы ихъ изъ рукъ нашихъ“.

Дня VIII-го мѣсяца марта.

Будучи въ полномъ истомленіи, но съ надеждой, что вскорѣ все-же получимъ какой-либо отвѣтъ отъ тирана, или, пожалуй, дождемся и посла отъ его в-ва короля для освобожденія насъ изъ неволи, часто мы высматривали—не ѣдетъ ли кто быстро съ какимъ-либо утѣшительнымъ указомъ. Но вотъ отъ пресвѣтлѣйшаго бѣжитъ гонецъ съ грамотой. Хотя и съ боязнью, но не безъ надежды собрались мы всѣ вмѣстѣ, и каждый высказывалъ свое мнѣніе, какъ онъ понимаетъ—какую это утѣху услышимъ; каждый свое, но всѣ соглашались въ томъ, что иначе не можетъ быть, какъ то, что онъ привезъ намъ отвѣтъ на наши, столь частыя, прошенія, а затѣмъ уже мы поймемъ, на что намъ надѣяться и отсюда уже сообразить, долго ли еще будутъ держать насъ въ заключеніи. Небольшой промежутокъ времени казался намъ длиннымъ отъ того, что пристава не сообщаютъ, что за грамота пришла. Посылаемъ къ нимъ, прося—не держать насъ на дѣлѣ, но сказать, съ чѣмъ прибѣжалъ гонецъ. Отвѣчали намъ: „сегодня нельзя вамъ знать, но завтра сообщимъ“. Ночь кажется намъ долгой, нѣкоторымъ, что двѣ или три ночи слились. Иные и спать не могутъ въ ожиданіи утѣшенія. Какъ скоро насталъ день, мы приказываемъ узнать, не указано-ли готовить подводы для насъ; но такъ какъ что-то долго не слыхать приставовъ за нами, то начинаемъ сомнѣваться. Къ полудню шлютъ пристава, чтобы мы сошлись во дворѣ, изъ котораго намъ даютъ живность. Спрашиваемъ тѣхъ, что пришли за нами — что же тамъ мы утѣшительнаго услышимъ. Отвѣчаютъ: „молись Богу, все будетъ хорошо“ [1]). Еще посолъ отъ насъ не ушелъ, а уже каждый спѣшитъ вонъ изъ дома, поскорѣй услышать это „все хорошо“. Пришедшіе раньше спрашиваютъ приставовъ и дьяка — не сообщать-ли имъ чего утѣшительнаго. Видя такое наше нетерпѣніе (chęc), пристава усмѣхаются, а наши отъ того съ тѣмъ большею надеждою, понимая,

---

[1]) Яко-бы порусски: „budziet wsio dobro“.

что впереди нѣчто радостное. Одинъ журитъ другого, отъ чего такъ не скоро сходятся.

Когда же мы всѣ сошлись, дьякъ вынимаетъ изъ коробки (z pudła) сложенную въ трубку государскую грамоту, цѣлуетъ, приложивши ее себѣ ко лбу; наши тѣснятъ другъ друга, чтобы каждый могъ слышать. Развивши грамоту, онъ начинаетъ читать царскій титулъ. Встаютъ два старшихъ пристава, которыхъ они называютъ головами, снимаютъ шапки и напоминаютъ намъ, при титулѣ великаго князя, самодержца всея Руси. снять шапки. Мы отвѣчали:

— Если бы услышать что-либо утѣшительное — объ освобожденіи насъ, то не только снимемъ шапку, но спустимъ и нижнюю одежду.

По прочтеніи титула вотъ: „.... а такъ какъ разстрига изъ казны деньги поиздержалъ, а большой расходъ идетъ на кормы Литвѣ, то приказываемъ, чтобы имъ убавили съѣстныхъ припасовъ на одну треть, а также и напитковъ“.

Каждый изъ насъ повѣсилъ голову и на отвѣтъ нельзя было скоро собраться съ духомъ. Переведя духъ, хотя и съ трудомъ, мы отвѣчали:

— А кто вашего государя проситъ о кормахъ? Мы не просимъ его, чтобы онъ насъ кормилъ. Пусть онъ насъ отпуститъ: мы ни въ чемъ неповинны. Мы по доброй волѣ прибыли сюда, при просьбѣ отъ пословъ, по грамотѣ отъ всей земли, послѣ клятвой утвержденнаго перемирія и мира, а онъ насъ, такъ обезпеченныхъ, держитъ противу всякой справедливости. Мы не спрашиваетъ—истинный ли растрига царевичъ или за что вы его умертвили; вамъ вольно было и съѣсть его, только насъ не бросать въ оковы.

На это намъ отвѣчали:

— Мы не виноваты, воленъ Богъ да государь царь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси.

Вышли мы отъ нихъ въ бѣшенствѣ, но которое намъ ничуть не помогло.

Дня IX-го, того-же.

На другой день приходимъ мы къ нимъ на тотъ-же дворъ, чтобы подсчитать, что они имѣли отнять отъ насъ. Но этого было такъ мало, что трудно было и дѣлить, и мы согласились на томъ, что обыкновенная порція съѣстныхъ припасовъ будетъ отпускаться два дня, а на третій — ничего. На этомъ и порѣшено.

Но мы тѣмъ не менѣе напишемъ и государю; если онъ, вопреки справедливости, держитъ насъ въ заключеніи, то, по

крайней мѣрѣ, пусть голодомъ не моритъ, отъ котораго уже изъ нашихъ нѣсколько умерло, не будучи въ состояніи прокормиться на то, что̀ отпускалось намъ по это время, да и докладывая еще кое-что отъ себя, такъ какъ мы попродавали уже все свое платье.

Взялись пристава прошеніе наше отослать, а оно было таково:

Дня XVI-го, того-же.

„Милостивый царь и великій князь московскій, всея Руси и государствъ, къ ней належащихъ, государь и пр. и пр., годарь, государь милостивый!

„Мы такъ много писали къ тебѣ челобитенъ, царь-государь, объ обидахъ и нуждѣ, которую терпимъ, какъ и томъ, чтобы ваше государское величество дозволилъ намъ получить попа (popu) нашего отъ его милости г. воеводы сендомірскаго. Но ни на одинъ вопросъ мы никогда не имѣли никакого отвѣта. Тѣмъ не менѣе, мы снова повторяемъ нашу просьбу и не престанемъ вопить: Бога ради, смилуйся; если истязаешь тѣло, то души не убивай. Такъ какъ ваше царское величество государь христіанскій, то христіанамъ не воспрещай же ихъ религіи. Мы скромно снесли то, что наши пристава, по твоему государскому указу, отняли у насъ третью часть кормовъ изъ того, что ты приказалъ было намъ давать, такъ какъ прикупали себѣ, пока еще что оставалось у насъ изъ того платья (płacie), которое мы попродали. Но теперь, когда уже нѣтъ ничего, къ чему можно бы было прибѣгнуть—все поиздержавши, мы просимъ тебя—укажи давать намъ снова третью часть тѣхъ кормовъ, такъ какъ отъ той нужды, которую мы терпимъ, уже нѣсколько между насъ умерло, а большая половина хвораетъ. Смилуйся, царь-государь, помилосердствуй, пожалуй. Писано на Бѣломъ-озерѣ, 16 марта лѣта отъ рождества Спасителя нашего 1607.

„Изстрадавшіеся узники, сосланные на Бѣло-озеро“.

Отдали мы это прошеніе приставамъ. Взявши его отъ насъ, они объявили намъ, что „первый день будетъ на государя“, что „вамъ кормовъ не дадутъ“; мы - же желали, чтобы первые два дня намъ давали, а третій пусть учтутъ на государя. Не могло этого быть; на томъ стало, какъ господа рѣшили. Но и этого горемычный цесарь не могъ давать; временами задерживали по шести—семи недѣль, ничего не выдавая: эта бѣднота не могла достать и этихъ крошекъ. Впрочемъ, позже, разбогатѣвши деньгами, выплатили каждому все задержанное.

Дня XXX-го, того-же.

Воротился посланецъ, котораго пристава отправили было съ нашею челобитной. Спрашиваемъ его, что отвѣчено на нашу просьбу. Говоритъ, что ему указано ѣхать назадъ, ничего не отвѣтивши, „но вскорѣ получите указъ на то, о чемъ писали, съ нимъ прибудетъ другой посланецъ, вслѣдъ за мной“. Сказывалъ также, что „о вашемъ послѣ изъ Польши ничего не слыхать“.

Слабую уже надежду имѣли мы на скорый пріѣздъ посла отъ его величества короля для освобожденія насъ, развѣ послѣ Троицы, а до нее было еще нѣсколько недѣль. Но если бы наше несчастіе такъ уже сложилось и безпечность о насъ отчизны того хотѣла, чтобы на это время никто изъ Польши не пріѣзжалъ, то нѣкоторые изъ насъ стали подумывать о томъ, чтобы, какъ только распустятся лѣса, попытать счастья и уйти, хотя до границы 200 миль. Кажется, варвары стали опасаться этого (можетъ быть, они поняли насъ по нашему томленію и частымъ вздохамъ) и приказали огородить нѣсколько хатенокъ, что поближе къ озеру, высокимъ частоколомъ. Спрашиваемъ мы приставовъ, на что огораживать? Сначала не хотѣли объяснять, но потомъ объяснили, что „мужики били челомъ государю на васъ, что вы имъ въ тяготу, живя въ ихъ дворахъ, и подрядились одинъ для васъ дворъ поставить, въ которомъ вы могли бы всѣ помѣститься“.

Неутѣшительную новинку намъ сообщили: ясно, что имѣли въ виду не кратковременное пребываніе, а, сверхъ того, впереди болѣе тѣсное помѣщеніе. Сейчасъ-же прибыло намъ тоски.

Мужики быстро поставили этотъ острогъ, пристроивъ къ нему нѣсколько хатенокъ.

Дня XIII-го мѣсяца апрѣля.

Въ Великій пятокъ пріѣхали къ намъ пристава съ сообщеніемъ, что воля государя, чтобы вы оставили дворы мужиковъ и перешли бы въ одинъ, который для васъ и приготовленъ. Стали было мы въ началѣ противиться, говоря, что помѣщенье тамъ очень тѣсное и дурное. Отвѣчали намъ, что пристроятъ еще больше домовъ, да идетъ теперь на лѣто; впрочемъ, тѣмъ, которые не будутъ въ состояніи спускаться, дадутъ помѣщенія около острога. „Не противьтесь, господа, волѣ государевой, да и съ простымъ людомъ не заводите ссоръ, чтобы на васъ не ударили“.

Видя, что все напрасно, мы имъ объяснили, что „теперь у насъ большой праздникъ—Пасха, но послѣ праздниковъ сейчасъ-же переселимся“. Но и это не помогло, и мы должны

были въ тотъ-же день, въ Великій пятокъ, переселиться. Но такъ какъ были еще холода, а избъ было мало, то придали намъ три двора около острога; въ нихъ то кое-кто изъ нашихъ и остановились. Пристава назначили каждому его помѣщеніе; но въ нѣкоторыя избы понатыкали и по нѣскольку человѣкъ изъ нашей челяди.

Дня XV-го, того-же.

Въ этой тѣснотѣ каждый желалъ пристроиться наилучше, и вотъ въ самый день Пасхи повздорили между собой г. Щепсный Сверскій и Добруцкій, слуга г. Казановскаго; но такъ какъ они были безъ оружія, то Сверскій ударилъ палкой въ голову Добруцкаго, и такъ, что отъ этого удара тотъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

Безъ мала не всѣ возмутились этимъ поступкомъ г. Сверскаго; когда онъ это замѣтилъ, то опасаясь, чтобы ему не перепало нѣчто *violentum*, убѣжалъ къ приставамъ и упросилъ ихъ, чтобы его укрыли на другомъ дворѣ, держа подъ стражей оподаль отъ нашего.

Это происшествіе сильно насъ смутило: мы боялись, чтобы Господь Богъ тѣмъ строже не наказалъ насъ, въ виду того, что заключеніе и мученіе, что вынесли мы отъ столь подлаго народа, насъ не угомонило, особенно-же въ виду того, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе своеволія и гнусности проявлялось между насъ, такъ какъ съ нами была сослана разная челядь, что осталась безъ своихъ господъ, люди различнаго положенія и религіи: православные (schizmatyci), лютеране, кальвинисство, аріане, анабаптисты *et caetera canaglia*, вплоть до измѣнниковъ его величества короля и отчизны нашей, которые сейчасъ-же по умерщвленіи Димитрія желали было предаться на сторону нынѣшняго великаго князя, отступая и отъ Бога, и съ клятвою отрекаясь всеобщей католической вѣры.

Такъ какъ мы жили по своей волѣ, вниманія ни на кого не обращали, то между насъ открылся страшный развратъ: хвастанье нарядами (и это сидя въ тюрьмѣ), банкетами, забавами, танцами (и это среди крайняго недостатка, нужды и заключенія), наговорами одного на другого, взаимнымъ язвленьемъ и сплетнями, писаніемъ пасквилей другъ на друга, безъ всякой пощады кого-либо. Къ этому надо присоединить картежничество, повальное пьянство, безъ мысли объ страхѣ Божіемъ, безъ вниманія къ великимъ праздникамъ, постамъ и днямъ, установленнымъ для покаянія. И если - бы еще упивались чѣмъ, а то скверной горѣлкой, смѣшанной съ дряннымъ пивомъ, и для этой цѣли продавая одежду съ себя или съ слуги. Вслѣдствіе всего этого—

частые ссоры, раздоры, споры, пересылки о поединкахъ и вызовы на поединки, драки, поранения, гнусный блудъ, прелюбодѣяния, *paricidia*—мать порѣзала на куски свое дитя и побросала на крышу, желая скрыть свой развратъ и блудъ—и иные гнусные грѣхи, о которыхъ, по омерзительности ихъ и по брезгливости предъ Богомъ, и вспоминать не годится, и стыдъ не допускаетъ. Наконецъ, совершилось и ужасное душегубство: убійство въ святой пасхальный день палкой въ голову безоружнаго, сзади, шляхтича въ тюрьмѣ и по вздорному поводу. Присоединимъ кражи другъ у друга и взаимное ограбленіе сундуковъ[1]).

Трудно было найти какой-либо способъ для удержанія отъ этихъ излишествъ и своеволія; каждый скромный человѣкъ опасался, чтобы Господь Богъ не покаралъ его за это безпутство, пожалуй, чтобы мы не провалились вмѣстѣ съ домами. Желая, однако, эту наглость чѣмъ-нибудь пріобуздать, а на другихъ нагнать страхъ, мы приказали товарищамъ убитаго учинить протестъ (что у варваровъ называется „явкою") и въ судѣ, какой тамъ былъ, записать; принять протеста они не хотѣли, развѣ что будетъ вѣдѣніе отъ великаго князя, а мы, сообщая ему о томъ, написали такое письмо.

Дня XX-го, того-же.

„Милостивый царь, государь, великій князь московскій, Василій Ивановичъ всея Руси и пр. и пр.

„Вспомни, о, государь, что когда ты лично своею особою, послѣ извѣстнаго безвиннаго и неожиданнаго убійства нашихъ, благоволилъ быть у насъ, ты увѣрялъ насъ о скоромъ отпускѣ въ нашу землю, а между прочимъ о хорошемъ содержаніи насъ и снабженіи достаточными кормами. Теперь дѣлается съ нами наоборотъ, ибо, вопреки всякой справедливости, мы терпимъ долгое уже и тяжкое заключеніе и крайній недостатокъ. Вольныхъ людей, прибывшихъ какъ слѣдуетъ, въ силу дружескаго союза, по желанію и, частью, по грамотамъ отъ всѣхъ думныхъ господъ, а между ними и отъ вашего государскаго величества, теперь содержатъ и чествуютъ словно узниковъ, взятыхъ на полѣ битвы.

„Въ тюрьму, въ которой только четыре избы, пять малыхъ избенокъ и одна баня (а межъ нихъ найдутся и такія, которыя

[1]) Кто знакомъ съ исторіей польской шляхты, тотъ, читая эти страшныя картины шляхетскаго распутства и безчинства изъ-подъ пера скромнаго и честнаго автора „Записокъ" отъ начала XVII вѣка, не можетъ не вспомнить о буквальномъ повтореніи тѣхъ-же явленій и позже, въ той-же средѣ и отчасти при аналогической обстановкѣ, именно, въ польской эмиграціи, послѣ возстанія 1831 г. водворившейся во Франціи. Ср. нашу статью: „Будущимъ біографамъ Гоголя", въ „Вѣстн. Европы" за 1902 г., февраль.

едва въ двѣ сажени), натыкано насъ 160 человѣкъ, почему мы и опасаемся у себя всяческихъ болѣзней отъ такой тѣсноты и смрада, потому что въ иной избенкѣ, довольно малой, должны валяться по 15 и по 18 человѣкъ. Это, столь тѣсное, сожительство и сдѣлало то, что одинъ убилъ другою палкою—ровный ровнаго, шляхтичъ шляхтича изъ знатнаго, родовитаго дома. Для совмѣстнаго жительства массы лицъ назначили одну клѣть, а въ ней было трудно помѣститься, и одинъ, выпихивая другаго, убилъ,—слѣдовательно причина убійства одна—тѣснота. А такъ какъ подобныя преступленія у насъ бываютъ наказуемы строго, здѣсь-же нельзя исполнить того, что заслуживаютъ такіе люди, то мы и бьемъ тебѣ челомъ, чтобы мы имѣли законное ручательство и чтобы поданная о томъ явка была вписана въ книги; мы-же, получивъ потомъ ту явку, могли бы передать ее племянникамъ убитаго, для полученія справедливости.

„Мы просили часто и часто о нашемъ священникѣ, чтобы можно было намъ имѣть его изъ Ярославля отъ его м. г. воеводы сендомірскаго, чего и въ земляхъ язычниковъ христіанамъ не возбраняютъ; но мы не могли ничего получить отъ тебя, государь. Мы провели столько значительныхъ торжественныхъ праздниковъ, словно какая-то погань и скотина, безъ всякаго христіанскаго приличія и обязательнаго отданія службы Божіей—отъ чего помилуй насъ, Боже.

„Что касается припасовъ, то во все это время намъ давали ихъ мало и дурныхъ, а теперь, по твоему указу, и отъ этой малости убавлено на одну треть. Сверхъ того, мы слышали, что собираются надѣлять насъ лѣтомъ солониной, потому что свѣжины купить нельзя, да и не имѣемъ за что. Итакъ, одни сами себя убиваютъ изъ-за тѣсноты помѣщенія и содержанія; другіе сдыхаютъ съ голоду: четверо межъ насъ уже умерло отъ худобы. Въ этой оградѣ или тюрьмѣ, куда насъ воткнули, нѣтъ воды, а мы не имѣемъ на чемъ ее привозить. Наши нагіе и босые слуги должны носить ее на себѣ изъ озера чуть что не версту. Наконецъ, при тѣснотѣ помѣщенія насъ еще такъ прижимаютъ, что никуда, даже для самой крайней нужды, не желаютъ выпускать насъ изъ тюрьмы.

„Итакъ, если дозволено сказать, то какъ раньше просили, такъ просимъ и теперь — передвинуть насъ куда-нибудь изъ этого нищенскаго и голоднаго города, равно просимъ о священникѣ, чтобы не разставаться намъ съ этимъ свѣтомъ, какъ неразумному животному или погани. Царь-государь, пожалуй, смилуйся. Писано изъ Бѣла-озера, XX-го апрѣля лѣта отъ рождества Спасителя нашего 1607.

„Изстрадавшіеся узники, сосланные на Бѣло-озеро“.

Дня XXII-го, того-же.

Это только недоставало нашему своеволію и совершенной порочности, чтобы не появилось въ нашемъ несчастномъ сообществѣ побольше измѣнниковъ. Уговорились двое слугъ г. Сверскаго, одинъ г. старосты остерскаго и двое г. Казановскаго и передались великому князю. Такъ какъ они не смѣли днемъ, въ виду насъ, выйти изъ двора, то уговорились съ москвитянами; тѣ ночью отворили дворъ, бросились въ него, схватили ихъ, а затѣмъ замкнули ворота, такъ что мы не замѣтили.

На другой день мы благодарили приставовъ, что подговорили отъ насъ къ своему государю такихъ, которыхъ мы, по переѣздѣ границы, сейчасъ-же должны бы были повѣсить, и желаемъ, чтобы каждый изъ нихъ здѣсь остался. Они отвѣчали намъ смѣхомъ.

Дня VI-го мѣсяца іюня.

Варвары, увидя, что подговорили къ себѣ такую каналью, что она, кромѣ извѣстнаго мѣста у насъ, нигдѣ, кажется, помимо нихъ, другаго имѣть не могла, желали было обратно ее къ намъ отослать; но мы, гнушаясь ими, какъ измѣнниками предъ Богомъ и нашей отчизной, не хотѣли принять ихъ назадъ. Присоединили ихъ потомъ къ Сверскому и приказали жить въ другомъ дворѣ, поотдаль отъ нашего двора.

Дня X-го, того-же.

Собрали насъ въ столь укрѣпленное, высоко-огороженное и тѣсное мѣсто; ворота закрыты толстыми желѣзными запорами; при нихъ, всегда запертыхъ, постоянно сидѣло нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ, сторожа и никуда насъ не выпуская, развѣ что по одному, рано утромъ, съ приставомъ для покупки припасовъ; на ночь насъ запирали на колодки, а кругомъ ставили ночныхъ сторожей, которые, ежечасно перекликаясь, къ большому нашему безпокойству колотили всю ночь въ доски.

Спрашиваемъ мы приставовъ, что была-бы за причина такого обхожденія съ нами и чѣмъ далѣе, тѣмъ большаго стѣсненія насъ: „войско-ли какое наше перешло вашу границу, посла-ли вашего у его величества короля неприлично и не съ уваженіемъ приняли, словомъ, что это творится, гдѣ причина столь рѣзкаго обращенія вашего съ нами? Просимъ освѣдомить насъ: не такъ будетъ тяжело тогда намъ терпѣть“. Они отвѣчали намъ, что „никакого вашего войска на границѣ нѣтъ, равно какъ и посла великаго князя ваши отпустили съ добрымъ успѣхомъ и съ уваженіемъ, и думаемъ, что вскорѣ вы будете сво-

бодны. Что же мы дѣлаемъ, то дѣлаемъ по указу царя, великаго князя всея Руси; насъ-же не вините“.

Не много утѣхи мы имѣли отъ надежды на скорое наше освобожденіе, зная уже, на-сколько эти люди лживы. Однако, все-же мы не безъ надежды и ждемъ этого вожделѣннаго и счастливаго времени. Тѣмъ не менѣе, не утѣшало насъ то, что чѣмъ далѣе, тѣмъ сквернѣйшими припасами насъ снабжали, а вѣдь общій обычай—на отъѣздѣ гостей получше угощать.

Мы просили приставовъ высчитать, сколько выходитъ на насъ въ день, и выдавать это намъ деньгами, „такъ какъ отъ дурныхъ припасовъ чѣмъ далѣе, тѣмъ больше среди насъ больныхъ, а потому мы опасаемся, чтобы не умерло насъ еще больше. Мы предпочитаемъ сами себя кормить, добавляя кое-что изъ своего, продавая для того свои послѣдніе мокатки. Вѣдь надо полагать, что государю мы не безразличны, если онъ не желаетъ насъ пустить; потому и позаботьтесь о нашемъ здоровьѣ“. Пристава взяли себѣ это на память.

Дня XVIII-го, того-же.

Указавши намъ сойтись въ кормовый дворъ, пристава объявили намъ:

— Вы насъ просили—вмѣсто съѣстныхъ припасовъ давать вамъ деньги; поэтому мы желаемъ посчитаться съ вами—много ли приходится въ день на каждаго изъ васъ.

Посчитавши всю пищу и напитки, на насъ, на старшихъ, пришлось по семи грошей, а на слугъ и иную челядь по два гроша.

Мы имъ доказывали, что трудно или, скорѣй, невозможно обойтись этимъ въ день — на одни напитки едва-ли бы этого хватило; прибавили-бы намъ какой грошъ. Но они отвѣчали:

— Или бери (biery), или не бери.

Видя, что выхода нѣтъ, что никакое убѣжденіе мѣста не имѣетъ, мы предпочли получать эти немногіе гроши, чѣмъ гнилую и вонючую пищу, и такъ съ этого времени намъ давали деньги вмѣсто припасовъ.

Дня XXVIII-го, того-же.

Перемѣнены у насъ старшіе пристава, которыхъ они называютъ головами (glowami). Прежнимъ приказано къ войскамъ, а на мѣсто ихъ прислали къ намъ болѣе знатныхъ: Бориса Нащокина (Naszczekaja) и Венедикта Ивановича Тимошева; по пріѣздѣ ихъ, меньшіе пристава сообщили намъ, что „эти благородные головы будутъ болѣе блюсти ваши интересы, нежели прежніе, и улучшатъ вамъ кормы“.

Дня VIII-го мѣсяца іюля.

Едва-ли не черезъ двѣ недѣли по своемъ пріѣздѣ эти благородные головы объявили намъ, что будутъ у насъ. Собрались мы въ одной избѣ, ожидая ихъ; подъѣхавъ къ воротамъ, они сошли съ коней; но такъ какъ мы не вышли на встрѣчу имъ, то, разсердившись, уѣхали назадъ и не видѣвшись съ нами. Такой это неприличный народъ и при излишней гордости непомѣрно чванливый.

Дня XI-го, того-же.

Такъ какъ часто случались у насъ споры и ссоры, и не только между собой, но и съ стрѣльцами, которые насъ караулили, и съ меньшими приставами, то головы чрезъ одного изъ меньшихъ приставовъ объявили намъ, чтобы „господа не дурили и не шумѣли, потому что мы имѣемъ такую власть отъ государя, что можемъ приказать любому ноги и руки переломать“. Нашимъ-же челядинцамъ, когда они ходили за кормежными деньгами, передали, что „мы прикажемъ у васъ, по серединѣ двора, поставить висѣлицу, а будетъ кто изъ васъ дурить—повѣсить на ней“.

Черезъ пристава, который являлся къ намъ съ этимъ посольствомъ, мы отвѣчали имъ:

„Передайте тѣмъ головамъ, что мы не можемъ надивиться такому ихъ приказанію, и пусть они знаютъ, что кто захочетъ кому-либо изъ насъ ломать руки или ноги, то хотя мы и безъ оружія, такъ какъ его у насъ отобрали, но раньше дубьемъ проломимъ ему черепъ. Пусть такія посольства направляютъ къ мужикамъ или къ такимъ, какъ они сами, а не къ намъ, къ людямъ приличнымъ и рожденнымъ въ вольности; что мы прибыли сюда по просьбѣ всѣхъ думныхъ бояръ и Земли, а задержаны здѣсь до законнаго времени при гарантіи государя. Тебѣже, приставу, напоминаемъ, чтобы ты въ другой разъ съ такимъ посольствомъ не появлялся“.

Головы, разсерженные такимъ нашимъ указаніемъ или отвѣтомъ, тѣмъ прижимистѣй стали содержать насъ. Наконецъ, приказали не пускать насъ по воду, но, впустивши чрезъ ограду рынву, лить въ нее воду изъ колодца, какъ скотинѣ, и каждому въ опредѣленной мѣрѣ на день; но такъ какъ вода воняла, то мы имъ указазали, что невозможная вещь варить на такой водѣ; пришлось бы и умереть отъ нее; пусть же они сами пріѣдутъ и посмотрятъ. Мы приказали сообщить имъ и то, что мы выйдемъ и на встрѣчу имъ, если иначе быть не можетъ и если это нужно.

Дня XIV-го, того-же.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали они къ намъ. Кое-кто изъ нашихъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и угостили ихъ водкой; капальи были удовлетворены и, оказывая намъ признательность, дозволили намъ своими людьми носить воду изъ озера и гулять по берегу его; за эту любезность они приняли отъ насъ благодарность и поклоны.

Дня XVI-го, того-же.

Эти наши головы, желая нѣсколько ближе съ нами покумиться, пріѣхавши къ намъ, говорили:

— Если-бы вы почувствовали какой недостатокъ или нужду, напишите челобитную къ государю, а мы ее отошлемъ; равнымъ образомъ, означьте и то, на случай, если-бы вы не могли достать здѣсь купить что-нужное, чтобы васъ отправили въ другой городъ; но, предатели, они не о насъ, а о себѣ лишь заботились, чтобы быть въ состояніи придвинуться поближе къ своимъ домамъ. Поблагодарили мы за совѣтъ и написали такую челобитную:

Дня XVIII-го, того-же.

„Царь-государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси! Бьютъ челомъ вашему царскому величеству: Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Евстафій (Hostafi) Слоньскій и иные люди польскаго народа, сосланные съ ними на Бѣлое-озеро.

„По пріѣздѣ сюда, на Бѣлое-озеро, отъ вашего государскаго величества новыхъ къ намъ приставовъ, мы тотчасъ-же предложили имъ о нашей нуждѣ, что мы выносимъ въ этомъ бѣдномъ городѣ Бѣло-озерскомъ отъ крайней дороговизны и недостачи съѣстныхъ припасовъ. По сіе время мы сносили все это такъ-сякъ, пока еще хватало тѣхъ средствъ, которыя мы привезли съ собою. Такъ какъ теперь мы уже все поиздержали, а иные на кормы и послѣднее платье распродали, изодрались, и нѣкоторые, пожалуй, ходятъ и нагишемъ, пребывая болѣе полутора года здѣсь въ заключеніи, то, милостивый царь-государь, помилосердуй надъ нами, уважь то, что мы не схвачены на войнѣ или при какомъ либо непристойномъ поступкѣ, но задержаны до законнаго срока, при гарантіи всяческаго достатка и удобствъ. А ты, вмѣсто того, такъ далеко насъ заслалъ, въ городъ опальный и нищенскій. Бьемъ тебѣ челомъ — прикажи, ваше государское величество, послать насъ въ какой-либо болѣе богатый городъ — въ Тверь или Ярославль, гдѣ бы мы могли

легче доставать припасы, а объ этомъ голодномъ мѣстѣ ты самъ можешь освѣдомиться отъ нашихъ приставовъ; или, пожалуй, присоедини насъ къ кому-либо изъ нашихъ, гдѣ бы мы могли имѣть нашего попа, такъ какъ въ теченіе всего этого долгаго времени мы должны были жить, какъ поганые, безъ богослуженія.

„Уважь и то, ваше государское величество, какъ мало кормовъ намъ даютъ, а на третій день совсѣмъ ничего. Бьемъ тебѣ челомъ—пусть не морятъ насъ голодомъ и въ этотъ третій день, такъ какъ и безъ того уже нѣсколько изъ нашихъ умерло отъ нужды.

„Не надѣялись мы, да и просто дѣло казалось мало вѣроятнымъ, что мы столь долгое время здѣсь должны будемъ пробыть; и мы не можемъ не надивиться, что столь долгое время отъ его величества короля, государя нашего, не слыхать ни о комъ, что не можетъ быть безъ особенно-важной причины и какого-либо замѣшательства у насъ. Опасаясь этого, сейчасъ-же въ началѣ мы били челомъ тебѣ, чтобы ты послалъ кого-либо изъ насъ такого, о которомъ мы того мнѣнія, что онъ могъ-бы устроить все, что только было бы потребно твоему государскому величеству и твоему государству отъ его величества короля и всего королевства. Вотъ почему и сейчасъ мы снова усердно бьемъ челомъ о посылкѣ одного изъ насъ, такъ какъ ты, ваше государское величество, никакой пользы не имѣешь отъ того, что такъ долго мы пребываемъ здѣсь. Да мы и опасаемся, чтобы за тѣми замѣшательствами у насъ, не пришлось-бы намъ еще долѣе здѣсь пробыть. А если пошлешь одного изъ насъ, то и при самомъ сильномъ замѣшательствѣ мы надѣемся, что онъ будетъ въ состояніи все продѣлать, и насъ отсюда освободить. А такъ какъ между нами много мелкой челяди, нищенской и ни къ чему ненужной, которая и вашему государскому величеству ни къ чему, то бьемъ челомъ—прикажи отослать ее на рубежъ, чтобы мы, которые здѣсь останемся, могли имѣть лучшіе кормы, а послѣдніе выходятъ на нее безполезно.

„Бьемъ тебѣ челомъ и о томъ, государь-царь, чтобы мы могли имѣть всегда какой-либо отвѣтъ отъ тебя на эту нашу челобитную, такъ какъ по сіе время мы никогда не были столь счастливы, чтобы когда-либо на которую изъ челобитенъ нашихъ какой-либо отвѣтъ могли имѣть, а ихъ мы такъ много къ тебѣ посылали. Писано на Бѣломъ-озерѣ, 18-го іюля лѣта отъ рождества Спасителя нашего 1607.

„Изстрадавшіеся узники, сосланные на Бѣлое-озеро“.

Приняли отъ насъ эту челобитную пристава и послали къ государю.

Однако, наше общество, будучи безъ всякой узды, чѣмъ далѣе, тѣмъ въ большемъ живетъ развратѣ. При всеобщемъ пьянствѣ, частыя ссоры и оскорбленія болѣе слабаго болѣе сильнымъ. При опасеніи, чтобы снова не дошло до какого-нибудь душегубства, и при желаніи всячески этого избѣжать, мы, боясь, чтобы Господь Богъ не покаралъ насъ чѣмъ чувствительнѣе, сошлись вмѣстѣ, написали слѣдующія статьи и ихъ утвердили для себя.

„Во имя Святѣйшей и Нераздѣльной Троицы—Аминь.

„Лѣта Господа и Спасителя нашего 1607, дня 20-го іюля.

„Мы, которые сосланы въ неволю и заточеніе на Бѣлоозеро отъ Василія Ивановича, московскаго великаго князя, видя надъ собою столь явную кару Божію, что и при настоящемъ несчастіи и бѣдствіи, что̀ выносимъ мы въ этомъ нашемъ заключеніи, нѣкоторые изъ насъ не въ состояніи остановиться и воздержаться отъ излишествъ, мы, въ предупрежденіе разврата и своеволія, которые объявились въ великой мѣрѣ среди насъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе растутъ, и при желаніи учинить какое-либо противудѣйствіе этому, сами для себя поставляемъ ниже-писанныя статьи и имъ, какъ собственному закону или статуту, желаемъ подчиняться, добровольно ихъ на себя беремъ и принимаемъ и, собственноручно подписуя ихъ ниже, утверждаемъ и укрѣпляемъ.

„Едва-ли не о нашемъ обществѣ прекрасно сказано въ извѣстной народной пословицѣ польской: уменъ полякъ послѣ бѣды (po szkodze polak mądry). Когда уже налило въ уши и умножились неслыханныя безбожныя преступленія, тогда только къ порядку! Но все-же лучше когда-нибудь, чѣмъ никогда. Мы вынуждены и наказаны за чужіе грѣхи; тѣмъ не менѣе всегда слѣдуетъ противудѣйствовать дальнѣйшему злу, а послѣдователямъ его (отъ которыхъ сохрани насъ, Боже) ставить отпоръ, сообразуясь съ временемъ, мѣстомъ и возможностью.

„Что касается описанія начала законовъ и права, откуда они взялись, то было-бы что написать въ славу и хвалу имъ, равно какъ и о пользѣ ихъ; тутъ-же упомянуть и примѣры изъ различныхъ авторовъ; но, кажется, дѣло это мало потребное, длинота и обширность легко докучаютъ: почему и казалось намъ лучше сократить, лишь припомнивши кое-что изъ большаго.

„Итакъ, законъ, какъ это полагалъ Демосѳенъ, есть изобрѣтеніе боговъ, или, по Аристотелю, мысль, свободная отъ всякихъ безпокойствъ и скорбей, а потому и названная дѣломъ божескимъ и человѣческимъ. Отъ начала, около двухъ тысячъ лѣтъ, міръ стоялъ безъ писаннаго закона; но худшій былъ прирожденный законъ, который можно назвать *summum jus summa*

iniustitia, и въ немъ сохранялось: око за око, рука за руку. Снова двѣ тысячи лѣтъ, послѣ Моисея, міръ стоялъ съ закономъ, и съ писаннымъ, отъ Бога даннымъ закономъ: онъ былъ болѣе мягокъ, и *summa* его была: что тебѣ не мило, не твори другому.

„Съ рождества Спасителя нашего, шестнадцать столѣтій назадъ, наступилъ еще болѣе милостивый законъ. Онъ заключаетъ въ себѣ: отдавать Божіе Богу, а ближняго — ближнему, а на этихъ обоихъ висятъ всѣ законы и пророки, съ прибавленіемъ: пусть погибнетъ міръ, но право пусть процвѣтаетъ, которое, по Липсіусу, имѣетъ такую силу, что даже тѣ, которые живутъ отъ преступленія и злодѣйства и тѣ не могутъ существовать безъ нѣкоторой частички права.

„Чтобы законъ мы тѣмъ лучше въ себѣ восчувствовали (usmakowali), вотъ его описаніе. Право есть добродѣтель, сохраняющая въ себѣ и въ другихъ справедливость и законъ, почему, когда спросили одного: *Vir bonus quis?—Qui consulta patrum, qui leges juraque servat*, то-есть добрымъ человѣкомъ называется тотъ, который любитъ и блюдетъ совѣтъ старѣйшихъ, законъ, установленія и права. Уже и Сократъ тотъ городъ назвалъ наилучше управляющимся, который живетъ по установленіямъ и закону, а злыхъ, преступныхъ и беззаконныхъ караетъ. Когда Кира спросили, кого-бы онъ понималъ подъ беззаконными, онъ отвѣчалъ: „неповинующихся закону“, почему и Катонъ Старшій многократно напоминалъ власти — карать тѣхъ, кто бы прегрѣшилъ противъ законовъ и установленій. Хилонъ Лакедемонскій приказалъ три пункта или статьи написать золотыми буквами въ Дельфахъ и совѣтовалъ свято блюсти. Первый: знать самого себя, то есть, больше не понимать себя, чѣмъ можно быть. Другой: ничего съ излишкомъ, а потому чужаго не желать. Послѣдній: споровъ и ссоръ остерегаться. Солонъ какъ самую счастливую республику понималъ ту, въ которой равно и одинаково бояться закона, какъ и тирана. Цицеронъ, описывая установленія или законъ, говоритъ: „это—благой разумъ, отъ Бога данный — онъ повелѣваетъ дѣлать доброе и воспрещаетъ злое“.

„Итакъ, по примѣру этихъ и чтобы въ этомъ управленіи мы слѣдовали имъ, мы поставляемъ для себя статьи, съ общимъ согласіемъ на то всѣхъ.

„А такъ какъ поганные уже говаривали *ab jove*, то есть *a Deo principium*, то далеко болѣе намъ, христіанамъ и добрымъ католикамъ, прилично наблюдать тоже: начинать отъ Господа Бога всѣ дѣла и дѣйствія наши“.

Статья первая.

„Послѣ того какъ мы лишены иныхъ обрядовъ, богослуженія и церковныхъ церемоній, именно, жертвоприношенія на священной мшѣ и духовной пищи, то, по крайней мѣрѣ, въ воскресные и праздничные дни—что предоставляется на волю, такъ какъ эти дѣла должны быть добровольны — какъ скоро рано утромъ трубачъ дастъ знать мундштукомъ, сходятся на проповѣдь въ залу, которая предъ покоемъ его милости господина подстольяго.

Статья вторая.

„И это имѣетъ быть изъ любви къ Господу Богу и по доброй волѣ, такъ какъ сказано: *Uoluntarie sacrificabo Tibi, Domine, et psallam nomini Tuo altissimo, quam bonum est.* Равнымъ образомъ, за даннымъ вечернимъ знакомъ, каждый день сходиться тамъ-же, гдѣ было прежде назначено, на литаніи, которыя будутъ пѣты, богослуженіе будетъ отправляемо общее, какъ и молитвы, ниже написанныя, будутъ читаны и вслухъ произносимы, съ благодарностью Господу Богу за то, что Онъ соблюлъ насъ отъ жестокой смерти, и съ просьбой къ Нему о святой милости, да избавитъ Онъ насъ изъ этого заключенія, такъ какъ такой молитвы Господь Богъ требуетъ отъ насъ, и она ему далеко болѣе мила, чѣмъ моленье одиночное.

Статья третья.

„Такъ какъ участились споры и ссоры, потому если-бы кто нашелся столь своевольный, что съ словами неблагопристойными набросился бы на другого, понося его, и честнаго оскорбилъ и обезчестилъ, то холопа плетью или нагайкой (nahajką), а не шляхтичу пять ударовъ веревкой (postronkiem). Иного-же положенія—одинъ день ареста, при довольно скромной ѣдѣ; наконецъ, онъ обязанъ извиниться и взять слова назадъ.

Статья четвертая.

„Кто ударитъ, то, хотя бы кровавой раны и не было, шляхтичу два дня арестъ на хлѣбѣ и соли, сверхъ того извиниться, а не шляхтичу—десять ударовъ веревкой. А если бы плебей ударилъ шляхтича, то онъ имѣетъ быть наказанъ и ударами, и арестомъ четыре дня.

Статья пятая.

„За кровавую рану: сидѣть, просить, платить по закону, или какъ найдутъ господа судьи.

Статья шестая.

„Слѣдственно, кто бы осмѣлился, имѣя установленія и судей предъ глазами, самъ себѣ чинить правосудіе, его, какъ своевольника и преступника противъ статей, судьи имѣютъ наказать по общему приговору, единодушному и справедливому.

Статья седьмая.

„Чтобы смотрѣли за огнемъ и каждый блюлъ-бы въ своемъ домѣ, особливо и именно повара, чтобы или хорошо собирали огонь въ кучу или заливали, въ виду опасности отъ вѣтровъ, которые здѣсь часты—подъ карой десяти ударовъ.

Статья восьмая.

„Если возможно, то хорошо бы было пьянство оставить, ибо отсюда одинъ грѣхъ и вредъ. Но если отстать отъ него не могутъ, то, по крайней мѣрѣ, тотъ, кто-бы напился, чтобы не вылъ, на виднѣйшихъ и старшихъ не ревѣлъ, не закрикивалъ ихъ, но шелъ-бы тихо спать, иначе съ своевольникомъ при десятскомъ въ карцеръ (do kluzy), чтобы проспался и перебѣсился.

Статья девятая.

„За воровство — сто ударовъ веревкой и возвратить или вознаградить, если бы тотъ что потерялъ.

Статья десятая.

„А такъ какъ сюда, во дворъ г. Сверскаго, имѣютъ приводить и въ немъ уже находятся измѣнники предъ Богомъ, Рѣчью Посполитой и предъ его величествомъ королемъ, своимъ государемъ, то съ ними имѣютъ не только мирно обращаться, но блюстись и остерегаться, какъ паршивыхъ овецъ, безчестныхъ и негодныхъ—*noscitur enim ex socio, qui non cognoscitur ex se*—и имѣютъ гнушаться общенія и бесѣдъ съ ними, какъ съ такими, что достойны только рукъ палача.

Статья одиннадцатая.

„А если бы нашелся между нами (на что мы не надѣемся) такой, который не пожелалъ-бы подчиниться этому нашему установленію и въ наглости своей объявился врагомъ мира и порядка, выступая противъ этихъ постановленій, и съ яростью и оскорбленіемъ бросился бы къ инымъ—помимо исканія правосудія у тѣхъ, которыхъ мы на то упросили и уполномочили:

противъ таковаго мы обѣщаемъ другъ предъ другомъ шляхетскимъ словомъ возстать и, стоя одинъ у другого, воспомочь закону, а, если не можетъ быть, то и отмщеніе.

„Ихъ милости употребили на эти суды людей большихъ и меньшихъ, разсудительныхъ и свѣдущихъ, изъ разныхъ ротъ; число ихъ имѣетъ быть семь и это для того, чтобы не могло быть *paritas votorum*, но *pluralitas pracvaleret*, т. е., чтобы заключеніе принадлежало большей совокупности мнѣній и рѣшеній. А тѣмъ дается *absoluta potestas*, и не только власть и свобода, но и вѣра. Вотъ они: его милость г. Мартынъ Стадницкій, г. Станиславъ Корытко, г. Станиславъ Слоньскій[1]).

„Вышеоименованные будутъ обращать вниманіе не на то, что они желаютъ и могутъ, но на то, чѣмъ они обязаны предъ совѣстью, добродѣтелью, закономъ и правосудіемъ, и помнить не только то, что имъ дозволено, но и то, что̀ поручено и довѣрено. *Datum ut supra*.

Quaeris, cur crescant numerosa volumina legum?
Est ratio: magnus crescit in orbe dolus.
Oderunt peccare boni virtutis amore;
Oderunt peccare mali formidine poenae".

Подъ этимъ подписи.

Тутъ имѣли быть выписаны молитвы, которыя должны были быть произносимы по литаніяхъ; но объ этомъ забыто, и смотри ихъ на третьемъ листѣ[2]).

Нашлось не мало такихъ между насъ, которымъ этотъ порядокъ не понравился, которые находили для себя удовольствіе въ своеволіи и развратѣ; начали прекословить противъ этихъ статей. Мы говорили имъ: „которыя вамъ не нравились бы, мы ихъ устранимъ въ любви, измѣнимъ, отымемъ, прибавимъ, если укажете что-либо лучшее. Рѣчь идетъ объ оскорбленіи Бога и ближняго, о притѣсненіи болѣее слабаго болѣе сильнымъ, человѣка скромнаго наглымъ. Накажемся уже этимъ посѣщеніемъ Божьимъ, которое мы выносимъ отъ народа столь низкаго на свѣтѣ. Обратимъ вниманіе на душегубство и на иные омерзительные грѣхи предъ Богомъ, на развратъ, а все это такъ сильно умножилось среди насъ за это время. Не будемъ-же подавать новыхъ причинъ Господу Богу—карать насъ и быстрѣе и еще болѣе продолжительнымъ заточеніемъ. Тутъ не написано ничего особеннаго, какъ только о богослуженіи и о наказаніи наглеца

---

[1]) Въ рукописи двѣ строки незаполнены; кажется, авторъ намѣревался позже вписать остальныя четыре имени.

[2]) На стр. 202.

и вора. Одного и другаго каждый порядочный человѣкъ обязанъ остерегаться".

Не имѣло мѣста слово, какъ и никакіе доводы у своевольныхъ. Трудны безъ суровыхъ мѣръ и принужденія: для развратнаго—покой, для наглаго—скромность, для пьяницы—трезвость; трудно распутнику рекомендовать воздержаніе и стыдъ и убѣдить его въ немъ.

Завлекъ было вмѣстѣ съ собою, среди своей челяди, на эту несчастную московскую свадьбу г. староста луковскій и нѣсколько солдатъ; москвитяне, отдѣливши ихъ отъ него, присоединили ихъ къ намъ. Эти-то и не пожелали подписаться подъ нашимъ соглашеніемъ и порядкомъ — какой только могъ быть въ то время,—а къ нимъ присоединились и слуги г. Юрія Стадницкаго, которыхъ также сослали съ нами безъ ихъ господина. Они указывали слѣдующую причину своего упорства: если-бы который изъ насъ въ чемъ провинился, мы сами промежь себя учинимъ ему судъ, а не то, чтобы кто-то долженъ былъ насъ судить".

Мы имъ говорили: „обратите вниманіе на то, что и въ счастіи непорядокъ есть зло, а что въ несчастіи! Надменность и несогласіе всегда оскорбляютъ Господа Бога; но въ бѣдствіи и утѣсненіи Онъ слишкомъ всего этого гнушается, а честные люди стыдятся. Однако, такъ какъ здѣсь никто не можетъ быть принуждаемъ и дѣло на доброй волѣ каждаго — подписаться или нѣтъ, поэтому мы увѣщеваемъ васъ во имя пріятельской любви, чтобы каждый держалъ себя скромно, никого не оскорбляя, и вмѣстѣ съ тѣмъ симъ объявляемъ, что на случай, если бы тотъ, кто подъ этими статьями подписался-бы и какое-либо оскорбленіе учинено было ему отъ того, кто подъ ними не подпишется, то всѣ мы стоимъ при немъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не оправдается предъ оскорбленнымъ или онъ за оскорбленіе свое не отмститъ сугубо".

Въ такомъ, къ сожалѣнію, несогласіи мы разошлись; однако, послѣ тѣхъ статей и оглашеніи ихъ воздерживаться стали отъ столь частыхъ ссоръ. А если когда-либо нѣчто подобное и случалось, то легко, промежь себя, примирялись. Впрочемъ, пьянство шло своимъ обычнымъ темпомъ, хотя у иного уже много было лѣтъ на плечахъ (na szarych portkach), и каждый скромный человѣкъ могъ только удивляться подобному распутству.

Дня VI-го мѣсяца августа.

Хотя заключеніе болѣе всего насъ угнетало, но и нужда чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе намъ докучала, особенно дороговизна и истощеніе съѣстныхъ припасовъ въ столь нищенскомъ убо-

гомъ городишкѣ (mieścinie). Жалуемся мы приставамъ, тѣ отвѣчаютъ намъ: „мы не виноваты; мы приказали объявлять, чтобы возили; напишите опять къ государю, а мы отошлемъ“. И снова мы написали такую челобитную:

„Царь-государь и великій князь, Василій Ивановичъ, всея Руси! Бьютъ челомъ твоему величеству Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Станиславъ Слоньскій и иные люди польскаго народа, сосланные съ ними на Бѣлое-озеро.

„Недавно мы били челомъ вашему государскому величеству, чтобы ты смиловался надъ нами, невинными людьми, и приказалъ-бы перевести насъ изъ этого нищенскаго и голоднаго Бѣло-озерскаго города въ какой-иной, болѣе богатый,—или въ Тверь, или въ Романовъ, или въ Ростовъ, наконецъ, хоть въ Угличъ, придавши къ намъ нашего попа отъ сендомірскаго воеводы. Но такъ какъ угнетаетъ насъ великая нищета и голодъ, то мы не перестаемъ вопить къ тебѣ, царь-государь: взгляни на это утѣсненіе наше, не допусти умереть (zdychaé) намъ отъ голода, когда и безъ того уже нѣсколько нашихъ умерло отъ этой нищеты.

„Давали намъ въ Ростовѣ государскаго твоего пожалованія на одного человѣка въ день—считая тутъ все—и мясо, и хлѣбъ, и горѣлку, и пиво,—по три гроша. Теперь-же на Бѣломъ-озерѣ и отъ этого малаго количества убавили третью часть. Сносили мы это спокойно, пока мы имѣли чѣмъ докладывать изъ своего. Но теперь, когда мы уже и это небольшое количество своего платья пораспродали, когда иные ходятъ уже полунагими, Бога ради, взгляни на нашу столь великую нужду, не допусти умереть отъ голода, прикажи прибавить снова намъ третью часть и послать въ болѣе богатый городъ, а мелкихъ нашихъ людей, въ которыхъ вашему государскому величеству нѣтъ никакого интереса, отослать на рубежъ, пока они еще не поздыхали отъ нужды, такъ какъ мы не имѣемъ чѣмъ ихъ кормить. Пожалуй, прикажи распустить ихъ просить милостыню, а, наконецъ, одного изъ насъ отпустить въ Польшу: онъ освободилъ бы насъ отсюда и выполнилъ бы все то, что только ваше государское величество потребовалъ бы отъ его в-ва короля и нашей Рѣчи Посполитой; мы-же, что здѣсь остаемся, будемъ порукою за него, что онъ воротится въ назначенное время. Царь-государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, пожалуй, смилуйся. Писана на Бѣломъ-озерѣ, 6-го августа лѣта отъ рождества Спасителя нашего 1607-го.

„Изстрадавшіеся нищіе узники, сосланные на Бѣлое-озеро“.

Молитвы,

которыя по литаніяхъ бывали произносимы каждый день; онѣ имѣли быть вписаны сейчасъ-же послѣ статей.

Молитва Іисуса, сына Сирахова,

исповѣдующаго любовь Господа Бога надъ собою и благодарящаго Его за святую любовь по оборонѣ отъ непріятелей. Приноровлено къ нынѣшнему нашему испытанію.

Буду исповѣдывать я Тебя, Господи Боже, Царь вѣчной хвалы въ вышнихъ, и буду хвалить Тебя, Бога, Спасителя моего. Буду исповѣдывать имя Твое, ибо Ты сталъ для меня помощникомъ и защитителемъ и сохранилъ тѣло мое отъ погибели и устъ лживыхъ. Ты бывалъ помощникомъ предъ очами противниковъ, избавилъ меня, по великости имени Твоего, отъ рычащихъ и жаждущихъ крови моей, изъ рукъ, ищущихъ душу мою.

Ты вырвалъ изъ истязанія и угнетенія пламени, которое объяло было меня, и посреди огня я не опалился. Избавилъ меня отъ безбожнаго царя, за что будетъ хвалить и до смерти душа моя Господа. Обступили меня отовсюду, и не было никого, кто бы спасъ. Взиралъ я на спасеніе отъ людей, и не было его. Вспомнилъ я милосердіе Твое, Господи, и управленіе Твое, которое идетъ отъ вѣка, вспомнилъ Тебя, который призываешь ожидающихъ Тебя, и Ты избавилъ меня изъ рукъ жестокихъ. Взывалъ я Господа, Господа отца моего, да не оставишь меня въ день истязанія моего и во время гордыхъ безъ помощи. Буду неустанно хвалить имя Твое и буду возславлять его, ибо услышана молитва моя и Ты благоволилъ сохранить меня отъ погибели и отъ *саsи* злого исхитилъ меня. Потому буду хвалить и благословлять имя Господне, которому да будетъ честь и хвала во вѣки вѣковъ. Аминь.

Молитва Неемія,

по возвращеніи изъ неволи у царя персидскаго, о избавленіи народа.

Господи Боже, Создателю всего, грозный и сильный, справедливый и милосердый; Ты, который самъ добрый царь, самъ щедрый, самъ справедливый, всемогущій и вѣчный, который избавляешь свой народъ отъ всяческаго зла; Ты, который создалъ избранныхъ отцовъ и посвятилъ ихъ,—прійми жертву нашей молитвы за весь народъ Твой, сохрани долю Твою и освяти ее.

Собери разсѣянныхъ нашихъ, избавь тѣхъ, которые въ неволѣ у отступниковъ отъ Церкви Твоей, и воззри на презрѣнныхъ и омерзѣнныхъ, да познаютъ отступники, что Ты еси Богъ нашъ. Досади тѣмъ, которые насъ угнетаютъ и которые въ гордости своей намъ чинятъ неправду. Поставь народъ Твой на брегахъ родныхъ, при Церкви и жертвахъ Твоихъ святыхъ, которыя онъ употребляетъ къ хвалѣ Твоей и къ омытію грѣховъ и неправды своей, которыми онъ наказуется за нарушенія воли Твоей въ теченіе жизни своей здѣсь на землѣ, восхваляя имя твое, которому да будетъ честь и хвала во вѣки вѣчные. Аминь.

Дня XV-го мѣсяца августа.

Видя, что чѣмъ далѣе, тѣмъ слабѣе, при истерзанныхъ чувствахъ, становится наше здоровье, мы просили приставовъ дозволить намъ послать двухъ слугъ съ приставами въ Вологду, 24 мили отъ Бѣлаго озера, гдѣ нѣмцы имѣютъ склады, для покупки кореньевъ, нѣсколько вина и иныхъ необходимыхъ предметовъ, на то еще небольшое количество платья, что еще оставалось у насъ, для поправленья нашего здоровья, чтобы, наконецъ, сжалились надъ нами, видя такое число больныхъ между нами. Народъ подневольный, живущій обыкновенно подъ палкой, они отвѣчали намъ: „этого мы не можемъ сдѣлать, опасаяся государевой немилости; но объ этомъ напишите челобитную къ государю, великому князю всея Руси, чрезъ того посадскаго человѣка, который теперь ѣдетъ въ Москву, а мы прикажемъ ему взять, и легко вы получите на то пожалованье, если только не собираются переслать васъ отсюда въ другой городъ“. Послушались мы совѣта и написали такую челобитную:

„Царь - государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси!

Бьютъ челомъ вашему царскому величеству люди польскаго народа, сосланные на Бѣлое-озеро: Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Станиславъ Слоньскій и иные, при нихъ находящіеся, чтобы ты, царь-государь, дозволилъ имъ двоихъ людей послать въ Вологду, а нельзя двоихъ, то одного, за покупкой травъ для лѣченія ихъ, потому что и самые бо̀льшіе очень больны и много людей, что при нихъ, отъ нищеты и нужды, которыя терпимъ на Бѣломъ-озерѣ, отъ слишкомъ дурного пива и напитковъ, какихъ раньше мы никогда не пили, такъ и отъ отсутствія иныхъ предметовъ потребленія и съѣстныхъ припасовъ, отъ чего уже нѣсколько нашихъ умерло. Просимъ тебя, государь — Христа ради, не умори, пожалуй, дозволь намъ послать, чтобы мы могли пособить нашему здоровью, пока Господь

Богъ (Hospod Bóg) не избавитъ насъ отсюда или пока ты не сошлешь насъ въ иной, болѣе обильный городъ, о чемъ мы твоему царскому величеству челомъ били нѣсколько разъ; теперь ждемъ отвѣта.

„Писано на Бѣломъ-озерѣ, 15 августа лѣта отъ рождества Спасителя нашего 1607.

„Нищіе и изстрадавшіеся узники, сосланные на Бѣлоезеро“.

Дня XIX-го, того-же.

Пріѣхали къ намъ пристава и съ Казаринымъ, старостою этого знаменитаго Бѣлоозерскаго города, навѣстить. Пригласили насъ со двора по-надъ озеро, потому что никогда эти старшіе пристава, которыхъ они называютъ головами, не осмѣливались входить въ избу ни одного изъ нашихъ, изъ-за опасенія возбудить подозрѣнія у государя сношеніями съ нами. Сойдясь вмѣстѣ, послѣ общаго здорованья и вопроса о здоровьѣ, мы спрашиваемъ ихъ—не слыхать ли чего о пріѣздѣ нашего посла изъ Польши? Отвѣчали, что „нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но мы надѣемся узнать что-либо опредѣленное отъ того, котораго послали съ вашей челобитной“. Мы замѣтили затѣмъ:

— Не можемъ не удивляться, что такъ долго никого нѣтъ; безъ особенно-важной причины этого не можетъ быть.

На это бѣлозерскій староста:

— И насъ это сильно удивляетъ, и мы себѣ это такъ должны истолковать, что вы у себя, въ своемъ отечествѣ, должно быть какіе-то ничтожные (podli) люди, если въ теченіе полутора года никто о васъ не говоритъ и не заботится, а между тѣмъ отъ вашего, столь продолжительнаго, пребыванія здѣсь и казна государева терпитъ, содержа васъ, да и вамъ у всѣхъ народовъ и безчестье, и соромъ (sorom).

Помолчавши и нѣсколько подумавши, мы отвѣчали:

— И мы такъ толкуемъ, что вашей нищенской землѣ не въ моготу такъ долго кормить это небольшое количество людей; но мы и не просимъ о томъ вашего государя; пусть онъ насъ отпуститъ, насъ, которыхъ онъ задерживаетъ вопреки всякаго закона и приличія. Что же касается того — что мы за люди, малые или большіе, тебѣ не для чего намъ объяснять; но ты самъ видишь, что люди несчастные, проведенные грамотами, засылками, просьбами вашихъ думныхъ бояръ, и едва-ли кто когда либо былъ болѣе несправедливо, чѣмъ мы, брошенъ въ тюрьму и попалъ въ болѣе жестокія руки.

Эта рѣчь мало что возмутила насъ: она прибавила намъ много горечи—въ заточеніи и нищетѣ терпѣть еще насмѣшки

и поруганія отъ варваровъ. Мы соображали несчастіе наше, что его в-во короля мы по доброй волѣ приняли отъ чуждаго народа, чтобы онъ управлялъ нами въ славѣ и чрезъ насъ обиловалъ во всѣхъ дарахъ судьбы, что мы проливали кровь за него, не только противъ чуждыхъ, но и противъ своего народа, своей крови, его защищали; что мы оберегали достоинство и жизнь его цѣлыхъ двадцать лѣтъ, при чемъ одни терпѣли ущербъ въ своемъ имуществѣ, другіе и совсѣмъ теряли его; что мы не останавливались часто ставить въ ничто и морскія бури и опасности, военные труды и здоровье,—а теперь, въ нашемъ приключеніи и несчастіи, какую благодарность имѣемъ? Такъ много подданныхъ изъ рыцарскаго сословія безвинно и жестоко перебито; другіе-же, болѣе двухъ тысячъ — обязательныхъ слугъ, чиновниковъ, сенаторовъ, пословъ, которые у всѣхъ народовъ на свѣтѣ гарантированы правомъ безопасности, массу женщинъ, знатныхъ и почтенныхъ, онъ, король, терпитъ въ заключеніи. Онъ не вчинаетъ дѣла о неправдѣ, учиненной намъ, не ищетъ способовъ освобожденія насъ, ни посольствомъ, ни договорами, ни войной, наконецъ, не оказываетъ ни малѣйшаго, въ виду всего этого, изъявленія оскорбленія или скорби. И отъ кого? Отъ варваровъ, отъ народа, вѣроятно, самаго низкаго на свѣтѣ, самаго грубаго и неспособнаго къ бою, лишеннаго всякаго военнаго снаряженія—помимо малости пушекъ,—необученнаго въ рыцарскомъ дѣлѣ, у котораго ни замковъ, ни городовъ, ибо ихъ нѣтъ; ни доблести, ни храбрости, ибо это пріобрѣтается практикой; ни ума, ибо прирожденнаго природа не дала, а объ упражненномъ онъ не слышалъ; ни богатства, ибо никакого нѣтъ, кромѣ малости пушнаго товара, который и спускается къ намъ, слѣдовательно, онъ въ нашей власти; ни помощи и подкрѣпленій ни отъ какого народа въ мірѣ, ни солдата ни откуда. Чтó-же могло бы насъ затруднить не только отъ отместки, отъ возвращенія силою своего, что такъ долго удерживала [1]), на великій нашъ срамъ, эта faex gentium[2]), но и отъ наложенія ярма на это дикое животное (bydlo). Если кто на это скажетъ—болота, то развѣ тѣ болота, что поросли деревомъ, будутъ затруднять? Одна только нищета, она одна, могла-бы ихъ защитить; но и она, при нашихъ средствахъ, при нашей военной готовости, не могла бы быть для насъ тяжелой, а затѣмъ, послѣ кратковременнаго усилія и навѣрной побѣды, при великой славѣ и работѣ рабами, мощное государство и

---

[1]) Ср. выше. Патріотическій авторъ „Записокъ" имѣетъ въ виду Смоленскъ и Сѣверскую землю.

[2]) Т. е. осадокъ народовъ, съ презрѣніемъ.

расширеніе границъ; вслѣдствіе всего этого мы не только въ Европѣ стали бы могущественнѣе другихъ народовъ, но имя наше сдѣлалось бы грознымъ для Азіи и всего поганства, какъ нѣкогда македонянъ. Воскресла-бы по сю пору зарытая слава военнаго народа, доблестныхъ богатырей сарматскихъ. Уже ни Borysthenes, ни Tanais не задерживали-бы насъ, равно какъ ни Pontus Euxinus, ни Caspium, или Hyrcanum моря; и обитатели Чернаго моря должны бы были дрожать, а выше всего—расширеніе и соединеніе соборней католической церкви и пріобрѣтеніе такого количества душъ для Господа Бога.

О, дряблость и безчувственность нашего народа, который столько времени терпѣлъ столь подлаго и надменнаго непріятеля! По крайней мѣрѣ теперь, за эту неправду къ намъ, *exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor*[1]).

Боже, дай еще при жизни моей это утѣшеніе и впусти въ сердца нашего народа такую ревность въ любви о Твоей хвалѣ, а государя возбуди — да проявитъ сердце, вожженное на бой, во имя расширенія и размноженія вѣры и хвалы Твоей святой. Пусть вѣроотступники познаютъ, что Ты — нашъ католическій Богъ и не терпишь поруганія, которое творятъ святой Твоей Церкви. Отмсти же имъ за неправду ихъ къ намъ, которую они творятъ сейчасъ въ своей надменности, и, держа насъ столь долгое время въ заключеніи, возбраняютъ пользованіе жертвою Твоей святой—къ хвалѣ Твоей и къ омытію нашихъ грѣховъ. Развѣ можетъ стать намъ что-либо болѣе жестокое, чѣмъ это? Приходя предъ Тебя, Господи, мы дѣлаемъ Тебя совмѣстно и адвокатомъ и судьею нашимъ, говоря съ пророкомъ: „Осуди насъ, Господи, въ неправдѣ нашей, изъ власти людей безбожныхъ исторгни насъ, и дай силу въ терпѣніи, для снесенія посѣщенія и наказанія Твоего.

Такъ, при нерѣдкомъ переборѣ и соображеніи нашего несчастія и утѣсненія, не одного изъ насъ сердечная скорбь доводила до кровавыхъ слезъ.

Дня XXIII-го того-же мѣсяца.

Не будучи въ состояніи дождаться какого-либо отвѣта на прежнія наши просьбы, ни возврата посланца, котораго послали пристава, мы написали снова вторую просьбу, того же содержанія, что и первую, а пристава посовѣтовали намъ написать по-русски (po rusku): „это будетъ пріятнѣе государю и скорѣй онъ можетъ для насъ что-либо сдѣлать“. Послушались

[1]) Т. е. появится какой-либо мститель изъ нашихъ костей.

мы ихъ, прибавивъ: „только-бы помогло, напишемъ и на разныхъ языкахъ" [1]).

„Царю-государю и великому князю Василію Ивановичу всея Руси!

„Бьютъ челомъ твоему царскому величеству: Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Евстафій Слоньскій и иные, при нихъ находящіеся люди.

„Уже въ этомъ мѣсяцѣ третью челобитную пишемъ къ тебѣ, о царь-государь, вѣдомо чиня о великой нуждѣ и голодѣ нашемъ, который терпимъ мы здѣсь въ этомъ Бѣлоозерскомъ городѣ и дождаться не могли никакого указу отъ тебя, царь-государь. Узнай самъ это дѣло, поступаютъ какъ съ нами, съ вольными людьми, которые прибыли добровольно за обнадеживаніемъ отъ царя, великаго князя, на то время бывшаго, къ тому и всѣхъ бояръ думныхъ, между которыхъ и ты самъ, государь, былъ, о свободномъ пріѣздѣ и отъѣздѣ чрезъ пословъ, чрезъ грамоты (ramoty) свои, а теперь, помимо всякаго завѣренія, не только что насъ задержали, но и весьма худо и тѣсно держатъ. Раньше было немного корму, а теперь и того убавили на третью часть (dol), на что не мочно прожить не только (tyloho) намъ самимъ, но и людямъ нашимъ, которымъ даютъ въ день всего двѣ копѣйки. Мы продавали, пока еще что у кого было, менѣе чѣмъ за половину, почти даромъ (chuży niże na poły zadar), а теперь нечего и продать, да и не найти купить что надобно, а въ недавнее время и хлѣба, въ теченіи нѣсколькихъ дней, нельзя было купить, о чемъ можно довѣдаться отъ нашихъ приставовъ, которые живутъ при насъ. А мы били имъ челомъ, чтобы они извѣстили тебя о томъ голодѣ и нуждѣ нашей. Били мы также челомъ нашимъ приставамъ, чтобы хотя-бы одного нашего человѣка съ приставомъ послать въ Вологду продать что еще у кого было, да и для того, чтобы онъ купилъ намъ травъ (zilia) и иной рухляди для больныхъ, которые живутъ между насъ; но и того не хотѣли они намъ дозволить безъ твоего государскаго указа. Итакъ, Христа ради и Спаса, Бога Всемогущаго, сознай и обдумай, царь-государь, что ты насъ держишь въ такой нуждѣ и безвинномъ заключеніи, да еще моришь голодомъ, отъ которой нужды и голода уже нашихъ здѣсь нѣсколько человѣкъ померло.

---

[1]) Дѣйствительно, нижеслѣдующая челобитная составлена на смѣси словъ, формъ и оборотовъ изъ обоихъ языковъ. Въ переводѣ этотъ характеръ языка поневолѣ утрачивается. Въ русской части преобладаетъ южнорусскій элементъ: terpimo, tysno, oden и пр. Большинство дѣйствующихъ лицъ въ „Московской трагедіи" были изъ восточной, слѣдоват., русской Галиціи.

„Радости и пользы никакой тебѣ, царь-государь, отъ этого не будетъ — одно лишь безславье у всѣхъ христіанъ и поганныхъ, ибо и поганные не обходятся такъ съ такими людьми, какъ мы, съ такою дружбою заманутыми (przybawiony) къ себѣ, какъ мы сюда, въ эту землю.

„Въ первыхъ челобитныхъ мы били челомъ твоему величеству, да и теперь бьемъ тебѣ, государь, чтобы кого изъ нашихъ повелѣлъ отпустить въ нашу землю, къ его величеству королю и въ нашу Рѣчь Посполитую, за котораго мы всѣ, что здѣсь остаемся, порукою будемъ, что онъ вернется и съ выполненіемъ того, что только тебѣ, государь, было бы нужно отъ его величества короля и Рѣчи Посполитой. Объ этомъ и теперь, Христа ради, бьемъ челомъ: смилуйся, пожалуй, а на то время, пока вернется нашъ посланецъ изъ нашей Рѣчи Посполитой, прикажи послать насъ въ какой иной городъ, чтобы мы въ такомъ голодѣ и нуждѣ больше не жили, придавши къ намъ нашего попа (popa) отъ г. воеводы сендомірскаго.

„Къ тому-же, пожалуй насъ жалованьемъ твоимъ государскимъ—прибавкой той третьей доли кормовъ, которая убавлена у насъ, а людишекъ (liudiska) нашихъ, которые намъ не нужны да и тебѣ, государь, до нихъ нѣтъ ничего, пожалуй, помилосердуй, прикажи выслать ихъ на рубежъ, къ нашей землѣ, ибо имъ весьма худо: лишены всякой одежды (ruchlie) и отъ мороза и смерть принимаютъ. Царь-государь и великій князь Василій Ивановичъ, всея Руси самодержецъ, помилосердуй, пожалуй. Писана на Бѣломъ-озерѣ (Bilem ozorze), отъ нуждающихся и измученныхъ узниковъ, 23 августа лѣта отъ рождества Спаса нашего 1607".

Дня VI-го мѣсяца сентября.

Черезъ десять съ небольшимъ дней послѣ этой челобитной возратился къ намъ посланецъ съ объявленіемъ, что „государь смилосердился надъ вами, пожаловалъ васъ своимъ великимъ царскимъ пожалованьемъ". Слушаемъ съ радостью, думаемъ, что вотъ-вотъ мы вольные, но—: „повелѣлъ привести къ вамъ вашего попа отъ сендомірскаго (т. е. воеводы), за которымъ съ указомъ поѣхалъ стрѣлецъ",—хотя и это, въ удрученіи, непослѣдняя утѣха, которой мы ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ. Вѣдь если-бы Господь Богъ наслалъ смерть кому въ этомъ заключеніи, то онъ, по крайней мѣрѣ, былъ бы въ состояніи разстаться со свѣтомъ по-христіански, воспользовавшись жертвоприношеніемъ Господу, въ омовеніе своихъ грѣховъ.

Съ радостью ожидаемъ мы этого божьяго слуги, пастыря и врача душъ нашихъ, соображая, гдѣ бы его помѣстить. На-

ходитъ зима, всюду тѣсно, человѣкъ по десяти слишкомъ въ небольшой закопченой избенкѣ; однако, стѣснившись, мы опредѣлили для него маленькую горенку (izdebczynę), какая могла найтись. Но не можемъ высмотрѣть мѣста, гдѣ бы могла отправляться святая литургія: всюду тѣсно, темно, закопчено, воняетъ. Выстаивать во дворѣ, хотя бы и собрали что-либо на нѣкоторое прикрытіе, при столь большихъ морозахъ—дѣло мало статочное.

Дня XII, того-же.

Пріѣхалъ стрѣлецъ, со словами, что „попа отъ сендомірскаго имѣть не будете: одинъ умеръ, а въ другихъ самъ онъ нуждается". Подумали мы про себя: „О, Господи Боже, такъ Ты не хочешь оказать намъ никакого утѣшенія, — за грѣхи мы еще большій гнѣвъ Твой заслужили, но еще больше милосердіе Твое". Жаловались мы на наше несчастіе приставамъ. Просимъ ихъ, Бога ради, „если вы называетесь христіанами, какъ и мы, сжальтесь надъ нами, помогите; такъ какъ здѣсь мы не можемъ имѣть своего попа, то чтобъ соединили насъ съ нашими, гдѣ-бы былъ попъ. Вѣдь вашему государю безразлично, будемъ ли мы жить гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, какъ и здѣсь".

Отвѣчали съ божбою (po chresnemu), что „намъ васъ жаль, но напишите снова челобитную къ государю, великому князю Василію Ивановичу всея Руси, а мы пошлемъ стрѣлецкаго сотника: онъ воротится съ чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ". Но измѣнникамъ скорѣе шло о томъ, какъ и раньше, чтобы какъ-нибудь поближе очутиться къ своимъ домамъ, а не о томъ, чтобы имѣть какое сожалѣніе о насъ. Мы имъ сказали:

— Хотя мы этими челобитными никогда ничего не достигали, но если желаете послать сотника, чтобы онъ привезъ какой-либо отвѣтъ, то разъ будетъ какая польза, мы не только челобитную, но и „тылобитную" (tyłoutarnią) пошлемъ".—Спросили насъ: „што-бы то за тылу-утарня была"? Мы отвѣчали, что это вещь еще болѣе унизительная, чѣмъ челобитная [1]). На это они:

— Добре, добре; то такъ хорошо; у васъ въ Литвѣ все лучше (luczno), мудрые вы люди! [2]).

Дня XIV-го, того-же.

Послали мы снова эту нашу истую (istą) (не знаю, какъ ее назвать) черезъ сотника, который обѣщалъ быстро (burzo)

---

[1]) Очевидно, польскіе собесѣдники играли словами, противуставляя слову „чело" слово „тылъ".

[2]) Отвѣтъ передается довольно правильно по-русски: мы и воспроизводимъ его почти буквально.

возвратиться; мы ему обѣщали, что онъ не будетъ безъ хорошаго подарка, если привезетъ что-нибудь утѣшительное.

„Царь-государь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси!.

„Бьютъ челомъ вашему царскому величеству: Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Евстафій Слоньскій и иные люди, при нихъ живущіе![1]).

„Сообщили намъ наши пристава указъ отъ твоего царскаго величества, что ты насъ пожаловалъ жалованьемъ своимъ и приказалъ было намъ нашего попа отъ г. воеводы сендомірскаго; но воевода намъ его не отпустилъ, сказывая. что у него одинъ попъ умеръ, а тѣ другіе трое ему надобны: и такъ снова въ другой и въ десятый разъ (desiaty rat) бьемъ тебѣ. государь, челомъ—смилуйся и смилосердься, царь-государь, надъ нами, измученными, прикажи послать насъ изъ этого, столь бѣднаго, города въ какой-либо иной (onszy), въ которомъ-бы жили наши товарищи да при нихъ жилъ-бы нашъ попъ — либо въ Ярославль, либо въ Тверь, куда тебѣ, государь, любо: вѣдь твоему величеству одно—здѣсь мы, или гдѣ индѣ,—изъ пожалованья своего давать намъ кормы.

„Люди луковскаго старосты бьютъ также челомъ твоему величеству, чтобы ты пожаловалъ и приказалъ отослать ихъ къ барину ихъ, а людей Сверскаго съ его братомъ, да иныхъ людей, которые живутъ безъ господъ, взять въ Кострому; если-же нельзя, чтобы ты велѣлъ всѣхъ насъ въ тѣ города разослать, то пожалуй лишь насъ пятерыхъ: Стадницкаго, Немоевскаго, Вольскаго, Корытку и Слоньскаго отправить въ Ярославль или въ Тверь, чтобы мы могли жить при нашемъ попѣ.

„Бьемъ также челомъ тебѣ, царь-государь, какъ били въ первыхъ челобитныхъ, чтобы ты пожаловалъ и приказалъ котораго изъ нашихъ, одного, отослать къ его величеству королю и въ нашу Рѣчь Посполитую, а мы всѣ за него порукою, что онъ вернется, сдѣлавши то дѣло, которое понадобилось - бы тебѣ, царь-государь, отъ его величества короля и нашей Рѣчи Посполитой, такъ какъ и тебѣ, государь, лучше-бы было казны своей такъ долго не тратить, да и намъ-бы добро —такъ долго нужды великой не нести и вреда, да и не нести потерь какъ въ землѣ нашей, такъ и здѣсь, а съ тѣмъ и голода, что терпимъ здѣсь.

„А буде ты не хотѣлъ-бы, царь-государь, насъ на томъ пожаловать, то бьемъ тебѣ челомъ: прикажи людей нашихъ, по одному человѣку, отпустить въ землю нашу, чтобы они изъ

---

[1]) Языкъ опять смѣшанный польско-русскій.

домовъ нашихъ привезли денегъ (dieneh), и грамоты вели имъ дать, чтобы велѣно было пустить ихъ назадъ къ намъ черезъ твои земли, когда они будутъ возвращаться, ибо велика вокругъ насъ нужда—не на что ни намъ, ни людямъ нашимъ и рубашки купить—все на кормы попродали, ниже чѣмъ за полъцѣны, а другое износили. Къ тому-же, городъ здѣсь голодный, все непомѣрно дорого, да и не все, что надобно, можно достать и покупкой.

„Пожалуй, царь-государь, умилосердись надъ нами, прикажи послать насъ въ иной (onny) городъ, пожаловавши насъ пожалованіемъ своимъ государскимъ, прибавить третью долю кормовъ, что у насъ убавлено: и такъ было худо, а теперь еще хуже.

„Сверхъ того насъ держатъ весьма тѣсно, въ такомъ неслыханномъ острогѣ (tynu), что людишекъ нашихъ только что утромъ пускають на рынокъ (bezoar), а на рынкѣ едва хлѣбца да соли, да и то не всегда, можно купить; къ посадскимъ-же людямъ не пускають. А потому бьемъ челомъ тебѣ, царь-государь: пожалуй, прикажи, чтобы насъ, свободныхъ людей, не такъ тѣсно держали, насъ, которые прибыли сюда по своей доброй волѣ, съ грамотами и съ обнадеживаньемъ отъ всей земли, отъ всѣхъ думныхъ бояръ, а теперь держатъ насъ въ такой великой нуждѣ, невиноватыхъ держатъ въ заключеніи, и уже болѣе полутора года. А такъ какъ людишки наши намъ здѣсь не нужны, да и тебѣ, государь, до нихъ нѣтъ дѣла — пожалуй, прикажи выслать ихъ на рубежъ земли нашей, ибо имъ совсѣмъ худо — бѣгаютъ босые и нагіе, и отъ холодовъ мрутъ. Пожалуй насъ также: прикажи одного изъ нашихъ людей отпустить къ Вологдѣ съ однимъ изъ приставовъ, чтобы продалъ онъ наши послѣдніе кафтанишка, а купилъ-бы травы (zielia) и иную рухлядь, да также романеи для нашихъ больныхъ, кототыхъ у насъ много; а если и этимъ не пожалуешь, то все-же прикажи которому изъ приставовъ нашихъ отправить боярскаго сына въ Вологду, для покупки рухляди, потому что безъ твоего указа и это намъ воспрещаютъ. Царь-государь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, смилуйся, пожалуй. Если всего нельзя, то дозволь намъ хоть одно изъ того, о чемъ мы тебѣ челомъ бьемъ. Писали мы, нуждающіеся и изстрадавшіеся узники, держанные на Бѣломъ - озерѣ въ великой кручинѣ. Дня 14 сентября, лѣта отъ рождества Сына Божьяго 1607".

Пусть никто не удивляется такому письму нашему къ этому проклятому самодержцу (вмѣсто пресвѣтлому самодержцу); надо было приноравливаться къ скотинѣ, да и сами насъ учили, говоря, что „такъ лучше, что можно понимать все, чего вы хо-

тите, не такъ, какъ раньше, что нельзя было знать, чего вы хотѣли".

Дня XXVIII-го, того-же.

Воротился сотникъ, разбойникъ отъ измѣнника. Нѣсколько дней онъ скрывался отъ насъ; легко можно было догадаться, что пріѣхалъ съ малымъ утѣшеніемъ, если скрывается.

По соглашенію напередъ съ головами, онъ сообщилъ намъ, что „государя не засталъ — онъ пошелъ съ полками противъ воровъ, брать Тулу, но братъ его Димитрій, котораго онъ, посланецъ, засталъ въ Москвѣ, такъ ему говорилъ:

— Поѣзжай назадъ, вслѣдъ за тобой будетъ указъ господамъ въ отвѣтъ на то, о чемъ они писали въ челобитной.

Хотя и небольшой отвѣтъ, но мы поняли, что и того не было, но только пристава приказали ему такъ говорить: у этого глупаго народа не только удовлетвореніе, но и отвѣтъ не быстръ. Какъ бы ты ни говорилъ къ нему, но, изъ большой боязни, онъ не знаетъ, что сказать—онъ боится, что его имѣютъ провести, почему совсѣмъ неумѣстная у насъ объ нихъ повѣсть, что москвитянинъ скоръ на отвѣтъ, ибо если когда и случится скорый отвѣтъ, то вполнѣ увѣрены, что — глупый, а если по размышленіи, то рѣдко умный.

Это неотвѣчаніе и нескорое рѣшеніе въ каждомъ дѣлѣ, этотъ скотскій (bydlecy) обычай — общій всѣмъ сѣвернымъ народамъ, и не удивительно, потому что каждый — небольшаго ума и мелкой остроты, почему оборони Богъ каждаго имѣть съ ними дѣло, и счастливъ тотъ, кто, не извѣдавши, будетъ наказанъ чужимъ примѣромъ. О, Господи Боже, почему ты мнѣ не далъ этого счастья!

Дня XXIX-го того-же мѣсяца.

Пожелали отъ насъ узнать пристава, кто какого общественнаго положенія — кто среди насъ былъ какимъ - либо королевскимъ чиновникомъ, кто шляхтичъ, кто простой (plébeusz), говоря, что „это желаетъ знать отъ васъ государь". Мы имъ отвѣчали, что „намъ не зачѣмъ давать отчетъ въ этомъ вашему государю; но скажите намъ, на что вамъ эти свѣдѣнія, тогда мы можемъ вамъ ихъ сообщить". Они отвѣчали, что „мы лично не можемъ знать намѣреній государевыхъ; но когда онъ желаетъ, то прилично, чтобы вы ему сообщили". Покончили мы съ ними на томъ, что мы не намѣрены этого сдѣлать. Въ виду такой неуступчивости нашей, они оставили это разслѣдованіе.

Разсуждали мы про себя на различные способы; другого мы не могли придумать, какъ только то, что, какъ раньше,

такъ и теперь, они желали отобрать у насъ мелкую челядь, безъ которой намъ, предоставленнымъ болѣе низкой прислугѣ, было бы худо. Равнымъ образомъ мы прекрасно понимали, что не для улучшенія кормовъ, потому что мы видѣли, что и та малость, что намъ они давали, была для нихъ очень обременительна.

Перваго дня мѣсяца октября.

Старшіе наши пристава, которыхъ они называютъ головами, пріѣхали насъ навѣстить, спрашивая насъ, какъ мы поживаемъ. Мы отвѣчали, что хуже всего—что касается свободы, но и на здоровьи скверно, вслѣдствіе тѣхъ недостатковъ, которые переносимъ. „Вы сами можете понять, гдѣ это видано, чтобы обходиться двумя грошами, которые намъ отпускаются отъ государя въ день, на ѣду и питье? Докладывали мы по это время изъ своего, пока что имѣли; но теперь уже намъ нестаетъ и мы не знаемъ, что начать дальше. Если-бы вы не убавляли намъ третьяго гроша, который намъ давался раньше, то, такъ-сякъ, мы-бы еще прожили“.

Говорятъ намъ они, что „и такъ на васъ выходитъ много денегъ, потому что разстрига истратилъ казну. Въ казнѣ было 500.000 рублей (что по нашему 1.666.000 золотыхъ). Это все, чортъ его вѣдаетъ, куда онъ раскидалъ въ одинъ годъ (to wsio, czart go wiedajet, kudy rozkidał za oden god“).

Дѣло мало вѣроятное, чтобы такая сумма была разомъ въ казнѣ въ нищенскомъ государствѣ; но если бы и была, то, навѣрное, этотъ бѣдняга—разстрига не долго-бы держалъ ее, такъ какъ былъ не очень скупъ, однако, болѣе щедръ на обѣщанія, чѣмъ на выдачу.

Дня III-го, того-же.

И всякая нужда, но болѣе всего заключеніе увеличивало между насъ уныніе; удручали насъ и неудобство отъ тѣснаго помѣщенія въ болотномъ мѣстѣ, и нынѣшнія непогоды. Потомъ выяснилось на нѣсколько дней и необыкновенное явленіе—ночью на небѣ бывало ясно сіяніе и игра; всматриваясь въ него, мы увидѣли на сѣверѣ, въ видѣ кометы, необыкновенную звѣзду, а изъ нея ясный лучъ, вверхъ на полтора локтя длиною, въ видѣ стрѣлы. Но такъ какъ всѣ историки припоминаютъ, что такія *portenta* обыкновенно бываютъ передъ перемѣной въ какомъ-нибудь государствѣ, или передъ смертью котораго либо монарха, то всѣ мы съ жалостью вздохнули: „О, Боже, учини перемѣну, накажи знатно этотъ глупый народъ за его неповиновеніе Твоей церкви, за измѣну, которую совершилъ предъ

своимъ государемъ, за неправду, которая творится намъ отъ него и, показавъ милосердіе свое надъ нами, измученными, избави насъ изъ руки грубаго и вонючаго народа".

Потомъ эта звѣзда исчезла: она была видима только пять ночей.

Дня VIII-го, того-же.

Пришла грамота отъ государя, чтобы меньшіе пристава, которыхъ при насъ было пять, отъѣхали къ Москвѣ, а берегли-бы насъ тѣ двое старшихъ съ двумя сотниками. Спрашиваемъ ихъ— „что-бы была за причина, что берутъ васъ отъ насъ?" Отвѣчаютъ намъ, что „ваши послы прибываютъ изъ Литвы, и у нихъ мы и имѣемъ быть приставами, какъ уже свѣдущіе въ вашихъ обычаяхъ". Говоримъ имъ: „да, правда, у васъ опытъ большой; берутъ васъ по справедливости", а сами про себя думаемъ: такихъ, какъ вы, можно-бы гдѣ нибудь при скотинахъ сдѣлать приставами, потому что, бестіи, слишкомъ были грубы.

Веселая новинка—желанные послы; съ пріѣздомъ ихъ мы сулили себѣ несомнѣнное и скорое освобожденіе изъ-подъ неволи; но такъ какъ за сто миль послали къ намъ за приставами, то готовы были думать, что, навѣрное, эти животныя собираются и ихъ на время задержать—и не ошиблись въ нашемъ предположеніи.

Дня XIII-го, того-же.

Непрестанно поджидая посланца за нами, мы прилежно спрашиваемъ: „что за причина, что такъ долго нѣтъ никакого извѣстія о прибытіи нашихъ пословъ въ Москву, тогда какъ они уже въ краю?" Говорятъ намъ на это, что „государя нѣтъ въ Москвѣ, при полкахъ противъ воровъ, а потому и задержали вашихъ пословъ въ Смоленскѣ, пока не воротится отъ поляковъ; но долженъ быть этими днями".

Дня XVII-го, того-же.

Сообщаютъ намъ, что „государь уже вернулся отъ полковъ (а полками они называютъ войско) и пошелъ на богомолье въ Троицкій монастырь. Воротившись оттуда, онъ дастъ слушанье вашему послу, которому также приказано тронуться изъ Смоленска въ Москву".

Дня III-го мѣсяца ноября.

Прибылъ изъ Москвы къ намъ стрѣлецъ Жданъ съ новинкою, что литовскіе послы „при мнѣ пріѣхали въ Москву,

ихъ двое: Станиславъ Витовскій и Иванъ Соколиньскій съ небольшою свитою, но тотъ Витовскій лихой, все бранится и угрожаетъ; государь также вернулся отъ Троицы“.

Такъ какъ не скоро объ этихъ послахъ пришлось услышать изъ Польши, поэтому мы расчитывали, что его величество король имѣлъ прислать для освобожденія насъ какихъ-либо знатныхъ сенаторовъ. Подивившись этимъ посламъ, мы говоримъ другъ другу: „когда такихъ онъ имѣлъ послать, то не требовалось столь долгаго выбора. Выводя отсюда, что король о насъ, своихъ вѣрноподданныхъ, мало печется, мы всѣ единогласно сказали: „*Judica nos, Deus, et discerne causam nostram, de gente non sancta erue nos*“, и возложили надежду едино на милосердіе Его, что все-же, за пріѣздомъ тѣхъ, мы выйдемъ изъ заключенія.

Дня XXVI-го мѣсяца декабря.

Узнаёмъ, что пришла грамота отъ государя. На другой день пришли къ намъ головы; слушаемъ, что утѣшительнаго они намъ сообщатъ. Говоритъ старшій, Борисъ Нащекинъ:

— Господа! Пришелъ указъ, что меня, холопа своего, государь-царь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, пожаловалъ своимъ государевымъ пожалованіемъ (этимъ титуломъ привыкли титуловать себя всѣ и самые знатные бояре, полагая себѣ за великую честь быть государевымъ холопомъ), чтобы я ѣхалъ къ нему въ Москву. Товарищъ мой, Венедиктъ Тимошевъ, остается здѣсь—онъ будетъ завѣдывать вами“.

— Ты бы намъ болѣе радостную новинку сообщилъ, что приказано отправить насъ на рубежъ (т. е. на границу), а такъ какъ этого не можетъ быть, то просимъ тебя—передай объ этой нуждѣ, что мы терпимъ здѣсь, государю и скажи ему, пусть онъ такъ съ нами не обходится, людьми невинными, проведенными на союзѣ и гарантіи дружбы.

Но такъ какъ уже раньше каждый изъ насъ, желая этого голову сдѣлать доброжелательнымъ къ себѣ, нѣчто подарилъ, то онъ обѣщалъ „приложить полное усердіе и при передачѣ челобитной отъ васъ, которую вы имѣете послать черезъ меня, извѣщу государя о вашихъ нуждахъ“. Ее мы и послали чрезъ него. Но такъ какъ русскія челобитныя не помогли, то мы написали по-польски.

„Царь-государь и великій князь московскій Василій Ивановичъ всея Руси. Люди польскаго народа, сосланные на Бѣлое-озеро, челомъ тебѣ бьютъ.

„Всѣ государства и монархіи, какія только падали, падали не по какой иной причинѣ, какъ только потому, что преступали спра-

ведливость, и ни одно безбожное или суровое царствованіе не продолжается долго, напротивъ, милостивое или, скорѣй, мягкое—пріобрѣтаетъ силу.

„Поэтому, кто хочетъ царствовать, тотъ пусть повелѣваетъ и господствуетъ милостивою и легкою рукою, ибо плохой стражъ прочности—боязнь. Что творится намъ отъ тебя, на то все глядитъ Господь Богъ—всѣмъ народамъ это къ удивленію, объ этомъ мы часто челобитныя писали, но онѣ, вѣроятно, не доходили, потому что на нихъ мы не получали ни отвѣта, ни привѣта, объ этомъ же и сейчасъ мы бьемъ челомъ тебѣ чрезъ нашего голову, когда ты насъ въ отчизну нашу отпустить не желаешь—хотя и не знаемъ, въ чемъ причина этого.

„Мы давно ожидали посланцевъ отъ его величества короля, нашего государя, которые должны бы были быть для освобожденія насъ. А такъ какъ въ столь долгомъ заключеніи и тяжкомъ—потому что насъ столь стѣснительно содержатъ, что никуда не хотятъ и выпускать—мы пришли, вслѣдствіе недостаточности кормовъ, до крайняго убожества, то смилосердись и сотвори эти двѣ вещи для насъ, людей неповинныхъ—именно: дозволь намъ отправить по одному слугѣ въ дома наши за деньгами, насъ же лично присоедини гдѣ-нибудь къ нашему попу, чего никакой поганинъ не воспрещаетъ христіанамъ, ибо мы столь продолжительное время живемъ какъ скотина, безъ пастыря, а тѣхъ слугъ, что здѣсь не имѣютъ господъ, а ихъ много, отослать къ ихъ господамъ.

„Писана на Бѣломъ-озерѣ, декабря 27-го дня по нашему католическому календарю, лѣта отъ рождества Спасителя нашего Іисуса Христа 1607.

„Изстрадавшіеся узники польскаго народа, безвинно на Бѣломъ-озерѣ содержащіеся“.

Лѣта Господня 1608.

Дня XXIV-го января.

Прося Господа Бога, да благоволитъ Онъ умѣрить свой гнѣвъ на насъ въ этомъ новомъ году, надѣясь на Его новую милость и святое милосердіе, что Онъ избавитъ насъ изъ жестокихъ рукъ, хотя мы заслужили далеко бóльшую кару, мы все-таки имѣли нѣкоторую надежду, что намъ тотъ нашъ голова кое-что сдѣлаетъ. Но—пришло извѣстіе, что государь отправилъ нашего голову въ Сибирь, въ опалу (w opał), т. е. въ заключеніе, по той причинѣ, что два его брата перебѣжали къ тому другому войску, которое, мстя за обиды убитаго Ди-

митрія, не желаетъ признавать новоизбраннаго великимъ княземъ: онъ опасается, чтобы и этотъ не передался тому войску.

Дня XXVIII-го, того-же.

Неизвѣстно, откуда пришло извѣстіе, что половину насъ имѣютъ изъ Бѣлаго-озера перевести въ Каргополь, на тридцать миль далѣе къ Сибири, потому что Бѣлоозерская волость уже не можетъ выдерживать насъ такъ долго.

Легко мы повѣрили этой новинкѣ, такъ какъ видѣли, какъ тяжело приходилась имъ и эта малость припасовъ на насъ; но встревожило нашъ духъ одно, что это угрожаетъ намъ нескорымъ отъѣздомъ и свободой.

Дня II-го мѣсяца февраля.

Прислали изъ Москвы стрѣльца Федора Путила (?), котораго болѣе года содержали въ тюрьмѣ за то, что онъ говорилъ, что Димитрій живъ и истинный наслѣдникъ по умершемъ государѣ. Онъ намъ передалъ, что „ваши послы, и старые, и новые, живутъ въ Москвѣ и часто бываютъ у государя въ Кремлѣ; но государь не можетъ съ ними договориться, почему снова послалъ къ вашему королю Артемія Измайлова; онъ выѣхалъ давно и его съ часа на часъ назадъ ожидаютъ (naczajają)[1]; но того я не знаю, послали ли кого изъ своихъ ваши послы съ нимъ“.

Дня VIII-го того-же мѣсяца.

Сказалъ намъ голова, утѣшая насъ, чтобы мы не горевали, что прибылъ бѣлоозерскій дьякъ, который повстрѣчалъ г. воеводу сендомірскаго: его везли уже изъ Ярославля къ государю въ Москву, а потому надо ожидать вскорѣ указа и о насъ.

Извѣстіе утѣшительное; но мы не знали, когда вѣрить этому лживому народу. Однако, при нынѣшнемъ тревожномъ состояніи духа, сердце охотнѣй за то, что охотно желало бы видѣть.

Дня IX-го, того-же.

Прибылъ посадскій человѣкъ изъ Москвы. Наши провѣдали отъ него чрезъ стрѣльца, что на этихъ дняхъ казненъ Петрашко[2]); онъ былъ схваченъ послѣ передачи Тулы, подъ кото-

[1]) Авторъ желаетъ передать рѣчь стрѣльца по-русски; поэтому: „czas“, т.-е часъ, „nazad“, и полагая, что въ русскомъ языкѣ есть глаголъ „naczajat“, онъ его объясняетъ: „to jest spodziewają“. Мы опускаемъ послѣднюю фразу.

[2]) Этотъ, „Петрашко“, выдававшій себя за сына Ѳеодора и за племянника Димитрія, появился еще въ апрѣлѣ 1606 г. Его казнили въ ноябрѣ 1607 г.

рую ходилъ великій князь. Князь, видя, что къ тѣмъ ворамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе собирается людей, что много укрѣпленныхъ мѣстъ передалось, что Украйна и Сѣверская земля едвали не вся за одно съ ними, и предполагая, что если онъ лично двинется противъ воровъ, то народъ будетъ отставать отъ нихъ, а знатнѣйшіе, и особенно князь Телетыньскій [1]), воевода между нихъ, ударятъ челомъ, собралъ, какое только могъ, самое сильное войско и двинулся подъ Тулу, въ которой заперся было Петрашко, племянникъ Димитрія, съ Болотниковымъ (Blotnik), донскимъ казакомъ.

Великій князь не могъ взять этого ничтожнаго укрѣпленія въ теченіе цѣлаго лѣта; прискучилось однако тѣмъ въ осадѣ отъ настоящей работы и неудобствъ, особенно, когда сталъ чувствоваться у нихъ недостатокъ припасовъ. Болотниковъ (Blotnik), согласившись съ другими, связалъ Петрашка и выдалъ великому князю, а кремль передали.

Съ благодарностью принялъ отъ нихъ это предательство государь. Онъ приказалъ связаннаго Петрашка на клячѣ, безъ шапки, везти въ Москву; здѣсь, продержавши его нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ, вывели на площадь и убили ударомъ дубины въ лобъ, а Болотникова, который его предалъ, государь послалъ въ заключеніе въ Каргополь, 30 миль далѣе за Бѣлое-озеро, по правилу: государи охотно видятъ предательство, но предателями брезгаютъ.

Дня XII-го, того-же.

Вышелъ срокъ пожалованья Казаринову, бѣлоозерскому приказному, т. е. старостѣ; на его мѣсто великій князь прислалъ Ивана Воейкова (Woieyka). Этихъ старостъ держатъ въ должности по заслугамъ или по милости, назначивши имъ опредѣленное пропитаніе изъ необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ, что они и называютъ пожалованьемъ. Если-же выпроситъ для себя иной, что подъ нимъ, или если обжалуютъ его крестьяне, то его удаляютъ и на его мѣсто пошлютъ другого.

При каждомъ есть дьякъ, т. е. писарь. Обязанность обоихъ ихъ—завѣдывать управленіемъ (rząd) въ городкахъ, судить холопей, городскихъ и всей волости, объявлять волю Великаго Холопа, т. е. князя, собирать доходы на государя: какіе съ чего ему приходятся, объ этомъ была рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

Дня XV-го, того-же.

Видя, что мы своимъ, столь частымъ, писаньемъ и челобитными великому князю ничего не могли достичь, мы обра-

---

1) Князь Андрей Телятевскій.

тились секретно къ тому головѣ, который остался при насъ (зная, что этотъ голодный народъ чрезмѣрно алчный), что ему дадимъ атласную епанчу, подшитую парчей и камчатый кафтанъ (т. е. адамасковый жупанъ)—пусть только онъ посылаетъ въ Москву и пишетъ тому, кому, по его мнѣнію, нужно, о недостачѣ потребныхъ припасовъ на Бѣломъ-озерѣ, чтобы только насъ соединили съ нашими, при которыхъ есть ксёндъ, а также, чтобы мы могли послать въ Польшу за деньгами (dla dziąg). Если устроитъ онъ намъ то или другое, буде окажется невозможнымъ удовлетворить обѣ просьбы, то онъ получитъ отъ насъ подарокъ и еще нѣчто лучшее.

Онъ обѣщалъ стараться, но и намъ указалъ написать челобитную о томъ, и мы его послушали. Онъ назначилъ стрѣлецкаго десятника, который чрезъ нѣсколько дней имѣлъ отъѣхать. Мы рады и стараемся всячески, какъ бы быть въ состояніи подкупить десятника, чтобы онъ взялъ письмо къ одному изъ нашихъ пословъ: на это былъ запретъ всѣмъ, подъ страхомъ смертной казни.

Между тѣмъ нашъ голова по какой-то нуждѣ зашелъ было къ одному торговому человѣку и, увидѣвши у него немного денегъ, укралъ у него кошелекъ съ десяткомъ слишкомъ золотыхъ и вручилъ стрѣльцу. Но торговецъ сейчасъ-же замѣтилъ, отнялъ у него на-мѣстѣ тотъ кошелекъ, а крестьяне чуть его не убили: они послали дать знать объ этомъ государю.

И вотъ нашъ инспекторъ, оправдываясь отъ обвиненія, ночью-же приказалъ десятнику отбыть, не ожидая нашей челобитной. Когда мы ему потомъ выговаривали, почему это онъ такъ съ нами поступилъ, онъ отговорился тѣмъ, что „случилось великое государево дѣло, но пошлю отдѣльно другаго съ вашею челобитною“.

Отсюда можно ясно видѣть, подъ властью какихъ достойныхъ людей мы были содержимы.

Дня XVII-го того-же.

Прислалъ къ намъ великій князь на мѣсто пристава Бориса Нащокина Афанасія Головенку (Głowienka), животное, необыкновенно грубое и глупое.

Дня XXI-го того-же.

Пришелъ къ намъ этотъ новый приставъ Головенка съ сообщеніемъ, что „великій князь (всѣ титулы его исчисляя) послалъ меня, чтобы я жилъ при васъ, и завѣдывалъ вашими потребностями“. Отвѣчали мы ему:

„Къ чему-же онъ съ нами надѣлалъ себѣ столько хлопотъ? Въ чемъ мы виноваты, къ чему онъ насъ держитъ“?

Не допуская насъ дальше говорить, онъ замѣтилъ:

— Воленъ Богъ да государь, и съ тѣмъ ушелъ.

Когда онъ уходилъ, мы его спрашивали: „что-же наши послы дѣлаютъ въ Москвѣ, что мы такъ долго здѣсь сидимъ?“

На это мужичина (grubian):

— Воленъ Богъ и государь, я не знаю — уже нѣсколько недѣль, какъ выѣхалъ изъ Москвы.

Но тотъ, прежній приставъ, Венедиктъ сообщилъ:

— Слышно, что вашего перваго посла уже отпустили и въ виду лучшихъ съѣстныхъ припасовъ направили его на Псковъ, потому что путь на Смоленскъ совсѣмъ истощенъ отъ войска. Можно надѣяться, что и за вами пришлютъ, или просто прикажутъ намъ отсюда тѣмъ-же трактомъ на Псковъ и васъ отравить.

Дорогую намъ новость сообщилъ онъ—о надеждѣ на скорый отпускъ; но было очень неутѣшительно, что отпустили того посла, который и былъ единою надеждою на освобожденіе. Этотъ человѣкъ полагалъ, что этою измышленною новинкою онъ имѣлъ насъ утѣшить, а между тѣмъ онъ ею насъ сильно смутилъ. Если представить себѣ, что мы остались здѣсь одни, безъ посла, то Богъ вѣсть, когда мы отдѣлаемся отъ этихъ жестокихъ рукъ, отъ этого грубаго народа...

Дня XXIV-го, того-же.

До этого времени намъ было свободно прохаживаться передъ воротами нашего двора и по берегу озера. Но этотъ новый приставъ воспретилъ—чтобы насъ никуда не выпускали со двора. Не очень это согласовалось съ тѣмъ, что третьяго дня они говорили намъ, что „скоро вы будете свободными“.

Дня XXV-го, того-же.

Такъ какъ мы были разосланы по разнымъ мѣстамъ въ заключенье, а снабжали насъ припасами въ маломъ количествѣ и весьма дурными, особенно-же напитками, то челядь наша нѣкоторое время варила для себя плохонькое пиво, но варка была крупная — въ одинъ разъ четверть, двѣ съ половиной. Когда провѣдали объ этомъ головы, то сначала послали спросить насъ— кто намъ дозволилъ варить пиво, и запретили, чтобы мы впредь не смѣли, въ тоже время удивлялись нашей дерзости, такъ какъ безъ дозволенія великаго князя никому не вольно это.

Мы имъ отвѣчали, что сами себѣ дозволили и не только пиво, но охотно и романею варили-бы, если бы это было воз-

можно, не слушая ихъ и не обращая вниманія на ихъ запрещеніе. Обратились къ иному пріему и воспретили крестьянамъ продавать намъ зерно и хмѣль, и этимъ сдѣлали насъ послушными — мы должны были ихъ слушать; однако, украдкою мы время-отъ-времени варили для себя.

Отъ имени великаго князя варятъ по всей землѣ пива, водки, квасы на корчмы (ихъ они называютъ кабаками) и отсюда не послѣдній доходъ ему.

Этотъ новый голова, Аѳанасій Головенка, пріѣхавши къ намъ, говорилъ:

— Господа! Вамъ, четверымъ старшимъ, мы позволимъ варить пиво, но не въ вашемъ дворѣ, и это потому, чтобы у васъ не загорѣлось. Пусть здѣшній крестьянинъ сваритъ для васъ у себя, предъ дворомъ, а вы ему заплатите. Если бы онъ васъ не удовольствовалъ, скажите намъ, онъ долженъ будетъ васъ вознаградить.

Мы были довольны, такъ какъ, варя для себя, мы платили на половину дешевле, чѣмъ изъ корчмы; но какъ во всемъ, такъ и въ этомъ не обошлось безъ обмана насъ. Вторично воспретили крестьянамъ продавать намъ хмѣль, а стрѣльцамъ — чтобы во дворъ не пропускали болѣе полъ-четверти зерна, т. е. на квасъ.

Говорили мы снова съ ними, что стрѣльцы не пускаютъ во дворъ съ солодомъ, а хмѣля не хотятъ намъ продавать.

Отвѣчали:

— Хмѣль—не наше дѣло, имъ завѣдываетъ приказный.

— На что-же намъ солодъ, если не допускается продавать хмѣль.

На это они:

— Дѣлай себѣ хорошій квасъ, потому что не только вамъ, но и посадскимъ людямъ не вольно варить для себя пиво, а брать изъ кабака: оттуда идутъ деньги въ казну государю.

— Но, приставъ, не уравнивай насъ съ мужиками (do mużyków) и посадкими людьми. Мужикъ сросся съ квасомъ, на немъ онъ выросъ, а мы—на романеѣ.

На это они:

— Романея здѣсь не имѣется, а горѣлку и пиво покупай себѣ въ кабакѣ. Дай Господи, чтобы царь-государь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, здоровъ былъ—денегъ ему надобно.

Дня XXVII-го, того-же.

Этотъ новый, слишкомъ грубый приставъ, и можно ска-

зать — *mezzo-homo*[1]), сталъ очень стѣснительно насъ содержать, не только карауля, чтобы никто не выходилъ со двора, но чтобы и никакое извѣстіе не доходило до нашего свѣдѣнія, а но это время стрѣльцы за кусокъ хлѣба заносили къ намъ коекакія вѣсти, правда, рѣдко, пожалуй и никогда, правдивыя, но, тѣмъ не менѣе, для изстрадавшихся узниковъ и онѣ были нѣкоторою отрадою. Принимая мѣры противъ этого (чтобы мы, живя въ полномъ притѣсненіи, не имѣли не только утѣхи, но и просто передышки въ скорби), они приказали стрѣльцамъ въ третій разъ присягать, что они имѣютъ стеречь насъ внимательно, чтобы ни одинъ изъ насъ не ушелъ, что они никакихъ извѣстій переносить намъ не будутъ и никого не допустятъ съ нами говорить.

Однако, не полагаясь на эту присягу, они прибавили къ нимъ посадскихъ людей, также взятыхъ подъ присягу, которые всегда были при стрѣльцахъ и смотрѣли, чтобы чего не могли говорить съ нами, а стрѣльцы—за ними, за посадскими.

Рано утромъ, въ опредѣленный часъ, отъ каждаго изъ насъ пропускали на рынокъ по одному челяднику и по реестру; за каждымъ стрѣлецъ и посадскій, наблюдая за нимъ и другъ за другомъ, чтобы тотъ не бесѣдовалъ съ торговцемъ ни о чемъ, кромѣ того, что покупалъ, и не долго-бы оставался.

Они-же наблюдали, чтобы никто изъ нашихъ не только ничего своего не продавалъ, но чтобы никто не могъ промѣнять ни червоннаго золота, хотя на каждомъ терялось девять грошей, ни талера, равно какъ сбывать съ рукъ монету вообще. Когда же, въ свою очередь, наши возвращались съ рынка, то посадскіе присяжные, которыхъ они называютъ цѣловальниками, осматривали и ощупывали, что-бы наши ни несли во дворъ. Наконецъ, когда отъ прачки приносили рубахи, то они стали было встряхивать бѣлье, и смотрѣть—нѣтъ ли тамъ какого письма.

По воду также отпускали по одному слугѣ отъ каждаго изъ насъ утромъ и въ полу-подвечеръ. Въ иное время дворъ всегда, въ теченіе цѣлаго дня, былъ запертъ на висячій замокъ. Кромѣ грубыхъ желѣзныхъ задвижекъ сдѣланы были огромные деревянные засовы.

Ночью, кромѣ стрѣлецкой стражи (что они называютъ карауломъ, съ татарскаго), постоянно и посадскіе люди, по перемѣнамъ, одни стерегли по четыремъ сторонамъ, другіе ходили вокругъ острога; что часъ, они колотили въ доски, окликая другъ друга, и сколько часовъ отбивали часы въ ночь, столько

---

[1]) Слово итальянско-латинское, вѣроятно, если не образованное, то вынесенное авторомъ изъ лѣтъ его университетскихъ занятій въ Италіи, съ значеніемъ „на половину человѣкъ“, совсѣмъ невѣжда. Ср. предисловіе издателя.

разъ они били въ доски. При малѣйшемъ движеніи кого-либо, они окликали его—„кто идетъ“ (kto idiet)?

Дня XXVIII-го, того-же.

Пришелъ одинъ изъ старшихъ приставовъ, Венедиктъ, и увидѣлъ, что мы очень опечалены его первымъ разсказомъ объ отпускѣ прежняго посла. Онъ сказалъ намъ, что „никакого извѣстія нѣтъ, якобы вашего посла имѣли отпустить—я солгалъ“. На это мы ему замѣтили:

— Любезный дружище, да какъ-же намъ узнать, когда ты лжешь и когда говоришь правду? Просимъ тебя—лги предъ такими, какъ ты самъ, они на то привыкли; но когда ты имѣешь что-либо сказать намъ, говори только правду, потому что иначе ты только прибавляешь намъ мученья, такъ какъ не знаемъ, чему вѣрить, а затѣмъ и понять, чего можно ожидать.

На это онъ:

— Ну вотъ я вамъ прямо (priamo) скажу: послы ваши примѣриваются (то есть, по правдѣ сказать — начали уговариваться) съ нашимъ государемъ и не отпускали никого, и подарки принялъ отъ вашего посла (дай Господи, чтобы царь-государь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, здоровъ былъ), а раньше онъ принимать не хотѣлъ. Мы ожидаемъ, что часъ указа за вами (часомъ они называютъ godzina, а отсюда и часы (zeger)—часовникъ).

Мы ему замѣтили:

— Не знаемъ, чему теперь вѣрить: прежде ты лгалъ, или сейчасъ.

Началъ онъ креститься, клясться крестомъ, что послѣднее сообщеніе справедливо. На это мы:

— Но если дѣло идетъ на соглашеніе, то почему же вы такъ стѣснительно насъ содержите? Раньше никакой надежды не было на соглашеніе, но вы не содержали насъ такъ стѣсняя; должно быть, что отъ государя какой указъ пришелъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Государева (дай Господи, чтобы царь-государь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, здоровъ былъ!) указа нѣтъ (niet), а дѣлается это на-послѣдь затѣмъ: мы предпочитаемъ, чтобы вы на насъ жаловались, когда узрите государевы „глазы“ (т. е. очи), чѣмъ, чтобы насъ обвиняли мужики, что мы вамъ послабляемъ и имѣемъ съ вами нѣкое соглашеніе, а вы знаете сами—мы люди подневольные. Дай Господи, чтобы царь-государь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, здоровъ былъ; воленъ Богъ да государь!

Безъ такого молитвеннаго пожеланія и перечета титуловъ даже простой человѣкъ никогда не вспомнитъ великаго князя: иначе былъ-бы въ подозрѣніи. Этотъ пріемъ ихъ рѣчи такъ часто припоминался для пониманія степени ихъ грубости, такъ какъ и титуловъ не знаютъ иногда, и не умѣютъ употребить молитвеннаго пожеланія *apposite* [1]).

Приставъ затѣмъ ушелъ, оставивши насъ съ нѣкоторымъ утѣшеніемъ.

Дня VI-го мѣсяца января.

Въ прошломъ году, когда еще такъ прижимисто насъ не содержали, и мы стояли по разнымъ дворамъ, мы пользовались свободой выхода. Провѣдавши о суевѣріи, котораго держится этотъ народъ въ своей религіи на день 3 царей [2]). я и г. Мартынъ Стадницкій, а за нами болѣе десятка лицъ пошли посмотрѣть. Имъ это было очень непріятно: пристава хотѣли, чтобы мы ушли. Мы не желали этого исполнить, говоря:

— Если вѣра ваша прекрасна, нечего вамъ стыдиться.

Обойтись съ нами насильственно они не смѣли, потому что въ это время насъ еще болѣе берегли, чѣмъ въ прошломъ году. А Богъ вѣсть, какъ бы эти животныя (bydło) съ нами обходились, если бы мы пробыли дольше.

Нынѣшніе пристава, узнавши о присутствіи нашемъ въ прошломъ году отъ поповъ, приказали никого не выпускать изъ нашего двора, пока не окончится церемонія освященія, или, какъ они называютъ, крещенія воды въ озерѣ, что дѣлаютъ они въ память крещенія Спасителя нашего въ Іорданѣ и что совершаютъ *cum magna solennitate*. Идутъ священники въ ризахъ, предъ ними несутъ небольшую хоругвь съ образомъ Пресвятой Дѣвы и иные образа чудотворцевъ (Сергія, Бориса, Кирилла, Глѣба, Borzeja, Ferstego [3]), Ѳерапонта (Terefontego), Леонтія, Дементія, Аѳанасія; дѣвицъ Марѳы и Ѳеодосіи) къ большой проруби, сдѣланной на озерѣ; въ ней можетъ болѣе десяти человѣкъ разомъ валяться. Стоя у этой проруби, священники бормочатъ около часу; къ концу, когда старшій священникъ, держа небольшой крестъ и при немъ сдѣланную фигуру Іисуса Христа, погрузитъ его въ воду, а другой подлѣ него свѣчу, то тѣ, которые чувствуютъ какой-либо недочетъ въ здоровьѣ, мужчины и женщины, сбросивши рубахи и тулупы, стремятся поскорѣе вскочить въ ту прорубь, каждый будучи увѣренъ, что кто первый

---

[1]) Къ мѣсту, кстати.

[2]) Крещеніе Господне.

[3]) Не можемъ догадаться, которыхъ святыхъ Русской Церкви разумѣетъ авторъ подъ этими двумя, очень испорченными, именами.

погрузится и дольше проваляется, навзничь и на брюхѣ, въ этой водѣ, тому тѣмъ скорѣе Господь Богъ возвратитъ здоровье. Съ другой стороны, болѣе здоровые полощатъ себѣ въ этой водѣ свои сапоги, считая и это спасительнымъ дѣломъ (odpust). Другіе, взявши за руку дитя объ одномъ годѣ или о двухъ, также погружаются съ головою три раза и твердо вѣрятъ тому, что дѣти такъ скорѣе сохранятся. А если, потомъ, которое дитя умретъ отъ страшной стужи (въ это время бываютъ наибольшіе морозы), говорятъ, что такъ Богъ судилъ, чтобы оно умерло отъ этого. Такъ сильно этотъ народъ вѣритъ *de praedestinatione*, что и при помощи наибольшаго благочестія, сокрушенія и молитвы никто не можетъ уйти отъ несчастія и послѣдняго осужденія, если только Господь Богъ не предопредѣлилъ ему того, а не то что отъ насильственной смерти; и если у кого воръ очиститъ квартиру или сундукъ, обокрадетъ, они также говорятъ, что „Богъ судилъ ему имѣть то, что онъ укралъ, а мнѣ не имѣть". Но если кто найдетъ что̀ потерянное, то онъ не обязанъ возвращать, потому что также была на то воля Божія — ему потерять, а мнѣ найти.

Такими доводами тѣ, что выдаютъ себя сами разумными, другихъ воодушевляютъ на войну, чтобы не боялись; однако влить въ нихъ смѣлости они не въ состояніи.

Дня IV-го мѣсяца марта.

Дали мы знать приставамъ, что имѣемъ неотложную нужду видѣться съ ними, чтобы насъ пустили къ себѣ, такъ какъ сами у насъ не бываютъ. Дозволили притти намъ къ себѣ на тотъ дворъ, гдѣ даютъ кормы. Встали на встрѣчу намъ, а старшій, послѣ привѣтствія, даже шапку нѣсколько приподнялъ. Мы спрашиваемъ ихъ, почему такъ строго обходятся съ нами и такъ необыкновенно стѣснительно насъ держатъ, тогда какъ по сіе время намъ вольно было прохаживаться по берегу озера, а теперь и за ворота не пускаютъ. „Вѣдь мы не какіе-то преступники, и великій князь съ клятвою намъ обѣщалъ круто не обращаться, и мы не должны быть задерживаемы дольше возвращенія вашего посла изъ Польши, отъ его величества короля, съ удостовѣреніемъ дружбы, и въ теченіе всего этого времени мы имѣли быть содержимы въ чести и достаточномъ довольствѣ. Теперь-же вы чѣмъ далѣе, тѣмъ скуднѣе насъ кормите, тѣснымъ помѣщеніемъ гнетете людей порядочныхъ, которые прибыли сюда къ вамъ добровольно. Но такъ какъ тѣми припасами, которые намъ дастъ государь, мы не можемъ кормиться, то просимъ васъ, въ случаѣ если нашъ не можетъ ѣхать, послать кого изъ своихъ съ остаткомъ нашихъ платьевъ

въ Вологду и продать тамъ за что придется. Равнымъ образомъ, послали бы вы къ государю съ нашею челобитной, въ которой мы будемъ просить его, чтобы онъ не допускалъ такъ угнетать насъ, помня свою клятву, которою онъ насъ обезпечивалъ".

Они намъ отвѣчали:

— Дѣло говоришь, что въ Москву пріѣхали добровольно, но теперь сослали васъ въ неволю; если вы не желали въ ней быть, то надо было и не ѣздить сюда. Однако вамъ четверымъ мы дозволимъ гулять (gulać) по берегу озера, т. е. прохаживаться, но такимъ образомъ, чтобы ни одинъ изъ вашихъ челядинцевъ съ вами не выходилъ.

И сейчасъ-же сказали стрѣльцамъ:

— Время отъ времени выходите съ ними; но еслибы кто изъ челядинцевъ хотѣлъ съ ними, тогда и самихъ не выпускайте. Въ Вологду пошлемъ съ вашимъ платьемъ (płaciem), но прежде всего пришлите списокъ вещамъ и мы прикажемъ записать. Отошлемъ и челобитную, если случится послать по какому государеву дѣлу; но посылать изъ-за васъ однихъ нѣтъ надобности.

Давно мы знали, что мы въ неволѣ у злого народа; но никогда они намъ такъ не отвѣчали, и, однако, обѣщая всегда скорую свободу, прикрывали дружбою. Легко изстрадавшемуся придать грусти, и съ тѣмъ большею грустью отправили насъ опять въ заключеніе.

Дня XII-го, того-же.

Послали мы списокъ платья къ предателямъ, прося послать въ Вологду продать его, какъ обѣщали. Отвѣтили намъ, что „своего человѣка послать не можемъ; но пусть найдутъ себѣ кого-либо изъ здѣшнихъ, изъ посадскихъ людей, который-бы ѣхалъ туда, а мы ему прикажемъ взять".

— Позвольте-же намъ съ ними говорить, мы уже озаботимся.

На это они:

— Это нельзя.

Дня XIII-го, того-же.

Великій князь прислалъ новаго сотника и дьяка, Семеона Володаровича, на мѣсто прежняго, Бея Васильевича. Ему передавали насъ по реестру, показывая, что они никого изъ ввѣреннаго имъ стада не потеряли. По передачѣ, онъ сообщилъ намъ, что „ваши вторглись было въ землю великаго князя, но, причинивши немного вреда, отошли опять назадъ", за что сей-

часъ-же старшій приставъ, Головенко, сталъ громить дьяка, чтобы не сообщалъ. Говорили мы ему:

— Дружище! Тебѣ это не можетъ вредить, если мы свѣдаемъ, что съ нами дѣлается, а намъ, изстрадавшимися, все-же нѣкоторое утѣшеніе.

Онъ отвѣчалъ:

— Не надобно вамъ знать, т. е. не нужно.

Дня XV-го, того-же.

Прибыло изъ города Москвы къ стрѣльцамъ, которые насъ стерегли, женъ ихъ душъ двадцать. Тѣ сообщили, что „много литовскаго войска, въ латахъ съ шестами (w płatach z drągami), т. е. въ бронѣ съ копьями, между того войска, которое противится великому князю, и убили много стрѣльцовъ у государя: жонки ихъ на Стрѣлецкой слободѣ вопятъ, кричатъ — плохо имъ стало“.

Послѣ перемѣны у насъ приставовъ и основанія ихъ жительства при насъ, особенно послѣ извѣстій о военной зацѣпкѣ съ нашей стороны, которая не пустякъ и обыкновенно скоро не кончается, такъ какъ не во власти того окончить войну, кто ее началъ, тѣмъ меньшую надежду возымѣли мы на скорый отпускъ насъ. И приходило на мысль, что, пожалуй, этотъ ничтожный народъ въ крайнемъ военномъ насиліи нами заслоняется.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ скорѣе на каждомъ шагу теряли мы надежду. О спасеніи мы притекали къ Тому, отъ Котораго по всей справедливости мы заслужили тѣмъ большую кару, сознавая несоразмѣрность его милосердія съ нашимъ преступленіемъ.

Дня XVI-го, того-же.

Послали пристава къ намъ десятника, чтобы никто изъ насъ не выходилъ за ворота, ибо насъ не будутъ пускать. Спрашиваемъ о причинѣ; отвѣчаетъ: нельзя гулять.

Дня I-го апрѣля.

Когда давали намъ кормовыя деньги, мы заходили къ приставамъ, прося ихъ, чтобы не держали насъ столь стѣснительно, чтобы мы могли временами прохаживаться по берегу озера: „вѣдь всегда стоятъ при насъ стрѣльцы, не исчезнемъ-же мы у нихъ съ глазъ“. Кромѣ того, чтобы обратили вниманіе на то, чтобы не было такой дороговизны припасовъ, а она чѣмъ далѣе, тѣмъ становится больше: за то, что мы, по прибытіи нашемъ сюда, платили три гроша, теперь должны давать пять; почему

намъ невозможно содержать себя на тѣ два гроша въ день, что получаемъ отъ великаго князя. Изъ своего мы не имѣемъ также что докладывать — мы уже поистратились. Отъ нужды много больныхъ, нѣсколько ихъ умерло, и Богъ вѣсть, что будетъ съ нами дальше. Вручили имъ мы и челобитную для пересылки великому князю.

Отвѣчали они намъ:

— Отъ государя нѣтъ такого указа, чтобы вамъ дозволялось гулять, а если мужики (mużykowie) вамъ продаютъ дорого, то не покупай, а если дешево (deszewo), т. е. недорого, то покупай. Челобитную, если случится черезъ кого, отошлемъ.

Съ такимъ отвѣтомъ и утѣшеніемъ приказали варвары снова препроводить насъ въ заключеніе.

Копія челобитной [1]).

„Государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси! Бьютъ челомъ вашему царскому величеству нуждающіе, обиженные и нагіе польскіе люди, которые засланы на Бѣлоезеро.

„Писали мы къ тебѣ, государь, не одинъ и не десять разъ наши челобитныя, но ни на одну твоего государева указа не было. Умилосердись, государь-царь, глянь на Господа Бога. какъ христіанскій государь, если ты насъ самихъ такъ долго и безъ вины держишь въ нуждѣ и въ великой кручинѣ, то душъ нашихъ не мори и рукою своею не загуби: вели насъ, если не велишь всѣхъ, то нѣкоторыхъ изъ большихъ, отвести куда-либо къ нашему попу — или къ воеводѣ сендомірскому, или къ Тарлу, или къ князю Вишневецкому; а тебѣ, государь, никакого (nikakowo) въ томъ убытку не будетъ, что мы, живя при попѣ, будемъ хвалить Господа Бога. Да и въ томъ, государь-царь, умилосердься, пожалуй, глянь на нужду нашу: тѣмъ кормомъ жалованья твоего государева, которымъ насъ жалуешь, покормиться не можно намъ, а отъ той нужды одни померли, да и много есть больныхъ. Пришлось намъ, проѣдши послѣднія рубахи, всѣмъ отъ кручины и голода помирать (pomerty), а взять (wziaty) негдѣ: одни ограблены, а другіе, хотя не ограблены, но уже съ тѣми поверстались, сами для себя покупаючи и ограбленныхъ жалуючи. Вели намъ, пожалуй, отпустить въ Литву изъ людей нашихъ одного или три человѣка, чтобы намъ денегъ на нужды наши и что намъ въ нуждѣ нашей надобно привезли, давши имъ свои государскія грамоты, чтобы, какъ воротятся они къ намъ, свободно со всѣмъ тѣмъ пустили ихъ къ намъ. Да и не безъ того, премилостивый государь-царь, чтобы

---

[1]) На русскомъ языкѣ, по взгляду писавшихъ.

къ намъ изъ Литвы отъ нашихъ не присылано столько долгое время писемъ (hramot) или денегъ, съ тѣми посланниками, что пріѣхали изъ Литвы. Умилосердись, премилостивый государь-царь, вели, просмотрѣвши ихъ, отослать. Тебѣ въ томъ убытку никакого нѣтъ, а намъ великій убытокъ отъ того. Сверхъ того, извѣщаемъ тебя, царь-государь, что наши пристава, которыхъ ты, царь-государь, прислалъ теперь къ намъ, весьма тѣсно насъ держатъ, никакъ и передъ ворота не выпускаютъ изъ столь грязнаго (nuźneho), болотнаго и вонючаго двора. Не будетъ-ли отъ Господа Исусъ (Isus) Христа милости да вашего государева жалованья—отпуска въ нашу землю раньше, чѣмъ пройдетъ эта зима, придется многимъ изъ насъ смерть понести лѣтомъ отъ столь великой тѣсноты и вони въ томъ дворѣ. Итакъ, бьемъ челомъ тебѣ, царь-государь, прикажи нашимъ приставамъ, чтобы по-надъ озеро гулять пускали, также и людей нашихъ, а такъ какъ ты государь христіанскій, то, Божьей милости ради, просимъ, если ты хочешь, чтобы ваше государское величество не покаралъ знатно Господь Богъ за наши кровавыя слезы, присоедини насъ гдѣ-нибудь къ нашимъ, при которыхъ былъ бы попъ. Смилуйся для Господа Бога, въ Троицѣ единаго, не загуби душъ нашихъ, коли тѣло моришь, прилучи насъ къ нашему попу. Итакъ, въ третій и въ десятый разъ челомъ бьемъ: Христа ради, смилуйся, царь-государь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, смилуйся, пожалуй. Писана на Бѣломъ-озерѣ, лѣта отъ рождества Сына Божьяго Исусъ Христа 1608, дня перваго мѣсяца апрѣля.

„Нуждающіеся, обиженные, голодные и нагіе польскіе люди, которые сосланы на Бѣлое-озеро“.

Дня XIV-го, того-же.

Пріѣхалъ стрѣлецъ изъ Москвы; говорилъ, что „обоихъ послѣднихъ пословъ вашихъ заключили вмѣстѣ съ прежними въ одномъ дворѣ, и никуда ихъ не выпускаютъ, кромѣ экономовъ на рынокъ. Великій князь отправилъ посланника своего въ Литву и ждутъ его вскорѣ обратно. Слуги вашихъ пословъ такъ неспокойны, что, не имѣя съ кѣмъ ссориться, сами между себя убили троихъ, да не мало и раненыхъ.

Дня XX-го, того-же.

Пришли къ намъ оба сотника стрѣльцовъ, которые стерегли насъ, и сообщили:

— Господа! мы къ вамъ благожелательны и жаль намъ, что пристава содержатъ васъ такъ стѣснительно. Ваши челобитныя, что пишете, къ царю не доходятъ, потому что хотя

они и отсылаютъ ихъ въ Москву, но тѣ, которые принимаютъ ихъ, куда-нибудь забросятъ, а потому и отвѣта на нихъ не бываетъ; теперь мы по своимъ нуждамъ посылаемъ въ Москву— напишите чрезъ этого нашего посланца о томъ, что васъ такъ стѣснительно содержатъ, а мы ужъ постараемся, что ее передадутъ, помимо вѣдома приставовъ. Но напишите и другую, о другихъ вашихъ нуждахъ, отдайте ее приставамъ, чтобы они также отослали, если они имѣютъ приказаніе - отсылать ваши челобитныя.

Поблагодарили мы ихъ за ихъ доброхотство, а чтобы они остались при немъ и были тѣмъ болѣе доброжелательны, мы подарили старому пару серебряныхъ ложекъ, а новому—одну. Съ признательностью приняли они подарокъ, какъ будто я далъ имъ большую вешь и обѣщали служить, чѣмъ могли. Послушали мы ихъ совѣта и написали двѣ челобитныя; одну имъ отдали, а другую приставамъ.

Дня XXII-го того-же.

Челобитная, которую мы передали приставамъ:

„Царь-государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси! Бьютъ челомъ вашему государскому величеству иноземцы: Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Евстафій Слоньскій и всѣ иные польскіе люди, которые сосланы на Бѣлое-озеро.

„Извѣщаемъ тебя, царь-государь и великій князь, что здѣсь въ этомъ городѣ наши пристава сильно въ острогѣ (tynu) насъ стѣсняютъ, не выпускаютъ ни за ворота, ни на берегъ озера, хотя тотъ дворъ надъ озеромъ. Придется многимъ изъ насъ отъ этой большой тѣсноты и вони принять смерть, почему уже насъ много больныхъ, и мы наблюдаемъ, чтобы больше не было. Итакъ, ради Христа, смилуйся, пожалуй и дозволь намъ надъ озеромъ прохаживаться, чтобы та вонь больше насъ не морила. Къ тому-же бьемъ челомъ твоему величеству, что на жалованье твое государское, что намъ идетъ, нельзя намъ выжить въ столь дорогомъ и голодномъ городѣ: въ немъ все непомѣрно дорого, да сверхъ того и говядины намъ теперь нельзя куплею получить, какъ и иной рухляди. И такъ, смилосердься, пожалуй, прикажи прибавить намъ на кормъ своего государева жалованья; не дай намъ голодною смертью въ конецъ умереть, потому что въ теченіе этихъ лѣтъ, что только у кого было, все продали, покупая себѣ кормъ, а теперь не за что и рубашекъ купить. Глянь на Господа Бога, какъ христіанскій государь, и смилуйся надъ нами. Царь-государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, смилуся, пожалуй. Писана на Бѣломъ-

озерѣ, 22-го мѣсяца апрѣля, лѣта отъ рождества Спаса нашего 1608.

Вторая челобитная черезъ сотниковъ [1]).

„Царь-государь и великій князь Василій Ивановичъ всея (wsieja) Руси! Бьютъ челомъ вашему царскому величеству иноземцы: Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, которые засланы на Бѣлое-озеро.

„Умилосердись, царь - государь всея (wsieha) Руси, надъ нами, надъ нашею великою тѣснотою, которую здѣсь терпимъ въ этомъ острогѣ (tynu); отъ столь великой тѣсноты да смрада наблюдаемъ великое нездоровье, и это отого, что не выпускаютъ никуда изъ острога выйти, и вѣтеръ въ немъ никогда не проходитъ. И такъ, прикажи, царь-государь, и дозволь намъ прохаживаться надъ озеромъ, а дворъ тотъ не далеко отъ озера стоитъ. Либо пожалуй насъ, царь-государь, какъ и Евстафія Слоньскаго, прикажи намъ четверымъ дворы дать въ улицѣ на посадѣ, чтобы тотъ смрадъ больше насъ не морилъ, потому что наши большіе пристава весьма тѣснятъ, такъ что не выпускаютъ ни за ворота изъ острога, ни на берегъ озера.

„Евстафій Слоньскій бьетъ челомъ твоему царскому величеству: смилосердись, царь-государь, надъ нимъ, да надъ женкой да надъ дѣтьми его: онъ лишенъ всего, нагъ, босъ и голоденъ, а теперь не за что и рубахи купить, пожалуй своимъ государевымъ жалованьемъ, какое тебѣ, царь-государь, Господь Богъ на сердце положитъ.

„Твоимъ государевымъ жалованьемъ, что намъ даютъ, невозможно прокормиться въ столь дорогомъ мѣстѣ, почему всѣ мы бьемъ челомъ, чтобы ты, царь-государь, велѣлъ своего государева корму намъ прибавить и не далъ-бы всѣмъ намъ голодною смертью умереть. Сверхъ того́, у приказнаго нашего дьяка пиво весьма худое дѣлаютъ, неможно его пить, почему и прикажи, царь-государь, чтобы лучше дѣлали пиво, либо дозволь намъ самимъ дѣлать пиво въ острогѣ, только для себя, чего наши пристава не хотятъ намъ дозволить безъ твоего государева указа, и заказали всѣмъ торговымъ людямъ солодку и хмѣльку намъ продавать. Царь-государь да великій князь Василій Ивановичъ всея (wsieja) Руси, смилуйся пожалуй.

Нуждающіеся люди, на Бѣломъ-озерѣ въ заключеніи содержимые“.

Дня X-го мая.

Отъ нужды,—чѣмъ далѣе, тѣмъ большей,—отъ слишкомъ дурныхъ напитковъ, а мелкіе среди насъ отъ воды, наконецъ,

---

[1]) Какъ и вторая, также по-русски, т. е. на своемъ русскомъ языкѣ.

отъ смрада и большой тѣсноты, потому что и за ворота насъ не пускали, чѣмъ далѣе. тѣмъ болѣе между нами больныхъ и менѣе здоровыхъ. Пятый уже человѣкъ изъ нашего сообщества, челядинецъ г. Стадницкаго, Господу Богу душу отдалъ. Закопали мы его подъ лѣсомъ, близь другихъ. Для сопровожденія тѣла не хотѣли выпустить изъ нашихъ болѣе четырехъ. Тѣ, которые между насъ болѣе здоровы, нищіе, оборванные, а на нѣсколько пріодѣтыхъ—смѣшная сермяга, взятая отъ ребятъ, и это не только у мелкихъ изъ нашихъ, но и у видныхъ.

Дня XVI-го, того-же.

Прислали къ намъ пристава стрѣлецкихъ сотниковъ спросить—отчего бы тотъ челядинецъ умеръ. Мы имъ отвѣчали:

— Думаемъ, что въ издѣвательство и на бо̀льшее намъ горе приказываютъ насъ спрашивать: вѣдь они знаютъ, что творится вокругъ насъ, какъ утѣсняютъ насъ, какая нужда около насъ. Могутъ догадаться и безъ спроса, что умеръ онъ отъ голода и нужды, и просимъ ихъ, чтобы дали знать о томъ государю и послали-бы нашу челобитную. Мы опасаемся, чтобы отъ такой тѣсноты не появилась между насъ *contagio*[1]), а устроятъ-ли намъ, что насъ присоединятъ къ нашимъ, у которыхъ былъ бы ксёндзъ, или пришлютъ намъ его отъ г. сендомірскаго воеводы, о чемъ напишемъ ему, я обѣщалъ имъ дать парчевую епанчу; въ теченіе-же этого времени, чтобы не умереть намъ отъ столь тѣснаго помѣщенія и смрада, если позволятъ они намъ по временамъ прохаживаться по берегу озера, при чемъ пускай будутъ стрѣльцы, мы дадимъ три серебряныхъ ложки.

Прохаживаться они не хотѣли дозволять; но обѣщали постараться о присылкѣ ксёндза и отослать челобитную, а она была такова:

„Царю-государю, великому князю Василію Ивановичу всея Руси и пр. и пр. Бьемъ тебѣ челомъ, мы, люди польскаго народа, которыхъ ты безъ провинности нашей содержишь на Бѣломъ-озерѣ: Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій и иные, доводя до свѣдѣнія твоего о великихъ нуждахъ и притѣсненіи нашихъ, которыя мы безъ вины терпимъ въ этомъ заключеніи, въ которомъ ты держишь эти два года, вопреки своему обѣщанію, когда ты къ намъ пріѣзжалъ, обезпечивая насъ не только въ добромъ уваженіи и содержаніи, но и въ скоромъ отпускѣ. Довѣрили мы въ началѣ вашимъ дружескимъ письмамъ, которыми вы насъ сюда приманили, потомъ вашимъ устнымъ обѣщаніямъ, но въ которыхъ мы скоро обманулись; если-бы

---

[1]) Зараза.

мы расчитывали на что-либо подобное, то предпочли-бы, какъ благородные люди, умереть въ то время, когда былъ грабежъ, чѣмъ столь продолжительное время и безвинно сносить постыдное и тяжелое, въ заключеніи и лишеніи, томленіе и въ немъ такъ жалко умирать. Уже это пятый изъ нашихъ умеръ отъ голода и тяжелаго заключенія; больныхъ лежитъ человѣкъ 30: спасенія и помощи ни откуда. Припасовъ доставать не можемъ; мяса, а по вашему говядины, курицы купить нельзя съ того времени, какъ стало теплѣе. По это время если и попадалась какая корова, то мужикъ за нее требовалъ три рубля. Говорили мы также съ приставами, чтобы они позаботились о припасахъ и устроили, чтобы не было такой дороговизны; но они насъ отбыли: „если дешево, то купи, а дорого — не покупай". Купля дорога, а намъ, боярамъ, отъ тебя даютъ только по семи копѣекъ на день—на ѣду и питье, а боярскимъ сыновьямъ только по двѣ, а нѣкоторымъ, изъ болѣе мелкихъ нашихъ людей, по деньгѣ. Если бы мы могли изъ своего гдѣ взять, или если-бы ты, царь-государь, позволилъ намъ послать за деньгами домой къ себѣ, то, конечно, мы бы тебя не просили о кускѣ хлѣба, потому что мы, по милости Божьей, не такіе люди, чтобы заставлять кого платить за ѣду или просить о пожалованьѣ. Раньше, продавая съ себя платье, мы прокармливались. Теперь уже ни къ чему нельзя обратиться, а у которыхъ что еще осталось, то имъ пристава не дозволяютъ купить. Писали мы къ тебѣ въ прошлой челобитной, прося о позволеніи послать намъ въ Вологду съ остаткомъ платья, у кого бы оно нашлось, такъ какъ рыболовы, съ которыми здѣсь мы живемъ, въ этихъ вещахъ ничего не понимаютъ, а не то, чтобы имъ еще покупать. Но отъ тебя, какъ на прежнія наши просьбы, такъ и на эту, отвѣта не получили.

„Заперли насъ пристава въ огороженномъ дворѣ — 160 человѣкъ, а дворъ только 46 саженъ въ длину и 26 въ ширину, въ мѣстѣ болотномъ, тѣсномъ и смрадномъ, а изъ него и за ворота насъ не пускаютъ, хотя стрѣльцы всегда на стражѣ. Дворъ надъ озеромъ, а тѣмъ не менѣе не дозволяютъ намъ прохаживаться по берегу. Отъ такой тѣсноты и голода люди должны болѣть и умирать, потому что, объѣвшись каши (krup), а на нее напившись воды, сидя въ смрадѣ, когда вѣтеръ и свободный воздухъ не заходитъ ни откуда, люди должны умирать. Пристава воспретили мужикамъ продавать намъ и зерно солода для пива или чтобы сдѣлать себѣ квасъ. Они хотятъ, чтобы мы покупали въ кабакѣ, но отъ тебя даютъ намъ всего одну деньгу на пиво въ день. Что-же мы должны обогащать твои кабаки или доходы? Однако, ты христіанскій государь, взгляни на наше,

столь великое, угнетеніе и истомленіе, а не вѣришь намъ, пошли сюда кого-либо разумнаго, отъ котораго ты могъ бы получить свѣдѣнія, а раньше, чѣмъ бы умерло насъ еще болѣе (если ты не хочешь, чтобы покаралъ тебѣ скорѣе Всемогущій), дозволь намъ взять нашего попа отъ г. сендомірскаго воеводы, чтобы мы такъ жалко, словно поганные или какая скотина, съ этого свѣта не отходили. Объ этомъ мы писали къ г. сендомірскому воеводѣ, чтобы онъ прислалъ попа; это письмо, писанное русскими буквами, мы посылаемъ тебѣ на прочтеніе.

„Смилуйся, царь-государь, великій князь, сдѣлай же, когда мы отъ тебя что испрашиваемъ. Обрати вниманіе на то, чтобы Всемогущій Владыка этой земли, Господь Богъ, изъ за кровавыхъ нашихъ слезъ, изъ-за невинности нашей, глядя на безвинное угнетеніе насъ, тѣмъ скорѣе не покаралъ тебя; правда, на время Онъ оттягиваетъ и откладываетъ, но потомъ Онъ посылаетъ строгую кару и бываетъ суровымъ мстителемъ за безвинно мучимымъ. Царь-государь, смилуйся, пожалуй.

„Писана на Бѣломъ-озерѣ, XVI-го мая, лѣта отъ искупленія нашего 1608.

„Истомленные и нищіе узники польскаго народа, содержимые на Бѣломъ-озерѣ“.

Написали мы и письмо къ его милости г. воеводѣ сендомірскому русскими буквами, потому что иначе пристава принять не хотѣли, не полагаясь на насъ, что мы не согласились между собою объ уходѣ или объ освобожденіи силою, мы—нѣсколько сотенъ невооруженныхъ чрезъ пространство въ 200 миль ширины! Настолько этотъ народъ мужественenъ и такъ онъ полагается на свою силу; если же о немъ сторонніе люди больше думали, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, то этому можно только удивляться.

Копія письма Мартына Стадницкаго отъ нашего имени о капелланѣ къ его милости г. сендомірскому воеводѣ, изъ Бѣлаозера:

„Милостивый государь, г. воевода и пр.!

„О горестяхъ, о заключеніи, пустой жизни и великой нуждѣ, которую мы здѣсь претерпѣваемъ, кажется, не для чего вамъ говорить, такъ какъ ваша милость весьма хорошо понимаетъ, насколько веселую и прекрасную жизнь мы всѣ здѣсь ведемъ. Но среди иныхъ горестей одно горе насъ болѣе всего терзаетъ—что мы уже семь четвертей года пребываемъ здѣсь безъ исповѣди и святыхъ тапнъ. Пятеро между насъ уже умерли безъ исповѣди, и какъ знать, не будетъ ли ваша милость отвѣчать за нихъ предъ Господомъ Богомъ, ибо, отъѣзжая изъ Москвы въ Ростовъ, я вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ

чрезъ слугу вашей милости, г. Грабецкаго, во имя любви обращался съ просьбой о капелланѣ, а во второй разъ — чрезъ своего. Мы не могли получить его отъ вашей милости. Въ прошломъ году мы нѣсколько писемъ написали къ великому князю, чтобы онъ или приказалъ присоединить насъ къ тѣмъ, гдѣ есть капелланъ, или прислалъ бы отъ вашей милости какого-либо. Къ нашимъ приставамъ прибылъ отвѣтъ, что великій князь посылалъ къ вашей милости о капелланѣ, желая прислать его къ намъ, но ваша милость отпустить его не хотѣли, извиняясь тѣмъ, что у васъ не болѣе трехъ капеллановъ, а четвертый умеръ; если это такъ, то намъ приходится не только сожалѣть, но и удивляться такому вашему нежеланію и невниманію; но теперь мы не хотимъ этого преувеличивать. Мы просимъ, что ежели нельзя, чтобы ваша милость прислала намъ сюда капеллана, который бы при насъ пребывалъ, пока Господь Богъ не смилуется надъ нами, то, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько недѣль, чтобы могли всѣ выисповѣдаться. Если ваша милость на это согласится, то необходимо, чтобы капелланъ взялъ нѣсколько сотенъ оплатокъ для причастниковъ и вина для литургіи, потому что его здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, да, вѣроятно, и въ Вологдѣ, потому что все вывезено въ Москву.

„Дано на Бѣломъ-озерѣ, 16 мая 1608.

„Истомленные узники, содержимые на Бѣломъ-озерѣ“.

Дня XXVII-го, того же.

Во вторникъ, въ день достохвальнаго праздника Сошествія Святаго Духа, справляя двулѣтнюю годовщину нашего несчастія и усматривая Божью милость надъ собою, что Онъ благоволилъ защитить насъ отъ такой массы грозныхъ замѣшательствъ, посреди такого множества свирѣпыхъ, кровью покрытыхъ людей,—кровью послѣ жестокаго избіенія неповинныхъ,—насъ, окруженныхъ отовсюду толпою безбожной, алчной, отъ достатковъ нашихъ уже полакомившейся толпы, а раньше пожиравшей своими очами наши богатства (ochędostwa), разбирая доброту и Его святое милосердіе надъ нами, мы спрашивали себя: чѣмъ же мы заплатили Господу за такую къ намъ любовь? Откуда это терпѣніе у Него къ преступающимъ Его волю, что Онъ ихъ утѣшаетъ? Откуда это у Всеблагаго такое возлюбленіе злыхъ, что ихъ защищаетъ? Откуда это у Справедливаго такое удовольствіе въ грѣшныхъ, что ихъ Онъ охраняетъ? Откуда это, что для непослушныхъ сталъ Онъ снисходительнымъ, для развратныхъ—мирнымъ, для наглыхъ—терпѣливымъ, для злостныхъ—умѣряющимъ? Откуда это, что Онъ—среди такого множе-

ства кругомъ насъ умерщвленныхъ и убитыхъ добродѣтельныхъ людей: жившихъ въ страхѣ Его набожныхъ женщинъ, славящихъ безъ преступленія заповѣди святое имя Его, благочестивыхъ священниковъ, законъ Его блюдущихъ, наконецъ, стыдливой молодежи и невинныхъ дѣтей—насъ однихъ, которые далеко больше, чѣмъ тѣ, заслужили наказаніе, въ такое попеченіе и охрану Свою принялъ и вырвалъ изъ палящаго огня? Надо понимать, что для того, чтобы праведные неотложно получили вѣнецъ мученическій, а грѣшники осмотрѣли бы себя. Онъ далъ намъ время для покаянія, да не умремъ мы безъ него, какъ Самъ говорилъ, что не желаетъ смерти грѣшныхъ. Одна любовь Его то сотворила отъ искренней доброты Своей, свойство которой всѣмъ добро творить; будучи Самъ—совершенная доброта и иной причины не имѣя, кромѣ той, что Самъ Онъ добръ въ Себѣ и что нѣтъ предѣла Его доброты, Онъ желаетъ творенію своему творить добро, безъ какой-либо пользы для Себя отъ насъ. Не смотри на то, что̀ достойно Его любви, но на то̀, что приличествуетъ Его милосердію и великости доброты. Не смотри на то, что мы есть, а только на то, что Онъ есть добрый, что добротѣ Его нѣтъ предѣла. О, неисповѣдимая любовь Бога нашего! Какъ же Такого не любить, который меня такъ возлюбилъ? Какъ же мнѣ не подвинуться на исполненіе воли Его, который меня любитъ и такъ обильно изливаетъ на меня благодѣянія? О, слишкомъ несчастенъ тотъ, который, видя такую любовь надъ собою, не внимаетъ ей и не пробуждается къ покаянію, не думаетъ объ исправленіи жизни, которой онъ такъ щедро воспользовался, весь свой вѣкъ работая на одно—на нелюбовь. Устрой Самъ, о Устроителю сердца моего, чтобы я могъ сказать: „Благодѣянія Твои подвинули во мнѣ внутренности силъ. Хочу я, о Господи мой, упавшій, встать; подай руку тонущему, да волны преступленія моего съ прелестями сего свѣта не затопятъ меня, ибо безъ Твоей помощи самъ себя спасать не могу; я—слабый, безсильный и ничтожный червь предъ Тобою, съ испорченной природой, съ своей измѣнчивою грѣховностью—всякій пустякъ отводитъ меня отъ добраго помысла; я приношу въ жертву Тебѣ одно желаніе—прими его отъ меня. Утверди намѣреніе, сотвори слабаго мужественнымъ, безсильнаго крѣпкимъ, лѣниваго и празднаго дѣятельнымъ въ службѣ Твоей, перемѣнчиваго постояннымъ, да не гнѣвлю я болѣе Тебя, столь щедраго благодѣтеля моего. Ниспосли въ меня духа любви къ Тебѣ и ближнему, который измѣнилъ бы меня и изъ холоднаго учинилъ горячимъ. Ниспосли тотъ огонь въ сердце, который Ты въ сегодняшній день ниспослалъ на своихъ апостоловъ, чтобы я горѣлъ въ любви къ Тебѣ, сохраняя волю Твою и ста-

раясь о славѣ Твоей. Отпусти мнѣ, о Господи мой, гнусность прежней темноты—грѣхи, въ которыхъ я по сіе время ходилъ и которыми Тебя оскорблялъ. Отдали желаніе къ дѣламъ мірскимъ и направи къ небеснымъ. Пусть станутъ горькими тѣлесныя удобства и пріятности, а сладкими—попеченія духовныя. Пусть нравится Тебѣ скромность и терпѣливость, пусть каждый трудъ будетъ легкимъ и сладкимъ во славу Твою, смиреніе—для назиданія ближняго. Искорени во мнѣ всякія желанія, которыя отвращали меня отъ службы Твоей, какъ и поступки, которыми я давалъ бы ближнему своему причину къ соблазну или не любви.

„Прошу Тебя я, измученный, какъ въ то бурное время сѣнью крылу милосердія Своего охранилъ меня отъ лютой смерти, такъ изыми до конца изъ рукъ безбожныхъ, чтобы я, съ сокрушеннымъ сердцемъ оплакивая провиненія свои, по омытіи грѣховъ покаяніемъ, исправленіемъ живота и съ помощью Духа Святаго и усиленіемъ любви Его въ пользованіи святѣйшими таинствами въ воспоминаніе желанія и приказанія Твоего, въ общеніи съ католическою церковью, по очищеніи отъ разврата прошлыхъ грѣховъ, могъ сдѣлаться новымъ человѣкомъ и облечься въ ризу справедливости силою Духа Святаго. Да снабдѣваетъ Онъ меня добрымъ совѣтомъ въ духовныхъ нуждахъ и въ сомнительныхъ мірскихъ поступкахъ, да обратятся всѣ къ славѣ Твоей. Да буду я одаренъ мужествомъ для перенесенія всяческихъ противныхъ случайностей и испытанія Твоего въ удрученіи, которое я выношу въ этомъ заключеніи отъ народа безбожнаго и Церкви Твоей непослушнаго, не терпя бѣды и соблазна, но обращая скорѣй все на духовную пользу. Пусть свѣтлостью добрыхъ дѣлъ и чистой совѣсти стану я благодарнымъ чрезъ Тебя, да съ радостью приступлю я къ Тебѣ, Господу моему, Творцу и благодѣтелю свѣтлости моей, благодаря Тебя, Господа Бога моего, за столь обильныя благотворенія и исповѣдуя доброту, любовь и охрану Твою надъ собою“.

Разсуждая такимъ образомъ и припамятывая благодѣяніе Господне надъ собою, славля имя Его святое за защиту и спасеніе отъ лютой смерти и прося объ исторженіи насъ изъ рукъ безбожныхъ людей, да служимъ Ему въ общеніи съ Его святою Церковью, мы въ числѣ человѣкъ двадцати сошлись вмѣстѣ, воспѣли „Тебе, Бога хвалимъ“ и совершили иныя моленія въ кадильницѣ. Иные изъ нашихъ забавлялись обычною попойкою, къ великой скорби людей скромныхъ, просящихъ Господа Бога за нихъ, чтобы ихъ распущенность не была сочтена имъ за грѣхъ, къ которой они привязались изъ-за своей слабохарактерности.

Дня VII-го іюня.

Въ послѣдніе дни пошли вѣсти, что народъ въ Москвѣ и по всей землѣ бунтуетъ противъ великаго князя, вслѣдствіе противности ему междуусобной войны въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ и обремененія частыми налогами, и видя, что эти волненія не легко прекратятся при немъ, думаетъ, какъ бы иного выбрать, а его всунуть въ монастырь между монаховъ. Это извѣстіе чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе находило подтвержденія. Но такъ какъ при такихъ перемѣнахъ народъ привыкаетъ къ мятежу, сверхъ того, онъ былъ сильно настроенъ противъ стрѣльцовъ, которые насъ караулили, отъ частыхъ обидъ, которыя онъ выносилъ отъ нихъ, то изъ опасенія, чтобы не досталось и намъ, когда онъ ударитъ на стрѣльцовъ, мы уговорились, чтобы всегда у воротъ ночной стражи было изъ нашихъ по двѣнадцати человѣкъ, не для обороны, потому что она была бы невозможна, но чтобы, если бы что приключилось, не перебила бы насъ, захваченныхъ врасплохъ и безъ какой-либо отместки.

Но вдругъ одинъ изъ старшихъ приставовъ Венедиктъ Тимошевъ, мчится къ намъ на конѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что мятежъ (послѣ тѣхъ извѣстій мы ожидали весьма быстраго открытія его), а тѣ, что у воротъ, спрашиваютъ, что творится? Не хочетъ ничего приставъ сказать, запыхался и торопитъ съ подаркомъ за новинку. Только спрашиваетъ—гдѣ же старшіе господа? Одни изъ насъ за дубье, другіе въ кучку, бросаемся къ нему. Онъ объясняетъ:

— Господа! Добрая вѣсть пришла. Царь, великій князь, пожаловалъ васъ, прибѣжалъ посланецъ за вами, чтобы вы ѣхали къ нему въ Москву: ты—Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Немоевскій и Адамъ Вольскій.

Другіе спрашиваютъ:

— А мы какъ?

Въ отвѣтъ имъ онъ сказалъ одно: „Не шумѣть, всѣмъ будетъ хорошо“, и хочетъ снова на коня. Мы ему отвѣчали:

— Благодаримъ тебя, приставъ, за новинку, а насколько она намъ мила, узнаешь изъ пожалованья, то-есть подарка, что получишь отъ насъ.

Вскорѣ послѣ этого, тотъ, что прибылъ, Иванъ Ильичъ Ростопчинъ, указалъ намъ сойтись, что идетъ объявлять волю царя, великаго князя. Съ невыразимою радостью ждали мы его у воротъ. Подавши намъ руку и ударивши челомъ, вынимаетъ онъ изъ голенища государевъ листъ, сложенный въ трубку. Напередъ сказавши титулъ, онъ сталъ читать, что „отъ Сигизмунда, короля польскаго, прибыли посланники: Станиславъ

Витовскій и Иванъ Соколиньскій, которые били намъ челомъ, чтобы они могли видѣть васъ и мы ихъ въ томъ пожаловали; и такъ ты, Мартынъ Стадницкій, взявши съ собою двоихъ шляхтичей, двухъ хлопцевъ и двухъ вощиковъ, вы же, Станиславъ Немоевскій и Адамъ Вольскій, взявши по одному шляхтичу, двухъ хлопцевъ и двухъ вощиковъ, немѣшканно прибѣжали на подводахъ, которые мы указали дать подъ васъ“.

Мы отвѣчали:

— Милую новинку ты, г. посолъ, принесъ намъ; но еще несовершенную радость мы имѣемъ по тому, что не всѣхъ отпускаютъ; но въ нашемъ несчастіи мы должны слушаться воли великаго князя, и мы готовы ѣхать, почему и просимъ тебя возможно скорѣе изготовить подводы.

Онъ обѣщалъ собрать ихъ, если не завтра, то на слѣдующій день.

По уходѣ посланца, сошлись мы на „Тебе Бога хвалимъ“, благодаря Господа Бога, что умѣряетъ Онъ гнѣвъ Свой надъ нами, и, признавая особенную любовь Его, что въ тотъ же день, въ субботній день по Божьемъ тѣлѣ, когда съ допущеніемъ Его, два года назадъ, разразился надъ нами погромъ, благоволилъ Онъ насъ утѣшить началомъ избавленія. Сейчасъ затѣмъ мы начали укладываться; не прошло и часа, мы были уже готовы; правда, немного было чего укладывать, но и охота много ускоряла, а каждый часъ до отъѣзда казался какимъ-то долгимъ временемъ. Несравнима была наша радость съ скорбію тѣхъ, которые оставались; но и они имѣли отсюда утѣшеніе— надѣяться, что мы ихъ освободимъ, когда дѣло приходитъ до договоровъ, о которыхъ мы по сіе время ничего не слышали.

Дня X-го, того-же.

Въ виду огромныхъ болотъ, которыя тянутся вокругъ Бѣлаго озера на десятокъ миль, труднаго потому переѣзда лѣтомъ, наши пристава пустились съ нами водою, на судахъ, придавши къ каждому изъ насъ по человѣку изъ монастырскихъ служекъ, которые ходили и надзирали за нами, тогда какъ всѣ стрѣльцы были оставлены при тѣхъ изъ нашихъ, что остались. Вначалѣ мы шли озеромъ, въ которое, какъ упомянуто было выше, впадаетъ около 20 рѣчекъ; между ними четыре большія: Коза, Кема, Мегра, Кемега [1]), по которымъ также ходятъ суда,

---

[1]) Коза, это, конечно, *Ковжа;* Кема такъ и теперь; обѣ рѣки изъ озера того же имени и въ Бѣлое озеро впадаютъ съ сѣвера. Мегра, это нынѣшняя Илекса, съ запада: у впаденія ея въ озеро и теперь торговое село *Мегра*. Что же касается четвертой рѣки, Кемеги, то ея величина и помѣщеніе дозволяютъ видѣть въ ней нынѣшнюю *Куность*, сейчасъ у Бѣлозерска.

но не очень большія, всѣ же они вмѣстѣ съ Шексною (Szoksną), въ которую мы, пройдя озеромъ двѣ мили, вошли при Троицкомъ монастырѣ, вытекаютъ изъ озера. Эта рѣка, хотя и немного больше Вислы подъ Варшавою, но далеко глубже ея и не быстра; берега ея круты, и идетъ она просто—кажется, будто по выкопанному. Суда много больше нашихъ барокъ ходятъ по ней, нагруженныя солью, которую вывариваютъ у Сѣвернаго (Scytyckie) моря; меньшими же рѣчками, а зимою санями, чрезъ городъ Каргополь, соль прибываетъ въ Бѣлое озеро. Рѣка богата рыбою—осетромъ, бѣлугою (она на подобіе нашей ряпухи, но много вкуснѣе) и жирною крупною стерлядью. Заповѣдна подъ страхомъ смертной казни: ни кому не вольно и рыбки въ ней уловить, развѣ что на великаго князя. На ней 30 большихъ ериковъ, въ двухъ миляхъ одинъ отъ другого; но такъ какъ каждый годъ ихъ сноситъ ледъ, то съ весны ихъ снова ставятъ съ большимъ трудомъ и шумомъ, пока рыба еще не возвращается назадъ изъ Бѣлаго озера, куда она зашла при вскрытіи рѣки.

Рыбу достаютъ такимъ образомъ:

На половинѣ ерика оставляютъ свободное мѣсто, а въ него ставятъ густую матню, сдѣланную изъ мочальной веревки, потолще пальца. Надъ нею ставятъ клѣтушку на высокихъ сваяхъ, гдѣ попеременно сидятъ крестьяне, держа веревки отъ той матни на колѣняхъ. Какъ скоро тотъ почувствуетъ, что осетръ или какая другая крупная рыба толкаетъ матню, онъ спускаетъ съ колѣнъ тѣ веревки и матня закроется; нѣсколько крестьянъ, спустившись на плотъ, который привязанъ надъ матней, должны тянуть матню, потому что тѣ лыка—вещь тяжелая. По одной сторонѣ на водѣ матню всегда загораживаютъ, такъ что вода поднимается, когда рыба идетъ вверхъ и когда возвращается назадъ; только когда она идетъ противъ воды, то придѣлываютъ крылья, такъ что, попавши въ ерикѣ на крылья, опять попадаетъ въ матню. Сдѣланы и отдѣльно ворота, которыми проходятъ суда: на днѣ вбиты густо длинные шесты, чтобы не прошла рыба, а судно можетъ ихъ сгибать.

Изъ числа этихъ 30 ериковъ два принадлежатъ патріарху, и одинъ Кирилловскому монастырю [1]). Этотъ монастырь—второй во всей землѣ—основанъ въ пустынѣ между порослей, въ 12 миляхъ отъ Бѣлаго озера; у церкви, недурно построенной изъ камня, обведено каменной стѣной множество деревянныхъ черныхъ избушекъ (они ихъ называютъ келіями), для монаховъ;

---

[1]) Нынѣшній Кирилловъ Бѣлозерскій. Около этого монастыря основался позже посадъ, нынѣшній Кирилловъ, уѣздный городъ Новгородской губерніи.

одинъ только рефектарій, а по нихъ трапеза—изъ камня. Этотъ монастырь имѣетъ ежегоднаго дохода около 5.000 золотыхъ на содержаніе чернецовъ, по нашему монаховъ, которыхъ около 150, но пожертвована сумма на 300. Когда мы ихъ спрашивали, кто основатель ихъ ордена и кого они считаютъ своимъ патрономъ, то не умѣли ничего сказать, кромѣ одного, что у насъ лежитъ Кирилло—чудотворецъ, а у Троицы—Сергій, но чуточку болѣе умные говорили, что св. Василій былъ также чернецъ. Спросишь-ли ихъ о значеніи другихъ вещей, они тебѣ отвѣтятъ: „такъ въ нашей землѣ ведется и таковъ обычай". Настолько это образованные и ученые богословы.

Обязанность игумена съ соборомъ, т. е. аббата съ конвентомъ этого монастыря—ежегодно опредѣленная сумма великому князю, да на каждую военную экспедицію выставлять 100 конныхъ и 300 пѣшихъ, для поправленія дорогъ и провода орудій, которые всѣ у нихъ тянутся людьми. Даетъ и деньги временами, сколько прикажетъ. Великій князь Димитрій Ивановичъ, ставши великимъ княземъ, приказалъ имъ прислать 6.000 р., что дѣлаетъ нашихъ 20.000 золотыхъ, на уплату военнымъ людямъ. Сейчасъ же, собравши ихъ разными путями, послали; иначе, онъ отнялъ бы у нихъ деревни, которыми владѣютъ, хотя самый значительный доходъ этого монастыря отъ соляныхъ варницъ, которыя онъ имѣетъ у Сѣвернаго моря: здѣсь варятъ соль, которую потомъ монахи развозятъ по разнымъ мѣстамъ и продаютъ. Есть и другой монастырь, Ѳерапонтьевскій (Terefontego), въ шести миляхъ отъ Кирилловскаго, который ставитъ 200 человѣкъ на войну. Но самый первый—Святой Троицы, въ 12 миляхъ отъ Москвы: церковь также чисто выстроена изъ камня, съ большимъ куполомъ, который покрытъ позолоченою жестью; при ней множество черныхъ деревянныхъ избенокъ (келей), огороженныхъ каменною стѣной, съ трапезой изъ камня. Этотъ монастырь имѣетъ дохода вдвое больше, чѣмъ Кирилловскій, вдвое больше высылаетъ людей на войну и денегъ даетъ великому князю, когда онъ прикажетъ. Не мало есть и другихъ монастырей по разнымъ мѣстамъ, но поименованные три самые богатые.

Эти монахи — *observantissimi* въ своихъ правилахъ: говядины никогда не ѣдятъ, а только рыбу и то въ опредѣленные дни. Кромѣ кваса ничего не пьютъ въ монастырѣ, но, выйдя изъ него, напиваются безъ памяти горѣлкой, такъ что по городу развозятъ ихъ на повозкахъ. Также относительно гнуснаго предъ Господомъ Богомъ грѣха злословятъ на нихъ, что онъ у нихъ всеобщій, но, кажется, несправедливо. Имъ неприлично держать у себя какого-либо слугу, который былъ бы женатъ,

и держать только „холостяковъ“ (chłostaki), т. е. неженатыхъ юношей.

Есть также и женскіе монастыри, гдѣ живутъ женщины, которыхъ мужья бросаютъ сюда, когда берутъ себѣ другихъ женъ, а особенно великія княгини. Иванъ Васильевичъ бросилъ ихъ семь. Тоже дозволяется и боярамъ, особенно, знатнѣйшимъ; но боярину, будь онъ даже холостъ, жениться безъ разрѣшенія великаго князя нельзя, и когда великій князь гнѣвается на него, онъ запрещаетъ ему жениться, чтобы угасъ его домъ. Такъ поступилъ Борисъ Годуновъ съ первымъ своимъ думнымъ, княземъ Мстиславскимъ; только у Димитрія Ивановича, будучи уже старцемъ, онъ вымолилъ себѣ разрѣшеніе. Объ этихъ черницахъ также разсказываютъ, что онѣ живутъ очень распущенно, особенно въ монастыряхъ около городовъ; но и имъ, по видимому, дѣлается несправедливость.

Встрѣчаются и нѣкоторые такіе міряне, которые, покаянія ради, даютъ себя оковать толстыми цѣпями за шею и на крестъ до пояса, по нагому тѣлу; цѣпей они никогда не снимаютъ и ходятъ просить милостыню. Такихъ называютъ „truzelnikami“ [1]). Другіе-же по нѣскольку лѣтъ не выходятъ изъ своей келіи (kilii), людей къ себѣ не пускаютъ и не бываютъ на церковныхъ богослуженіяхъ; такихъ считаютъ пустынниками и святыми людьми.

Дня XIII-го, того-же.

Третьяго дня пришли мы подъ мѣстечко Луковецъ [2]), гдѣ взимаютъ водную пошлину на государя: отъ оцѣненнаго товара десятый грошъ, отдѣльно измѣряютъ судно и отъ сажени 15 грошей, а отъ человѣка на немъ по два съ половиною.

Едва поѣли на берегу, какъ побѣжали дальше.

Дня XV-го, того-же.

На перемѣну по деревнямъ брали лодочниковъ, которыхъ они называютъ гребцами (grzebcami); ночью и днемъ бѣжали съ нами пристава при большомъ для насъ неудобствѣ,—отъ криковъ крестьянъ при переходѣ чрезъ ерики и отъ слишкомъ большаго количества комаровъ. Однако каждая работа казалась намъ пріятной въ ожиданіи свободы.

Прошедши Шексною 300 верстъ (на версты они мѣрятъ свою землю — тѣхъ 5 на одну нашу милю), мы пятаго дня

---

[1]) Вѣроятно, надо читать „тружениками“, отъ „трудиться“, подвижничать.

[2]) Луковецъ или Луковеси, село Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ.

выплыли въ Волгу на шесть миль выше Романова [1]), у села Рыбнаго [2]), о которомъ вспоминалось выше, что имъ на половину владѣютъ татары; отсюда уже имѣли везти насъ подводами на колесахъ. Мы просимъ приставовъ немедленно ѣхать далѣе, опасаясь, чтобы тиранъ не раздумалъ, или что-бы не случилось что-либо такое, въ виду чего насъ могли воротить. Пристава обѣщаютъ и суетятся. Начали уже приводить лошадей, но вдругъ — гонецъ съ государевой грамотой, чтобы пристава, до дальнѣйшаго указа великаго князя, задержались съ нами въ Вологдѣ.

Приходитъ съ грустнымъ видомъ къ намъ приставъ. Мы спрашиваемъ его — собралъ ли онъ уже подводы? Отвѣчаетъ намъ:

— Господа! Пришелъ указъ отъ государя, чтобы я задержался съ вами въ Вологдѣ, которая уже за нами въ 30 миляхъ; придется намъ назадъ воротиться; но вы не кручиньтесь— не долго намъ тамъ жить.

Вструхнули мы (что такъ легко людямъ встревоженнымъ) и не можемъ найтись съ отвѣтомъ; но по истеченіи нѣкотораго времени мы спрашиваемъ его — какая могла быть причина. На это онъ:

— Мы не знаемъ и сами тому не рады.

Такъ какъ мы уже раньше склонили его къ себѣ кубкомъ и парою ложекъ, обѣщавши больше дать въ Москвѣ, то онъ, въ чемъ только могъ, угождалъ намъ болѣе другихъ. Разговорившись съ нимъ потомъ на сторонѣ, мы ему отвѣчали:

— Г. приставъ! Уже третій годъ скромно мы выносили это угнетеніе насъ, безвинныхъ, заключеніемъ отъ великаго князя; но если это такъ должно итти на-долго, то мы предпочитаемъ смерть, чѣмъ жить въ такой неволѣ, и мы объявляемъ, что назадъ не поѣдемъ, считая, что одно — смерть ли здѣсь принять или возвращаться назадъ; если мы не встрѣтимъ смерти отъ васъ, то сами себѣ ее причинимъ. Поэтому мы просимъ: прежде чѣмъ дойдетъ до этого, задержаться тутъ съ нами въ Романовѣ, а великому князю о нашемъ намѣреніи довести до свѣдѣнія; да и мы будемъ писать о томъ-же къ великому князю.

Взволновался приставъ и изъ боязни не зналъ, что дѣлать; но въ виду нашего рѣшенія, онъ позволилъ себѣ задержаться съ нами, и затѣмъ поспѣшно послалъ гонца къ великому князю,

---

[1]) Романовъ-Борисоглѣбскъ, уѣздный городъ Ярославской губерніи.
[2]) Рыбная слобода, съ 1777 г. Рыбинскъ, теперь уѣздный городъ Ярославской губерніи.

сообщая ему о нашемъ рѣшеніи, и отправилъ письмо наше, написанное такъ:

„Пресвѣтлѣйшему царю, великому государю и великому князю московскому и иныхъ, Василію Ивановичу всея Руси и пр. и пр..

„Если бы мы, царь-государь, знали причину нашего заключенія и угнетенія насъ, почтенныхъ людей польскаго народа, не столь тяжело было бы намъ переносить не только заключеніе, но и жить въ самыхъ тяжелыхъ оковахъ, подавши поводъ къ тому, потому что даже тѣмъ, у которыхъ отымаютъ жизнь, объявляютъ имъ причину казни; ты-же, не объявляя намъ причины, уже третій годъ употребляешь относительно насъ заключенье и со всякой строгостью. Недѣлю тому назадъ, какъ прибылъ твой указъ съ приглашеніемъ насъ къ себѣ въ Москву, но оставивши нашихъ людей, мы надѣялись, что дѣло дошло до нѣкотораго соглашенія съ послами его величества короля, государя нашего, да и съ нами, такъ какъ мы полагаемъ, что наши и Рѣчь-Посполитая какъ-не-такъ, но не оставитъ насъ здѣсь и, конечно, не забудетъ о томъ, чтобы оба государства, наше и ваше, были бы, если не во взаимной любви (а къ разрыву ея серьезная причина подается отъ васъ), то, по крайней мѣрѣ, при сохраненіи общаго покоя и перемирія, которое по сіе время ненарушимо было соблюдаемо нами, какъ христіанами, которые умѣютъ понимать, что̀ такое присяга и какъ Богъ, за недодержаніе ея, царства разрушаетъ и предаетъ ихъ въ руки чужихъ. Не забыли мы того, какъ Иванъ Васильевичъ, вашъ великій князь, на письмѣ и чрезъ пословъ предъ лицемъ христіанскихъ государей обвинялъ блаженной памяти короля Стефана за то, что въ вашей землѣ проливалъ христіанскую кровь, хотя это—по законной причинѣ, такъ какъ вы, безъ вѣдома нашего, при внутреннемъ замѣшательствѣ въ то время у насъ, завладѣли Инфляндской землею. Если ты, царь-государь, великій князь, желаешь, чтобы снова не пришло къ бо̀льшей еще богомерзкости и къ бо̀льшему пролитію христіанской крови (за что̀ Богъ гнѣвается), наконецъ, къ уничтоженію Земли, то знай, что отъ малой искры бываетъ великій и трудно угасимый огонь, а столь крупное пламя, какъ пламя болѣе десятка большихъ (bulszych) особъ, ты, навѣрное, не усмирилъ бы, особенно, если еще у васъ былъ-бы какой-либо мятежъ. Изъ всего этого мы видимъ, что ты очень высоко берешь, какъ это въ должной мѣрѣ видно изъ того, что, призвавъ насъ къ себѣ, приказалъ насъ, находившихся уже вблизи, снова воротить въ заключеніе, за 30 миль назадъ, изъ Романова въ Вологду, но не обозначилъ намъ причины этого. Почему мы прежде всего

просимъ тебя дать намъ знать, чего тебѣ еще не достаетъ отъ нашей Рѣчи-Посполитой, а затѣмъ, если есть у тебя какая причина, то обойдись съ нами по обычаю всѣхъ христіанъ — дозволь намъ жить при нашемъ капелланѣ: если терзаешь тѣло, то души не убивай, о чемъ мы много разъ въ писаніяхъ нашихъ къ тебѣ просили.

„Мы трое только по нѣскольку лицъ имѣемъ при себѣ; присоедини насъ гдѣ-нибудь къ нашимъ, но гдѣ-бы былъ нашъ капелланъ, Божій слуга; если не можетъ быть этого, то, по крайней мѣрѣ, соедини насъ на одинъ день съ нашимъ капелланомъ, дабы мы были разрѣшены имъ отъ нашихъ грѣховъ по власти, данной ему отъ Бога, а по вашему *прощалися* [1]). Затѣмъ соедини насъ съ Андреемъ Стадницкимъ въ Ростовѣ и тамъ уже пусть ожидаемъ мы нашего избавленія и милосердія надъ нами нашего католическаго Бога, чего если ты не сдѣлаешь, то мы предпочитаемъ, чтобы ты отнялъ у насъ жизнь. Намъ пришлось бы скорѣй у самихъ себя съ жизнью покончить, чѣмъ быть отправлену назадъ или жить среди такого ужаса, какой имѣлъ мѣсто для насъ по сю пору на Бѣломъ-озерѣ, именно, когда прибылъ отъ тебя нашъ приставъ, Аѳанасій Головенко, человѣкъ мало разсудительный. Ты, царь-государь, не желай того, чтобы Господь Богъ за этотъ страшный грѣхъ (если-бы намъ пришлось покончить съ самими собой) покаралъ тебя и всю Землю, и объ этомъ—раньше, чѣмъ дошло бы у насъ до того—казалось намъ нужнымъ тебя извѣстить и просить тебя, во имя Бога Всемогущаго, сжалиться надъ нами, надъ собой и надъ всею Землей. Да не узритъ Господь Богъ отъ рукъ вашихъ смерти безвинныхъ!

„Мы ждемъ, такимъ образомъ, дальнѣйшаго твоего указа въ Романовѣ, скромно перенося это посѣщеніе Всемогущаго Господа Бога, на что ты, царь-государь, и обрати вниманіе.

„Писано подъ Романовымъ 15 іюня, лѣта отъ рождества Искупителя нашего 1608.

„Изстрадавшіеся люди свободнаго польскаго народа, уже третій годъ гнетомые заключеніемъ“.

Въ ожиданіи указа отъ великаго князя, приставъ поставилъ насъ въ концѣ татарскаго города Романова, имѣя стражу около насъ днемъ и ночью и придавши посадскихъ людей къ стрѣльцамъ. Не будучи въ состояніи узнать отъ старшаго пристава о причинѣ, почему приказано задержаться съ нами, я обратился къ меньшему, Ивану Григоровичу, при чемъ, желая войти съ нимъ въ пріятельство и считать его другомъ, я подарилъ

---

[1]) Конечно, авторъ Записки хотѣлъ сказать—„прощены“.

ему серебряную ложку, но обѣщая больше, когда мы пріѣдемъ въ Москву. Варваръ былъ благодаренъ за подарокъ, съ предложеніемъ дружбы (druhostwa).

— Если, приставъ, твое предложеніе дружбы искренне, то скажи мнѣ, что за причина, что вамъ приказано задержаться съ нами.

На это онъ:

— Не горюйте! Какъ знать, не будете ли вы въ свою очередь и въ скоромъ времени приставами у насъ? Но такъ какъ дѣло идетъ о моей головѣ, то сохрани про себя то, что я тебѣ сообщу.

Я далъ ему слово.

Онъ съ клятвой сообщилъ мнѣ:

— Вѣрь мнѣ твердо, что тотъ Димитрій, который при васъ былъ государемъ въ Москвѣ, навѣрное убитъ; я самъ былъ при этомъ. Но явился иной, который назвался имъ, и сталъ объявлять, что убили другого, а „я ушелъ", и очень много людей изъ нашихъ пристало къ нему, меньше бояръ, больше народа. Вашей Литвы съ нимъ 6.000 человѣкъ, между ними знатнѣйшіе—Вишневецкій и Рожыньскій. Съ этою силою онъ подтянулся подъ городъ Москву и осадилъ въ ней нынѣшняго великаго князя Василія Ивановича всея Руси, а такъ какъ свободнаго проѣзда ни съ одной стороны нѣтъ въ городъ, то и указано съ вами задержаться.

Перепуталъ онъ наши мечты своимъ разсказомъ, вообще мало вѣроятнымъ, потому что втереться въ особу убитаго, съ которымъ у него былъ какой-то процессъ (!)—одинъ пустякъ: всѣ знаютъ его, и онъ три дня лежалъ на Площади непогребеннымъ, чтобы народъ могъ насмотрѣться на него. Если-бы онъ имѣлъ быть иной, то такъ много своихъ и нашихъ онъ бы собой не увлекъ; но кто бы онъ ни былъ, онъ, тѣмъ не менѣе, съ большимъ количествомъ людей смѣло окружилъ со всѣхъ сторонъ столь большой городъ.

Но мы горячо просили Господа Бога о быстромъ разрѣшеніи въ пользу той или другой стороны; послѣ этого мы расчитывали на освобожденія и говорили, вздыхая: „когда-же, наконецъ, пріидетъ это вожделѣнное время нашей свободы — стать въ Божьемъ костёлѣ, быть при служеніи Его, время лицезрѣнія дорогой отчизны, при жизни утѣшенныхъ родныхъ, которымъ мы нашимъ отъѣздомъ причинили столько горя, а себѣ, въ несчастіи, страшное истомленіе и тоску"?

Исповѣдуемся мы вмѣстѣ другъ предъ другомъ, и теперь, какъ и раньше, когда мы были въ бóльшемъ обществѣ, чтó-же загнало насъ въ это несчастіе? Одни говорятъ: у меня причина—

родство; другіе, что увлекла дружба; третьи, что не въ угоду себѣ, а своимъ, желая съ ними соображаться; нѣкоторые, въ свою очередь, что для облегченія себя и своихъ дѣлъ, для освобожденія себя отъ затрудненій, которыя служили имъ препятствіемъ для пребыванія дома и для удобной и пріятной въ немъ жизни (zażycia uciesznego). Были и такіе, у которыхъ находились собственноручныя записи великаго князя Димитрія на немалыя суммы, и обѣщанія отъ него немалыхъ прибылей за принятіе участія и оказаніе желанія по исполненію услугъ, за защиту его и рискъ жизнью, при провожденіи его на престолъ. Наконецъ, нѣкоторые влеченіемъ къ службѣ, слыша о немъ, что охотникъ до военнаго дѣла. Другіе молчали; это тѣ, которыхъ геній выпустилъ въ свѣтъ менѣе покойными въ ихъ чувствахъ, которые подъ разными предлогами подчинились тѣмъ, у которыхъ были намѣренія — въ будущемъ высмотрѣть для себя дѣятельность среди мятежей и перемѣнъ [1]). Словомъ, никто безъ предлога благопристойнаго барыша (korzyści), и все съ прикрытіемъ безсовѣстной алчности, на основаніи извѣстнаго — *auri sacra fames* и пр.; но наиболѣе разсудительные говорили: „Господа, грѣхъ покаралъ насъ, его мы дѣйствительно должны искупить. Милосердіе окажетъ Тотъ, Который посѣтилъ испытаніемъ“.

Дня XXII мѣсяца іюня.

Припоминая себѣ завтрашній канунъ Іоанна Крестителя, веселое время на родинѣ, полные шутокъ съѣзды и развлеченія, ивановскіе огни (sobótci) съ милой семьей и веселыми сосѣдями, тѣмъ большую мы чувствовали тоску и скорбь; мы разошлись, чтобы сонъ облегчилъ насъ отъ нея и проведенная ночь нѣсколько бы умирила насъ.

На другой день въ первый часъ утра обсылаетъ насъ приставъ, что прибѣжалъ гонецъ съ государевымъ указомъ—отправляться ему назадъ съ нами водою, и чтобы мы готовились [2]). Черезъ нѣкоторое время и самъ онъ пришелъ, съ сообщеніемъ того-же. Мы его спрашиваемъ:

— А отвѣта на наше письмо къ государю у тебя нѣтъ?

Говоритъ, что нѣтъ, но „въ моемъ (указѣ) прибавлено, чтобы я васъ успокаивалъ, чтобы вы не печалились, но волѣ государевой не противились“.

Хотимъ видѣть тотъ его указъ, на что онъ:

---

[1]) Слова эти, несомнѣнно, относятся къ Стадницкимъ и инымъ, которые дѣйствовали въ тѣсномъ согласіи съ вождями современной междуусобицы.

[2]) Этотъ указъ Шуйскаго напечаталъ кн. Щербатовъ въ своей „Исторіи Россійской“; т. VII, ч. III, 115—116.

— Не зачѣмъ вамъ, нельзя, чтобы въ немъ не было того, что я вамъ говорю; я бы не осмѣлился ничего по своему дѣлать; моей головѣ съ плечъ долой, если бы я сдѣлалъ что-либо сверхъ приказаннаго.

О, сверхъ мѣры несчастные ивановскіе огни, или скорѣй мы, которые должны праздновать и ихъ, и самый день Іоанна безъ церковныхъ обрядностей и установленій Его. Долго-ли еще будетъ бурный порывъ отбрасывать насъ отъ желанной пристани, долго ли еще мы будемъ вскармливаемы все большею и большею скорбью? Нѣтъ ниоткуда совѣта, что дѣлать съ собою. Мы обсуждали вопросъ—остановиться ли на послѣдней резолюціи, о которой писали къ великому князю? Гнетъ и тоска совѣтуютъ, но разсудокъ приказываетъ скромно сносить посѣщеніе Господне. Мы остановились на послѣднемъ и видя, что упорствомъ ничего не сдѣлаешь, приказали снова сносить вещи въ суда, и въ тотъ-же день крестьяне потянули насъ вверхъ — съ большими неудобствами и съ неизъяснимою нашею грустью.

Спрашиваемъ мы въ дорогѣ пристава — куда-же онъ насъ везетъ, пусть-же хоть это мы знаемъ. Сказалъ:

— Увидите, когда пріѣдемъ. А потомъ, видя что мы грустны—добавилъ: „станемъ въ селѣ, которое найдемъ наиболѣе пригоднымъ, между Вологдою и Бѣлымъ озеромъ; такова воля государева“.

Онъ подалъ также намъ надежду привезти на нѣсколько дней ксендза изъ Вологды, отъ нашихъ, которые содержались тамъ, равно какъ и послать одного изъ нашихъ слугъ въ Вологду для закупки разныхъ потребныхъ вещей. Мы были удовольствованы этой надеждою духовнаго утѣшенія, кромѣ того мы расчитывали, что на селѣ насъ не будутъ держать такъ тѣсно, какъ это приходилось терпѣть на Бѣломъ-озерѣ.

Дня VI-го мѣсяца іюля.

На то мѣсто, съ котораго, спускаясь внизъ водою, мы прибыли на четвертый день, теперь, подымаясь вверхъ, мы дотянулись лишь на четырнадцатый. Однако, мы питали надежду, что съ нами имѣютъ остановиться въ какомъ-нибудь обстроенномъ селѣ, гдѣ бы можно было достать все необходимое; но деревенька, которую называютъ Ивачево[1]), всего изъ 9 избъ, и въ трехъ изъ нихъ оставили насъ вмѣстѣ съ крестьянами и быдломъ, которое они называютъ животиной (żywocina). Мы не могли достать никакихъ нужныхъ предметовъ. Крестьянинъ

---

[1]) Ивачево, у небольшаго озера того-же имени, вблизи лѣвой стороны верхней Шексны, недалеко отъ впаденія въ нее притока Кинемы.

здѣсь и тамъ, вокругъ въ лѣсахъ, весьма рѣдкій; въ лѣса посылаютъ стрѣлковъ; съ трудомъ доставалась которому изъ насъ курица, а баранъ—просто счастіе, и все это въ томъ краю необыкновенно дорого: курица—2 гроша, баранъ—15; мы жили болѣе молокомъ и яйцами. О пивѣ не спрашивай; должно было ограничиться выпрашиваніемъ кваса у крестьянина, или водою.

Жалуемся мы приставу на недостачу необходимыхъ предметовъ и на задержаніе уже двѣ недѣли той малости денегъ, которыя приказалъ давать намъ великій князь — на насъ по семи грошей, а на челядь нашу по два, въ день. Относительно съѣстныхъ припасовъ онъ отвѣчалъ:

— Вѣдь вы служили у вашего короля и знаете, что не можетъ быть одинаково во всѣхъ мѣстахъ. Чѣмъ-же я виноватъ, что крестьяне не хотятъ меня слушать, какъ и тотъ приканщикъ (prykaźczyk), который въ вѣдѣніи своемъ имѣетъ эту волость. Я пошлю къ государю, съ объясненіемъ ему этого; вы-же содержите себя, чѣмъ можете, до возвращенія посланца, а то, что я могъ раздобыть, подѣлю между васъ—по 3 золотыхъ и 10 грошей.

И это мы взяли у него, потому что у другого не нашли бы и гроша. Мы просили, чтобы съ этими деньгами онъ послалъ сейчасъ кого-либо на Бѣло-озеро, за солодомъ, а отъ озера мы стояли всего на разстояніи 4 миль. Онъ удовлетворилъ нашу просьбу; но мы, прежде чѣмъ тотъ возвратился съ солодомъ, сварили себѣ немного плохого пива при помощи камней, а болѣе десяти дней должны были довольствоваться квасомъ.

Вытыкали мы и то нашему старшому, зачѣмъ онъ завезъ насъ такъ далеко. Оправдываясь предъ нами, онъ приказалъ своему дьяку читать указъ, въ которомъ стояло, что онъ имѣлъ остановиться съ нами въ 4 или 6 миляхъ отъ Бѣла-озера. Но такъ какъ изъ смысла можно было узнать, что дьякъ при чтеніи нѣкоторыя мѣста пропускалъ, то я просилъ вторично своего „друга“ сообщить—что бы могло быть то, что при чтеніи скрывали передъ нами.

Другъ, какъ и прежде, ранѣе всего обязалъ насъ сохранить все въ тайнѣ, а потомъ сообщилъ намъ, что наказъ былъ таковъ: „если-бы вы обратно не пожелали ѣхать, то поднята имѣла быть вся волость и татары, и связавши васъ и уложивши въ суда, все-же назадъ везти. Завести-же васъ такъ далеко приказано потому, что опасались, чтобы не напали войска Димитрія и не отняли бы васъ у насъ“.

Такъ-то поступилъ съ нами этотъ злой и грубый народъ, тогда какъ онъ могъ употребить иные способы; потому что, разъ только бы намъ сказали, что „если не будете слушаться, то

васъ никуда изъ дворовъ не выпустятъ и воспретятъ продавать припасы", скоро бы насъ сдѣлали послушными. И отсюда можно заключать, какова боязнь въ этомъ ничтожномъ народѣ, что на 19 безоруженныхъ человѣкъ приказали поднять мѣстечко съ окружающею волостью и татарами.

Дня IX-го, того-же.

Просили мы пристава, чтобы онъ безотлагательно послалъ къ великому князю, сообщилъ ему о нашей нуждѣ и отсутствіи съѣстныхъ припасовъ, чтобы князь отправилъ насъ или въ другое мѣстечко или даже въ болѣе богатое мѣсто, а сверхъ того, чтобы онъ, приставъ, писалъ къ своему батюшкѣ (bajtuszka)—такъ они называютъ отца—о которомъ онъ говорилъ, что тотъ часто бесѣдуетъ съ великимъ княземъ, и вообще къ кому онъ знаетъ, чтобы они постарались, чтобы насъ взяли въ Москву или присоединили бы гдѣ-нибудь съ нашими, гдѣ только есть ксендзъ. Если исхлопочетъ онъ намъ это, мы обѣщали ему камчатный жупанъ. Сами мы не желали писать къ великому князю, такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ мы не имѣли никогда никакого отвѣта на многочисленныя наши писанія.

Взялся приставъ похлопотать и послать отъ меня письма къ господамъ посламъ, но ихъ раньше долженъ батюшка дать государеву дьяку для прочтенія. Согласился и на это, лишь бы только они были отданы да назадъ могъ бы быть отвѣтъ.

Копіи писемъ къ господамъ посламъ его величества короля, писанныхъ изъ села Ивачева:

„Милостивый государь, г. Малаговскій и пр. пр.!

„При разсылкѣ насъ въ извѣстное время изъ Москвы въ разныя мѣста, меня и господъ Стадницкихъ послали было въ Ростовъ; но потомъ вскорѣ продвинули насъ далѣе на сто миль—на Бѣлое-озеро и тамъ были содержимы до настоящаго времени; съ какой тошнотой, о томъ писать менѣе всего нужно. Но изъ всѣхъ страданій одно было наибольшее, это то, что до сего времени мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о причинѣ, почему мы такъ долго были задержаны. Даже мы и столько счастья не имѣли, чтобы или получать здѣсь отъ кого-либо письма, или имѣть средство какой-либо пересылки отъ насъ. Теперь это первая оказія обращенія къ вамъ, милостивый государь, и то при отсылкѣ раньше для прочтенія государевымъ дьякамъ, что будетъ соблюдаться и съ отвѣтомъ отъ васъ, если соизволите вы отправить чрезъ вручителя этого письма, въ чемъ не сомнѣваемся. Итакъ, мы просимъ васъ, милостивый государь, оказать истомленнымъ утѣшеніе и сообщить, насколько это можно, что это съ нами дѣлается, что за причина столь дол-

гаго нашего заключенія и какова надежда на освобожденіе. Не имѣя ни малѣйшаго сомнѣнія, что мои дѣла, разъ устно препорученныя вамъ, вы сохраняете въ доброй памяти и пр., я, вмѣстѣ съ услугами своими, заботливо препоручаю ихъ вашему любезному вниманію, за что меня и моихъ обяжете быть вашимъ слугою на вѣки, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуя готовность быть обязаннымъ и признательнымъ за такую, милостивый государь, вашу любовь. Писано изъ села Ивачева 9 іюля 1608.

„Вашъ, милостивый государь, искренній пріятель и покорный слуга Ст. Н.".

На верху титулъ:

„Вельможному и моему милостивому государю, его милости г. Николаю Олесьницкому изъ Олесьницы, каштеляну малаговскому, послу его величества короля къ великому князю московскому" и пр. и проч.

Другое письмо къ г. старостѣ велижскому:

„Моему милостивому государю и пріятелю, его милости г. Александру Корвину Гонсевскому, старостѣ велижскому, послу его величества короля къ великому князю московскому и проч.

„Милостивый государь, староста велижскій и пр.!

„Хотя всѣ мы, сколько насъ сюда несчастіе ни загнало, не имѣемъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вы при переговорахъ и мирѣ не забудете также и о нашемъ избавленіи, котораго съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали, сначала на Бѣломъ озерѣ, а теперь въ селѣ Ивачевѣ, вы самъ можете опредѣлить, судя по себѣ; но надо имѣть въ виду, что это чувство должно было быть тѣмъ больше, что никакихъ свѣдѣній не имѣемъ о томъ, гдѣ причина, что уже третій годъ мы выносимъ это заключеніе, и что утрудняло трактацію вашу съ здѣшними. Сдѣлайте-же meritum[1]), порадуйте удрученныхъ и сообщите, что сообщить можно, какова надежда на освобожденіе и что за препятствіе, столь продолжительное, было къ послѣднему— именно, чрезъ подателя нашего письма, который взялся принять письмо отъ насъ къ вамъ подъ условіемъ, что его онъ раньше имѣетъ передать государеву дьяку для прочтенія и что тоже имѣетъ быть продѣлано и съ отвѣтомъ вашимъ, на который мы твердо надѣемся. Въ виду предложенной мнѣ однажды вашей любезности—объ усердномъ стараніи по моему дѣлу во время заключенія договора, я остаюсь въ твердой надеждѣ, что

---

[1]) Т. е. одолженіе.

у васъ все это въ доброй памяти, въ чемъ если я не ошибаюсь, то нахожусь во всякомъ случаѣ обязаннымъ вамъ заслужить за нее и показать себя признательнымъ; за симъ усердно препоручаю ее и свои службы любезности вашей. *Datum* изъ села Ивачева, 9 іюля 1608.

„Вашъ искренно благорасположенный пріятель и слуга Ст. Н.“

Какъ только я изготовилъ письма, приставъ на подводахъ отправилъ посланца, который увѣрялъ насъ, что далѣе всего—это въ 6 дней онъ сдѣлаетъ 6 миль и столько же назадъ, и постарается въ быстромъ исполненіи.

Напомнили мы приставу его слова, чтобы, согласно обѣщанію, послалъ онъ въ Вологду за ксендзомъ, а также нашего человѣка—продать какое-нибудь платье для покупки съѣстныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ вещей. На это онъ:

— Правда, я обѣщалъ, но не могу этого сдѣлать, не имѣя такого указа. Головой своей я отвѣчаю.

Такой это лживый народъ (какъ и выше объ этомъ упоминалось); сегодня скажетъ, а завтра самъ, безъ стыда, признается: „солгалъ я тебѣ“—въ томъ, что раньше говорилъ. Одну только мы имѣли пользу—тѣшили себя нѣсколько дней этою утѣхой.

Дня XVII-го, того-же.

Прибѣжалъ нѣмецкій переводчикъ гонцомъ отъ великаго князя къ намъ. Сейчасъ-же приставъ прислалъ ко мнѣ дать знать, что будетъ у меня съ государевымъ посломъ. Обослалъ и другихъ, чтобы сошлись у меня.

Соображалъ я себѣ, чтобы это могло быть? Мы думаемъ, что изъ того войска, которое называли Дмитріевымъ, послѣ обложенія Москвы, нѣсколько людей отправилось въ разъѣзды, ища насъ. Потому мы ожидали, что имѣютъ въ виду съ нами еще далѣе продвинуться къ Сибири; если бы мы заслышали объ этомъ, то положили прибѣгнуть къ послѣднему рѣшенію—какимъ бы то ни было образомъ, но соединиться съ нашими. Ждемъ пристава, желая имѣть съ нимъ *ex re consilium.* Придя, онъ сказалъ:

— Сударь (ster) Станиславъ (это слово употребляютъ *in locum honoris*, какъ мы „Вашество“ (Wasć), только они ужъ слишкомъ часто его употребляютъ—послѣ нѣсколькихъ словъ), царь и великій князь (исчисленіе всѣхъ его титуловъ) послалъ къ тебѣ грамоту отъ литовскихъ пословъ твоего короля Сигизмунда, на которую ты пошли отвѣтъ немедленно.

Я отвѣчалъ:

— Благодаренъ великому князю за присылку писемъ, на которыя гонецъ будетъ имѣть скорый отвѣтъ. Только время уже не письма къ намъ посылать, но насъ самихъ сдѣлать свободными, насъ, которые такъ долго, вопреки всякой справедливости, задерживаемся здѣсь.

На это онъ:

— Ну, сдѣлай это теперь, дай отвѣтъ, а потомъ и то будетъ.

Развертываю письма, которыя оказались открытыми. Удивляюсь, думаю, что приглашенія (pozwy), потому что оттиснуты однѣ печати съ подписями, такъ какъ иныхъ писемъ этотъ боязливый народъ не послалъ бы, опасаясь какого-нибудь обмана и соглашенія (а они были), и безъ надписи на нихъ.

„Милостивый государь, подстолій коронный, нашъ пріятель и проч.

„Послѣ посылки насъ, посланниковъ его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго нашего государя, къ великому князю московскому и по общему соединенію съ нами, послами, въ Москвѣ находящимися, въ переговорахъ съ думными московскими боярами условлено освобожденіе всѣхъ васъ, въ Москвѣ задержанныхъ, послѣ постановленія прочнаго договора между его величествомъ королемъ и великимъ княземъ московскимъ. Для выполненія условій, къ договору принадлежащихъ, мы прилагали и прилагаемъ попеченіе о вещахъ людей нашего народа, взятыхъ въ казну московскаго великаго князя, между ними и о драгоцѣнностяхъ вашихъ, взятымъ въ казну московскаго великаго князя; но такъ какъ реэстра ихъ москвитяне не имѣютъ, то для скораго и совершеннаго отысканія ихъ, мы условились послать къ вамъ за реэстромъ тѣхъ вашихъ вещей, которыя забраны въ казну великаго князя московскаго путемъ купли. Потому и просимъ васъ благоволить прислать намъ, какъ можно скорѣе, обстоятельный реэстръ тѣхъ драгоцѣнностей, въ какой онѣ были шкатулкѣ и что за вещи ваши были забраны здѣсь. Не имѣя возможности распространяться въ подробностяхъ, увѣдомляемъ васъ о здоровьѣ его королевскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго государя, ея величества королевы, а также его высочества (Mośći) королевича Владислава, и мирномъ и благополучномъ царствованіи его королевскаго величества и о полномъ успокоеніи Рѣчи Посполитой, нашего отечества. Ваше освобожденіе и всѣхъ, которые при васъ, уже условлено и васъ на пути гдѣ-нибудь намъ представятъ; но, по извѣстнымъ причинамъ, нельзя такъ скоро препроводить васъ въ Москву. Мы просимъ васъ при реэстрѣ, который пошлете, благоволите дать намъ знать письмомъ о здоровьи и благополучіи своемъ и тѣхъ

ихъ милостей, которые вмѣстѣ съ вами. При томъ препоручаемъ наши службы вамъ, нашему милостивому государю.

„Дано въ Москвѣ, изъ Посольскаго двора, дня 10-го julii anno 1608.

„Мы просимъ также васъ дать намъ свѣдѣнія о цѣнѣ всѣхъ вашихъ драгоцѣнностей—итого и отдѣльно каждаго предмета, сколько онъ стоитъ: это намъ необходимо знать.

„Ваши, нашего милостиваго государя, благожелательные братья и слуги:

„Николай Олешницкій изъ Олешницы, каштелянъ малаговскій *m. pr.* Александръ Корвинъ Гонсевскій, староста велижскій *m. pr.* Станиславъ Витовскій, войскій парчовскій, дворянинъ и секретарь его королевскаго величества *m. pr.* Янъ изъ Друцка-Сокольинскій[1]), секретарь и дворянинъ его величества короля *m. pr.*

Подъ этими подписями оттиснуты печати. Отдѣльно копіи двухъ писемъ отъ гг. посланниковъ его величества короля.

„Мнѣ много - милостивый господинъ подстолій коронный и проч.

„Мои благожелательныя службы заботливо препоручаю въ любовь вашу, моего милостиваго государя и пр.

„При этой оказіи отзываюсь нѣсколькими словами къ вамъ, милостивый государь мой, радуясь тому, что слышу о добромъ здоровьѣ вашемъ и тѣхъ ихъ милостей, что находятся вмѣстѣ съ вами въ этомъ печальномъ сотовариществѣ, и сообщаю вамъ, что при отъѣздѣ я оставилъ всѣхъ родныхъ вашихъ и его милость г. Матвѣя, брата, въ добромъ здоровьѣ; отъ нихъ при мнѣ для васъ письма и немного денегъ. Болѣе ничего, только вторично усердно предаю вамъ себя и службы свои.

„Дано въ столичномъ городѣ Москвѣ, дня 10-го іюля 1608 г.

„Его милости г. Стадницкому, его милости г. Вольскому и другимъ ихъ милостямъ службы свои препоручаю. Пожалуйста, пусть они меня извинятъ, что я имъ не пишу: легко знать причину. Его милость г. придворный маршалокъ коронный[2]) Божьею милостью здоровъ, но его милость г. воевода подольскій [3]) умеръ. Его милость ксёндзъ кардиналъ [4]), его милость ксёндзъ-бискупъ куявскій, Барановскій, его милость ксёндзъ-

---

1) z Drucka Sokolniski, теперь Друцкой-Сокольинскій, изв. русская княжеская фамилія, изъ Бѣлоруссія.
2) Николай Вольскій.
3) Іеронимъ Язловецкій.
4) Бернардъ Мацеёвскій.

бискупъ познаньскій[1]) и его милость г. подканцлеръ коронный[2]) умерли.

„Вашъ, моего милостиваго государя, пріятель, покорный слуга и товарищъ Станиславъ Витовскій, войскій парчовскій, дворянинъ и секретарь его величества короля““ *т. pr.*

„Милостивый государь, подстолій коронный, мой милостивый государь пріятель!

„Усердно препоручаю свои охотныя службы вашей милости, моего милостиваго государя. Не будучи въ состояніи больше писать, я сообщаю вамъ въ немногихъ словахъ, что уже истекаетъ годъ, какъ мы прибыли, будучи посланы отъ его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго нашего государя, къ великому князю московскому, для освобожденія всѣхъ васъ, здѣсь задержанныхъ, что въ совмѣстныхъ переговорахъ съ московскими думными боярами уже условлено освобожденіе всѣхъ васъ, что всѣхъ людей его величества короля имѣютъ отпустить въ отечество по заключеніи договора. Предъ заключеніемъ договора мы стараемся о томъ, чтобы были возвращены вамъ тѣ драгоцѣнности, которыя покупкою забраны были въ казну московскаго князя и реэстръ которыхъ мы посылаемъ вамъ; благоволите, приведя его въ полный порядокъ, возвратить его намъ.

„Домашніе ваши, Божьей милостью, здоровы, и дома все идетъ хорошо. Его милость г. Матвѣй Немоевскій, вашъ братъ[3]), послалъ было черезъ меня немного денегъ для васъ и просилъ, чтобы я ихъ оставилъ гдѣ-нибудь на границѣ подъ Оршею, чтобы вы имѣли ихъ для своихъ нуждъ, какъ только выѣдете изъ Москвы; я оставилъ 116 червонныхъ золотыхъ у его милости г. Лентковскаго, оршанскаго хорунжаго, въ Репуховѣ, въ трехъ миляхъ отъ Орши, у родного своего шурина. Если вы, съ дозволенія великаго князя, соблаговолите выѣхать раньше, чѣмъ мы, то тамъ, на границѣ, найдете и готовыя деньги и доброхотнаго, послѣ этого несчастнаго задержанія, хозяина. Весьма сожалѣю о столь продолжительномъ задержаніи всѣхъ васъ, но мнѣ и всѣмъ намъ больше горя принесло то обстоятельство, что васъ уже по пути въ Москву куда-то опять завезли, не представивъ васъ намъ, согласно уговору съ нами. Москвитяне говорятъ, что на это есть извѣстныя причины. Усердно прошу, дайте мнѣ знать о вашемъ здоровьѣ и тѣхъ ихъ милостей, что съ вами; этимъ ихъ милостямъ я препоручаю свои службы и пр.

---

1) Лаврентій Гослицкій.
2) Станиславъ Миньскій.
3) См. предшествующее письмо.

„Его величество король съ ея величествомъ королевой и его высочествомъ королевичемъ, по Божьей милости, здоровъ и благополучно царствуетъ. Въ Рѣчи-Посполитой Божьей милостью покой. Письма къ вамъ при мнѣ. Его милости г. Стадницкому и его милости г. Вольскому препоручаю свои услуги. Его милость г. маршалокъ надворный коронный въ добромъ здоровьѣ, а его милость г. Язловецкій, воевода подольскій, умеръ.

„Предаю себя снова съ своими услугами вашей любви, моего милостиваго государя.

„Дано изъ города Москвы, дня 10 julii anno 1608.

„Если-бы, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, нельзя было всѣхъ васъ доставить сюда, въ Москву, тогда просто препроводятъ васъ быстро на границу и вы можете быть раньше, чѣмъ мы, въ отечествѣ, чего вамъ горячо желаю.

„Янъ изъ Друцка Сокольнинскій, секретарь и дворянинъ его величества короля“ *m. pr.*

Съ великою радостью мы встрѣтили эту надежду на освобожденіе, о которой извѣщали насъ господа послы и, сойдясь вмѣстѣ, запѣли: „Тебе, Бога хвалимъ“. Воздавъ благодареніе Богу, я написалъ отвѣтъ.

Копія письма къ ихъ милостямъ, господамъ посламъ его величества короля, въ Москвѣ находящимся.

„Вельможные и милостивые государи послы и пр. и пр.!

„Какія бы усилія я не употреблялъ, я не могъ бы выразить на письмѣ той радости (не только моей, но и всѣхъ насъ, которыхъ несчастіе здѣсь соединило), какую имѣемъ мы отъ этого письма вашего, моихъ милостивыхъ государей, и отъ извѣщенія о скоромъ нашемъ освобожденіи, о чемъ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ мы не имѣли никакого извѣстія. О, Боже нашъ, благослови васъ, моихъ милостивыхъ государей, и управи сердца ваши, дабы вы могли привести къ доброму концу это дѣло—къ благу Рѣчи-Посполитой, нашей отчизны, ко славѣ ея, къ пріобрѣтенію для себя отъ его величества короля, нашего государя, нарочитой милости; отъ насъ же вы, вмѣстѣ съ обязательствомъ услугъ и благожелательства, имѣете принять достодолжную съ признательностью благодарность. И въ виду заботъ вашихъ о вещахъ каждаго изъ насъ отдѣльно, забранныхъ въ казну великаго князя, вы у всѣхъ людей заслужите похвалу, какъ отплату за братскую любовь и любовь къ ближнему, а отъ меня право на отслугу со всяческой признательностью; а такъ какъ вы для розыска и отобранія тѣхъ вещей требуете отъ меня реэстра, то мнѣ казалось умѣстно вписать его въ настоящее мое письмо, изъ опасенія, чтобы онъ какъ-нибудь не затерялся, будучи посланъ отдѣльно.

„Хотя, изъ-за извѣстныхъ видовъ почтенія, я не имѣлъ намѣренія показывать эти драгоцѣнности покойному великому князю Димитрію, но онъ, узнавши о нихъ, пожелалъ непремѣнно ихъ видѣть. Къ несчастію моему, въ пятницу поздно, уже передъ его смертью, я показывалъ ему ихъ и онъ, чтобы лучше могъ разсмотрѣть, приказалъ оставить ихъ у него черезъ ночь; но на другой день утромъ—началась его трагедія. Драгоцѣнности были слѣдующія:

„Впереди алмазъ, крупное зерно; вокругъ него 12 меньшихъ алмазовъ, оцѣнено въ 10.000 золотыхъ.

„Шейная цѣпь, въ срединѣ которой рубинъ, подъ нимъ двѣ таблетки съ алмазами, на верху смарагдъ съ эмалью, въ немъ крупныя, продолговатыя жемчужины, оцѣнена въ 24.000 золотыхъ.

„Орелъ о двухъ головахъ, алмазный съ мелкими рубинами, въ немъ нѣтъ одного круннаго алмаза, а другаго мелкаго; нѣтъ и цѣпочки; оцѣнка его—5.000 золотыхъ.

„Ожерелье изъ алмазовъ и жемчуговъ; въ немъ алмазныхъ таблетокъ 15, жемчуговъ — 15; оцѣнено въ 18.000 золотыхъ.

„Нашейникъ (kanak) съ изумрудами и 8 двойными жемчугами, всего жемчуговъ 18; оцѣнено въ 3.000 золотыхъ.

„Браслетъ (manele) изъ алмазовъ и рубиновъ; алмазовъ семь, рубиновъ восемь; оцѣненъ въ 2.000 золотыхъ.

„Кусокъ съ рубинами и жемчугами, въ родѣ браслета: восемь рубиновъ, восемь жемчуговъ. Такой же кусокъ, въ родѣ нашейника: семь рубиновъ, восемь жемчуговъ; оба оцѣнены въ 5.000 золотыхъ.

„Амулетъ (zawieszenie); въ немъ посрединѣ изумрудъ, подъ нимъ два мелкихъ рубина, наверху рѣзанная алмазная таблетка, крупные, круглые жемчуги; оцѣненъ въ 2.000 золотыхъ.

„Итого всѣ драгоцѣнности оцѣнены въ шестьдесятъ девять тысячъ золотыхъ.

„Эти вещи были вложены въ желѣзную шкатулку, выкрашенную на-зелено. Замокъ у ней закрывалъ извнутри всю крышку, чрезъ середину его входилъ ключъ. Внутри были прикрыты разноцвѣтной тафтой—красной и желтой, въ полоскахъ.

„Когда я все это вложилъ въ присутствіи покойнаго и заперъ на ключъ, то онъ взялъ ключъ отъ меня и вручилъ его г. Яну Бучинскому. По смерти-же Димитрія, когда господа бояре провѣряли вещи, то, такъ какъ желѣзная шкатулка была заперта, они призвали г. Яна Бучинскаго; отъ него они узнали, что въ ней было, и онъ имъ сказалъ, что „это драгоцѣнности г. подстольяго, но ключъ отъ нихъ при мнѣ“; если хорошо

помню, князь Голицынъ и князь Татищевъ приказали ему передать ключъ имъ. Но вы отъ г. Бучинскаго будете въ состояніи легче обо всемъ этомъ узнать, если только онъ при васъ.

„Я писалъ объ этихъ своихъ вещахъ двѣ челобитныя, спустя нѣсколько дней послѣ вѣнчанія нынѣшняго великаго князя. Я знаю, что онѣ дошли до него самого, такъ какъ былъ указъ мнѣ отъ моихъ приставовъ—отослать ихъ запечатанными, что я и сдѣлалъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что нѣтъ никакого сомнѣнія объ этихъ моихъ вещахъ, а въ вашемъ стараніи я увѣренъ, что оно нимало не измѣнится, когда будетъ приводимо къ концу то, къ чему вы благоволили сдѣлать вступленіе. За это я останусь должнымъ и обязаннымъ слугой вашимъ, всячески стараясь за то отслужить.

„Но наши пристава забрали на великаго князя и нѣкоторыя другія наши вещи, послѣ того какъ мы были отдѣлены отъ васъ. У меня забрали цуговаго коня и шестерку, за которые я далъ, ѣдучи сюда, 600 золотыхъ, турецкаго коня, за котораго 500 золотыхъ и простого (walacha) въ нѣсколько десятковъ золотыхъ; 6 бомбардъ, 3 сабли. Также хозяинъ Кирило, у котораго я стоялъ, забралъ вещей, по меньшей мѣрѣ, на 100 золотыхъ—все это дается *sub censuram* вашу, мои милостивые государи. Далѣе, такъ какъ вы изволили напомнить, что насъ или гдѣ-нибудь на пути присоединятъ къ вамъ, или вышлютъ куда-нибудь на границу, то покорнѣйше просимъ мы васъ, благоволите употребить усердное стараніе, чтобы мы могли быть присоединены къ вамъ въ Москвѣ, потому что если бы насъ выпихнули гдѣ-нибудь чрезъ инфлядскую границу, то на этомъ столь далекомъ пути мы не имѣли бы чѣмъ прокормить себя, или за что ухватиться, такъ какъ все, что было на насъ, мы распродали на съѣстные припасы; но если нельзя всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, насъ троихъ: у насъ съ собой только по пяти человѣкъ и насъ задержали уже на пути къ Москвѣ.

„Покорнѣйше и вторично горячо я прошу васъ и въ этомъ дѣлѣ не оставить своихъ стараній, а милостивой любви вашей я напусерднѣйше препоручаю себя и съ дѣлами своими, и съ покорной службой и пр.

„Писано въ селѣ Ивачевѣ, XVII-го *julii* 1608.

„Равнымъ образомъ почтительнѣйше благодарю за сообщеніе о благословеніи Великаго Бога надъ нашей отчизной и о счастливомъ пребываніи ихъ величествъ короля и королевы и ихъ драгоцѣннаго потомства и пр.

„Вашъ, моихъ милостивыхъ государей, благожелательный слуга и пріятель Ст. Н., Н. К.

Писали и другіе, свидѣтельствуя свою признательность и благодаря господъ пословъ за ихъ усердное стараніе о нашемъ избавленіи и просили, чтобы они приняли на себя заботу и о забранныхъ у нихъ вещахъ и лошадяхъ.

Копіи писемъ, отдѣльно писанныхъ къ гг. посламъ.

„Вельможный, милостивый государь Малаговскій и пр.!

„При этомъ общемъ письмѣ, которое я писалъ къ вамъ, я не могъ удержаться, чтобы не поблагодарить васъ, мой милостивый государь, и отдѣльно. Вашу особливую любовь ко мнѣ я сознавалъ всегда, тѣмъ болѣе я признаю ее теперь—въ моемъ домашнемъ дѣлѣ: за это чувство я остаюсь обязанъ отслужить и желаю показать себя всегда признательнымъ.

„Такъ какъ вамъ угодно было потребовать реэстръ моимъ вещамъ, то, хотя въ общемъ къ вамъ письмѣ онѣ вписаны, какъ и цѣна ихъ, мнѣ казалось у мѣста и въ отдѣльномъ письмѣ снова ихъ упомянуть. (Подробно обозначены всѣ драгоцѣнности).

„Въ общемъ къ вамъ письмѣ описано, въ какой шкатулкѣ онѣ отданы и иныя *circumstantiae* о томъ. Я увѣренъ, что въ стараніи вашемъ и въ предложенной уже мнѣ однажды милостивой любви вашей ничего не измѣнится, каковой любви я и препоручаю это свое дѣло самымъ усерднымъ образомъ и пр.

„Очень бы было намъ не на руку (w traf), если бы не предполагалось насъ соединить съ вами: помимо иныхъ, уже упомянутыхъ причинъ, благоволите обратить вниманіе и на слѣдующее: кого-либо изъ нашихъ они могли бы оставить; тогда бы на пути трудно было его припомнить, что и препоручается мудрому разсужденію вашему. Усердно просимъ - если нельзя всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, насъ троихъ: у насъ только по пяти человѣкъ, и насъ двинули уже къ Москвѣ, чтобы присоединить къ вамъ. Уповаемъ, что какъ въ другихъ дѣлахъ, такъ и въ этомъ мы испытаемъ милостивую любовь вашу, каковой самымъ усерднымъ образомъ и препоручаю свои нижайшія службы.

„Писано въ селѣ Ивачевѣ XVII-го *julii* 1608.

„Вашъ, моего милостиваго государя, искренне благожелательный пріятель и слуга Ст. Н.

„Милостивый государь, г. староста велижскій и пр.!

„Передали мнѣ сегодня открытое ваше письмо. Трудно на письмѣ выразить—къ какой радости всѣхъ насъ. Въ немъ вы благоволите сообщать о надеждѣ на скорое наше освобожденіе, и такъ какъ при этомъ вы изволите употреблять заботы о ро-

зыскѣ моихъ вещей, то васъ я, милостивый мой государь, горячо благодарю.

„Я былъ увѣренъ, что при особенномъ стараніи вашемъ у меня не пропадетъ ничего, на него я твердо надѣюсь и сейчасъ, что вы останетесь при своемъ намѣреніи и обѣщаніи, при однажды уже предложенной мнѣ любви, за которую я во всякомъ случаѣ буду умѣть отслужить и показать себя признательнымъ. А такъ какъ вы требуете реэстръ тѣхъ моихъ вещей, то казалось мнѣ у мѣста вписать отдѣльно въ письмо — что это за вещи и цѣну ихъ, для извѣстныхъ соображеній каждаго изъ васъ. (Тутъ подробно описаны всѣ драгоцѣнности).

„Въ этомъ общемъ письмѣ къ вамъ обстоятельно описано то, какъ онѣ были отданы и другія обстоятельства. Уповаю, что въ столь ясномъ дѣлѣ ничто не будетъ въ состояніи затруднять, особенно при попеченіи вашемъ, человѣка, любви котораго, какъ и прежде, я самымъ усерднымъ образомъ препоручаю и дѣло свое, и службы и пр.

„А такъ какъ вы изволили упомянуть въ своемъ письмѣ опасеніе, что насъ съ вами соединятъ, пожалуй, гдѣ-нибудь уже на пути, то мы твердо надѣемся, что и по этому вопросу ничего не измѣнится въ вашемъ усердномъ стараніи о насъ и въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя поименованы въ общемъ къ вамъ письмѣ, и въ виду того, чтобы опять кого-либо изъ нашихъ не задержали, и трудно было бы потомъ на границѣ трактовать; что вы сами, какъ люди осмотрительные, благоволите сообразить.

„Писано въ селѣ Ивачевѣ, XVII-го *julii* 1608.

„Вашъ благожелательный пріятель и слуга Ст. Н.

„Милостивый государь, г. войскій парчевскій и пр.!

„Мало приходится писать о томъ, какъ желаненъ былъ для всѣхъ насъ каждый посолъ его величества короля, нашего государя, котораго мы съ такимъ волненіемъ ожидали; но мнѣ онъ былъ тѣмъ болѣе радостенъ, когда я думалъ о васъ, моемъ пріятелѣ, что дары, которыми надѣлилъ васъ Господь Богъ, не остаются закопанными при дворѣ его величества короля, нашего государя. Вотъ почему я сулю себѣ получить отъ васъ то, на что можно разсчитывать отъ настоящаго друга, не только на заботы объ освобожденіи отсюда всѣхъ насъ, несчастіемъ загнанныхъ сюда, но и на усердіе по розыску вещей, именно моихъ, которыя взяты въ казну великаго князя, а онѣ были“ (обстоятельно описаны всѣ).

„Эти вещи обстоятельно описаны, для извѣстныхъ соображеній, въ письмахъ къ каждому изъ васъ и вписаны въ самыя

письма, изъ опасенія, чтобы реэстръ, отдѣльно написанный, не затерялся, какъ и пр.: ихъ я препоручаю вашему усердію, въ которомъ, я увѣренъ, для меня ничего не измѣнится, зная всегдашнюю вашу благосклонность и любовь ко мнѣ, которой я усердно и препоручаю себя съ своими дѣлами.

„За увѣдомленіе меня о счастливомъ пребываніи ихъ величествъ короля и королевы и ихъ драгоцѣннаго потомства, равно какъ о цѣлостности нашей отчизны, усердно благодарю. Дай, Господи, какъ можно скорѣй ее увидѣть!..

„Та малость денегъ, о которой вы сообщаете, была бы для меня мало нужна, если бы они собирались вытолкать насъ на рубежъ безъ васъ, о чемъ въ томъ письмѣ, которое написано на имя всѣхъ васъ, обстоятельнѣе упоминается.

„*Datum* изъ села Ивачева, XVII-го *julii* 1608.

„Вашъ благожелательный пріятель и слуга Ст. Н.

„Милостивый государь, г. Сокольницкій и пр.!

„По-истинѣ радость наша соотвѣтствуетъ тому страданію, которое мы выносили, благодаря столь продолжительному отсутствію кого-либо отъ его величества короля, для избавленія насъ, когда мы узнали о пріѣздѣ вашемъ; но, съ другой стороны, насъ угнетала извѣстная тоска оттого, что мы не знали, чтобы такое случилось, что, послѣ прибытія вашего, столь долго мы все продолжали быть въ неволѣ.

„Теперь, когда дѣла приходятъ къ заключенію договора, когда вы не только о насъ, но и о вещахъ нашихъ имѣете попеченіе, именно о моихъ, которыя забраны въ казну великаго князя, мнѣ казалось у мѣста, для извѣстныхъ соображеній, кромѣ того письма, которое я написалъ ко всѣмъ вамъ, въ отдѣльныхъ письмахъ подробно обозначить вещи, какъ и цѣну ихъ, какъ это вы писали ко мнѣ (подробно описывались всѣ).

„Я увѣренъ, что ничего не измѣнится въ любви вашей по заботѣ о розыскѣ тѣхъ моихъ вещей; самымъ усерднымъ образомъ препоручая ихъ вашей любви, остаюсь вамъ обязанный—дай Богъ послужить въ иномъ какомъ дѣлѣ.

„За увѣдомленіе о цѣлостности Рѣчи-Посполитой, дорогой нашей отчизны, далѣе о добромъ здоровьѣ ихъ величествъ короля и королевы, его высочества королевича Владислава, равно какъ и о благополучіи моихъ домашнихъ усердно благодарю.

„Дай Богъ скоро свидѣться на рубежѣ, на который если бы они собирались вытолкать безъ васъ, то для насъ ничего бы не было хуже, въ виду тѣхъ причинъ, которыя указаны въ общемъ письмѣ.

„Поэтому мы просимъ объ усердной вашей заботѣ, чтобы мы могли быть присоединены къ вамъ въ Москвѣ. Засимъ усердно препоручаю себя со своими услугами вашей любви.

Писано въ селѣ Ивачевѣ, XVII-го *julii* 1608.

„Вашъ благожелательный пріятель и слуга Ст. Н.

Эти письма хотя и были посланы открытыми, тѣмъ не менѣе внутри были оттиснуты печати, а сверху написаны титулы, потому что иначе ихъ не взяли бы. Отдавая ихъ посланцу, я сказалъ, что они весьма интересны и великому князю, почему съ ними надо поспѣшить.

На это онъ:

— Не кручинься; если бы я не пробѣжалъ на подводахъ въ пять дней эти сто миль, что отсюда до Москвы, навѣрное получилъ-бы кнута и сидѣлъ-бы въ тюрьмѣ; отсюда ты самъ можешь понять — буду ли я спѣшить и безъ твоего напоминанія?

На это даванье подводъ, лѣтомъ верхомъ, зимою въ саняхъ, опредѣлены извѣстныя села, которыя они называютъ ямами. Они въ различномъ разстояніи одно отъ другаго: ближайшее въ шести миляхъ, а иныя и въ 20 миляхъ другъ отъ друга. Они надѣлены землями и свободны отъ всякихъ податей и идутъ въ нѣсколько сторонъ отъ Москвы: къ Оршѣ, Пскову, Новгороду-Великому, къ Архангельскому порту и Астрахани. Гонцы обязаны, съ часа на часъ, дѣлать въ день по 20 миль и они столь невозможное дѣло выполняютъ въ короткое время, хотя за это для нихъ нѣтъ никакой признательности, но кара: кнутъ и тюрьма; несомнѣнно, эти послѣдніе привѣтствуютъ и самаго знатнаго дворянина, если бы онъ опоздалъ, слѣдя за чѣмъ, записывается тотчасъ-же время, когда гонецъ отъѣзжаетъ.

Падетъ-ли отъ умора лошадь, за нее обязанъ платить гонецъ, хотя ему отъ государя ничего не дается на прокормъ — только на уплату подводы: по полтора гроша отъ коня на двѣ наши мили. Есть также постановленіе, сколько подводъ человѣкъ извѣстнаго общественнаго положенія имѣетъ право брать, если его посылаетъ великій князь: простой человѣкъ можетъ взять лишь одного коня; сынъ боярскаго сына—три; а которому на подорожной (list podwodny) отъ великаго князя напишутъ съ „вичъ", напримѣръ — Борисъ Васильевичъ, тому шесть. Сыну съ отчествомъ (ociecкiemu synowi), т. е. какого-нибудь большого думнаго, 15, думному князю—30.

Этого постановленія никому, подъ страхомъ наказанія, преступить не вольно.

Дня X-го мѣсяца августа.

Живя въ большой нуждѣ, вслѣдствіе недостачи въ пустомъ краю и бѣдномъ сельцѣ нужныхъ предметовъ, какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и напитковъ (о рыбѣ не спрашивай — только и есть, что̀ челядинецъ котораго изъ насъ поймаетъ въ рѣкѣ на удочку, и то послѣ предварительнаго умилостивленія пристава), — выше всего насъ мучило одно — тоска, что мы не имѣли свѣдѣній объ отъѣздѣ пословъ, что затѣмъ мы все въ неволѣ. Пусть каждый молитъ Господа Бога — да не извѣдаетъ онъ того, что такое заключеніе и что это за болѣзнь—*anxietas animis*, которая превосходитъ многія иныя.

Вдругъ ночью прибѣгаетъ гонецъ отъ великаго князя съ открытымъ письмомъ отъ господъ пословъ; какъ только насталъ день, стучатъ къ намъ отъ пристава, со словами—хорошее извѣстіе. Живо подымаемся ото сна; не одѣвшись бѣжимъ къ приставу, который, подивившись нашей радости, вручаетъ письмо отъ господъ пословъ слѣдующаго содержанія:

„Наши милостивые и дорогіе государи-братья и пр.!

„Послѣ долгихъ совѣщаній нашихъ съ думными боярами, мы постановили миръ между его величествомъ королемъ, нашимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, и государемъ московскимъ на четыре года безъ мѣсяца. Въ этомъ установленіи мира самое главное условіе, это—что они должны васъ и всѣхъ людей его величества короля, находящихся здѣсь въ задержаніи, освободить, крайнимъ срокомъ до дня 8-го октября, и доставить на границу. Тѣхъ ихъ милостей, которые уже препровождены сюда въ Москву, великій государь (gospodar) отпускаетъ сейчасъ-же съ нами къ его величеству королю, государю нашему; что же касается вашихъ милостей, то завѣрили, что также пошлютъ для отпуска васъ въ путь. Намъ казалось у мѣста сообщить вамъ объ этомъ, чтобы вы, зная о скоромъ своемъ освобожденіи, не изволили болѣе о томъ горевать. Свидѣтель Богъ того, какое стараніе мы прилагали о вознагражденіи васъ и всѣхъ другихъ за разграбленныя вещи. Много времени протянулось по этому вопросу; но такъ какъ указывалось со стороны великаго государя московскаго на великіе убытки, которые яко-бы причинены отъ нашего народа московскому государству, то, послѣ долгихъ споровъ, иначе быть не могло, какъ постановить: отложить это до комиссіи отъ обѣихъ сторонъ. Намъ пристойно было предпочесть и болѣе цѣнить жизнь и освобожденіе ваше, чѣмъ имущество, въ особенности, когда оба эти предмета нельзя было соединить.

„Предаемъ усердно себя и службы наши вашей любви, моля Господа Бога о томъ, чтобы мы всѣ ваши милости скоро увидѣли въ отеческихъ краяхъ въ добромъ здоровьѣ.

„*Datum* изъ города Москвы, 1-го *augusti*, *anno* 1608.

„Вашихъ милостей, наши милостивые государи и братья, доброжелательные братья и слуги: Николай Олешницкій изъ Олешницы, каштелянъ малаговскій *m. pr.*, Александръ Корвинъ Гонсевскій, староста велижскій *m. pr.*, Станиславъ Витовскій, войскій парчовскій, дворянинъ и секретарь его королевскаго величества *m. pr.*, Янъ изъ Друцка Сокольницкій [1]), секретарь и дворянинъ его величества короля *m. pr.*“

Подъ этими подписями оттиснуты печати [2]).

Прочтя это письмо, мы просимъ пристава, чтобы онъ немедленно послалъ за судами, на которыхъ мы должны итти. Если въ этомъ не будетъ мѣшканья, онъ получитъ отъ насъ подарокъ, а сами, съ благодареніемъ Господу Богу, сошлись на „Тебе, Бога, хвалимъ“.

Дня XI-го, того-же.

Въ ту-же ночь прибыли съ судами. Лишь только разсвѣло, каждый, не спрашивая пристава, живо несетъ на себѣ баулы въ суда и того-же дня пустились снова, въ третій разъ, Шексною.

Дня XVI-го, того-же.

Плывя днемъ и ночью, забирая въ деревняхъ и по полямъ крестьянъ къ себѣ на работу, на перемѣну, мы пришли въ Романовъ, откуда предъ тѣмъ мы были возвращены. На другой день мы выѣхали на подводахъ, сами верхомъ, на плохихъ лошаденкахъ, а вещи везя на телѣгахъ.

Дня XVIII-го, того-же.

Сдѣлавъ въ два дня 12 миль, мы пріѣхали въ Ростовъ, куда вначалѣ мы были сосланы въ заключеніе; здѣсь они задержались съ нами весь день, отбирая тѣ экипажи, которые были забраны здѣсь, а приставъ между тѣмъ послалъ дать знать князю, что мы уже ѣдемъ.

Дня XX-го, того-же.

Отдали намъ часть экипажей, но весьма испорченныхъ, а другіе приказали оставить для нашихъ людей, которыхъ еще

---

1) Sokolnicki. Выше фамилія этого посла писалась Sokolniski.

2) Письмо это въ русскомъ переводѣ напечаталъ кн. Щербатовъ въ своей „Исторіи Россійской“, т. VII, ч. III, 113—115.

задержали на Бѣломъ-озерѣ. О лошадяхъ-же говорили, что „онѣ уже ждутъ васъ въ Москвѣ, а теперь повозки ваши повезутъ ямскими“, на которыхъ мы и пустились въ путь.

Дня XXI-го, того-же.

Проѣхали мы на подводахъ миль 12, до Переяславля, мѣста съ немалымъ населеніемъ, вокругъ котораго 8 прекрасно построенныхъ изъ камня церквей. Здѣсь встрѣтился съ нами государевъ посланецъ, чтобы мы отъѣхали отъ столбоваго пути въ сторону на 8 миль, для болѣе безопаснаго переѣзда отъ „воровъ“, которые-де уже около 3 мѣсяцевъ лежатъ подъ Москвой; но, какъ мы разузнали отъ другихъ, за тѣмъ, чтобы мы не повстрѣчались съ орудіями и людьми, которые шли съ княземъ Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ къ Новгороду-Великому, защищать его отъ воровъ. Однако, мы встрѣтили жалкій сбродъ съ 200 коней и съ разнымъ оружіемъ—съ луками, дрянными ружьями, рогатинами; а много было и такихъ, что не имѣли сабель; пропустили мимо себя и пѣхоту изъ костромской волости, также въ 200 человѣкъ, которую ставили на войско: крестьяне оборванные, въ лаптяхъ; даже не имѣли жалкаго топора, кромѣ палокъ съ гвоздемъ на концѣ: послѣднія скорѣй походили на дорожные посохи, чѣмъ на пики или дротикъ (szefeliny).

Дня XXIII-го, того-же.

Когда мы подъѣзжали къ Москвѣ, выѣхалъ на встрѣчу намъ посланецъ великаго князя съ шестеркою лошадей на перемѣну, если бы наши ямскія поотстали, и съ приказаніемъ—не въѣзжать въ городъ Москву ранѣе захода солнца. Итакъ, мы должны были ожидать за оградой, на страшномъ дождѣ, пока день не склонился къ вечеру.

По прибытіи нашемъ въ городъ, насъ поставили далеко отъ Кремля, во второмъ городѣ, подъ стѣнами, во дворѣ (w dworcu) смоленскаго владыки, но не давши намъ ничего на завтра для ѣды и не дозволяя намъ ничего купить. Каждый долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что съ собою имѣлъ въ возу и квасомъ. Приставъ извинялся предъ нами тѣмъ, что „еще не сдѣлали росписи, какіе припасы имѣютъ вамъ давать, но они будутъ лучше, чѣмъ прежніе“.

Уже поздно приставъ принесъ роспись тѣмъ припасамъ, которые имѣли намъ давать. Мы ему сказали:

— Мы признательны за то, что даетъ намъ великій князь; но если бы вы намъ разрѣшили, мы бы дозволили себѣ кое-

что и купить, потому что уже третій день мы мало что ѣдимъ, а пьемъ лишь одну воду.

На это онъ:

— Безчестье было бы царю, великому князю, если-бы вы должны были на себя покупать. Да здѣсь и запрещено продавать какіе-либо напитки для людей военныхъ, кромѣ квасу, такъ какъ они начали было сильно пьянствовать. Вотъ реэстръ; завтра будетъ все (wsio). Онъ былъ таковъ:

„Лѣта 7106 [1]), нынѣчаго году, августа въ третій на десять день, (по) государеву цареву великаго князя Василія Ивановича всея Руси указу память дьякомъ: Василію Лелебогу, да Петру Микулину, да Микитѣ Димитрееву, велити имъ давати государева (gospodarowa) жалованья польскимъ людемъ (liudom), которые взяты съ Бѣла-озера къ Москвѣ: Мартыну Стадницкому да Станиславу Немоевскому да Адаму Вольскому и ихъ людемъ. шестьнацать (scinastet) человѣкомъ [2]), поденнаго корму, яства и питья, августа четвертаго на десять числа, до государева царева и великаго князя Василія Ивановича всея Руси указу. А што кому государева жалованья давати поденнаго корму порознь, и тому послана къ нимъ, къ дьякомъ, Василію и къ Петру и къ Микитѣ (Mikucie)—роспись подъ сею памятью.

„Роспись, што давати государева жалованья поденнаго корму литовскимъ людемъ: Мартыну Стадницкому да Станиславу Немоевскому да Адаму Вольскому и ихъ людемъ.

„На однихъ пановъ по четыре чарочки горѣлки, гарнецъ процѣженнаго меду, гарнецъ пива, два колача, два полгрошовыхъ хлѣба, двѣ курицы, часть коровьяго мяса, часть баранины, масла на грошъ, 10 яицъ; на соль, уксусъ, крупу, сметану и на всякую мелочь 3 гроша.

„Людемъ ихъ, шляхтичомъ: Іоргію да Томелю да Кристопору—двѣ чарки горѣлки, двѣ кружки пива, два полгрошовыхъ хлѣба, часть коровьяго мяса.

„Да другимъ людемъ ихъ-же — по полгрошовому хлѣбу человѣку, по чаркѣ горѣлки, по кружкѣ пива, по части коровьяго мяса или баранины.

„Да въ рыбные дни: Мартыну да Станиславу да Адаму на день миску икры, звено бѣлужины, звено осетрины, миску свѣжей ухы (huhy)—т. е. свѣжей рыбы съ кровью (!).

„Людемъ ихъ—по звену рыбы на человѣка, а хлѣбы и колачи, и на питье и на мелочи Мартыну, да Станиславу, да Адаму по тому-же, што и въ мясные дни.

---

[1]) Очевидно, вм. 7116, который годъ отвѣчаетъ 1608 христіанской эры.

[2]) Ср. выше о числѣ душъ.

„А имъ-же всѣмъ давати по возу дровъ на день (dien)".
Подписалъ: „Дьякъ Василій Телепневъ".
Эти припасы намъ начали давать лишь на третій день по пріѣздѣ; на рынокъ не дозволяли ходить, развѣ что утромъ одному отъ всѣхъ.

Дня XXV-го, того же.

Пріѣхалъ приставъ и объявилъ намъ, что будетъ у насъ „дьякъ посольскій, великій человѣкъ" (онъ у нихъ вмѣсто канцлера), посланный отъ великаго князя по дѣлу. Мы думали, что такой крупный чиновникъ долженъ будетъ пріѣхать съ какою-либо ассистенціей; но вотъ—мужикъ на лошаденкѣ, около него 7 человѣкъ пѣшо, въ скверненькой одежонкѣ сѣраго цвѣта и въ камлотовомъ кафтанѣ.

Вышли мы на встрѣчу ему внизъ. Послѣ привѣтствія, спрашиваетъ онъ насъ, какъ мы поживаемъ? Отвѣчаемъ:

— Скверно, будучи узниками.

На это онъ:

— Не кручиньтесь болѣе, все будетъ хорошо. Послы вашего короля отъѣхали, поѣдете и вы.

Попросили его въ избу и онъ пошелъ наверхъ. У сѣнныхъ дверей было взаимное упрошеніе о входѣ, наконецъ, онъ прошелъ впередъ и, подойдя къ избеннымъ людямъ, сказалъ:

— Я уже исполнилъ ваше первое желаніе; теперь вы имѣете удовлетворить моему.

Однако, послѣ небольшаго промедленія, онъ вошелъ въ избу и сѣвшимъ у стола сталъ говорить, что „ваши послы въ пути раздвоились. Николай, малаговскій, съ сендомірскимъ пошелъ дорогою на Смоленскъ; Александръ Гонсевскій, Витовскій, Соколиньскій и Андрей Стадницкій пошли на Велижъ". Мы спросили о причинѣ. Онъ отвѣтилъ съ усмѣшкой, что такъ раздвоились, и далѣе, что „смута и немалое замѣшательство было у васъ, а вашихъ людей не мало не стало. Юрій Стадницкій умеръ въ Твери, Тарло его похоронилъ. Твой товаръ, Станиславъ, который былъ въ казнѣ, цѣликомъ найденъ и переданъ посламъ, на что есть отписка отъ пословъ, которая будетъ тебѣ и показана, кромѣ шкатулки, въ которой были вещи: ея мы не могли найти, потому что и ее ваши послы настоятельно требовали. Натану, цесарскому человѣку [1]), много вещей отдано;

---

[1]) Андрей Натанъ, одинъ изъ аугсбургскихъ купцовъ, которые вмѣстѣ съ своими товарами отправились тогда въ Москву (Meusel, Der Geschichtsforscher V, 150).

объ остальныхъ нельзя было разузнать. Николаю изъ Львова [1]) мало возвращено: не могли мы разыскать вещей".

Прошло много времени, что занималъ онъ насъ такими разсказами, приводя себѣ на память то одно, то другое. Помолчавъ немного, мы спросили его потомъ—нѣтъ-ли у него какого государскаго дѣла къ намъ? „Имѣю", говоритъ онъ, и затѣмъ приказалъ нашему приставу выйти, мы-же нашимъ слугамъ.

Когда мы остались одни, онъ сказалъ:

— Мартынъ, сынъ твой перешелъ къ вору (такъ называя того Димитрія, который съ ними воюетъ), съ шестью—стами человѣкъ, но уже потомъ, какъ отъѣхали послы; напиши-же къ нему, чтобы онъ оттуда ушелъ.

Отвѣчалъ г. Стадницкій:

— Я не знаю объ этомъ, но напишу сначала къ нему, чтобы узнать, тамъ-ли онъ, и прикажу ему извѣстить меня о домашнихъ дѣлахъ. Отсюда я буду въ состояніи узнать, не называется-ли кто иной именемъ моего сына.

И на этомъ положили. Я тутъ-же напомнилъ о нашей далекой высылкѣ, о скудномъ, тѣсномъ и недостойномъ содержаніи насъ, людей вольныхъ и это—въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ. На это онъ:

— Да, худо; но что-касается далекой высылки, то вы могли бы быть высланы еще далѣе, потому что чѣмъ ближе ваши военные въ нашей землѣ, тѣмъ далѣе и мы съ вами.

Я сказалъ:

— Но дѣло было мало возможное еще далѣе завести насъ живьемъ; вамъ пришлось-бы жизнь у насъ отнять.

Онъ замѣтилъ на это:

— Трудно вамъ противустать силѣ, а вашъ сендомірскій все это сдѣлалъ. Смутилъ и замутилъ обѣ земли, потому что, помимо того, что онъ, въ противность миру, привелъ сюда съ войскомъ разстригу, но еще въ Самборѣ постановилъ съ нимъ, что онъ имѣлъ отдать отъ государства Новгородъ-Великій, Псковъ и другіе города. Равнымъ образомъ, онъ имѣлъ нашу прямую (priamę) вѣру, стародавнюю (starowierną), уже на первомъ году искоренить и завести папежскую, что доказывалось ему его собственными письмами.

Я спросилъ его:

— Этотъ разстрига, кто онъ и какъ понимать это имя?

---

[1]) Николай Седмирадскій, знаменитый золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Львовѣ, собрался тогда въ Москву (Kwart. Hist. 1894, IV, 628.—Turgeniew, Hist. Russ. Mon., II, 125 и 160).

Сказалъ, что разстрига это тотъ самый, который назывался царемъ Дмитріемъ, а имя оттуда, что постригся было въ черницы, а потомъ разстригся.

— Но ты знаешь; только представляешься, что не зналъ, да и могъ уже знать, живя здѣсь такъ долго.

На это я отвѣчалъ:

— Ни языку вашему не желалъ учиться, ни спрашивать о вашемъ дѣлѣ, а только объ одномъ — скоро-ли выйду на свободу. Такъ какъ она уже приходитъ, то Господа Бога благодарю за это, а тебя за сообщеніе намъ о томъ и за отдачу моихъ вещей господамъ посламъ, а замѣтку о ней прошу вручить мнѣ подъ государскою печатью.

Подавши мнѣ небольшую надежду на это, онъ сказалъ:

— Не отопрутся же отъ нихъ господа послы, что отъѣхали отъ насъ; они покажутъ тебѣ роспись ихъ, данную подъ печатями. Пошлите однако чрезъ пристава на письмѣ, въ чемъ бы вы еще нуждались отъ государя (hosudara).

На это мы:

— Больше всего мы нуждаемся въ свободѣ, которую цѣнимъ болѣе всѣхъ сокровищъ, сколько ихъ только есть въ Москвѣ. Впрочемъ о другихъ вещахъ напишемъ къ государю.

Уходя онъ сказалъ:

— Вы-бы уже давно могли быть въ своей землѣ, если бы люди ваши не входили въ наше царство: и сейчасъ не малые отряды ихъ между „ворами“.

Мы отвѣчали:

— Но тѣ не пришли-бы сюда, если-бы вы не заключали насъ въ тюрьмы; изъ-за такого вашего обхожденія съ нами они и пришли сюда—для насъ.

На это онъ:

— А если для васъ, то прикажите имъ уйти.

Потомъ намъ было жаль такой рѣчи: мы опасались, чтобы эти глупцы опять не задержали насъ такъ долго, пока не ушли бы тѣ отряды, такъ какъ думали, что тѣ должны слушаться нашихъ приказаній.

Мы проводили его до низу; но онъ не хотѣлъ сѣсть на коня, пока мы не поднялись на верхъ. Церемонія необыкновенная и новоявившаяся у этихъ людей.

Дня XXVI-го, того-же.

Я написалъ къ великому князю такое письмо:

„Пресвѣтлѣйшему царю, великому князю всея Руси, Василію Ивановичу и пр. и пр.

„Всемилостивѣйшій, пресвѣтлѣйшій царь-государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси! и пр. и пр.

„Какъ всемогущій Господь Богъ благоразсудилъ было покарать насъ за наши грѣхи тѣмъ, что между этими двумя государствами—нашею Рѣчью-Посполитою и Землею здѣшнею,—назадъ тому два года, дѣло дошло до нѣкотораго недовѣрія, почему и задержаны мы были на то время,—такъ, съ другой стороны, умѣривъ свой гнѣвъ надъ нами, соизволилъ благословить соглашеніе, которое постановлено и заключено отъ пословъ его величества короля, нашего государя, на опредѣленныхъ условіяхъ, между коими не самое послѣднее есть то, что мы всѣ имѣемъ быть выпущены изъ этой земли возможно скорѣе. Потому мы просимъ, чтобы ваше царское величество, въ удовлетвореніе тому условію, насъ долѣе здѣсь не держалъ и благоволилъ разрѣшить намъ свободный отъѣздъ, возвративши намъ нашихъ лошадей, которыя забраны у насъ вмѣстѣ съ другими вещами въ Ростовѣ.

„Имѣю я также свѣдѣніе отъ г. Василія Григорьевича Телетнева (Teleptego), посольскаго дьяка вашего царскаго величества, что мои драгоцѣнности, которыя были забраны у меня въ казну вашего царскаго величества, отданы ихъ милостямъ господамъ посламъ его величества короля, нашего государя, на что и взято отъ нихъ засвидѣтельствованіе на письмѣ.

„Покорнѣйше прошу ваше царское величество—благоволить, по любви своей, приказать выдать мнѣ изъ канцеляріи замѣтку объ этомъ, подъ своею печатью, равно какъ и копію того засвидѣтельствованія. Не потому я нуждаюсь въ этомъ, что опасаюсь, что люди, столько почтенные, могли бы дѣлать какое-либо затрудненіе или оттяжку въ отдачѣ; но потому, что мы всѣ смертные, и если бы что-либо подобное Господь Богъ напустилъ на нихъ, то чтобы тѣмъ основательнѣе эти вещи могли бы быть отыскиваемы отъ ихъ наслѣдниковъ.

„Не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ столь справедливомъ дѣлѣ моя просьба найдетъ мѣсто у вашего царскаго величества, а такъ какъ также нѣкоторыя изъ моихъ вещей были забраны моимъ въ то время хозяиномъ, Кириллою Скробовицкимъ, то прошу благоволить приказать возвратить мнѣ и ихъ. Я думаю, что ваше царское величество не изволите никому воспрещать торговлю съ купцами; но этого однако нашъ приставъ не смѣетъ дозволить торговымъ людямъ безъ позволенія. Думаю, что и въ этомъ онъ будетъ наставленъ.

„Писано въ Москвѣ, со двора смоленскаго владыки, дня 26-го *augusti*, лѣта Искупителя нашего 1608.

„Станиславъ Немоевскій“.

Это письмо я послалъ чрезъ пристава къ Василію Григорьевичу Телепневу (Teleptego), посольскому дьяку.

Дня XXVII-го, того-же.

Прислалъ ко мнѣ старшій посольскій дьякъ подьячаго Петра.....[1]) съ такимъ отвѣтомъ на то письмо, которое я писалъ къ великому князю:

„Великій посольскій дьякъ такъ отвѣчаетъ чрезъ меня (читаетъ по бумагѣ) на то письмо, которое ты, господинъ Станиславъ, писалъ къ великому князю: со стороны отпуска васъ— скоро будете отпущены и лошадей начнутъ вамъ сегодня отдавать, сколько ихъ найдется: другихъ также скоро приведутъ; со стороны дачи росписки, что твои драгоцѣнности отданы посламъ,—это не надо, послы не отопрутся, потому что въ заключеніи мира и перемирья вписаны тѣ твои вещи и отдѣльно имѣется письменное засвидѣтельствованіе ихъ съ посольскими подписями и печатями, которое для прочтенія присылалъ тебѣ дьякъ.

„О смерти ихъ ты можешь не бояться, такъ какъ ихъ четверо, если одинъ умретъ, другіе останутся. Однако, копію этого засвидѣтельствованія[2]) ты можешь имѣть безъ подписи. Также позволено купцамъ носить къ вамъ все, что кто хочетъ продать, а вы показывайте имъ также, что есть у васъ на продажу".

Въ эти дни пригнали къ намъ изъ табуна коней, чтобы каждый опознавалъ своихъ. Трудно было опознать, такъ какъ, прежде всего, прошло уже полтора года, какъ они были забраны, а затѣмъ, они были такіе тощіе, хромые и слѣпые, что мало были похожи на себя. Однако, каждый опознавалъ своихъ. Но и тѣхъ было мало: кто имѣлъ двадцать съ лишнимъ, едва получилъ половину. Одни поздыхали отъ скуднаго корма, другихъ отняло у нихъ войско противной стороны, третьи перебиты подъ стрѣльцами, такъ какъ едва не всѣ они были розданы между ними. Когда мы настойчиво требовали, чтобы они намъ воротили всѣхъ, то отвязывались тѣмъ, что - де одни поздыхали, а другихъ забрали „воры". Легко всѣ эти ихъ доводы уничтожались, хотя бы тѣмъ самымъ, что намъ до всего этого нѣтъ никакого дѣла; но, какъ въ чемъ другомъ, такъ и въ этомъ, они у себя такимъ соображеніямъ мѣста не давали и заключали такъ:

— Все, что ни дѣлается — увы, мнѣ! (achty mene), и что кровь христіанская льется, и тѣ потери, что чинятся и намъ,

[1]) Фамилія опущена.

[2]) Копію этого письменнаго засвидѣтельствованія мы помѣщаемъ въ концѣ, въ приложеніяхъ къ этимъ „Запискамъ".

и вамъ, все это такъ Богъ опредѣлилъ, а разстрига съ сендомірскимъ наше русское царство и ваши земли замутили.

Дня XXVIII-го, того-же.

Недѣль 13 тому назадъ, дня 14 мѣсяца іюня, Димитрій съ немалымъ войскомъ подступилъ къ городу Москвѣ, раньше захвативъ украинскія крѣпости и въ нѣсколькихъ мѣстахъ поразивъ людей Василія. Онъ сталъ лагеремъ въ 2 миляхъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ, надъ рѣкою Москвою, а по другую сторону Тушина расположился противъ него Василій, великій князь, съ своимъ войскомъ, окопавшись и впереди ограды, которая вокругъ города. Хотя стычки между ними были и рѣдки, но людей часто съ той и другой стороны захватывали.

Сегодня 14 нашихъ служителей, которые ходили на фуражировку за кормами, привезли въ городъ. Съ вечера Василій выслалъ нѣсколько сотенъ казанскихъ татаръ (астраханскіе пристали къ противной сторонѣ): они, подойдя къ лагерю Димитрія, захватили у него около 200 коней и должны были произвести немалую тревогу, о чемъ мы заключали изъ стрѣльбы изъ орудій. которая продолжалась довольно долго. Въ виду этого и въ городѣ были на сторожѣ—всѣхъ изъ домовъ подняли на стѣны и башни. Тревога эта продолжалась до полуночи.

Дня XXIX-го, того-же.

Бояре чрезъ пристава возвратили письмо г. Стадницкому, говоря, что въ немъ уже нѣтъ нужды: онъ было написалъ его по желанію великаго князя къ своему сыну, чтобы онъ далъ знать о себѣ, на случай, если бы онъ находился въ войскѣ противной стороны.

Дня XXX-го, того-же.

Въ первый ночной часъ, послѣ смѣны караула, изъ лагеря Василія одни съѣхались съ другими, своими-же, но такъ какъ ночь была темная, то не узнавши другъ друга и не спросивши о паролѣ, одни и другіе бросились въ лагерь; одни — съ сообщеніемъ о войскахъ, въ предположеніи, что ихъ гонятъ; другіе, что непріятель хочетъ ударить на лагерь. Въ лагерѣ страшная тревога, всѣ на ноги. Въ городѣ набатъ, народъ на стѣны, кавалерія на коней. По улицамъ—волненіе, успокоившееся лишь послѣ полуночи. Мы-же взлѣзли на крыши нашихъ построекъ, ожидали и молили Господа Бога, да поможетъ Онъ справедливой сторонѣ вмѣстѣ съ расширеніемъ святой вѣры.

Дня II-го мѣсяца сентября.

Уже вторая недѣля, какъ привезли насъ въ Москву и какъ, затѣмъ, дьякъ великаго князя былъ у насъ, но ничего намъ не говорятъ и ни малѣйшаго упоминанія о нашемъ отъѣздѣ. Желая хоть что-нибудь узнать, что собираются они съ нами сдѣлать, мы написали такое письмо къ великому князю:

„Всемилостивѣйшій, пресвѣтлѣйшій царь-государь и великій князь всея Руси и проч. и проч.!

„Просимъ ваше царское величество—соизволь прислать къ намъ г. дьяка Василія Григорьевича Телепнева (Teleptego), дабы поговорилъ онъ съ нами о нашемъ дѣлѣ, которое касается и насъ, и вашего царскаго величества. Не сомнѣваемся, что въ столь законномъ дѣлѣ наша просьба найдетъ для себя мѣсто у вашего государскаго величества.

„Писано со двора смоленскаго владыки, дня 2-го сентября 1608“.

Дня IV-го, того-же.

Прислалъ великій князь къ намъ, по нашей просьбѣ, посольскаго дьяка, которому мы и сообщили слѣдующія наши *postulata*, прося его, чтобы онъ доложилъ о нихъ великому князю:

Прежде всего, чтобы великій князь помнилъ о постановленіи перемирья, клятвой утвержденнаго, съ его величествомъ королемъ и нашею Рѣчью-Посполитою, въ которомъ—не послѣднее условіе: освобожденіе всѣхъ насъ изъ этой земли на срокъ 8-го октября, а до этого срока круглымъ счетомъ всего четыре недѣли, а путь далекій, особенно, если намъ, въ виду несвободныхъ путей, еще придется итти той дорогой, которой шли господа послы съ г. воеводою сендомірскимъ и другими.

Если-же великій князь дѣлаетъ оттяжку нашего отпуска въ виду занятыхъ отъ непріятеля дорогъ, то мы просимъ о разрѣшеніи намъ договориться съ противной стороной о свободномъ пропускѣ, или на общемъ съѣздѣ въ полѣ, при ровномъ числѣ, или при дачѣ заложниковъ съ обѣихъ сторонъ, а если бы это не удалось, то дозволить намъ попытаться достичь того путемъ письменныхъ сношеній, такъ какъ мы, наконецъ, предпочитаемъ подвергнуться опасности, на случай, если-бы противная сторона не сдержала слова, чѣмъ чтобы въ чемъ-либо были неудовлетворены отъ великаго князя условія, постановленныя въ перемиріи. Ибо мы опасаемся, что при малѣйшемъ замедленіи во времени, назначенномъ для отпуска насъ, порубежные люди вторгнутся въ землю великаго князя и примкнутъ къ

сторонѣ, противной великому князю. Мы не сомнѣваемся, что у великаго князя будетъ обращено вниманіе и на его клятву и на эту опасность. Итакъ мы просимъ, чтобы, если возможно, когда, будемъ отпущены, итти смоленскимъ трактомъ, чтобы наши, которыхъ еще задержали у насъ на Бѣломъ-озерѣ, были присоединены къ намъ, но ихъ мы имѣемъ ожидать не здѣсь, въ осадѣ, но на пути; чтобы великій князь указалъ уплатить за недоданныхъ лошадей; чтобы забранныя ружья и другое оружіе были возвращены; чтобы великій князь указалъ возвратить намъ нѣкоторыя вещи, которыя были захвачены во время грабежа нашими хозяевами; чтобы я могъ имѣть изъ канцеляріи великаго князя, подъ печатью, копію съ засвидѣтельствованія, даннаго отъ господъ пословъ о полученіи ими моихъ драгоцѣнностей; чтобы были намъ даваны подводы до самаго рубежа, такъ какъ много коней недодано; чтобы на ту малость изнуренныхъ лошадей, что намъ возвращены, былъ выдаваемъ улучшенный кормъ.

Дьякъ отмѣтилъ эти пункты для себя и обѣщалъ предложить ихъ великому князю.

Дня V-го, того-же.

Димитрій Шуйскій, братъ великаго князя, передалъ намъ чрезъ нашего пристава, чтобы мы не горевали, что вскорѣ будемъ отпущены и удовлетворены отъ великаго князя. Благодаря его за это сообщеніе и прося его быть ходатаемъ предъ великимъ княземъ, мы написали къ нему слѣдующее письмо:

„Великій государь, другъ и доброхотъ и земскій правитель, князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій и пр. и пр.!

„Находимся мы не въ малой кручинѣ, не отъ-того только, что его величество царь держитъ насъ здѣсь такъ долго, но и потому, что не всѣхъ коней, которыхъ по указу его величества царя забрали наши пристава, возвратили намъ; что-же касается той малости, что возвратили, то одни хромые и слѣпые, другіе такъ измождены, что съ трудомъ чрезъ дворъ ихъ можно провести, а не то, чтобы проѣхать на нихъ 2000 верстъ, до нашихъ домовъ; иныхъ-же лошадей купить не на что, такъ какъ мы совсѣмъ поиздержались въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, живя въ здѣшнемъ заключеніи; наконецъ, мы и платье съ себя распродали на съѣстные припасы. И вотъ, когда мы перебирали промежъ себя о нашей нуждѣ, не зная именно, на что рѣшиться, пріѣзжаетъ къ намъ Иванъ Ростопчинъ, съ утѣшеніемъ отъ вашей княжеской милости, что имѣемъ быть вскорѣ отпущены, а за коней, по милости его величества царя, мы будемъ вознаграждены.

„Благодаримъ вашу княжескую милость за это увѣдомленіе, но и усердно просимъ: благоволи до конца быть нашимъ ходатаемъ предъ его величествомъ царемъ, чтобы долѣе мы не были здѣсь задерживаемы, но, согласно постановленнаго перемирія, уже на этихъ дняхъ были бы отпущены вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за нашихъ коней, чтобы не пришлось намъ итти пѣшкомъ отъ рубежа и до его величества короля, государя нашего. За то, что ваша княжеская милость исхлопочетъ намъ, мы будемъ умѣть и разгласить и возславить предъ его величествомъ королемъ, нашимъ государемъ, и предъ всѣми — справедливость его величества царя и гуманность вашей княжеской милости. Мы не сомнѣваемся, что его величество царь обратитъ на это вниманіе, потому что всѣ монархи, пожалуй и каждый человѣкъ, полагаютъ выше всякихъ сокровищъ это первое—добрую славу и любовь людей.

„Писано въ Москвѣ, со двора смоленскаго владыки, V-го дня сентября 1608.

„Люди польскаго народа, привезенные въ послѣднее время въ Москву изъ Бѣлаго-озера.“

Титулъ наверху написанъ тотъ-же, что и внутри письма.

Дня VI-го, того-же.

Прислалъ къ намъ дьякъ подъячаго съ такимъ отвѣтомъ на наши *postulata*:

„Относительно отпуска васъ: великій князь, помня свое крестное (chresne) цѣлованіе, отпуститъ васъ на этихъ дняхъ.

„Трактовать вамъ съ ворами—было-бы безчестье великому князю. Имѣются способы и помимо этого для вашихъ проводовъ.

„На Смоленскъ не такъ свободенъ путь: болѣе безопасно на Велижъ.

„Вашихъ людей сведутъ съ вами на пути, и за ними уже послано.

„Какія лошади на лицо, тѣхъ вамъ и отдадутъ. Но тѣхъ, что нѣтъ—случилось это на грѣхъ—ихъ позабирали воры; такъ какъ государь въ этомъ ничѣмъ не повиненъ, то и вознаграждать онъ не будетъ.

„Что до вещей, забранныхъ у васъ отъ вашихъ хозяевъ, то прикажутъ имъ поговорить съ вами о томъ.

„Копія засвидѣтельствованія о полученіи твоихъ драгоцѣнностей, Станиславъ, будетъ тебѣ дана, но безъ подписи и печати: отъ этого ничего, такъ какъ четыре посла не откажутся отъ нихъ.

„До самаго рубежа великій князь жалуетъ васъ подводами.

„Улучшенія корма конямъ не можетъ быть, потому что столько-же давалось и на посольскихъ: на 10 коней бочка овса и возъ (kolasa) сѣна.

Услышавши, что на этихъ дняхъ всѣхъ насъ отпустятъ, мы сказали:

— На другія вещи мы уже меньше обращаемъ вниманія, хотя это и къ большому убытку для насъ. Одно лишь просимъ—чтобы великій князь возможно скорѣе показалъ на дѣлѣ все то, что мы слышали отъ тебя, подьячій.

Дня X-го, того-же.

Москва начинаетъ свой новый годъ не по обычаю христіанъ, а язычниковъ—*ab aequinoctio autumnali*, ведя счетъ отъ сотворенія міра. И вотъ Димитрій пожелалъ испробовать новаго счастья съ своими непріятелями. Утромъ рано онъ вдругъ выступилъ изъ лагеря съ своимъ войскомъ въ поле, желая выманить противника изъ города и окоповъ. Выступилъ и Василій со своими, но, по своему обычаю, остановился у городской ограды и своего окопа, внѣ стрѣльбы. Такъ какъ дѣло уже склонялося къ полудню, а Василій не двигался въ поле, то Димитрій нѣсколькимъ нашимъ польскимъ ротамъ скомандовалъ „впередъ“, а затѣмъ и московскимъ, которыя имѣли поддерживать ихъ, и напасть на тѣхъ. Дрались они съ Васильевыми людьми; но тѣ не хотѣли отстать отъ своего пріема, а они, въ виду этого, имѣли заботу.

Эта забава продолжалась до перваго ночнаго часа; однако съ обѣихъ сторонъ не мало людей осталось на мѣстѣ, а еще болѣе подстрѣленныхъ возвратилось на свои посты. Но сторона Василія признавала (а этого они не привыкли дѣлать), что большая убыль въ людяхъ у нихъ, а не у Димитрія.

Близъ нашего двора, гдѣ мы стояли, имѣлъ свое жилище одинъ бояринъ изъ Ярославскаго уѣзда; его привезли изъ той забавы съ тремя огнестрѣльными ранами и въ той-же ночи онъ умеръ. Собралось надъ нимъ множество женщинъ и открыли свои причитанія (lamenty), распѣвая сильнымъ голосомъ, или, лучше сказать, крича, и качая собою; по нѣскольку разъ, попеременно, однѣ переставали, другія начинали перечислять:

— Какъ хорошо, солнышко (solneczko) было съ тобой! Ахъ-ти мнѣ! Какъ-же скверно будетъ безъ тебя! Почему ты не берешь и насъ съ собою въ гробъ? Вѣдь какъ больно было

тебѣ, когда душечка (duszyczka) съ тѣломъ твоимъ раздѣлялася! [1]).

Такому перебору человѣка и такимъ причитаніямъ нарочно учатся, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нанимаютъ женщинъ для того. Этотъ обычай перешелъ къ нимъ, вмѣстѣ съ вѣрою, отъ грековъ.

Дня XIV-го, того-же.

Въ предположеніи, что этотъ злой народъ забылъ о насъ въ томъ заключеніи, въ которомъ насъ держалъ, мы написали къ великому князю письмо, съ напоминаніемъ ему о его присягѣ.

„Всемилостивѣйшій, пресвѣтлѣйшій царь, государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси и пр. и пр.!

„Мы думаемъ, что насъ держитъ тутъ ничто иное, какъ то, что изъ памяти вашего государскаго величества ушелъ срокъ обусловленнаго отпуска насъ изъ земли вашего величества: до него уже только три недѣли, а чиновники подавно его не припоминаютъ. Благоволи, ваше государское величество, обратить вниманіе на отдаленность мѣста: что времени займетъ дорога, если ѣдучи простою столбовою дорогою—500 верстъ до рубежа; слѣдовательно, если-бы мы и по 30 верстъ уѣзжали въ день (а это дѣло мало вѣроятное—на такихъ истощенныхъ лошадяхъ, что возвращены намъ отъ вашего государскаго величества, и на подводахъ крестьянъ), то все-же пришлось-бы намъ ѣхать около трехъ недѣль, а если объѣзжать еще около 200 верстъ далѣе, то и за четыре недѣли мы едвали были готовы. Затѣмъ, это-бы не удовлетворяло постановленному и присягою утвержденному перемирію съ его величествомъ королемъ и нашею Рѣчью-Посполитою.

„Соизволь-же, ваше государское величество, Бога для, какъ христіанскій государь, все это взвѣсить, чтобы не дался какой поводъ своевольнымъ людямъ, которые внимательно всегда слѣдятъ за тѣмъ, что могло-бы принести имъ изъ-за замѣшательства между государствъ извѣстный прибытокъ. Покорнѣйше потому просимъ—помня свое крестное цѣлованіе, соизволь отпустить насъ.

„Писано со двора смоленскаго владыки, въ Москвѣ 14 сентября 1608.

„Люди польскаго народа, въ это время отъ Бѣлаго-озера привезенные“.

---

[1]) Къ сожалѣнію, только отдѣльныя слова русскія, но тонъ причитанія хорошо выдержанъ. Наблюдательный авторъ остался вѣренъ себѣ. Приводимый „плачъ“ можно разсматривать отчасти, какъ старинную запись причитаній.

На это наше письмо къ вечеру нашъ приставъ принесъ такой отвѣтъ: „Великій князь отпустилъ бы васъ что можно скорѣе; но дороги залегли воровскіе люди, почему и не можетъ онъ васъ препроводить; лучше нѣсколько дней задержаться съ нами, чѣмъ чтобы васъ въ дорогѣ убили!

На это мы:

— За нѣсколько дней дорогъ вы не приберете, а назначенное время для доставки насъ на рубежъ уходитъ. Наконецъ, мы предпочитаемъ подвергнуться той опасности, чѣмъ ожидать здѣсь безопасности.

Такую бесѣду нашу приставъ взялся передать великому князю.

Дня XV-го, того-же.

Желая убѣдить этихъ людей, чтобы допустили насъ трактовать съ противной стороной относительно свободнаго проѣзда, мы написали снова письмо къ великому князю:

„Всемилостивѣйшій, пресвѣтлѣйшій царь, государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси и пр. и пр.!

„Вчера мы писали къ вашему государскому величеству, напоминая близко уже подходящее время обусловленнаго отпуска насъ изъ земли вашего государскаго величества. На это мы получили такой отвѣтъ, что-де по дорогамъ явились нѣкоторыя трудности для безопаснаго проѣзда. Такъ какъ мы имѣемъ дѣло, которое трудно вѣрить на письмѣ, то мы просимъ ваше государское величество—соизволь разрѣшить намъ устно о немъ съ господами боярами разсудить и поговорить. Полагаемъ, что мы получимъ отъ вашего государскаго величества столь законную уступку.

„Писано въ Москвѣ, со двора смоленскаго владыки, 15-го сентября 1608.

„Люди польскаго народа, на это время отъ Бѣлаго-озера привезенные".

Чрезъ нѣсколько часовъ по отсылкѣ нашего письма, великій князь прислалъ г. Стадницкому письмо отъ его сына, которое вмѣстѣ съ другими было послано къ великому князю чрезъ одного изъ колодниковъ. Вотъ копія его:

Титулъ: „Его милости г. Мартыну Стадницкому изъ Жмигрода, моему милостивому государю и отцу, имѣетъ быть" [1]).

„Мнѣ многолюбезный сударь отецъ!

„Свои покорнѣйшія службы наисурднѣе ввѣряю я любви вашей, моего милостиваго государя и благодѣтеля.

---

[1]) Т. е. отдано.

„Весьма благодарю я Господа Бога за то, что уже вблизи я слышалъ о вашемъ добромъ здоровьѣ, милостивый государь, и прошу Господа Бога, чтобы я могъ увидѣть въ немъ васъ, моего милостиваго государя, какъ можно скорѣе. Какъ скоро Господь Богъ его милость г. воеводу и всѣхъ, которые были въ товариществѣ его милости, сподобилъ освободить [1]), и то по нашему старанію, я надѣялся, что вмѣстѣ съ ихъ милостями я найду и васъ, моего милостиваго государя; но когда надежда въ этомъ меня обнапула, то я изъ всѣхъ силъ старался объ освобожденіи особы вашей, моего милостиваго государя, при чемъ его милость г. посолъ и г. воевода у того дѣла съ большою помощью были и суть; но вотъ сегодняшняго дня дошла до меня добрая новинка, что васъ сегодняшняго дня имѣютъ отпустить; а такъ какъ г. посолъ отъѣзжаетъ, то было бы очень хорошо, если бы вы, мой милостивый государь, соизволили просто выѣхать сюда къ намъ, и мы могли бы служить къ большей вашей безопасности. По сіе время я никакого письма къ особѣ вашей, моему милостивому государю, не отправлялъ по той причинѣ, что голосъ всѣхъ именно людей и самого царя былъ въ одно—письма отдать нельзя, такъ какъ всѣ люди эту землю величаютъ земнымъ адомъ (что̀ я и самъ хорошо испробовалъ). Но свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ, что я употреблялъ всяческіе способы къ освобожденію Васъ, моего милостиваго государя. Никто не служилъ, пришлось и здоровье и все, что̀ только годилось, цѣпить.

„Болѣе не желаю довѣрять письму; откладываю до счастливаго, дастъ Богъ, свиданія съ вашею особою, моимъ милостивымъ государемъ. При этомъ препоручаю самымъ усерднымъ образомъ свои нижайшія услуги милостивой вашей любви, моего милостиваго государя.

„Вашъ, моего милостиваго государя, нанижайшій слуга и сынъ Янъ Юрій Стадницкій изъ Жмигрода".

По прочтеніи этого письма, явилось у насъ много сомнѣній, такъ какъ въ немъ не было даты—откуда оно и откогда. Однако, такъ какъ оно упоминало о царѣ, то мы теперь только стали вѣрить, что царь Димитрій Ивановичъ живъ, въ противность всякому вѣроятію и тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы вынесли изъ того процесса, который разыгрался съ трупомъ убитаго. Разсудокъ долженъ былъ уступить этому свѣдѣнію въ виду того, что у Господа Бога все возможно и пр.; далѣе, мы были приведены къ этой мысли тѣми доводами, что господа

---

[1]) Воевода Сендомірскій былъ выпущенъ изъ Москвы на свободу 2-го августа.

послы и сендомірскій воевода воротились къ нему отъ границы, наконецъ, что при Димитріи было такъ много войска изъ нашего народа, которое, навѣрно, за кѣмъ-либо инымъ не потянулось бы. Теперь мы также впервые узнали, что тѣхъ людей, которые были посланы Василіемъ сопровождать нашихъ, перебили солдаты Димитрія.

Немалое утѣшеніе имѣли мы отъ свѣдѣнія о той жизни; но еще большее огорченіе—что другіе уже свободны, а мы въ неволѣ, оставлены другими, противъ всякой справедливости, не только вопреки христіанской любви и приличія, при захватѣ съ собой такой массы людей на эту несчастную экспедицію, но и вопреки обязанности господъ пословъ, которые затѣмъ именно и были посланы отъ его величества короля (какъ они въ письмѣ своемъ ко мнѣ упоминаютъ), чтобы освободить всѣхъ отсюда. Конечно, послы не будутъ безъ своихъ оправданій обо всемъ этомъ, особенно оправдываться будутъ тѣмъ, что у этихъ грубыхъ людей никакіе доводы не дѣйствовали. Правда, это такъ; но тутъ дѣло идетъ *generosi tas cum forti animo*, вопроса о томъ, какіе послы должны быть избираемы и посылаемы, если вездѣ, то именно *ad barbaros*. Боль приводитъ къ тому, что человѣкъ долженъ жаловаться, сидя въ заключеніи, хотя *christiana charitas* приказываетъ о каждомъ думать хорошо. Одни уже сидятъ въ своихъ домахъ, пользуясь желанной радостью въ кругу дорогой семьи; другіе добровольно воротились отъ границы, а мы терпимъ заключеніе у враждебной стороны. Иного совѣта мы себѣ не могли дать, какъ только вознести руки къ Господу съ мольбой, да избавитъ Онъ угнетенныхъ, а оскорбленнымъ да поможетъ противъ измѣнниковъ Его.

Приставъ потребовалъ отъ г. Стадницкаго отвѣта на это письмо его сына. Казалось лучше написать, чѣмъ отказать, и письмо было таково:

Титулъ: „Пресвѣтлѣйшему царю, государю и великому князю Василію Ивановичу всея Руси и пр. и пр.

„Пресвѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій царь, государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси и пр. и пр.!

„Я благодарю ваше государское величество, что ваше государское величество изволилъ прислать письмо отъ сына моего ко мнѣ, которое вашему государскому величеству прочтено было раньше. Изъ него ваше государское величество легко можешь понять, что сынъ мой очутился здѣсь не ради чего иного, какъ только изъ-за того одного, чтобы освободить меня изъ той неволи, въ которой я живу.

„Мы уже нѣсколько разъ писали вашему государскому величеству, пишемъ и сегодняшній день, прося о томъ, чтобы

ваше государское величество благоволилъ имѣть въ памяти свое крестное цѣлованіе, благоволилъ вспомнить и о томъ днѣ, до котораго отъ будущей среды всего три недѣли, когда всѣхъ людей его королевскаго величества ваше государское величество обязанъ изъ своей земли отпустить, а дальше задерживать насъ не долженъ; но такъ какъ мы навѣрное не знаемъ, доходятъ-ли наши письма къ вашему государскому величеству, поэтому и напоминаемъ здѣсь. Итакъ, прошу у вашего государскаго величества—порѣши насъ, что желаешь съ нами дѣлать, какая у тебя въ насъ нужда, что насъ такъ долго задерживаешь; прошу соблаговолить допустить насъ предъ себя, для болѣе легкаго обсужденія и выясненія вопроса, чего ваше государское величество отъ насъ ищешь, и для болѣе скораго нашего освобожденія.

„Дано въ Москвѣ, со двора смоленскаго владыки, 15 *septembris*, лѣта 1608.

„Мартынъ изъ Жмигрода Стадницкій *m. pr.*“

Дня XVII-го, того-же.

Въ первый часъ наступившаго дня по городу начали бить въ набатъ (т. е. въ большой барабанъ), сзывать на улицахъ мужиковъ [1]); дворяне и боярскіе дѣти (synowie) въ полки къ государю, посадскіе люди на стѣны. Спрашиваемъ, что за тревога? Говорятъ намъ, что „ваши послы и сендомірскій, которые, въ противность своей присягѣ, воротились къ воровскому войску, имѣютъ съѣхаться съ нашими боярами въ полѣ на разговоръ и имѣютъ говорить между собой мирно (choroszo)“, что прислали четверыхъ въ государевы полки, какъ заложниковъ, между которыми знатнѣйшіе двое: Лисовскій и Заруцкій. Государь также послалъ къ нимъ четырехъ думныхъ дворянъ, именно, уѣхали бояре: Андрей Голицынъ [2]), Василій Сукинъ, Иванъ Өеодоровичъ Колычовъ [3]), дворецкій, по нашему маршалокъ, и Василій Григорьевичъ Телепневъ (Telepłow), посольскій дьякъ, по нашему канцлеръ.

Разговоръ этотъ продолжался до самаго вечера. Ворота заперты, никого изъ народа, который было вышелъ поглазѣть, не пускали въ городъ, затѣмъ, чтобы казалось больше войска у забора. Мы не могли разузнать, на чемъ они разъѣхались. Однако, между народа шла та вѣсть, что воевода домогается

---

[1]) „Набатъ—огромной величины мѣдный барабанъ“ (Саввантовъ П., Описаніе и пр., 80).
[2]) Князь Андрей Васильевичъ Голицынъ.
[3]) Иванъ Өеодоровичъ Колычевъ, окольничій.

для своей дочери удѣльнаго княжества (państwa) и извѣстныхъ городовъ, если великій князь желаетъ, чтобы польское войско вышло изъ его земли.

Изъ этихъ переговоровъ между г. послами и г. воеводою сендомірскимъ, еще болѣе изъ того, что утверждали за вѣрное, что г. воевода и царицу, свою дочь, привезъ въ лагерь той стороны, мы тѣмъ сильнѣе стали вѣрить, что Димитрій живъ.

Дня XIX-го, того-же.

Приказалъ намъ чрезъ пристава Иванъ Ѳеодоровичъ Колычовъ, дворецкій великаго князя, давая намъ знать о своемъ участіи къ намъ, и это въ виду того, что у него въ памяти то благодѣяніе къ нему Марины и ея мужа, которое они изъявляли ему въ дни своего счастья, и что потому, съ его совѣта и старанія, ее отпустили изъ земли, а то она должна была быть задержана. „Тоже печалованье желаю я имѣть и о васъ, такъ что вскорѣ будете свободными“, но только чтобы мы написали къ великому князю, напомнивъ ему его присягу, и это письмо переслали-бы черезъ него. Съ своей-же стороны, мы, за это стараніе его, должны будемъ напомнить о немъ предъ Мариною и сендомірскимъ, когда будемъ въ своей землѣ.

Указавъ усердно поблагодарить его за предложенное участіе, мы просили, чтобы онъ на дѣлѣ показалъ его; мы-же, съ своей стороны, препоручали ему самымъ усерднымъ образомъ свое сочувствіе, удостовѣряя его, что напоминать о немъ не забудемъ, и такое написали письмо къ великому князю:

„Милостивѣйшій, пресвѣтлѣйшій царь, государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси и пр. и пр.!

„Столь долгое время, и раньше, и теперь, находясь здѣсь, въ Москвѣ, посылая такъ часто письма къ вашему государскому величеству, мы не можемъ получить ни малѣйшихъ свѣдѣній отъ вашего государскаго величества о томъ—почему ты насъ задерживаешь, какъ и по вопросу о свободномъ отпускѣ насъ отсюда. Обрати, ваше государское величество, вниманіе, если не на что иное, то, по крайней мѣрѣ, на свою душу, такъ какъ ваше государское величество цѣловалъ крестъ прежде всего Господу Богу, а затѣмъ не кому иному, какъ его королевскому величеству, нашему государю, на то, что ты всѣхъ насъ изъ своей земли отпустить долженъ; а между тѣмъ по сю пору ваше государское величество не желаешь очистить предъ Господомъ Богомъ своей совѣсти чрезъ эту задержку насъ здѣсь. Ибо, если задерживаешь по той причинѣ, что отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ кое въ чемъ ваше величество не удовлетворенъ,

то это обстоятельство не можетъ и не должно ни въ чемъ нарушать постановленія и соглашенія съ его величествомъ королемъ и нашею Рѣчью Посполитою, такъ какъ его королевское величество во всемъ удовлетворяетъ и будетъ удовлетворять постановленному договору, если только не подастся какая причина отъ вашего государскаго величества чрезъ неудовлетвореніе условій, въ перемиріи заключенныхъ.

„Благоволи ваше государское величество обратить вниманіе, что за пользу имѣютъ какъ ваше государское величество, такъ и вся земля, отъ того, что ты насъ здѣсь въ такомъ количествѣ и такъ долго держалъ? Благоволи обратить вниманіе и на то, что ты отпустилъ тѣхъ, которыхъ именно касалось дѣло, если только что должно было касаться. Мы-же, какъ раньше, такъ и сейчасъ, ни во что не ввязывались; предъ вашимъ государскимъ величествомъ ни въ чемъ не суть и не были неправыми, почему и никакой иной пользы не видимъ изъ этого нашего здѣсь задержанія, какъ только ту, что ваше государское величество душу свою отягчаешь. Да и сынъ мой въ своемъ письмѣ ко мнѣ пишетъ, что г. посолъ и нѣкоторые изъ тѣхъ, что пріѣхали было къ той сторонѣ, отъѣзжаютъ въ землю его величества короля, нашего государя. Просимъ — отпусти-же насъ, ваше государское величество, вмѣстѣ съ ними: вѣдь вашему государскому величеству одинаково—сегодня-ли, или завтра исполнить то, чѣмъ ты повиненъ по оказательству крестнаго цѣлованія, и чѣмъ скорѣе ты это исполнишь, тѣмъ быстрѣе душу свою очистишь.

„Писано въ городѣ Москвѣ, со двора смоленскаго владыки, 19-го сентября 1608 года.

„Люди польскаго народа, на это время отъ Бѣла-озера привезенные".

Дня XXII-го, того-же.

Вчерашняго дня по-полудни десять слишкомъ разъ палили изъ пушекъ въ лагерѣ Димитрія, но, сверхъ обыкновенія, безъ малѣйшей тревоги въ городѣ и въ полкахъ Васильевыхъ; мы думали, что это какая-то забава. На другой день узнаёмъ, что̀ это было: намъ говорятъ, что это было ликованіе или потому, что какой-либо городъ предался, или потому, что царица въѣзжала въ лагерь обрадованнаго своего супруга, а супругъ принималъ свою избранницу, изъ заточенія извлеченную, отецъ-же своего дорогого зятя узрѣлъ.

Когда мы разговаривали промежъ себя о томъ утѣшеніи и радости, какую имѣли тамъ по случаю встрѣчи, и о своемъ угнетеніи, насъ, которые терпѣли въ заключеніи, о своемъ не-

счастіи, въ виду того, что мы единственные оставались въ неволѣ—какъ въ эту минуту Василій Григорьевичъ [1]), посольскій дьякъ, со словами: „Царь, великій князь, послалъ меня къ вамъ сообщить вамъ, что онъ уже отпустилъ бы васъ, да дороги не свободны отъ воровскихъ людей, почему онъ желаетъ имѣть отъ васъ завѣреніе, что если что приключилось бы съ вами отъ нихъ, то въ томъ никакой вины государевой не будетъ. Онъ спрашиваетъ также васъ, какое поручительство дадите по себѣ, если онъ отпуститъ васъ просто, что вы не ввяжетесь съ ворами и на-сколько можно на васъ полагаться, когда самъ посолъ вашего короля, Николай Олешницкій, вмѣстѣ съ воеводой сендомірскимъ, въ противность своей клятвѣ — цѣловали ноги Христа—и измѣнили? Кому-же теперь вѣрить, если уже не помнятъ ни Бога, ни погибели своей души — на что обращаютъ вниманіе даже язычники, когда принесутъ присягу кому-либо по своему? Они, вмѣсто того, чтобы выйти изъ земли великаго князя, воротились къ ворамъ, съ дочерью своей и пріятелями, перебивши государевыхъ людей, которые ихъ провожали для безопасности, хотя и говорятъ, что Николай Олешницкій вчера снова отъѣхалъ, забравши въ „полонъ“ (т. е. въ заключеніе) боярскихъ людей, женщинъ и дѣвушекъ. Какъ это у него соромъ пропалъ, что отважился на это“!

Мы отвѣчали:

— Къ удивленію это и для насъ, что такъ поступили, и особенно, если не были принуждены къ возвращенію.

На это онъ:

— Принуждены—сами того хотѣли.

Отойдя потомъ на сторону и поговоривши, мы замѣтили ему, что не знаемъ, какого завѣренія государь желаетъ отъ насъ.

— Мы ни о чемъ другомъ не думаемъ, какъ только о свободѣ, и дадимъ по себѣ обязательство, какое только придумаете, какъ самое надежное.

На это онъ сказалъ:

— Напишите къ государю, что онъ отпускаетъ васъ по вашему желанію, что если бы что приключилось вамъ отъ нихъ, то въ томъ никакой вины государевой не будетъ, что вы обязываетесь словомъ, что не будете почитаемы за честныхъ (dobrych), если бы пристали къ той сторонѣ, и это вы желаете удостовѣрить клятвой. Далѣе, что г. Стадницкій уведетъ отъ воровскаго войска своего сына и людей, которые при немъ, и въ этомъ обяжется такимъ же клятвеннымъ обязательствомъ. Также,

[1]) Т. е. Теленневъ.

что будете говорить, что воевода сендомірскій учинилъ противъ своей присяги. Все это написавъ, подписавъ и приложивъ свои печати, имѣете послать къ великому князю.

Легко мы согласились на это, видя, что иначе мы свободными быть не можемъ. Спросилъ онъ потомъ меня отдѣльно:

— Станиславъ, не обратишься ли ты къ тому войску?

На это я:

— Ни къ тому, ни къ твоему великому князю, и если бы я здѣсь забылъ одинъ глазъ и одну руку, то за другимъ глазомъ и рукою я бы не воротился, предпочитая жить безъ обоихъ этихъ членовъ.

Съ большою признательностью принялъ онъ эту мою рѣчь и уѣзжая, препоручилъ приставу, чтобы онъ со мною говорилъ въ томъ смыслѣ, что если я сдержу слово великому князю,— что къ ворамъ не сверну, то послы его будутъ славить мое имя и въ Персіи (Kozulbasiech) и у крымскихъ татаръ.

На это я:

— Пожалуй, если бы я и имѣлъ такое намѣреніе (отъ котораго да обережетъ меня Господь Богъ!), то, въ виду такого твоего суленья, именно, въ виду одного того, что вы будете такъ помнить меня, и особенно *тамъ*, развѣ могъ-бы я исполнить его? Кто бы не пожелалъ себѣ — у такихъ людей быть всегда въ доброй памяти? А такое письмо, о какомъ мы говорили, напишемъ сейчасъ-же къ великому князю. Письмо было таково.

„Пресвѣтлѣйшій, всемилостивый царь, государь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси и пр. и пр.!

„На такое множество нашихъ писемъ и просьбъ, которыя мы къ вашему государскому величеству писали, съ напоминаніемъ о клятвѣ относительно свободнаго отпуска насъ, согласно договору и постановленному перемирію съ его величествомъ королемъ и нашею Рѣчью-Посполитой, сегодня ваше величество изволилъ указать намъ чрезъ своего посольскаго дьяка, Василія Григорьевича Телепнева (Teleptewa), что ты порѣшилъ отпустить насъ что можно скорѣй, но только проѣздъ отъ занятія дорогъ воровскими шайками затрудненъ. Но мы просимъ у вашего государскаго величества изволить разрѣшить намъ возможно скорѣе свидѣться съ г. сендомірскимъ воеводой, для удостовѣренія насъ въ свободномъ нашемъ переходѣ и безопасномъ проѣздѣ; по крайней мѣрѣ, мнѣ, Мартыну Стадницкому, чтобы свидѣться съ своимъ сыномъ, для увода его изъ тамошняго войска и выпровоженья изъ земли вашего государскаго величества и съ людьми, что при немъ, равно какъ и для устыженія г. воеводы сендомірскаго, что онъ, въ против-

ность своей клятвѣ, по сю пору задерживается въ землѣ вашего государскаго величества и присоединился къ войску противной стороны, и это мы въ немъ хулимъ и будемъ хулить при свиданіи съ нимъ. Сами же мы завѣряемъ ваше государское величество нашимъ шляхетскимъ словомъ, что не только тамъ не задержимся, но и не будемъ помогать противной сторонѣ, воровской, противной вашему государскому величеству; на это, такъ какъ ваше государское величество отъ насъ этого желаешь, мы обязываемся клятвой, и если-бы мы что-либо учинили въ противность такому нашему завѣренію, то пусть мы не будемъ почитаемы за честныхъ людей.

„Къ такому-же обязательству я, Мартынъ Стадницкій, принимаю на себя привести и своего сына, если ваше государское величество допустишь меня съ нимъ свидѣться; буде-же при томъ соглашеніи, которое мы будемъ имѣть съ противной стороной о свободномъ проѣздѣ, приключится съ нами нѣчто противное отъ нихъ, то въ этомъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ ничего въ противность перемирію и присягѣ вашего государскаго величества, такъ какъ мы сами добровольно это предпринимаемъ и этого домогаемся. Одно только для себя сохраняемъ— чтобы мы были обезпечены и увѣрены въ томъ, что ничего скверпаго не будетъ чинимо намъ отъ людей вашего государскаго величества, какъ военныхъ, такъ и всякихъ иныхъ, такъ какъ иначе ваше государское величество учинилъ бы противъ своей клятвы и постановленнаго перемирія съ его величествомъ королемъ, нашимъ государемъ, и Рѣчью-Посполитою, а само собою понятно, что ваше государское величество снабдишь насъ подводами и кормами.

„Писано въ городѣ Москвѣ, со двора смоленскаго владыки, двадцать второго дня мѣсяца сентября, лѣта Господня 1600 осьмаго.

„Станиславъ изъ Любенца Немоевскій *m. pr.*, Мартынъ изъ Жмигрода Стадницкій *m. pr.*, Адамъ изъ Подгаецъ Вольскій *m. pr.*".

Дня XXIII-го, того-же.

Въ то время, какъ мы уже разсчитывали на несомнѣнный съѣздъ съ г. воеводою сендомірскимъ и съ другими отъ противной стороны, при указанномъ нашемъ обязательствѣ, которое мы дали на себя, вдругъ присылаетъ великій князь съ предложеніемъ г. Стадницкому написать письмо къ своему сыну, весь смыслъ котораго онъ приказалъ ему передать — какимъ письмо должно быть. Г. Стадницкій уступилъ и, согласно ихъ волѣ, написалъ такъ:

„Мой милѣйшій Янъ!

„Увѣдомляю, что я почти все это время содержимъ былъ на Бѣломъ-озерѣ; но когда, съ Божьей милости, ихъ милости господа послы его королевскаго величества приступали къ соглашенію съ государемъ къ заключенію мира, то его величество государь послалъ за нами на Бѣлое-озеро; но раньше чѣмъ мы пріѣхали, подошли, какъ намъ было сообщено, подъ Москву князь Вишневецкій и г. Рожыньскій, почему дороги стали опасными и хотя мы уже были въ Романовѣ, въ 300 верстахъ отъ Москвы, но съ государева приказа насъ поворотили опять назадъ, къ великому горю и несчастію нашему. Затѣмъ, когда миръ былъ заключенъ и утвержденъ присягою, какъ со стороны государя, такъ и со стороны пословъ, то хотя господа послы и г. воеводы и клялись, кажется, въ томъ, что прямо имѣютъ направиться въ Польшу, а возвращаться къ вражескому войску, или, какъ они его называютъ, воровскому не должны; но ихъ милости не только, вопреки самой законности и обязанности, оставили насъ здѣсь въ заключеніи, но и возвратились къ тамошнему войску, почему государь и не хотѣлъ насъ отпустить. Видя это, что мы отъ своихъ повсюду оставлены, мы писали къ государю, прося его, чтобы онъ, согласно своей присягѣ, которую учинилъ не кому иному, какъ именно его королевскому величеству, отпустилъ насъ прямою дорогою на Смоленскъ. Это учинить его величество государь желаетъ; но необходимо одно — чтобы мы могли имѣть свободную и безопасную дорогу отъ вашего войска, объ этомъ мнѣ необходимо при свиданіи съ тобою переговорить, равно какъ и о другихъ вещахъ, которыя государь желаетъ получить отъ насъ раньше, чѣмъ насъ отпуститъ. Онъ потому хочетъ дозволить мнѣ видѣться съ тобою и обо всемъ переговорить, и чѣмъ скорѣе я съ тобою съѣдусь и переговорю, тѣмъ скорѣе я могу быть свободенъ. Итакъ, постарайся, чтобы это могло быть немедленно. Затѣмъ поручаю тебя Господу Богу.

„Изъ города Москвы, 23-го *septembris*, anno 1608.

„Отецъ твой Мартынъ Стадницкій изъ Жмигрода *m. pr.*“

Титулъ: „Яну Юрію Стадницкому изъ Жмигрода, сыну моему милому, имѣетъ быть“ [1]).

Великій князь желалъ было также, чтобы я въ этомъ письмѣ прибавилъ, что, въ виду отцовскаго обязательства принесенной клятвы, сынъ обязанъ будетъ самъ и съ тѣми, которыхъ онъ имѣлъ при себѣ, отъѣхать изъ войска противной

[1]) Т. е. вручено.

стороны; но это было устранено тѣмъ, что если-бы былъ упомянутъ его отъѣздъ, то какъ знать—передано-ли было и самое письмо? Казалось потому лучше промолчать, до общаго отъѣзда и устной бесѣды сохранить про себя. На этомъ и порѣшили.

Дня XXIV-го, того-же.

Намъ сообщили, что великій князь съ этимъ письмомъ приказалъ отправить арестанта изъ нашего народа, сильно изувѣченнаго и измученнаго на пыткѣ; хотя и не далеко, особенно до передней стражи, но сомнительно, чтобы тотъ дошелъ.

Дня II-го мѣсяца октября.

Цѣлую недѣлю ждали мы какого-либо отвѣта отъ великаго князя, какъ и отвѣта сына г. Стадницкаго на то письмо, которое онъ писалъ къ нему, но—ничего не было слышно, а между тѣмъ уже приближалось время срока—отпуска насъ и доставки на рубежъ, согласно постановленія, обусловленнаго въ перемиріи. Чтобы вспомнилъ великій князь объ этомъ, мы написали къ нему такое письмо:

„Пресвѣтлѣйшему царю, государю и великому князю Василію Ивановичу всея Руси и пр. и пр.

„Пресвѣтлѣйшій, милостивѣйшій царь, государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси и пр. и пр.!

„Уже въ будущую середу истекаетъ срокъ доставки насъ на рубежъ, на основаніи договора господъ пословъ его величества короля, клятвою утвержденнаго отъ государскаго величества. Бога-же ради, обрати вниманіе, государь, на эту клятву: вѣдь нѣтъ ничего болѣе гнуснаго между людей въ глазахъ Господа Бога, болѣе нечестиваго и позорнаго, какъ нарушеніе клятвы. Ваше государское величество не имѣешь въ насъ никакой законной причины для задержанія, потому что, если въ виду того, что кое-въ-чемъ ваше величество не удовлетворены отъ сендомірскаго, то въ постановленномъ договорѣ и въ заключеніи перемирія не было того, что въ силу какого-либо поступка съ его стороны имѣетъ быть нарушена клятва, а тѣмъ самымъ, съ другой стороны, весь договоръ и постановленный миръ обращается въ ничто, если ты въ назначенное время насъ не отпустишь. Если придетъ къ этому, то, конечно, еще больше будетъ литься христіанская кровь, чѣмъ теперь; на нее будетъ взирать Господь Богъ, какъ на дѣло рукъ вашего государскаго величества, и, безъ того уже страшный, пламень чрезъ насъ троихъ, которыхъ ты здѣсь задержалъ, конечно, не угаснетъ, а

можетъ только разжечься. Уже не останется никакого способа для примиренія, и всѣ пути къ нему замкнутся: ни отецъ святый папа, какъ раньше, ни одинъ христіанскій государь не вмѣшаются уже въ это дѣло. Только паденіе одной стороны будетъ въ состояніи положить конецъ этому; къ нему въ этомъ государствѣ тѣмъ скорѣе можетъ дойти, при столь великой разладицѣ и раздорѣ въ странѣ, какъ это сейчасъ: когда, при внутреннемъ несогласіи, примѣшается еще третій, чужой—паденіе вѣрное. Такимъ именно образомъ пали всѣ республики и государства, сколько ихъ только было на свѣтѣ, и самыя могущественныя, и тѣмъ еще скорѣе, если причиной этого являлось клятвопреступленіе. Пусть же лучше отъ кого другого, но не отъ вашего государскаго величества пойдетъ та богомерзкость — пролитіе христіанской крови, не отъ васъ, въ богобоязности котораго люди были сильно убѣждены. Ты отпустилъ старшихъ, о которыхъ ты зналъ, что они для тебя со значеніемъ. Какую-же пользу ты можешь имѣть отъ насъ троихъ, ме́ньшихъ? Посуди, какое замѣшательство можетъ произойти отъ пустого обстоятельства—задержки насъ, между тѣмъ какъ никакой пользы не принесетъ, а главное—принесетъ отягченіе своей совѣсти чрезъ невыполненіе клятвы, хотя бы послѣднее было и не безъ причины — что тамъ, въ противной сторонѣ, сынъ г. Мартына Стадницкаго. Но отецъ съ клятвою обязуется устранить сына оттуда и вывести его изъ земли, лишь только ты его отпустишь, да и сынъ прибылъ сюда именно для освобожденія его, а не по какой иной причинѣ. Хуже-же будетъ, если прибудетъ сюда бо́льше нашихъ родственниковъ искать и разыскивать насъ, не жалѣя ни здоровья и никакихъ либо издержекъ, ни нашихъ, ни своихъ, увлекая за собою и другихъ, которые, вѣроятно, только и ждутъ этого, разъ только мы не будемъ отпущены и освобождены чрезъ господъ пословъ его величества короля. Пожелай-же, ваше государское величество, всѣ эти обстоятельства и доводы обсудить — пусть думные вашего государскаго величества разберутъ ихъ: невозможно, чтобы все это не должно было имѣть мѣста. Если-же ваше государское величество еще имѣлъ бы какое основаніе противъ г. Мартына Стадницкаго изъ-за сына, то мы другіе которые не имѣемъ сыновей, причемъ? какое основаніе ты можешь имѣть противъ насъ?

„Просимъ тебя, Бога ради, заклинаемъ тебя крестнымъ цѣлованіемъ, которымъ ты свою душу обязалъ, чтобы не приманивать сюда нами нашихъ родственниковъ, которые, какъ знать, не двинулись ли уже разыскивать насъ, по чего и имъ, и себѣ не желаемъ. Не сомнѣваемся также и въ томъ, что ты соизво-

лишь сообщить намъ свое послѣднее намѣреніе, или, по крайности, призвать насъ предъ господъ бояръ, которые объяснили бы намъ, чего ты отъ насъ требуешь и для чего отпускъ нашъ оттягиваешь, льстя себя надеждой, что мы, какъ честные люди, не заслужимъ отъ твоего государскаго величества того оскорбленія, что не получимъ отъ тебя отвѣта на это наше письмо и на законную нашу просьбу.

„Писано въ городѣ Москвѣ, со двора смоленскаго владыки, мѣсяца октября второго дня anno 1600 осмого".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Расчетъ польскихъ пословъ по обратному полученію нѣкоторыхъ предметовъ, взятыхъ въ царскую казну послѣ убійства перваго Димитрія Самозванца.

Списо(к) с описи, что дали послы и посланники Миколай Олешницкий....

Слово в слово:

Найяснѣйшого і Великого Государя Жигимонта Третего, Божіею милостію короля Полского, і Великого князя Литовского, Руского, Пруского, Номойтского, Мозовецкого, Инфлянского и иныхъ. — Мы послы и посланники его Королевского Маестату: Миколай Олешницкій з Олешницы, каштелянъ Маліговскій, Александръ Корвинъ Кгосевскій[1]), староста Велижскій, Станиславъ Витовский, войский Парчовский, и князь Янъ з Друцка Сокольницкий, секретаре и дворяне его Королевское милости — ознаймуемъ симъ нашимъ квитомъ, штожъ по договору з Божіею милостію Государя і Великого Князя Василя Івановича Всея Русіи, Владимерского, Московского, Новгородского, Казанского, Астраханского, Псковского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ з боярми: з бояриномъ и наместникомъ Костромскимъ, с княземъ Андреемъ Василевичемъ Голицинымъ і с наместникомъ Галицкимъ Іваномъ Өеодоровичемъ Колычовымъ, думнымъ дворениномъ і с наместникомъ Волоцкимъ[2]) з Васи-

---

[1]) Извѣстный пріемъ въ югозападной малорусской письменности—гортанный звукъ г (g), не существующій въ живомъ малорусскомъ языкѣ, изображать соединеніемъ двухъ буквъ *кг*.

[2]) Издатель при этомъ прилагательномъ ставитъ „sic". Почему? Этотъ титулъ по городу *Волокъ* (Ламскій).

лiемъ Григоревымъ сыномъ Телепневымъ, Андреемъ Івановымъ, взяли есмо до рукъ нашихъ отъ нихъ речи и маетности ниже написанныхъ, которые ихъ милости дали были торгомъ до скарбу Государя Московского за того, который Дмитромъ Івановичомъ именуючися государемъ московскомъ седел, а Москва его называетъ Грышкомъ Отрепевымъ—а то: Вельможного пана Миколая Волского, маршалка дворного коруны полское, старосты крепицкого, меновите зыскано толко обитя табинового[1]) трынатцать штукъ, которыхъ локти шестсотъ осмидесятъ и деветъ и поллоктя, которое шац(овано) на две тисечи сто осмидесятъ семъ золотыхъ и грошей десетъ, за которую тую сумму по нашему договору заплачено соболями. До того клейноты его милости пана Станислава Немоевского з Любенца, подстолего коруны полское, меновате: дiамент пунт великий, около него дiяментовъ меншихъ двѣнадцатъ, который шацовано на десет тысячей золотыхъ. Ношеня, в которомъ впереде рубинъ, подъ нимъ двѣ доцолки дiяментовые, на верху шмарагдъ з шмальцомъ, у него перла великая, долгая, шацованна золотыхъ двадцать чотыре тысечи. Оролъ о двахъ головахъ дiаментовыхъ з рубинами, в которомъ дiаменту одного нетъ и другого малого, при которомъ также ланцушка нетъ; шацунокъ его: пят тысячей золотыхъ. Альжбантъ з дiамептовъ и с перелъ, въ которомъ дiаментовыхъ дощокъ петнадцатъ, перелъ петнадцатъ; шацованъ па золотыхъ осмынадцатъ тисячей. Канакъ з шмаракгами и с перлами подвойными осмю, всѣхъ перелъ шестынадцатъ; шацованъ на золотыхъ три тисячи. Манели з дiаментовъ и рубиновъ, дiаментовъ семь а рубиновъ осмь; шацовано на золотыхъ две тисечи. Штука з рубинами і с перлами, якобы манелѣ, рубиновъ осмъ, перелъ осмъ; штука таковая якобы канакъ, рубиновъ семъ, перелъ осмъ; шацовано обое на золотыхъ пятъ тисячей. Завешеня, в немъ въ середине шмаракгъ, подъ нимъ рубинки два, а на верху доцолка дiяментовая резаная, у него перла круглая великая; шацовано на золотыхъ две тисечи. Сума тыхъ пана Немоевского клейнотовъ шестьдесятъ и деветъ тисячей золотыхъ. Которые тые речи такъ, яко вышей написано, мы, послы и посланники, отъ бояръ отобравши и тымъ, кому належатъ отдавши с товарищми, сей квить подъ печатьми и с подписомъ рукъ нашихъ.

Писанъ в замку Московскомъ столечномъ, лета отъ рождества Исусъ Христа, Господа и спаса нашего, тисеча шестсотъ осмого, мѣсяца Июля, двадцатъ пятого дня.

---

[1]) Табинъ—родъ китайки.

Mikolay Oleszniczku z Oliesz. Cas. malogosky, M.-Pa.

Александеръ Корвинъ Кгосевский, Староста Велижский, рукою своею подписалъ.

Jan Withowsky, Woysky parcowski, Dworzanin y sek(retarz).

Jan z Drucka Sokolnycky, Secretarz y Dworzanin Króla jègo M. *m. pr.*

На нижнихъ краяхъ перваго листа и подъ подписями пословъ на второмъ листѣ находится слѣдующая приписка: „Копіу списку с описи посольское Великого Государя, Царя и великого князя Василья Ивановича всея Руси Думной Діакъ Василій Григорьевъ сынъ Телеппева руку (!) свою преписалъ“.

УКАЗАТЕЛЬ.

(№№ обозначаютъ страницы дневника).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

Ѳ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
947.04 N55PRK C001
Zapiski Stanislava Nemoevskago 1606-160
3 0112 094687149